человек загадка

Борис
ГРИГОРЬЕВ

ОТ ФРАНЦУЗСКОГО
МАРШАЛА
ДО ШВЕДСКОГО
КОРОЛЯ

БЕРНАДОТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Исторической литературы о французском маршале Ж.-Б. Бернадоте, князе Понте-Корво, а впоследствии короле Швеции и Норвегии Карле XIV Юхане, в России практически нет. Между тем имя этого человека, начиная с 1810 года и заканчивая датой его смерти в 1844 году, самым тесным образом связано с внешней политикой и историей России, и знакомство с его жизнью и деятельностью представляет для русского читателя несомненный интерес. Чужеземец, прибывший в Швецию в весьма почтенном возрасте, не знакомый ни с традициями шведов, ни с их языком, республиканец по своим прежним убеждениям, стал в конце своей жизни образцовым монархом и фактическим отцом шведской нации. Это поучительно и в наш век «развитой демократии» и «общечеловеческих ценностей».

Знак информационной продукции 12+

-
- Часть первая
  -
  - 1. ИСТОКИ И КОРНИ
  - 2. НАЧАЛО КАРЬЕРЫ
  - 3. ОТЕЦ СОЛДАТАМ
  - 4. ИТАЛИЯ
  - 5. 18 ФРЮКТИДОРА
  - 6. ГЕНЕРАЛ-ДИПЛОМАТ
  - 7. ЖЕНИТЬБА И ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО
- Часть вторая
  -
  - 8. ЕГИПЕТСКИЙ ДЕЗЕРТИР
  - 9. НА СЛУЖБЕ У ДИКТАТОРА. ЗАПАДНАЯ АРМИЯ
  - 10. НОВЫЕ НАЗНАЧЕНИЯ
  - 11. ПРОКОНСУЛ НАПОЛЕОНА. СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПРОТИВНИКИ
  - 12. НАМЕСТНИК ГАНЗЕН
  - 13. ВАГРАМСКАЯ ЭПОПЕЯ
- Часть третья
  -
  - 14. ПО КОМ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА ШВЕЦИИ?
  - 15. ПЕРВЫЕ ШАГИ КРОНПРИНЦА
  - 16. МЕЖДУ ПАРИЖЕМ, ПЕТЕРБУРГОМ И ЛОНДОНОМ
  - 17. В ВОЙНЕ С НАПОЛЕОНОМ
  - 18. ЛЮБИМАЯ ФРАНЦИЯ

- 19. ПО СЛЕДАМ КАРЛА XII
- 20. В ТЕНИ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА

- Часть четвёртая
  - 21. ПРИНЦ-ХОЗЯЙСТВЕННИК
  - 22. КОРОЛЬ КАРЛ XIV ЮХАН
  - 23. ДЕЗИРЕ
  - 24. КОРОЛЬ СВЕЕВ, НОРВЕЖЦЕВ, ГОТОВ И ВАНДАЛОВ
  - 25. ЗА КУЛИСАМИ ТРОНА
  - 26. ОТЕЦ НАЦИИ

Никто не сделал карьеры,
которая могла бы сравниться с моей.

Карл XIV Юхан

Часть первая
ОТ СОЛДАТА ДО МАРШАЛА

Каждый французский солдат носит в своём ранце маршальский жезл.

Наполеон

1. ИСТОКИ И КОРНИ

Юность — время отваги.

Стендаль

Наш герой проделал длинный и извилистый путь, начав его из маленького французского городка По в живописной пиренейской провинции Беарн и закончив в королевском дворце в Стокгольме. В его жилах не было и капли голубой королевской крови, и ничто не предвещало, что его гасконскую гордую красивую голову однажды и так кстати украсит корона, принадлежавшая шведской династии Васа. В некотором смысле он во многом походил на известных нам гасконцев Сирано де Бержерака и д'Артаньяна, отправившихся в Париж добывать славу и честь.

Все корни семьи Бериадотов по мужской линии находятся здесь, в Пиренеях, на границе Франции с Испанией. Прапрадед Жермэн де Бернадот в 1616 году женился на некоей Жуанду дё Пуэй. Приставка «дё» отнюдь не указывала на дворянское происхождение рода, а слова «Бернадот» и «Пуэй» были названиями дома, из которого он происходил. Прапрадед Пьер Бернадот, женатый на Маргалид де Барракер (1639), прадед Жан Бернадот (1649–1698), по профессии ткач, женатый первым браком (1670) на Мари дю Гранжер и вторым (1674) — на Мари де ла Баррер-Бертрандо, дед Жан Бернадот (1683–1760), портной, женатый на Мари де Лаплас, и отец Анри Бернадот (1711–1780), судебный исполнитель при сенешале в По, женатый на Жанне де Сен-Жан (1728–1809), дядя Жан Бернадот, тоже стряпчий, со своими детьми, — все они родились, жили, трудились и умирали в этом красивом маленьком городке по имени По, известном в те годы лишь тем, что в нём когда-то родился король Генрих IV Наваррский.

Дом в По, где родился Ж.-Б. Бернадот

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все Бернадоты, принадлежавшие к простому слою ремесленников, стремились облагородить свою кровь браками с представительницами дворянских семей. Впрочем, как пишет современный шведский биограф Бернадотов Ларс У. Лагерквист, дворянская приставка «де» и у матери нашего героя носила чисто декоративный характер, потому что она никогда дворянкой не была.

У стряпчего Анри Бернадота было пятеро детей, из которых только трое — два сына и дочь — достигли взрослого возраста. Из выживших старшим был сын Жан Евангелист (1756 г.р.), потом шла дочь Мари (1759 г.р.), а последним шёл наш герой Жан Поль Батист, родившийся 26 января 1763 года. Последыш родился таким хилым, что никто не предполагал, что он останется в живых, а потому местный священник Поэйдаван поспешил окрестить его уже на следующий день. Родители Анри и Мари Бернадоты, вероятно, питали какую-то слабость к библейским героям и, чтобы отличить одного Жана от другого, присвоили им

вторые имена в честь Иоанна Евангелиста (Богослова) и Иоанна Крестителя. Оба Жана на почве богословия или обращения язычников в христианскую веру не прославились, но один из них стал потом не менее известным, чем его прообраз.

Нашего героя часто называли гасконцем, хотя Беарн Гаскони не принадлежал, а входил в состав провинции Наварра. Таким образом, правильней было бы считать его наваррцем. Но поскольку образ жизни наваррцев был сходен с гасконским, то большой ошибки в том, чтобы его называли гасконцем, не было.

О детстве будущего маршала и короля почти ничего неизвестно — ведь он не был сыном короля или хотя бы какого-нибудь принца-консорта. Семья жила сначала в доме № 8 по рю Тран, а потом переехала в другую квартиру на той же улице. Дошли сведения о том, что маленького Жана Батиста в семье звали ласковым именем «Титу». Он говорил на местном беарнском диалекте, лишь отдалённо напоминавшем классический французский язык. В городке царила патриархальная, ничем не нарушаемая тишина. Сюда с трудом доходили отголоски парижской и вообще европейской цивилизации. Здесь жили мирно, солидно, без суеты, следуя многовековым традициям и обычаям.

Общественные школы находились в плачевном состоянии, и их посещали дети самых бедных родителей. Более состоятельные граждане нанимали для своих чад учителей — обычно недоучившихся семинаристов, называемых повсеместно «игнорамусами», т. е. незнайками, что как нельзя лучше подходило и к уровню знаний, и к образу и опыту их жизни. Предполагают, что Титу учился в местной школе бенедиктинских монахов, как одной из лучших в городке.

Немецкий историк Ф. Венкер-Вильдберг рассказывает о том, что десятилетний Титу любил лошадей, часто проводил своё время на почтовой станции, помогая кучерам распрягать и впрягать лошадей. Иногда почтальоны одаривали его услуги мелкой монетой, которые он непременно сдавал матери.

До 17 лет оба молодых Бернадота жили и воспитывались дома. Анри Бернадот считался видным и уважаемым человеком в По и хотел, чтобы оба его сына стали адвокатами, но из этого ничего не получилось. Трудно сказать, сделал бы старший сын Жан Евангелист какую-нибудь иную карьеру, но ему повезло: при Наполеоне, благодаря близости к нему младшего брата, он получил титул барона и звание «хранителя вод и лесов», соответствующее, по-видимому, званию лесничего, приличную пенсию и умер в 1813 году, оставив после себя сына и двух дочерей.

Жан Батист кое-как выучился латыни, и она стала его единственным иностранным языком, если, конечно, не считать французского, которому со временем тоже пришлось учиться — правда, уже на ходу.

Вообще живой и подвижный нрав Батиста мало располагал к учёбе, его интересовали больше река, лес, горы и обитавшая в них живность, а также игры с друзьями. Два его друга детства — Луи Мари (де) Кан и Жан Пьер Гре — последуют за ним потом в Швецию. С друзьями Жан Батист больше занимался тренировкой тела, нежели тренировкой ума, чем очень расстраивал своих родителей. Образцом поведения для него были люди с оружием, добившиеся почёта и известности не за столом и за чтением книг, а в боях и походах. У всех мальчишек самым почитаемым героем был, конечно, знаменитый король Франции Генрих IV, убитый в 1610 году на улице Парижа.

Некоторые биографы утверждают, что семнадцатилетний Бернадот тайно от всех мечтал о большой власти и влиянии на людей. Скорее всего, это свидетельствовало не о тщеславии, а о непосредственности и наивности его юношеской незрелой натуры. Шведский биограф Бернадота Антон Блумберг нашёл, что *«в характере молодого человека всегда было какое-то нордическое, как у викингов, беспокойство и дух авантюризма»*. Бьющее через край мужество, не отступавшее ни перед какой-либо опасностью, непреодолимая любовь к свободе, сопереживание с униженными и оскорблёнными, благородство по отношению к слабым и побеждённым, — всё это, считает Блумберг, черты характера бывших жителей Скандинавии — викингов. Может быть, оно так и есть, не будем спорить. Полагаем, со своей стороны, что справедливо отмеченные шведом выше качества Жана Батиста так же хорошо могли произрасти из его наваррско-гасконской натуры.

Жану Батисту исполнилось 15 лет, когда папа Анри послал его работать юристом-практикантом к мэтру Жану Пьеру Батсаллю, прокуратору суда высшей инстанции при т. н. Наваррском парламенте. Но 31 марта 1780 года отец неожиданно умер, и материальное положение семьи немедленно и резко ухудшилось. И тогда младший Бернадот решил сменить занятие и стать военным. Отца, который ни за что не хотел видеть сына на этом поприще, уже не было, а мать, которая его очень любила, препятствовать пожеланиям сына либо не захотела, либо не смогла. Многие в городе посчитали такой выбор довольно странным — профессия солдата в тогдашней Франции особой популярностью не пользовалась. Но выбирать особенно не приходилось: юриспруденция Титу ни в малой степени не

интересовала, нужно было помогать семье, а он изо всех сил рвался из родительского дома на волю, тем более что одновременно с ним в армию завербовался закадычный друг Ж.П. Гре.

2. НАЧАЛО КАРЬЕРЫ

Со смелостью можно всё предпринять, но не всё можно сделать.

Наполеон

Осенним утром 1780 года Бернадот обратился к капитану полка Рояль-ля-Марин по фамилии де Лассю и заявил о своём желании служить в полку волонтёром. Капитан, уроженец Беарна, приехал в По как раз с вербовочным заданием и принял юного волонтёра чуть ли не с распростёртыми объятиями. Полку, несшему службу в колониях и портовых городах, срочно требовалось солдатское пополнение. Он потребовал от Жана Батиста справку с места жительства, но волонтёр обращаться за ней в По не захотел. А. Блумберг утверждает, что он боялся попасться на глаза отцу, потому что сбежал в полк, не получив на это его благословения. Возможно, Жан Батист стеснялся также общественного мнения городка, жители которого вряд ли бы одобрили, что сын уважаемого и почтенного юриста поступает на службу рядовым в армию короля.

Капитан Лассю выручил волонтёра и достал соответствующую справку в мэрии ближайшей коммуны Биллери. 3 сентября 1780 года он был внесён в списки рядовых полка и, получив на руки 100 ливров, отправился служить к месту его дислокации в местечко Коллиур. Друг семьи, месье Клавери, в дорогу новобранцу подарил луидор.

Первый контракт с армией был подписан на 8 лет.

Сохранилось описание внешнего вида молодого рекрута: тёмные волосы, карие глаза, длинный нос, маленький рот и короткий подбородок; рост 178 см, но молодой человек ещё продолжал расти и скоро достиг планки в 185 см. Вопреки своему названию, полк никакого отношения к флоту не имел и принадлежал к пехоте.

Набор в армию Франции осуществлялся тогда в основном путём набора рекрутов. Офицерские должности в ней могли занимать *только* дворяне. Все звания можно было купить за деньги, поэтому встретить в армии богатого двадцатилетнего полковника-бездельника было так же естественно, как нищего на паперти. Перед революцией 1789 года во французской армии насчитывалось 1171 генерал, среди которых было 10 маршалов и 164 генерал-лейтенанта. В Генеральный штаб можно было

попасть только по рекомендации.

На стороне офицерского меньшинства были власть, сила, почести, деньги, свободное время, отличное питание, удовольствия жизни, а на стороне рядовых солдат — бесправное рабство, презрение, тяжёлый труд, принудительная или обманная вербовка, никаких надежд на продвижение по службе, 6 су в день на пропитание, тесная кровать на 2 или 3 человек, телесные наказания, пинки, рукоприкладство, болезни. Царём и богом в полку был полковник, в его власти было всё, в том числе утаивание от солдат последних денег и перекладывание их в свой карман.

Не лучше обстояло дело и с профессиональной подготовкой офицерского корпуса. Мало кто от лейтенанта до генерала интересовался военным делом (некоторое исключение составляли лишь артиллеристы), армия рассматривалась ими как средство для занятия соответствующего места в обществе. «*Моральный дух в офицерском корпусе настолько низок*, — говорил в 1742 году маршал Бель-Исль, — *что мне не хочется называть по именам частные его проявления, чтобы не позорить нацию».* Молодому офицеру внушали, что самое главное в жизни — соблазнять женщин, иметь лучшего портного в городе, покупать духи у лучшего парфюмера страны, кататься в собственном экипаже и иметь слуг в золочёных ливреях.

Редко кто шёл в армию добровольно, многих толкала на это нужда и безысходность жизни, в частности бедных дворян, на всю жизнь остававшихся в лейтенантском звании. Основная масса солдат вербовалась из городских низов, отбросов общества, криминальных слоёв.

В таких условиях должен был начинать свою военную карьеру молодой Жан Батист. Солдатская жизнь будущего маршала даст повод Наполеону высказаться, что «*Бернадот питался объедками*». Беарнцу здорово повезло: он попал в шефский — относительно привилегированный — полк, командиром которого был маркиз де Лонс, тоже беарнец и уроженец По. Он был хорошо знаком с семьёй Бернадотов и тепло принял нового солдата в свой полк. Благосклонное и покровительственное отношение маркиза и всех офицеров полка к новобранцу позволило Жану Батисту удвоить своё усердие и прилежание к военной науке и получить их признание.

Жан Батист попал в 1-й батальон, в роту капитана Шалабри, а потом в роту фузилёров, которой командовал капитан Брассю (по другим данным, Брюссак). Солдат начальство регистрировало и называло по кличкам, Бернадот же сразу выделился из общей массы и был внесён в полковые списки под собственной

фамилией. За свой опрятный и подтянутый вид он получил прозвище «Месьё». С утра до вечера, несколько месяцев подряд, у солдат шла строевая муштра и огневая подготовка, пока полк не перевели сначала в Тулон, а потом в Бастию, на Корсику, где Бернадот провёл первые два года службы.

Корсику недавно присоединили к Франции, корсиканцы были настроены к Парижу не очень дружелюбно, и служба солдатам полка Рояль-де-Марин не казалась слишком лёгкой. Французы строили на острове дороги, и Жан Батист вместе со своими товарищами должен был охранять французских военных строителей от нападений ещё не сложивших оружия корсиканцев.

21 мая 1782 года он был переведен в зли гное подразделение полка в роту гренадеров капитана Бонневиля.

Морской средиземноморский климат и однообразная — в основном караульная — служба оказали на Жана Батиста неблагоприятное воздействие, и в 1783 году он заболел малярией и попросил дать ему отпуск по болезни. Полугодовой отпуск был продлён дважды, потому что боли в груди не проходили, а при откашливании у него изо рта шла кровь. Болезнь будет давать о себе знать и в более зрелые годы, так что Жану Батисту пришлось провести дома в По целых полтора года и серьёзно задуматься над тем, не следовало ли ему прекратить службу в армии.

Отпуск молодой солдат использовал для чтения литературы из серии, как мы бы сейчас сказали, «Жизнь замечательных людей». Он прочитал книгу про завоевателя Мексики Фердинанда Кортеса, про маршала короля Людовика XIV Катэна, про военачальника XVII века Фаберта и некоторых др. Но не только чтение составляло досуг отпускника — у него произошла дуэль с местным жандармским офицером по имени Кастэн. Жандармы, как и многие жители городка, часто насмехались и издевались над больным Жаном Батистом, который сбежал в солдаты, а теперь возвратился ни с чем домой. Кастэн, вероятно, был особенно назойливым, так что дело дошло до поединка. Дрались на шпагах, жандарм был серьёзно ранен, и авторитет Жана Батиста в глазах земляков сразу вырос.

Восстановив здоровье, Бернадот к концу 1784 года вернулся в полк, переведенный уже в Безансон, а потом в Гренобль. Пока Бернадот поправлял своё здоровье, в полку произошли перестановки. Маркиз де Лонс был повышен в чине и переведен на другое место, и Бернадота встретил новый полковник, маркиз Мерль д'Амбер, который прославился своим дерзким нравом и жестоким отношением к солдатам и получил от них прозвище «Тиран». Но «тиран», получив от своего предшественника самые лучшие рекомендации о Жане Батисте, стал усиленно продвигать

беарнца по службе. Снова везение! Уже 15 (или 16) июня 1785 года Бернадот стал капралом, через два месяца — сержантом, через год — фурьером, 11 мая 1788 года — сержантом-майором (фельдфебелем), а 7 февраля 1790 года — полковым адъютантом.

Честолюбивый, статный и аккуратный во всём Бернадот за своё пристрастие к хорошим манерам и красивой одежде получил прозвище «Сержант Belle-Jambe», т. е. «сержант с красивыми ногами».

Осенью 1785 года Жан Батист снова заболел — теперь воспалением лёгких. Начальник лазарета, знаменитый хирург и будущий королевский лейб-доктор Элизе, весьма поверхностно осмотрев бледного и неподвижного больного, признал его… умершим и отправил «труп» в морг. К счастью, роковую ошибку Элизе исправил его помощник доктор Милляр: он достал инструмент и хотел было приступить к вскрытию «трупа», но, к своему изумлению, обнаружил, что «труп» встал и протёр глаза!

Молодому сержанту пришлось снова ехать на поправку в По. Обстановка в доме в это время была тяжёлой, мать, по свидетельству французского биографа Тушар-Лоссара, благоволила к старшему Жану и вряд ли была в восторге от больного «флотского» гренадера. Жан Батист с тяжёлым чувством покидал родной дом — больше побывать в По ему уже не придётся — и возвращался в полк, отныне ставший его семьёй.

Новый командир полка занимал важный пост в масонской организации и, кажется, привлёк туда и Бернадота. На это косвенно указывает то, что, подписывая своё письмо к брату от марта 1786 года, он поставил знак французских масонов. В это время Бернадот занимался весьма ответственным заданием — обучением новобранцев. Новобранцы часто не выдерживали тяжёлой казарменной жизни и муштры и дезертировали. В обязанности Бернадота входила также и поимка дезертиров полка. В мае 1786 года он писал к брату в По, как он отличился, преследуя одного дезертира до самого Авиньона, т. е. удалился от места дислокации полка на целых 250 километров! Дезертир в конечном итоге был пойман и возвращён в полк. Если учесть, что большинство офицеров относились к этому делу формально и возвращались из таких рейдов с пустыми руками, то рвение сержант-майора было, несомненно, отмечено полковым командиром по достоинству.

Если оценивать служебный рост Бернадота по нынешним меркам, то путь от рядового до примерного звания младшего лейтенанта длиной в 10 лет покажется нам не таким уж и коротким. Но по меркам того времени и с учётом невысокого происхождения Бернадота такое продвижение по службе

считалось довольно успешным. Должность полкового адъютанта по многим причинам считалась выгодной для дальнейшей карьеры офицера. Бернадот заслужил её своим примерным поведением, усердием, прилежанием и, естественно, успехами на службе. При этом он обошёл многих своих старших товарищей по полку.

В Гренобле у фельдфебеля Бернадота был роман с местной девушкой Катрин Лямур, о чём свидетельствует запись в протоколе местного нотариуса Жирарда. Говорящая фамилия девушки «Лямур» явно выдуманная: либо это была девушка соответствующего поведения, либо у неё и Жана Батиста были веские основания не называть настоящую. Здесь, в Гренобле, фельдфебель Бернадот «отметился» в семье герцога Клермон-Тонерра, которому во время беспорядков в городе он 7 июня 1788 года спас жизнь.

Революция 1789 года застала Жана Батиста в чине фельдфебеля в Авиньоне, а потом в О-ан-Провансе. Фельдфебель Бернадот революцию встретил восторженно: она устраняла несправедливость в армии и отменяла дворянские привилегии, а значит, открывала ему возможности для военной карьеры. Примечательно то, что молодой военный не превратился в беспринципного приспособленца и карьериста, которыми стали многие его товарищи, «выходцы из народа». Врождённое чувство долга, чести и справедливости позволило ему достойно выдержать испытание стремительно последовавшей карьерой и навсегда остаться человеком в самом высоком понимании этого звания.

13 мая 1789 года 1-й батальон полка переводят на усиление марсельского гарнизона, и Бернадот принимает участие в подавлении бунтов и наведении порядка в городе. К июлю 1789 года в Марселе возникло противостояние между т. н. гражданской гвардией (в других городах Франции её называли национальной гвардией), выполнявшей функции полиции и ополчения, и восставшим народом. Основатель гвардии и генерал-губернатор провинции Прованс граф Караман, после того как во время стычки с восставшими был убит его капрал, вызвал в Марсель правительственные войска, в том числе и оставшуюся часть полка Рояль Марин. Восстание было подавлено, а главные бунтовщики упрятаны в тюрьму Шато д'Иф.

Среди тех, кто настаивал на вводе правительственных войск в город, был и торговец шёлком 63-летний Франсуа Клари, отец 13 детей, включая очаровательную девочку по имени Дезире. Спустя много лет она напишет, что *«однажды в наш дом в Марселе зашёл солдат и предъявил реквизиционный лист. Мой отец, не желавший,*

чтоб какой-то солдат нарушал его покой, вежливо отослал его обратно к полковнику с письмом, в котором попросил прислать ему вместо солдата офицера. Солдат оказался Бернадотом, который потом женился на мне и стал королём».

Некоторое время спустя ситуация в Марселе изменилась, революционеры стали брать верх, гражданскую армию разогнали и вместо неё в 1790 году образовали Национальную гвардию, которая выступала теперь на стороне народа. В этот переходный и смутный период двоевластия трения продолжались в основном между жителями Марселя и правительственными войсками, в числе которых был полк Рояль Марин.

Узнав о таком столкновении своих солдат с Национальной гвардией, полковник д'Амбер, отправившийся с инспекционной поездкой в О-де-Прованс, возвратился в Марсель. На въезде в город его остановил патруль из двух часовых: один из них был его подчинённым, а другой — из Национальной гвардии. Последний потребовал от полковника предъявить пропуск. Д'Амбер якобы повел себя весьма высокомерно и, отпустив несколько оскорбительных слов в адрес Национальной гвардии типа «подлая чернь!», ответил, что пропуск ему не требуется, поскольку все в городе знали, кто он такой. Гвардеец заспорил, но в дело вмешались солдаты из полка Рояль Марин и быстро решили спор в пользу своего начальника.

Между тем оскорблённый национальный гвардеец поднял шум, уличил полковника в злонамеренности и поднял на ноги своих товарищей. Дело грозило кровавым столкновением. Бернадот, уговорив полковника пока не выходить из своего номера в отеле, отправился улаживать дело к городским властям. Однако маркиз д'Амбер, не дожидаясь возвращения адъютанта, выскочил на улицу и тоже пошёл «восстанавливать справедливость». По дороге его опознали люди из Национальной гвардии, схватили и потащили к первому попавшемуся фонарному столбу, чтобы повесить. Вероятно, своё намерение гвардейцы бы выполнили, если бы неожиданно на их пути не появился Бернадот с несколькими солдатами. Им удалось отбить полковника, чтобы вместе пойти потом для окончательного выяснения отношений в мэрию. Гвардейцы между тем от них не отставали, выкрикивали угрозы и требовали головы д'Амбера. Тогда Бернадот вытащил саблю и сказал, что полковника они получат только после того, как переступят через его труп. Это отрезвляюще подействовало на гвардейцев, к тому же в это время на месте происшествия появился прокуратор коммуны, будущий жирондист Барбару (по другим данным, сенешаль Марселя Шомель), и общими усилиями полковник д'Амбер был спасён.

— Господин адъютант, — обратился якобы Барбару к Бернадоту, — вы пойдёте далеко, и если обстоятельства для вас будут благоприятными, я предсказываю вам славное будущее.

Нет никакого сомнения в том, что в деле с полковником д'Амбером действиями Бернадота руководило чувство долга и присяги, но не последнюю роль, вероятно, сыграла и масонская солидарность.

Как бы то ни было, слова марсельского прокуратора оказались пророческими.

На много лет вперёд он станет верным сторонником республиканского образа правления и будет горячо поддерживать распространение революционных идей в Европе. В то же время он был достаточно сдержанным в своих высказываниях, внутренне осуждал якобинский террор и проповедовал идеи порядка в стране и строгой дисциплины в армии. Первое время он, кажется, симпатизировал якобинцам — во всяком случае, пока во главе их был Робеспьер. Поэтому он вполне искренно вёл своих солдат в бой под лозунгом: «Да здравствует Республика, да здравствует Нация!» В то же время он не принадлежал к той кровожадной фаланге людей, которые основным средством достижения цели считали террор и гильотину. Бернадот был сторонником закона и порядка и, как мы убедились на эпизоде с полковником д'Амбером, не одобрял огульное преследование и истребление аристократии и дворянства.

Между тем д'Амбер, просидевший по настоянию Бернадота под охраной в течение 17 дней, получил приказ выехать в Париж и в сопровождении охраны покинул Марсель. В Париже он всем, включая военного министра и самого короля, не уставал рассказывать о том, как его в Марселе спас полковой адъютант Бернадот.

В это время для смотра войск в марсельском округе прибыл генерал маркиз де Бутилье. При осмотре полка Рояль-ля-Марин, как того требовал устав, кроме полковника д'Амбера и офицеров, генералу был представлен его адъютант. Бернадот просто очаровал инспектирующего маркиза, и когда смотр полка закончился, де Бутилье прямо заявил командиру полка:

— Если этот господин свой выгодный внешний вид сочетает с примерным поведением, то его следует повысить.

— Могу засвидетельствовать, генерал, что внешний вид — наименее выгодная его сторона, — скромно ответил д'Амбер.

К мнению полковника дружно присоединились остальные офицеры.

Полк Рояль-ля-Марин долго в Марселе не задержался, якобинцы стали буквально натравливать горожан на

«реакционных солдат», и скоро он был выведен из города и отправлен в г. Ламбез. В своих записках Бернадот потом напишет, что солдаты выбрали его якобы в это время полковником, но он отказался выполнить их пожелания, будучи приверженцем старых армейских порядков, строгой дисциплины и единоначалия.

Командиром полка стал некто Морар д'Арсе. Это было тяжёлое время разложения и брожений в армии, офицеры десятками уходили из полка и отправлялись либо на покой, либо в эмиграцию, а солдаты просто расходились по домам. Т.-Т. Хёйер сообщает, что в Ламбезе полк Рояль Марин взбунтовался и прогнал всех своих офицеров. Бернадот выступал с самого начала за порядок и дисциплину в армии, а потому к бунту не присоединился. К осени полк перевели под Рошфор, а затем на о-в Ре, где Бернадот провёл целый год. Здесь его посетила ещё одна болезнь — ревматизм, и ему пришлось долгое время проваляться в постели под наблюдением врача. Он рассчитывал получить должность полкового адъютанта, но офицерское собрание, к его великому огорчению, выбрало другого, пообещав Бернадоту вспомнить о нём в следующий раз. Так оно вскоре и получилось.

Солдат в форме Беарнского пехотного (морского) королевского полка Его Величества Людовика XVI. В этом же полку служил Ж.-

В 1791 году полк был переименован в 60-й пехотный полк, и его командиром был назначен полковник Анри де Булар. Впрочем, от полка осталось всего 768 человек! На очередных выборах офицеров полка Бернадота неожиданно «прокатили» и не выбрали. Скоро 60-й пехотный полк должен был отправиться в Сан-Доминго, и многие офицеры, не желая покидать страну, подали рапорта об увольнении, что резко увеличило шансы оставшихся офицеров на повышение. Бернадот расставаться с полком не захотел, но военный министр приказал ему остаться во Франции, объяснив, что в ближайшем будущем разразится война и стране понадобятся честные и способные офицеры.

И действительно, спрос на честных и способных офицеров скоро возрастёт. Бернадот наконец приказом военного министра был повышен в звании до лейтенанта и назначен сначала в 36-й пехотный, а потом в Анжуйский пехотный полк. Это был прорыв и начало стремительной карьеры.

29-летний лейтенант Бернадот с неохотой покидал родной полк и не спеша — с больной ногой — отправился на север, в Сен-Серван, к месту новой службы. Одновременно с ним, но другой дорогой, в северном направлении ехал и капитан Наполеон Буонапарт. Он тоже не торопился, ибо в Париже его ждал суд за несвоевременную явку в полк. Капитан увлёкся событиями на Корсике и долгое время манкировал службу. Впрочем, в Париже начинались грандиозные события, из-за которых военным властям и трибуналам уже было не до какого-то там проштрафившегося капитана.

Слабохарактерный и безвольный король Людовик XVI плыл по течению событий, предоставляя действовать за него другим. Жирондисты, разжигая пламя революции в соседних странах, в первую очередь в Священной Римской империи, метили в монархию. Победоносная война, по их мнению, должна была нанести последний решающий удар по Бурбонам и расчистить поле для продвижения революционных идей по всей Европе. Войну спровоцировали сами революционеры, хотя и в Вене, и в Берлине, и в Лондоне тоже не скрывали своих намерений подавить мятежников и восстановить во Франции старые порядки.

К 1789 году конституционная монархия себя окончательно дискредитировала, и якобинцы, организовав 17 июля огромную демонстрацию на Марсовом поле, потребовали казни короля. И хотя демонстрация была расстреляна Национальной гвардией,

было ясно, что судьба монарха была определена. Через год он отрекся от власти (10 августа), его стали просто называть гражданином Капетом, а 21 января 1793 года он был казнён. Его супруга Мария-Антуанетта взошла на эшафот девятью месяцами позже.

Весной 1792 года Бернадот снова находился в отпуске по болезни, а потом вернулся в 36-й полк к новому месту дислокации на побережье Ла-Манша. Французские армии уже вторглись на территорию Священной Римской империи и вели бои по всему периметру восточных границ страны. В июле того же года Бернадот со своим батальоном находился на марше к Северной армии, но по пути весь полк получил приказ идти на восток в Эльзас в Рейнскую армию генерала А.Кюстэна. 10 августа он вошёл в Страсбург.

Армия Кюстэна в конце сентября 1792 года начала наступление, в котором 36-й полк принял участие под командованием генерала Невингера. Бернадот в боях при взятии Шпейера и Майнца не участвовал, если не считать захват прусского конвоя, и выполнял административные поручения. Именно тут 30 ноября он стал полковым адъютантом.

Вся зима 1792–1793 годов прошла в гарнизоне в Бингене. Здесь ему исполнилось 30 лет. В марте 1793 года прусская армия перешла в наступление и медленно, но верно стала вытеснять Кюстэна на французскую территорию, отбросив его на позиции, которые он занимал шестью месяцами раньше до нападения на территорию Германии. Генерал Кюстэн уехал принимать Северную армию, чтобы некоторое время спустя быть обвинённым в измене и гильотинированным.

Военные действия к этому времени прекратились, и 36-й полк принял присягу на верность революции. Среди офицеров армии было много таких, которые предпочли, не ожидая прибытия из Парижа военных комиссаров, дезертировать и уйти в эмиграцию. Среди ушедших к пруссакам от террора был командующий армией Центра, герой американской войны и идол Национальной гвардии Мари Жозеф Лафайет (1757–1834). Но Бернадот был не из тех, кто покидал армию в это сложное время, он знал своё место среди солдат, умел с ними ладить и держать их в повиновении. «Во *всяком случае, я займу своё место,* — написал он в письме брату. — *Честь и долг станут постоянными мотивами моих действий*». В составе Рейнской армии Бернадот примет первое боевое крещение.

Практика первых боёв показала, что энтузиазма граждан хватало только на то, чтобы выиграть одно-два сражения, но его было совершенно недостаточно для ведения затяжных кампаний.

Отсутствие дисциплины и субординации и массовое дезертирство по-прежнему дезорганизовывало армию и делало её совершенно небоеспособной.

…Рейнская армия стояла в Эльзасе, и ею пока командовал блестящий в прошлом маркиз, а ныне один из радикальных революционеров-генералов, но в военном отношении серая бездарная личность — Адам Кюстэн. Бернадот принимал в полк необученное пополнение, занимался муштровкой и подготовкой новобранцев к боевым действиям.

С лозунгом: «Война дворцам и смерть тиранам!» и «Марсельезой» на устах Рейнская армия вторглась в долину Рейна. Бернадот принял боевое крещение в бою с австрийцами под Рюльцхеймом. Опыт был не совсем удачный: солдаты-новобранцы в панике стали обстреливать собственную отступавшую кавалерию, и если бы вовремя не вмешался Бернадот и искусным маневром не вывел пехоту из-под удара, ошибка стоила бы больших потерь. Была спасена честь всего корпуса, и командование отметило храбрость и хладнокровные действия лейтенанта Бернадота на поле боя.

Несмотря на бездарное руководство Кюстэна, французская армия 20 сентября 1792 года нанесла прусской армии сокрушительное поражение под Вальми. Поход французов закончился занятием в декабре 1792 года французскими войсками Франкфурта-на-Майне.

Весной 1793 года французам противостояли уже армии Англин, Пруссии, Голландии, Германской империи и Испании. На юге Франции открылся пиренейский фронт, и Бернадот, озабоченный своим медленным продвижением по службе, стал ходатайствовать о переводе на службу поближе к своим родным местам — на недавно открывшийся Пиренейский фронт. Он обратился за помощью к своим родным, в первую очередь к брату в По. В революционной армии дух Вальми быстро иссяк и началось повальное дезертирство.

Пока шла бюрократическая переписка о переводе, Бернадота 11 (по данным Хёйера — 18) июля 1793 года выбрали капитаном, а через три месяца — подполковником, причём эти звания он получил по волеизъявлению самих солдат. К этому времени демократия уже проникла в армию, и солдатской массе было предоставлено право выбирать и назначать своих офицеров. За Бернадота из 1203 человек 660 проголосовали «за».

Революция послала на все фронты своих уполномоченных комиссаров, которые калёным железом террора выжигали в офицерских и генеральских рядах крамолу, измену и саботаж. Сен-Жюст и другие комиссары решали все вопросы очень просто:

если к назначенному часу генерал «Х» не сделает того-то и того-то, то его ждёт эшафот. Многие военачальники вздохнули с облегчением, когда узнали о казни Робеспьера и падении якобинцев. Волевые методы решения военных вопросов в армии всем надоели.

Совместные усилия пруссаков и австрийцев, а также бездарное командование Рейнской армии привели к серьёзным поражениям французов и беспорядочному отступлению армии на исходные позиции.

Скоро подполковника Бернадота перевели в Северную армию.

Северная армия под командованием Дюмурье в это время захватила было Бельгию, но скоро должна была очистить всю страну и откатиться назад. Генерал, спасая свою жизнь от гильотины, перебежал к врагу, и разбитая армия несколько раз переходила из рук в руки, пока во главе её не был поставлен всё тот же Кюстэн, а потом Кюстэна заменил генерал Александр Богарнэ, первый муж Жозефины, будущей супруги Наполеона. Богарнэ, разделяя революционные идеи, тем не менее, любил порядок и дисциплину в армии, относился к солдатам с подобающим вниманием, и в нём Бернадот нашёл своего единомышленника.

После того как военное министерство практически распалось и всеми военными делами стал заправлять член Комитета общественного спасения Лазарь Николас Маргерит Карно (1753–1823), дела у французов пошли лучше. После Кюстэна и Хушарда, сменившего Богарнэ, во главе Северной армии оказался наконец способный генерал-революционер Жан Батист Журдан (1762–1833), в 16 лет начавший свою карьеру рядовым солдатом, воевавший, как и Лафайет, в Америке, ушедший по болезни из армии, проявивший себя в рядах Национальной гвардии и поставленный вопреки своей воле, под угрозой ареста, во главе армии неутомимым Карно.

Положение на фронте было сложным, и Журдану пришлось нелегко, но он прилагал все силы, чтобы оправдать доверие Комитета общественного спасения. Именно при нём Бернадот 11 июля 1793 года стал капитаном, и 8 февраля 1794 года его поставили командовать батальоном, а чуть позже, в деле под Премоном (Prémont), он командовал авангардом армии в качестве бригадного командира. На французский авангард при мощной артиллерийской поддержке обрушились тогда 10 кавалерийских эскадронов и 11 австрийских и английских батальонов, и французы скоро оказались в окружении. Бернадот организовал цепкую оборону и 7 часов держался на указанном ему плацдарме, а с наступлением ночи, получив приказ на отступление, сохраняя

порядок и хладнокровие, вышел из окружения и привёл солдат к своим.

Между тем чехарда с генералами в Северной армии продолжалась. Журдан чем-то не понравился Сен-Жюсту, и на посту командующего появился очередной генерал — якобинец Шарль Пишегрю (1761–1804), человек холодный, сдержанный, молчаливый и, как выразился один из современников, *«вялый, ленивый и посредственной пригодности».* При нём Бернадот под Ландреси командовал левым крылом наступающей армии. Он достаточно успешно повёл наступление, как вдруг, под предлогом неудачных действий центра и правого фланга, получил приказ отходить назад. Возмущённый бригадир поскакал выяснять отношения к корпусному командиру Гогэ (Goguet). Когда он прибыл на место, то увидел, что тот кричал на отступавших солдат и обвинял их в трусости. Прямо на глазах у Бернадота какой-то пехотинец с криками: «Долой генерала!» выстрелил в Гогэ, ранил его и стал хвастаться своим подвигом. Бернадот хотел было вмешаться и наказать солдата, но раненый генерал остановил его: *«Сохраняй хладнокровие,* — произнёс он, — *они обманулись во мне. Я ведь всего-навсего человек. Завтра они на тебя набросятся. Делай своё дело и защищай республику от врагов».*

Бернадоту, тем не менее, удалось прекратить паническое бегство. Он обратился к солдатам с речью, осудив убийство генерала, указал на тяжёлые последствия для армии, вызванные неподчинением солдат командиру, и добился того, что солдаты захотели тут же наказать убийцу Гогэ. Теперь ему пришлось сдерживать пыл мстителей. Но эпизод с Гогэ не прошёл бесследно для Бернадота: кто-то сделал на него донос в Комитет спасения, и Бернадоту угрожал суд, а возможно, и гильотина. Только отличие в боях, в которых он принял участие фактически на положении арестованного, спасло его от смерти. Более того, Комитет спасения предложил немедленно произвести Бернадота в дивизионные генералы. Бернадот отказался от этой чести, считая это назначение незаконным, поскольку оно не прошло все положенные инстанции и процедуры. «*Конечно, граждане представители,* — обратился он к военным комиссарам Антуану Сен-Жюсту и Леба, — *положению генералов не позавидуешь; что касается лично меня, то я с трудом переношу его, и если вам угодно назначить нового командира, который поведёт солдат на врага, то я готов взять мушкет и стать в строй».*

Весной 1794 года объединённые австро-английские силы под командованием принца Кобурга нанесли Северной армии тяжёлое поражение, и обескровленная, усталая, павшая духом армия в

беспорядке отступала. Не выдержав натиска противника, сбежало с поля боя и подразделение Бернадота. Здесь, под Ландреси, Бернадот попытался убедить солдат выполнить свой долг до конца, но не смог, и тогда он в отчаянии сорвал с плеч эполеты и крикнул:

— Вы уронили честь, и я больше не могу быть вашим командиром!

Этот жест произвёл на французов такое неизгладимое впечатление, что, подобрав с земли эполеты и вернув их Бернадоту, они поклялись, что впредь будут беспрекословно слушаться его приказов. Вокруг него образовалась группа солдат и офицеров, и он повёл их по просёлочной дороге. К ним постепенно присоединились остальные части бригады. Сзади наседали густые колонны противника. По дороге французы обнаружили брошенные пушки, ящики с провиантом и несколько бочек с бренди.

— И вам не стыдно оставлять французское бренди австрийцам? — обратился Бернадот к солдатам.

Укор оказал своё «воспитательное» действие, к бочкам с бренди тут же выстроилась длинная очередь, и солдаты решили «уничтожить» ценный продукт на месте путём распития. Не теряя ни минуты, Бернадот приказал развернуть пушки дулами к наступающему противнику. Австрийцы в недоумении остановились, а потом развернулись и отошли на безопасное расстояние. Образовавшаяся пауза позволила Бернадоту переформировать свою растрёпанную бригаду и присоединить её к армии вместе с подобранной при её бегстве артиллерией и запасами продовольствия.

Утверждалось, что хладнокровие и беспримерная храбрость, которые были проявлены Бернадотом в этот день, спасли его жизнь. Если бы он потерял бригаду, его ждала бы неминуемая смерть на гильотине.

Эту военную кампанию в Северной Франции и Бельгии Бернадот делал сначала под командованием генералов Гогэ, затем Балланда и, наконец, Жана-Батиста Клебера (1753–1800). Последний оставил в военной биографии, и вообще в жизни Бернадота, глубокий след. Клебер был яркой и талантливой личностью, обладающей огромным личным обаянием и полководческим талантом. С Клебером и генералом Марсо, который наряду с первым считался восходящей звездой на военном небосклоне Франции и который, как и Клебер, скоро погибнет в Египте, Бернадот тесно сблизится. От них он многому научится и будет вспоминать о 1794–1796 годах с большой признательностью и благодарностью. В кабинете Стокгольмского

дворца короля Карла XIV Юхана на видном месте всегда будет висеть портрет Клебера.

В начале мая в Северную армию была влита французская армия в Арденнах. На стыке левого фланга бывшей армии и правого фланга Северной армии оказался со своей бригадой Ж.-Б. Бернадот. Его прямым начальником снова стал талантливый Клебер, но ещё до его прибытия Бернадот со своей 71-й полубригадой сумел отличиться под Премоном и тем самым расположить к себе генерала.

К лету 1794 года усилиями Карно французские армии, получив подкрепления, перешли в наступление. Бой начался 26 июня под городом Флёрюс. Вместо того чтобы навалиться на французов всеми своими силами, Кобург разделил их на три корпуса. На участке фронта, занимаемого Клебером, наступал 13-тысячный корпус принца Оранского. На первом этапе боя французы уступили противнику и были вынуждены отступить, но Клебер организовал контрнаступление. Полковник Бернадот, командуя полубригадой пехоты и полком кавалерии, вместе со своими соседями сумел остановить, а потом и отогнать австрийцев. К 5 часам вечера обстановка на левом французском фланге стала складываться в их пользу. По окончании боя Клебер поспешил к Бернадоту и в виду всей бригады категоричным тоном заявил:

— Ну теперь ты наконец обязан здесь, на поле боя, принять звание бригадного генерала, которое ты заслужил. Если откажешься, ты мне больше не друг!

Комитет общественного спасения в Париже подтвердил это звание словами: «За храбрость и выдающиеся заслуги».

Принца Кобурга по настоянию англичан с командования объединёнными коалиционными силами убрали и вместо него назначили генерала Клерфэ, сделав его для солидности маршалом. После сражения под Флёрюсом Бернадот командовал уже 10-тысячным авангардом армии Журдана и провёл целый ряд успешных самостоятельных операций в Бельгии. Когда же Клеберу пришлось временно отступать, он назначил бригадного генерала Бернадота командовать своим арьергардом. Под Маастрихтом арьергарду пришлось выдержать сильный натиск союзников, но он не только выдержал его, но перешёл в контрнаступление и обратил наступавших в бегство.

24 сентября Бернадоту удалось перехватить на реке Маас продуктовый конвой противника, направлявшийся в осаждённый французами Маастрихт. 30 сентября Клебер дал Бернадоту поручение заняться сапёрным обеспечением операции по штурму Маастрихта. Он приказал Бернадоту найти плотников и нужный

для наведения через реку моста материал (брёвна, доски и т. п.) и высказал пожелание овладеть населённым пунктом Хейнсберг, который для предстоящей операции представлял большое тактическое значение. В письме к Бернадоту генерал назвал его своим «дорогим товарищем».

2 октября 1794 года отборные части армии Журдана начади штурм Маастрихта. Бернадот, как всегда, оказался на самом ответственном участке наступления корпуса Клебера. Для начала ему предстояло переправиться через реку Рёр, мост через которую был разрушен и которую своим сильным огнём контролировала артиллерия противника. В дерзком броске нескольким ротам Бернадота всё-таки удалось форсировать реку и закрепиться на другом берегу. Дружными усилиями французов Маас был форсирован по всей линии, а Бернадоту впервые пришлось учиться осадному военному искусству. Его отряду в составе 19 батальонов пехоты, трёх полков кавалерии и 60 пушек предстояло взять крепость Вийк на правом берегу Мааса прямо напротив Маастрихта. Начиналась осень, полили дожди, возникли проблемы с подвозом съестных продуктов и амуниции, но Бернадот воодушевлял своих подчинённых, успевал быть везде и со всеми, и через 11 дней, несмотря на храбрость защитников Вийка, крепость пала. Клебер не преминул снова отметить успешные действия бригады Бернадота:«*Генерала Бернадота трудно перехвалить: находясь всё время под сильным огнём, он действовал с удивительным хладнокровием; его неутомимое мужество и бесстрашие определили исход всего сражения*».

Спустя несколько дней, при полном бездействии и оцепенении герцога Йоркского и принца Оранского, капитулировал и Маастрихт. Клерфэ решил не рисковать и ушёл со своей армией за Рейн, оставив гарнизон Маастрихта на произвол противника.

Комиссар Комитета спасения Жилле поспешил представить бригадного генерала к повышению в чине. Клебер так прокомментировал повышение своего молодого друга, выразившего пожелание остаться в должности командира его авангарда:«*Теперь нужно отставить в сторону ребяческие шалости, ты должен принять повышение. Оно никак не повлияет на твоё командование до или после осады* (Маастрихта. — *Б.Г.). Ты всегда будешь моим авангардным генералом*».

Под Маастрихтом Бернадот получил нового начальника кавалерии — ещё не знаменитого, но подававшего большие надежды генерал-адъютанта Мишеля Нея, сразу ставшего неформальным членом неформального кружка единомышленников Клебера. Уже ранее у Бернадота проявилась

такая черта характера, как способность должным образом отмечать заслуги своих подчинённых, и в боях под Маастрихтом он в самых лестных выражениях представлял подвиги Нея.

А дивизионный генерал Бернадот стал комендантом Маастрихта. Клебер в конце ноября 1794 года отправился под Майнц руководить его осадой. В армию генерал Бернадот вернулся только к январю 1795 года и поселился на жительство в Кёльне. Журдан дал ему дивизию, в которой командирами бригад были генералы Барбу и Дорье.

3. ОТЕЦ СОЛДАТАМ

Выиграл сражение не тот, кто дал хороший совет, а тот, кто взял на себя ответственность за его выполнение и приказал выполнить.

Наполеон

Пруссия вышла из коалиции и 5 апреля 1795 года в Базеле подписала с Францией мирный договор. Австрия с императором Францем II (Леопольд II почил в бозе ещё в 1792 году) осталась на театре военных действий одна и прибегала ко всем земным и небесным средствам, чтобы суметь противостоять французам. Большая часть 1795 года проходила в полной бездеятельности обеих воюющих сторон. Маршал Клерфэ был лишён монопольного права главнокомандующего австрийскими войсками, и в армейской группировке на Верхнем Рейне командующим был назначен генерал Вурмсер, после чего между обеими штаб-квартирами начались грызня и несогласие.

В Париже вместе с верхушкой власти разлагалась и революционная армия французов: прекратилось снабжение солдат всем необходимым, и в результате началось повальное дезертирство и мародёрство. Дело доходило до того, что французские солдаты стали грабить не только местное население, но даже напали на резиденцию Бернадота (правда, солдаты были не из его дивизии).

Бернадот неустанно повторял, что основой успешных действий армии может быть только дисциплина. В одном из приказов по дивизии в 1795 году он говорил: *«Армия без дисциплины может одержать победу, но не сможет ею воспользоваться. Дисциплинированная армия может потерпеть частичное поражение, но не может быть побеждена до конца, ибо она сразу возьмёт реванш».*

Бернадот был строгим, но справедливым и заботливым начальником и много времени посвящал питанию, обмундированию и размещению своих солдат и офицеров в надлежащих для этого условиях. Он вёл постоянную борьбу с ворами-интендантами, делавшими себе и при республике, да и при Наполеоне целые состояния за счёт солдат. Он проявлял также заботу о населении чужих и оккупированных городов и всегда старался пресекать грабежи, бесчинства и разгул своих соотечественников. В крайних случаях он по отношению к

провинившимся прибегал к высшей мере наказания. Биографы пишут, что солдаты его любили и никогда на него не обижались. Он знал солдат и часто принимал вместе с ними пищу, для чего всегда имел при себе деревянную солдатскую ложку.

Генерал Бернадот снова отличился: во время боёв в долине Рейна он 11 сентября 1795 года в 18.00 предпринял разведывательный полёт на воздушном шаре. Дул сильный ветер, и была опасность того, что канат оборвётся и генерал унесётся на шаре в неизвестном никому направлении. Поэтому разведывательный поиск Бернадота ограничили всего 20 минутами.

…Зиму и весну 1796 года французская и австрийская армии мирно противостояли друг другу по Рейну и ждали, что придумают «вожди» в Вене и Париже. Комитет общественного спасения, а вернее Лазарь Карно, придумал на 1796 год грандиозный план кампании, в которой должны были быть задействованы все три армии Республики. Самбр-Маасская армия под командованием Журдана должна была преодолеть Рейн в нижнем его течении и, наступая вдоль Майна, вытеснять противника в Богемию. На конечном этапе Л. Карно запланировал встречу с Рейн-Мозельской армией Пишегрю в районе Регенсбурга, посте чего они во взаимодействии с Итальянской армией Наполеона должны были нанести решительный удар по столице Австрии. Дальнейшие события покажут, что ничего из грандиозных замыслов, несмотря на многообещающее начало в Германии, у Карно не получилось, и стратегического успеха удалось добиться лишь Итальянской армии Наполеона.

Как складывались события в Самбр-Маасской армии, покажем на примере дивизии Бернадота. С января по май 1796 года его дивизия была дислоцирована на Среднем Рейне в г. Боппарде. Генерал получил шестимесячный отпуск и, оставив дивизию на Барбу, уехал в Кёльн и Кобленц, где встретился с Шампионне и Клебером. По возвращении в Боппард он стал добиваться осуществления своего давнего плана послужить во французских колониях, однако член Директории директор Летурнёр отказал ему в этом, сославшись на незаменимость генерала на Рейне.

Перемирие между Австрией и Францией было продлено до 1 июня 1796 года. В феврале Клерфэ сменил молодой и энергичный эрцгерцог Карл (Вурмсер пока оставался на своём месте). Пишегрю, будучи уличённым в «предательских сношениях» с принцем Конде, тоже был удалён со своего поста главнокомандующего, но его преемник генерал Ж.-В. Моро (1763–1813), один из самых талантливых военачальников

наполеоновского времени, прибыл в армию лишь в конце апреля 1796 года.

Военные действия возобновились сразу после истечения срока перемирия. Корпус Клебера начал военные действия уже 31 мая 1796 года. 22-тысячный корпус, стоявший под Дюссельдорфом, в первых числах июня форсировал Рейн ниже города, оттеснил австрийцев, взял город и стал развивать наступление в направлении города Зига. Дивизия Бернадота, подчинявшаяся вначале Марсо, а потом замкнувшаяся непосредственно на Журдана, занялась осадой Касселя, но в связи с общим отступлением армии Журдана была вынуждена в октябре отойти от города и присоединиться к главным своим силам. Бернадоту опять выпала участь прикрывать отступление армии, и его арьергард снова продемонстрировал образцы мужества и храбрости. Уставший от постоянной ретирады, он попросил разрешение атаковать противника в районе города Кройценах. Его солдатам удалось отогнать австрийцев от города, но после того как к ним подошли свежие 10 батальонов пехоты, французам пришлось в спешке отступить. Бернадот попытался остановить их, но безуспешно, и обратился тогда к адъютанту Жерару с приказом немедленно привести на поле боя бесстрашную 71-ю полубригаду и восстановить честь французского оружия.

Полубригада на самом деле выполнила поставленную генералом задачу и честь дивизии спасла. Она снова ворвалась в Кройценах, перебила пять сотен австрийцев и привела обратно около 700 пленных. Среди пленных Бернадот обнаружил подразделение французских эмигрантов. Им как предателям отечества грозила неминуемая смерть.

— Говорите, что вы бельгийцы, — посоветовал им Бернадот и приказал перемешать их с пленными австрийцами.

Некоторое время спустя он вступил в контакт с Клерфэ и договорился с ним обменять этих пленных на солдат революционной армии, попавших в плен к австрийцам.

Корпус Клебера, атаковав австрийцев под Зигом и оттеснив их к реке Лан, продолжал развивать наступление. В этом же направлении действовала вся армия Журдана. Дивизия Бернадота «стала в линию» со всеми только 14 июня, пройдя за сутки расстояние в 17 лье. О дальнейшем поведении нашего генерала история сохранила сведения, подходящие больше для описания подвигов безумного странствующего рыцаря, нежели для характеристики практичного и опытного французского генерала.

Уже в начале французской операции произошла осечка. Навстречу корпусу Клебера энергично выступил эрцгерцог Карл, который оттеснил французов с занятых позиций и тем самым

создал опасную ситуацию на фланге всей Самбр-Маасской армии. Журдану пришлось в спешном порядке отводить своих людей на исходные позиции.

Бернадоту приказали форсировать реку Нойвид, чтобы попытаться перехватить австрийский корпус на подходе к реке. Ему доложили, что в распоряжении дивизии находились переправочные средства, способные перевезти на другой берег за один раз около 800 человек, 36 лошадей и две пушки, т. е. получалось, что вся дивизия могла оказаться на противоположном берегу за какие-то два часа.

На практике выяснилось, что лодок хватало на перевоз всего 300 человек, но и у них не было вёсел.

— Это ничего не значит, — сказал Бернадот, захваченный идеей ошеломить противника, — даже если мне удастся перебросить всего одну роту, я всё равно атакую противника.

В июне светает рано. Хотя Бернадот приступил к форсированию Нойвида в два часа утра, австрийцы, которых было около 10 000 человек, всё равно его заметили и открыли заградительный артиллерийский огонь. Переплывать реку под плотным огнём в виду многократно превосходящего противника было полным безумием. Тем не менее Бернадот посадил в лодки 5 рот и приказал им в первую очередь взять редут, доставлявший французам своим огнём наибольшее беспокойство. И роты выполнили приказ, перебив защитников редута и повернув пушки в сторону противника.

Пока шёл бой за первый редут, Бернадот переправил через реку ещё 5 рот и сам повёл их в бой. Французы с ходу бросились в атаку и быстро захватили деревню Бендорф вместе со штабом австрийского генерал-лейтенанта Финка (самому генералу удалось кое-как унести ноги). Но австрийские 10 000 солдат скоро опомнились и всей своей массой навалились на 10 обескровленных рот Бернадота. Некоторые из подчинённых генерала сложили оружие, многие растерялись и побежали, самому Бернадоту грозил неминуемый плен.

— Вы видите, что смерти нам не избежать, даже если мы сложим оружие, — обратился он к солдатам. — Поднимите его и умрите, как подобает храбрецам, защищающим свою жизнь и своего генерала!

В это время подошёл третий транспорт, и Бернадот смог уже противопоставить десяти тысячам австрийцев около 800 своих гренадеров. Сражение под Бендорфом напоминало сражение спартанцев с персами под Термопилами, но с той лишь разницей, что французы победили! В результате 4-часового боя австрийцы отступили, а в руки к гренадерам Бернадота попали 400 пленных,

две тысячи мешков овса, 30 фур с хлебом и 150 тяжеловозов.

Армия Моро в конце июня двинулась на восток и скоро вынудила австрийцев отступать по всему фронту. А дивизия Бернадота, насчитывавшая около 8500 человек, уже 6 июля вступила в жаркое дело под Лимбургом, оттуда пошла на Висбаден и тем самым поставила в шаховое положение австрийский гарнизон в Майнце; к августу она выдвинулась в район Ашаффенбурга, а потом — Вюрцбурга. На реках Майне и Тайбер Бернадот захватил 50 барж с провиантом, имел трудный бой под городом Бург-Эбрах, но заставил противостоящие ему силы противника отступить. За это сражение Директория отметила его именным письмом, в котором писала, что «*республика уже привыкла видеть победителями тех своих защитников, которые находятся под вашим командованием*». А Бернадот в победоносном марше взял Нюрнберг и продвигался в направлении Ноймаркта, пока наконец не остановился в районе Дейнинга (Тейнинга). Эрцгерцог Карл, отступавший со своей армией в южном направлении, где со своей Итальянской армией находился Вурмсер, увидев для себя благоприятный факт в том, что одна из французских дивизий оторвалась от основных сил, решил её окружить и уничтожить и развернулся обратно на север.

Между тем армия Журдана, глубоко проникшая на территорию противника, обескровленная в боях и вынужденная оставлять в завоёванных городах гарнизоны, насчитывала не больше 40 000 человек. Спасением для неё было то, что армия эрцгерцога Карла слишком медленно поворачивалась. Тем не менее австрийцы наконец появились в Ноймаркте и вошли в соприкосновение с дивизией Бернадота, в составе которой числилось уже всего 6000 человек. Поскольку французы отступать не собирались, в австрийской армии считали малочисленную дивизию Бернадота уже окружённой и уничтоженной. Но результат оказался противоположным: первый натиск противника французы стойко выдержали, а к концу дня отошли на выгодные позиции за Ноймаркт. Было бы разумно под прикрытием темноты вообще сняться с позиций и уйти к Альторфу, но Бернадоту показалось заманчивым попытаться во что бы то ии стало удержать за собой Ноймаркт, прикрыть тем самым правый фланг всей армии и дать возможность Журдану отвести её на заранее подготовленные позиции.

23 августа австрийцы снова навалились на Бернадота, угрожая дивизии окружением. Пришлось отходить к Бергу, там французы приняли ещё один неравный бой, в котором приняла участие и австрийская кавалерия, и снова отступили. Потом дивизия опять останавливалась, отражала атаку и снова отходила

— сначала к Альторфу, оттуда к Лауфу, теряя по пути всё новых бойцов. Так Бернадот опять оказался под Нюрнбергом, который уже находился в руках противника. Выход к спасительной долине Пегнитц был перекрыт. И тогда Журдан, долгое время остававшийся в неведении о местонахождении дивизии Бернадота, предпринял отчаянный рывок и по горным тропам бросился на соединение с ней. О том, что переход через горы дался с трудом, говорить не приходится. Нужно было ire растерять артиллерию и то и дело отражать наскоки австрийских гусар. Соединение армии с дивизией произошло в долине Реднитц.

Дальше Бернадот отступал вместе с армией к Вюрцбургу, где его дивизия снова вступила в бои. Сам генерал, будучи ранен саблей в голову ещё в боях в Ноймаркте, участия в бое не принимал, поскольку от боли в голове не смог сидеть на лошади. У Вюрцбурга закрепиться Журдану не удалось, и армия всё дальше откатывалась на запад к Лимбургу, Оффенхейму. С частью своей дивизии Бернадот на оффенхеймских высотах столкнулся с превосходящими силами противника. Он стоял перед дилеммой: либо отступить, поставив в опасное положение соседние части, расположенные близ Рункеля и Вейльбурга, либо принять бой на уничтожение своих подчинённых. Для Бернадота выбора не было: он твёрдо продержался на высотах и отступил только тогда, когда убедился, что соседи тоже отошли из-под удара австрийцев.

Вся Самбр-Маасская армия, с трудом сдерживая натиск австрийцев, собралась под Альтенкирхеном, и дивизия Бернадота снова была назначена прикрывать её отступление у Нойвида. Бернадот участвовал в рукопашном бою и едва не попал в плен к венгерским гусарам.

Молодой офицер Ж.-Б. Бернадот. Художник А. ле Дру

Город после упорных боёв остался ничейным, и Бернадот заключил с австрийским генералом Крэйем соглашенние о том, чтобы в город не вступать никому.

Последнее время Бернадот, регулярно переписывавшийся с родными в По, не получал от них никаких вестей, а потому когда какой-то его земляк в письме поинтересовался судьбой своего сына, он немедленно ответил ему, успокоив, что сын жив, и попросил сообщить ему о всех событиях, которые произошли на родине. *«Я дрожу при мысли о том, жива ли моя матушка,* — писал он. *— Боюсь, что она уже заканчивает свою жизнь на этой земле. Я требую от вас не оставить меня в неведении о моих родных. Если моей матери что-либо требуется, умоляю, помогите ей. Хоть я и беден и не имею доходов, поскольку ассигнации потеряли всякую ценность, я не премину, будьте уверены, оплатить мои долги…»*

В 1796 году Бернадот узнал, что умерла сестра Мария.

Бернадот в это время жил в Кобленце и с головой окунулся в мирную атмосферу балов, приёмов, праздничных обедов,

устраиваемых в его честь. Молодого генерала уже хорошо знали и горячо чествовали его воинские подвиги. Такой приём щекотал самолюбие Бернадота, он наслаждался славой и напропалую ухаживал сразу за двумя дочерями местного купца Поттгиссера.

Директория планировала ещё один поход к Майну, но против этого дружно выступили и Бёрнонвилль, и Клебер, неформальный руководитель армии. Их поддерживал и Бернадот. Он предпочитал пока сражаться с проворовавшимися интендантами и приятно проводить время в обществе Клебера и Бёрнонвилля. Генерал Бернадот окончательно и прочно вошёл в «обойму» ведущих генералов не только Самбр-Маасской, но и вообще французской армии. Он мог теперь рассчитывать на командование более крупным соединением, нежели дивизия.

Кобленцскую идиллию слегка нарушило одно происшествие: парижская газета Gazette générale de l'Europé обвинила Бернадота в том, что он разрешил своей дивизии грабить жителей Нюрнберга. Статья, судя по всему, была инспирирована недругами генерала, а обвинение было надуманное и не соответствовало действительности. Бёрнонвилль посоветовал ему с журналистами не связываться, но Бернадот во что бы то ни стало решил оправдаться и в конце концов добился того, чтобы Директория выступила в защиту своего генерала.

А недругов у молодого генерала было достаточно. Взять хотя бы генерала Каффарелли ду Фальга, высказавшего в адрес Бернадота следующие слова: «*Будучи деспотом в своей дивизии, он слывёт за лицемера по отношению к тем, в ком он нуждается; такой же грабитель, как и другие*». О справедливости этих слов говорить не приходится. Сам же Каффарелли слыл в армии за завзятого клеветника.

Неизвестно, чем бы кончилась кобленцская любовная эпопея Бернадота, если бы в начале 1797 года не пришёл приказ из Парижа о перемещении Бернадота на итальянский театр военных действий. Но прежде он, раздражённый затянувшимся спором с газетчиками, обратился в Директорию с просьбой дать ему месячный отпуск в Париж, чтобы снова поставить там вопрос о службе в колониях, *«..люди в общей массе так злы и глупы, что я сожалею, что не родился среди кафров»*, — писал он в письме к секретарю военного министра Куртэну.

Со злостью и глупостью Бенадоту, к сожалению, придётся встретиться и в Италии. Здесь впервые произойдёт встреча двух будущих антиподов — Бернадота и Наполеона. Основа их будущих отношений тоже будет заложена в Итальянских Альпах.

4. ИТАЛИЯ

Войско баранов, возглавляемое львом, всегда одержит победу над войском львов, возглавляемым бараном.

Наполеон

Главные бои между Австрией и Францией разворачивались теперь в Италии. Командующий Итальянской армией бригадный генерал Наполеон Бонапарт достиг там великолепных результатов, но он нуждался в дополнительных силах и попросил об этом Директорию.

Подкрепление для Итальянской армии было поручено сформировать дивизионному генералу Жану Батисту Бернадоту, одному из храбрых и блестящих военачальников Самбр-Маасской армии. За десять лет службы в армии «разночинец» Бернадот обогнал дворянина Буонопарте на целое звание, при этом исходные позиции у них, как мы помним, были совершенно разными.

Корпус для отправки в Италию формировался в Метце. Генерал был человеком долга, и 7 января он прибыл в Метц, место сбора обеих дивизий корпуса, а 10 февраля 1797 года, предварительно уведомив Наполеона письмом от 18 января, со своим 20-тысячным корпусом, состоявшим из двух дивизий, выступил в поход. Одной дивизией командовал он сам, а второй — генерал Дельма. В письме к Наполеону Бернадот попросил оставить за собой в Италии свою старую дивизию и, вероятно, для того, чтобы придать себе веса, передал ему привет от Клебера.

Пожелание Бернадота встретило двойное препятствие: генерал Моро написал в Париж о том, чтобы Бернадот вернулся обратно на Рейн. Моро считал, что тот, блестящий офицер и хорошо знающий обстановку в армии и в стране, должен был продолжить службу там, где его знают. Одновременно с ним Наполеон, ещё не зная, кого ему дадут, попросил военного министра Шарля Петита (Petiet) не посылать к нему какого-нибудь заурядного дивизионного генерала. Петит, полагая, что удовлетворяет самолюбию Бернадота, решил выполнить просьбу Моро и приказал Бернадоту оставить корпус на старшего бригадного генерала и вернуться обратно в Германию.

Бернадот, однако, возвращаться на старое место настроен не был. В Дижоне он встретился с братом Карно и снова поставил

перед ним вопрос о переводе на службу в колониях. То же самое он изложил в письме к Ш. Петиту, сославшись на необходимость перемещения в тёплый климат по соображениям здоровья. Бернадот предупредил об этом и Наполеона, сообщив, что марш в избранном направлении будет продолжать вместе с корпусом до Шамбери, а там будет ждать окончательный ответ из Парижа. Если его просьба о переводе в Индию снова не будет удовлетворена, то он предпочтёт всем назначениям командовать дивизией в Италии. В конце письма генерал просил министра снабдить его в пути необходимой суммой денег, которых у него хватит только до Шамбери. Если деньги не поступят, то он будет вынужден продать своих коней. После этого Директория сдалась и подтвердила свой старый приказ о назначении Бернадота в Италию — приказ, который теперь с энтузиазмом поддержал и Наполеон. Главнокомандующий Итальянской армией пообещал Бернадоту выполнить все его пожелания.

Большая часть маршрута проходила через французскую территорию, а для многих солдат — через родные места, поэтому существовала опасность, что в корпусе начнётся дезертирство. Примечательно, пишет А.Блумберг, что Бернадот отпустил на побывку около 6000 человек, и никто из них не нарушил честного слова вернуться назад в корпус. Генерал формировал свои отношения с подчинёнными на доверии и чести, и они отвечали ему тем же. Вера в его справедливость и внимательное отношение к солдатам были безграничны. Во всей армии вряд ли был генерал, который бы пользовался у солдат таким доверием, восхищением и любовью. В 1796 году попавший в плен к австрийцам французский гренадер на вопрос эрцгерцога Карла о том, кто был его командир, ответил: *«Моего генерала зовут Бернадот, его взгляд как у орла, и он не раз вам доказывал, что обладает мужеством льва».*

Агент австрийской разведки аббат де Понс так докладывал своему начальству о прохождении корпуса Бернадота через Пьемонт: *"… Подкрепление, которое ведёт Бернадот, на самом деле сформировано из прекрасных молодцов. Солдаты маршируют с большой радостью и не показывают никаких признаков усталости… Армия проходит через Пьемонт, не причиняя никому никакого беспокойства и неприятностей…"*

Другой агент обращал внимание на высокую дисциплину в корпусе Бернадота, на отличную субординацию (по мнению агента, даже чрезмерную) и отсутствие всяческого панибратства между офицерами и солдатами, как это было обычно в революционных частях. При прохождении через Дижон у трёх солдат возник конфликт с крестьянином, закончившийся смертью

крестьянина. Бернадот отдал убийцу под трибунал, а перед строем в суровой форме напомнил воинской части о необходимости соблюдения закона и порядка. Семье убитого Бернадот из своего кошелька выдал 800 франков, а затем под свою ответственность дополнил эту сумму 1200 франками из корпусной кассы и распорядился начать в пользу крестьянской семьи добровольные пожертвования среди офицеров. Офицеры собрали ещё 3000 франков.

Мы хорошо знаем о том, как штурмовали горные тропы солдаты Суворова, но мало кто слышал о том, что большой опыт в этом отношении получила и французская армия: Наполеон преодолел перевал Сен-Бернар, и вот теперь корпус Бернадота преодолевал горный переход в районе вершины Мон-Сени.

22 февраля 1797 года корпус Бернадота оказался под стенами Милана. Здесь у него произошло столкновение с комендантом города полковником Дюпюи (Dupuy), который предложил для ночёвки прибывших солдат неприспособленные помещения. Когда командир бригады Микель попросил того объясниться, Дюпюи ответил ему в вызывающем и высокомерном тоне. Бернадот посадил коменданта под арест и тем самым навлёк на себя неудовольствие начальника штаба Итальянской армии Луи Александра Бертье (1753–1815), патрона Дюпюи. Бертье с самого начала невзлюбил "выскочку" Бернадота и с этого момента будет постоянно вставлять ему палки в колёса. Сам Наполеон вмешался в дело и потребовал от Бернадота выпустить полковника из-под ареста, у которого, по мнению главнокомандующего, новичкам с Восточного фронта следовало бы поучиться выдержке и умению переносить тяготы службы.

Как воспринял Бернадот назидание главнокомандующего, мы не знаем, но Дюпюи был освобождён из-под ареста генералом Кильмэном, который командовал частями в Ломбардии. Освобождённый тут же пожаловался Наполеону, а тот приказал Бертье сделать Бернадоту письменное внушение о том, что тот превысил свои полномочия, поскольку арестовывать коменданта мог только вышестоящий территориальный командир, т. е. генерал Кильмэн.

Первая встреча Бернадота с Наполеоном произошла 3 марта в Мантуе. Последующие 12–13 лет его жизни будут так или иначе связаны с этим человеком, причём на некоторых этапах самым тесным образом. Из скудных сведений об этой встрече известны лишь комментарии генералов. Наполеон сказал, что у Бернадота "*французская голова с римским сердцем*".

Бернадот свои впечатления от встречи с Наполеоном зафиксировал на бумаге: "*Первое впечатление, произведенное на*

меня Бонапартом, было своеобразным. Я увидел небольшую фигуру, грубую и злую в поведении и манере держаться… Лицо его было заметно худым, кожа желтоватой. Волосы приглажены и напудрены, способ выражения определённый и временами властный. Поведение его казалось слишком скрытным… Командующий имел вид суверена. Офицеры в его присутствии не садились и держались от него на почтительном расстоянии. Его супруга и сестра Полин разделяли выражения того почтения, которое оказывалось генералу, что содержало признаки будущего диктаторства. Он принял собрата по оружию самым лестным образом; его превосходство не подвергалось сомнению; оно проявлялось и в том, что он говорил, а также и в том, как он своеобразно подавал себя внешне… Кажется, он воспринял меня благосклонно…"

Свидетель этой встречи, будущий биограф Бернадота Тушар-Лафосс, рассказывает, что Бонапарт был более разговорчивым, нежели Бернадот. Сдержанность беарнца, по его мнению, объяснялась тем, что он разгадал характер и далеко идущие планы своего будущего начальника. Во всяком случае, создавалось впечатление, что оба генерала восприняли друг друга с большой предосторожностью. Вероятно, они сразу почувствовали друг в друге соперников — особенно это могло относиться к мнительному и раздражительно-властному Наполеону Бернадот сразу увидел в нём человека с двойным дном, человека опасного, до конца неискреннего и в вопросах власти беспринципного. Это первое впечатление не обманет прозорливого беарнца, и он останется ему верен до тех пор, пока его жизненный путь будет пересекаться с жизненным путём корсиканца.

Своим товарищам по корпусу Бернадот после встречи с Наполеоном, согласно тому же Тушар-Лафоссу, сказал более определённо: *"Я увидел человека 26–27 лет, который хочет казаться 50-летним; и это мне кажется недобрым предзнаменованием для Республики"*.

Перед началом похода в распоряжении Бернадота оказались пять пехотных полубригад, приведенных в Италию из Метца, два полка кавалерии непостоянного состава, включая 14-й драгунский полк (тоже из Метца), и немного артиллерии. Кавалерией командовал новый человек — будущий маршал и король Неаполя Йоахим Мюрат (1767–1815), с которым Бернадот подружится и к которому он надолго сохранит тёплые товарищеские чувства.

С самого начала с начальником штаба Итальянской армии генералом Л.-А. Бертье у Бернадота сложились напряжённые отношения. Поводом, как мы уже сообщали, послужил эпизод с

арестом коменданта Милана. С этого момента Бертье будет постоянно преследовать Бернадота своими придирками и пытаться ставить генерала в невыгодное положение, не гнушаясь никакими уловками. Например, он будет не раз отправлять ему из штаба приказы с большим запозданием.

В целом командующий Итальянской армией отнёсся к командиру рейнского корпуса с благожелательной снисходительностью. Он только что женился на Жозефине Богарнэ и находился в невесомом состоянии влюблённости и обожания супруги. Как все женатые, он хотел, чтобы все вокруг последовали его счастливому примеру. Когда он выяснил, что 34-летний Бернадот холост, то тут же порекомендовал ему непременно жениться и обзавестись собственным домом. Бернадот ответил, что он слишком беден для того, чтобы обзаводиться семьёй.

Повод для придирок со стороны Бонапарта дали сами "роялисты". В день выступления в поход взбунтовался один из полков Бернадота. Солдаты отказались сдвинуться с места, поскольку ещё не получили жалованье. Командир полка приказал построиться всем офицерам и сержантам и начать движение без солдат — в надежде, что те последуют примеру командиров, но всё было напрасно. В полк прискакал Бернадот и металлическим голосом приказал: "Марш!" Голос, который звучал на полях сражений и которому солдаты привыкли автоматически повиноваться, произвёл магическое воздействие: солдаты сделали несколько шагов, а потом снова стали и замерли на месте. Взбешённый генерал спрыгнул с коня, подбежал к первой шеренге, схватил за рукав первого попавшегося гренадера и закричал: "Марш вперёд, или я тебя сейчас убью!"

Он отпустил солдата и обратился к строю со следующими словами:

— Жалкие трусы! И мне нужно было так долго командовать вами, чтобы пережить от вас такой позор! Либо вы мне подчиняетесь, либо вы должны меня убить. Но вы не убьёте генерала, которому обязаны жизнью. Забыли, что без меня вы давно бы превратились в ничто или как рабы надрывались теперь над осушкой венгерских болот. Выдайте мне зачинщиков, или я подвергну вас децимации!

Порядок был восстановлен, и солдаты скоро замаршировали по пыльной дороге. В хвосте колонны под охраной шли несколько разоружённых зачинщиков бунта. Над ними смеялись, издевались, их показывали прохожим до тех пор, пока они не взмолились о пощаде. Швед Л.-У. Лагерквист замечает, что в задержке жалованья солдатам никакой вины Бернадота не было

— за всё это отвечал уже штаб Итальянской армии во главе с Бертье.

Наполеон планировал вытеснить австрийцев из Верхней Италии и захватить Венецианскую республику. Он поставил под Падуа пока одну дивизию Бернадота, которая потом вместе с корпусом Массена участвовала в операции по окружению австрийцев на правом берегу реки Таглиаменто. Здесь Бонапарт послал к нему своего адъютанта Лавалетта, который должен был помочь Бернадоту сориентироваться при переправе через вздувшуюся от весеннего паводка реку Пиаве. При переправе Бернадот показал пример всем подчинённым и первым перешёл реку по плечи в ледяной воде. Солдаты молча полезли в воду за своим командиром. Когда двоих солдат потоком сбило с ног и понесло по течению, Бернадот кинулся им наперерез и вытащил обоих на берег. Такое не забывается, и солдаты стали относиться к генералу с ещё большим уважением.

На берегах Таглиаменто дивизия Бернадота впервые показала себя в бою достойной Итальянской армии Наполеона. 16 марта 1797 года перед форсированием реки Бонапарт, прощупав противника на противоположном берегу и убедившись, что река проходима, а эрцгерцог Карл боя принимать не собирался, отдал приказ остановиться якобы на привал, чтобы подкрепиться. Обманутый этим маневром, а также не предполагая, что на этом участке Таглиаменто был брод, эрцгерцог Карл, продолжая основными силами отступать, отдал приказ некоторым своим частям вернуться в только что покинутый лагерь. Солдаты Бернадота только этого и ждали: они бросились в иоду, быстро форсировали её и в ошеломительной атаке набросились на малочисленный отряд противника. Австрийцы оказали отчаянное сопротивление, но скоро были вынуждены с большими потерями отступить.

В середине марта Бернадот вместе с генералом Серюрье участвовал в деле под городом Градиска, 2,5-тысячный гарнизон которого, окружённый со всех сторон французами, был вынужден скоро капитулировать. Бернадот, не желая отдавать чести взятия крепости Серюрье, предпринял дерзкий штурм города и одиночку. В распоряжении Бернадота не было даже штурмовых лестниц, но он решил показать итальянским "старичкам", на что способны новички с Восточного фронта. Этот штурм стоил ему 500 человек убитыми. Из Директории Бернадоту пришло письмо, в котором, в частности, говорилось: "Вы *доказали, генерал, что уже освоились с новым театром военных действий. Принц Карл в Градиске снова узнал того, кто своей дерзостью и ловкостью нагонял на него страх в Германии*".

Наполеон, оставив дивизию Бернадота "разбираться" с Триестом, с основными силами пошёл в северо-восточном направлении и непосредственно вторгся на австрийскую территорию. К концу марта, однако, дивизии Массена, Гийё и Шабо, уступая превосходящим силам австрийцев под Виллахом и Клагенфуртом, были вынуждены отступить, и Бернадот пошел с ними на соединение. 22 марта он отбросил австрийцев от Карнинии и завладел ртутными рудниками Идрии. Наполеон же, не заботясь о тылах, упорно шёл на Вену, Массена — на Леобен, а Жубер — на Линц. С запада на Австрию снова начала наседать Рейнская армия. Императорский дом Австрии, испытывая давление всех слоёв населения, был вынужден закончить непопулярную войну миром.

31 марта Наполеон предложил эрцгерцогу Карлу заключить перемирие. 7 апреля в Юденбурге французские эмиссары встретились с уполномоченными представителями императора Франца и заключили предварительный мир, который через десять дней был продлён в Лобене. 28-летний генерал Бонапарт стал героем дня, он поселился в роскошном миланском дворце Момбелло и повёл себя как суверенный правитель Италии. Когда итальянский патриот Мельци д'Эриль обратился к нему с предложением учредить на завоёванной французами территории республику, Бонапарт иронично ответил:

— Уж не полагаете ли вы, что я торжествую в Италии, чтобы придать дополнительное величие адвокатам Директории — всем этим Карно, Баррасу и прочим? Или вы думаете, что я озабочен основанием республики?…Это химера, о которой лепечут французы, но которая, как всё остальное, исчезнет… Народу нужен правитель, обожествлённый славой и победой, а не какие-то там теории правления, фразы и болтовня идеологов — об этом французы не имеют никакого представления.

До мира в Кампо-Формио нужно было ждать ещё полгода (17 октября), а пока — 7 апреля — воюющие стороны заключили перемирие.

Под самый конец военных действий Бернадоту пришлось принять участие в одном финансовом мероприятии, которое позже вошло в его личные записи под названием "Ртутный рудник". Инициатором оказался поставщик продовольствия для Итальянской армии Коллот (Collot). Обнаруженный в Идрии знаменитый рудник, стоимость которого была оценена в 5 млн франков, было решено конфисковать в пользу Республики. Французские генералы особой щепетильности к имуществу Республики не испытывали, и Наполеон не был в этом отношении исключением. Коллот попросил Бернадота помочь людьми и

транспортом, а потом вместе с Наполеоном стал делить казённые деньги. По распоряжению Наполеона примерно лишь половина денег была передана в кассу Республики, а половину он поделил между своими генералами, причём 800 тысяч он оставил в своём распоряжении, 100 тысяч получил Бертье, а Бернадоту, Фриану и Мюрату дал по 50 тысяч франков. Таких денег ни Бернадот, ни его родители никогда в жизни не видели. "Ртутные" деньги заложили основу его будущего солидного состояния. Сарразэн в своих мемуарах утверждает, что Бернадот принял также какую-то сумму от Мюрата, которому тоже удалось найти в Альпах кое-какую для себя поживу.

От Бертье Бернадоту скоро пришло замечание, что его дивизия оказалась причастной к грабежам и поборам среди гражданского населения. Обвинение было абсолютно голословным, потому что Бернадот, как никто другой в Итальянской армии, строго следил за соблюдением дисциплины и порядка во вверенной ему дивизии и нещадно наказывал провинившихся мародёров. Головную боль представляли для него участившиеся в период перемирия драки и дуэли между "якобинцами" и "месьё". Участвовавшие с обеих сторон в переговорах по устранению противоречий генерал Брюн и Сарразэн из-за престижных соображений упорно не хотели уступать друг другу, отчего обстановка вокруг Бернадота лишь ещё больше накалялась.

Генерал устал от конфликтов и обвинений в недостаточном республиканизме и 10 мая подал Наполеону рапорт с просьбой предоставить ему трёхмесячный отпуск в Париж, где он снова хотел поставить вопрос о командировке в Индию. В случае возобновления военных действий он обещал сразу стать в строй. Наполеон выразил удивление тем, что заслуженный генерал республики подвергается нападкам, и спросил, кто его третирует. Вопрос был, конечно, сугубо риторическим — Наполеон отлично знал, кто.

В это время из штаба пришёл приказ о новом назначении Бернадота: он должен был стать административным начальником Фриауля, а в его подчинение Бертье давал две дополнительные "якобинские" дивизии Дюгюа и Виктора. Наполеон заверил Бернадота в своём к нему расположении и по заключении мира с Австрией пообещал высокую должность. Бернадот сделал вид, что полностью удовлетворён назначением, и написал Наполеону письмо с изъявлением благодарности.

Из Парижа пришло письмо от Л. Карно, в котором Бернадоту давались самые высокие оценки и сообщалось, что в ближайшее время экспедиция в Индию Директорией не планируется.

Бернадот переехал в Удине и стал управлять целым краем. Это был его первый опыт работы с гражданским населением на оккупированных территориях (потом будут Ганновер, Ансбах, Гамбург), и опыт вполне удачный. Бернадот, получив командование над тремя дивизиями, в ожидании мира стал управлять провинцией Фриауль и Монфальконе, главным городом которой был Удине (тогда это была территория Венеции, а ныне — Словении). В состав провинции входили также Градиска и Триест.

Задача, которая была поставлена перед генералом, была довольно деликатной. Перемирие было хрупким, а мирные переговоры — тяжёлыми, так что в любое время можно было ожидать возобновления военных действий. Если бы это произошло, то первый удар австрийцев пришёлся бы по малочисленным частям, дислоцированным в Фриауле. Во-вторых, со стороны генерала требовался такт в управлении венецианской территорией. По распоряжению Бонапарта аристократическое управление в крае было заменено демократическим, но он в то же время пообещал австрийцам компенсировать потери Австрии в Бельгии именно венецианскими территориями. Поэтому при введении демократических порядков в крае нужно было проявлять дипломатию и осторожность, чтобы не подставить потом его население под удар австрийской административной машины. Умная, спокойная и взвешенная политика принесла генералу признательность местных жителей.

21 мая солдаты Бернадота задержали в Триесте графа д’Антрэге (d'Antraigues), роялиста-эмигранта, советника русского посла в Венеции Мордвинова. Он прибыл в Италию по заданию Людовика XVIII вербовать на свою сторону генералов и офицеров республиканской армии. Д’Антрэге подтвердил связь Пишегрю с роялистами, а также с английским разведчиком и посланником в Швейцарии Уильямом Уикхэмом. "Птица" оказалась важная, и Бернадот отправил д’Антрэге вместе с обнаруженными у него документами в Милан к Наполеону. Позже стало известно, что эмигрант-дипломат из-под ареста ушёл. Возможно, он был отпущен Наполеоном.

5. 18 ФРЮКТИДОРА

Кто умеет льстить, умеет и клеветать.

Наполеон

Директория в Париже испытывала в это время большие опасения за своё положение: в стране зашевелились сразу и якобинцы, и роялисты, которые стали активно готовиться к её свержению. Наполеон внимательно следил за развитием событий во Франции, обещал ей всемерную поддержку и постоянно подталкивал Директорию к решительным действиям против оплота роялистов, т. н. клуба Клиши. 11 июля он на всякий случай отправил в Париж своего адъютанта Антуана Лавалетта. Тот повёз заодно бумаги задержанного Бернадотом д'Антрэге. Для поддержки Директории в Париж отправился также боевой, тщеславный, но недалёкий генерал П.Ф. Шарль Ожеро. Умеренный республиканец Бернадот волей-неволей скоро оказался втянутым в большую политику, а его политические такт и умеренность подверглись серьёзному испытанию.

Париж был полон слухов. Роялисты, легко подавленные Наполеоном 4 октября 1795 года, снова подняли головы. Активизировались остатки якобинцев. Гнусная и жестокая политика террора, осуществляемая бездарной во всех отношениях Директорией, коррупция, казнокрадство и её приверженность к роскоши на фоне нищеты и голода населения страны вызывали возмущение у всех. Среди недовольных оказался, к примеру, Лазарь Карно, голосовавший в своё время за казнь короля Людовика, а роялисты составляли лишь их малую часть. Французы хотели мира и достойного правительства.

Предстояли выборы одной трети депутатов в обе палаты республиканского парламента. Президент Совета пятисот генерал Пишегрю не без оснований подозревался в связях с роялистами, и П. Баррас обратился к Наполеону за поддержкой. Армию вовлекали в политику. Свои взгляды на республику и находившихся у власти людей Наполеон с удивительной откровенностью высказал выше. Он уже знает, что в Париже зашевелились роялисты, но таскать каштаны из огня в их пользу он не намеревается. Пока он будет поддерживать республиканцев. Пока.

Бонапарт проинформировал Барраса о связях Пишегрю с роялистами и посоветовал ему арестовать всех заговорщиков. Сам

он продемонстрировал свою "преданность" Республике на празднике в Милане в честь 8-й годовщины взятия Бастилии, выступив перед солдатами с речью, в которой предупредил их о выступлении "роялистской гидры" и призвал к сплочению вокруг Директории. Закон запрещал военным вмешиваться в политику, но Бонапарт уже давно позволял себе быть выше закона. По его указанию в полках Итальянской армии была организована кампания по сбору верноподданнических приветственных адресов и петиций, которые были направлены Директории и озвучены в парижских салонах. В адресах содержались угрозы роялистам.

Во всей этой показухе Бернадот участвовать отказался. Он составил свой адрес и отправил его главнокомандующему. Его адрес, как и адрес Дельма, тоже прибывшего в Италию из Германии, был составлен в спокойных и взвешенных выражениях и резко выделялся на фоне других "верноподданнических" опусов. Текст адреса Бернадота был опубликован в английской газете "Утренняя хроника", которая особо выделила слова его заверения в своей приверженности Республике "до самой своей смерти".

30 июля Бернадот передал командование в Удине генералу Виктору и уехал на несколько дней в Милан. Он собирался вновь поговорить с Бонапартом и отпроситься в отпуск в Париж. Все генералы уже воспользовались такой возможностью, а Бернадот не был в столице целых семь лет, тем более что появилась перспектива заключения долгожданного мира с Австрией.

Перед отъездом на родину благодарные жители провинции Фриауль преподнесли ему памятный адрес. Итальянцы были готовы перейти под протекцию Франции и даже предложили Бернадоту тайно сформировать для французской армии несколько батальонов добровольцев. Поскольку, согласно Кампоформийскому соглашению, Венеция должна была остаться за Австрией, предложение это Бернадотом было отклонено по соображениям собственной безопасности самих венецианцев.

Наполеон на этот раз отнёсся к нему благосклонно и отпустил, заодно дав ему почётное поручение передать Директории пять захваченных у австрийцев знамён. 9 августа 1797 года убеждённый республиканец Бернадот с разрешения и по поручению Наполеона покинул Милан и выехал в краткий отпуск в Париж. В письме директорам, написанном вслед за Бернадотом, Наполеон писал: *"Этот великолепный генерал, создавший себе славу на берегах Рейна, теперь является одним из тех офшоров, которые составляют честь итальянской армии… В нём вы увидите самого надёжного друга республики, не способного ни по определению, ни по своему характеру капитулировать как перед врагами страны, так и перед честью".* Прекрасная

характеристика!

Когда Бернадот 21 августа появился в Париже, подготовка к государственному перевороту уже завершилась. Баррас произвёл кое-какую перетасовку в правительстве, сменил военного министра, ввёл в состав правительства прибывшего из США Ш.-М. Талейрана, но Пишегрю пока не трогал. Генерал Ожеро страшно удивился появлению Бернадота в столице — неужели Бонапарт не доверял ему, Ожеро? Баррас дал Ожеро в командование 17-ю дивизию из гарнизона Парижа, и генерал, как верный пёс, ждал только сигнала хозяев, чтобы наброситься на "клишистов".

Директория встретила Бернадота с распростёртыми объятиями, не жалела в его адрес похвал и лести и даже обещала дать ему военное министерство. На беседе у военного министра В.Шерера Бернадот вместе с Ж.-Б. Клебером выражал возмущение газетной клеветой в адрес военных, но одновременно не одобрял и кампании в армиях по написанию адресов в поддержку Директории. 1 сентября Ш.-М. Талейран дал в честь Бернадота обед, на котором присутствовали генералы Ожеро, Ж.-А. Жюно (1771–1813), Ж. Ланн (1769–1809), куртизанка Тереза Тальен и мадам А.-Л. Жермен де Сталь (1766–1817) со своим любовником, писателем и политиком Бенжамином Констаном (1767–1830). Де Сталь и Констан потом станут друзьями, помощниками и советчиками Бернадота.

В первом письме Наполеону Бернадот сообщил о своём неодобрении как готовящейся вылазкой справа со слабым руководителем, каким был Пишегрю, так и вознёй слева в лагере якобинцев. Он, со своей стороны, приветствовал бы развитие в стране центристских тенденций.

На следующий день Ожеро был назначен комендантом Парижа. 27 августа состоялось торжественное вручение трофейных знамён Директории. С речью выступил Бернадот, произнёсший дежурные фразы о преданности Итальянской армии идеалам революции и выразивший надежду на то, что противоречия в стране улягутся сами собой. Генерал тщательно избегал выражений, которые свидетельствовали бы о вмешательстве военных в политику. И тут слово взял новый президент Директории Ляревелльер. Он так грубо напал на правых, что все слова Бернадота о примирении были тут же забыты, и в воздухе запахло настоящей войной. Бернадот, хотел он того или нет, предстал на этом сборище единомышленником Ляревелльера, тем более что сразу после церемонии со знамёнами директора Баррас и Рёбелль пригласили его к себе отпраздновать событие.

Бернадот неизбежно начал дрейфовать в сторону

воинственных сторонников власти. 29 августа он выступил в газете Le Grondeur со статьёй, в которой снова подчеркнул свою лояльность к Директории и в резких тонах заклеймил её врагов. Во втором письме Наполеону его агрессивный тон по отношению к роялистам сохраняется. В то же время он категорически отказывается стать рядом с Ожеро — идея государственного переворота его по-прежнему не вдохновляет. В письме к Наполеону он выражает желание как можно быстрее покинуть Париж и вернуться в Италию. Отпуск оказался совсем не таким, каким он себе его представлял тремя неделями раньше.

4 сентября 1797 года Директория дала наконец Ожеро отмашку, и тот немедленно приступил к выполнению давно подготовленного предприятия. Его солдаты легко окружили нужные здания — в основном правительственные, в которых сидели заговорщики, и всех их, как покорных кроликов, арестовали. Л.Карно успели предупредить, и ему удалось бежать. 17 руководителей заговора отправили "на сухую гильотину" — в ссылку во Французскую Гвиану, "вредные" партии запретили, а выборы в 48 департаментах отменили. Первый военный переворот прошёл быстро и бескровно. Благодаря поддержке Наполеона Директория усидела у власти.

Бернадот на три дня предусмотрительно удалился из столицы и в неизвестном месте пережидал события. В письме Наполеону он написал: "*Если бы делу республики угрожала опасность, я конечно бы принял участие, но поскольку не было и намёка на такую катастрофу, я не думал, что мой долг махать ещё одним мечом в этом скоротечном деле, и так слишком военном по своему характеру*". В этих словах чувствуется ирония и некоторая доля обиды. На кого? На Наполеона, который сделал ставку на Ожеро, а его использовал как простого курьера? На Директорию, не предложившую ему никакой роли в перевороте 18 фрюктидора? Или на себя и свою нерешительность?

Между тем члены Директории по отношению к Ожеро большого восторга не испытывали и искали ему замену. Вероятно, разобравшись в характере и поведении Бернадота, они стали обращать свои взоры в его сторону. Сам Баррас нанёс генералу несколько визитов и перед его выездом из Парижа вручил подарок от Директории — несколько коней, 2 инкрустированных пистолета, изготовленных на Версальсом заводе, и саблю. К генералу явилась также делегация ветеранов и многозначительно попросила остаться. Директория начала перетасовку своих генералов, и Наполеон, очевидно не желая возвращения Бернадота в Италию, предложил Директории сделать его командующим корпусом в Марселе. Бернадот

отказывался, говорил, что на этом посту потребуются глубокие знания человеческой натуры и твёрдый примиренческий характер, в то время как он — простой солдат и привык воевать. В Марселе, сообщает швед Хёйер, ему бы пришлось заниматься чисткой скомпрометировавших себя сторонников Пишегрю, а это было мало приятным занятием. Уж лучше он вернётся на своё старое место. Директория настаивала, и тогда он обставил своё назначение целым рядом требований: гарантия выплаты солдатам и офицерам жалованья, ограничение полномочий комиссаров Директории, выделение секретных сумм денег, необходимых ему для ведения гражданской войны в округе и др. Требования показались Директории неприемлемыми, и вопрос с назначением отпал.

Прежде чем покинуть Париж, Бернадот снова сделал запрос о возможности перевода его на службу в Индию. Согласно воспоминаниям Барраса, генерал представил ему подробный и обстоятельный план изгнания англичан из Индии. Бернадот действовал отнюдь не с кондачка, а изучал культуру и географию Индии. Ему в этом помогал некто Жаклен, морской офицер-энтузиаст, также горевший идеей повоевать в Индии. В качестве альтернативного плана Бернадот предлагал план высадки в Канаде и открытия там фронта против англичан. На сей раз, как и раньше, ничего из этих планов генерала не вышло, и он получил назначение в свою итальянскую дивизию. Бернадот торопился, потому что из Италии пришли слухи, что Наполеон планирует расформировать его дивизию и вручить ему новую.

13 октября 1797 года Бернадот появился в Удине и в замке Пассериано встретился со своим главнокомандующим. Наполеон сделал вид, что ничего особенного не произошло, и стал посвящать его в некоторые детали начавшихся в Кампо-Формио мирных переговоров с австрийцами. Бернадот тоже сделал вид, что не заметил дурной игры и стал настаивать на идее скорейшего заключения с Австрией мира. Далее Бернадот сказал, что и роялисты знают о том, что Наполеон сыграл свою роль в подавлении заговора, что республиканцы тоже относятся к нему с недоверием и что самым лучшим выходом в этой ситуации был бы для всех мир с австрийцами.

Оценка ситуации Бернадотом сильно противоречила точке зрения на неё членов Директории. Директора пребывали на верху блаженства и праздновали победу, которая окончательно свихнула им головы. О мире они и не помышляли, поскольку нисколько не желали *появления* в Париже кузнеца их счастья — генерала Наполеона. Его они боялись, поэтому были заинтересованы держать его подальше от столицы как можно

дольше. Получалось, что совет Бернадота был продиктован вполне искренним пожеланием Наполеону добра.

Наполеон колебался, он был близок к тому, чтобы в самом ближайшем будущем возобновить военные действия против австрийцев, но в конце концов последовал совету Бернадота. Он взвесил все обстоятельства и пришёл к выводу о том, что мир послужит ему на пользу. Он представит его как детище своих рук и снова окажется не на обочине большой политики, а в самом её центре.

Бернадот потом утверждал, что в значительной мере способствовал заключению Кампоформийского мира. Граф Кобленц, глава австрийской делегации, считал, что помощь Бернадота заключалась в той информации, которую он привёз с собой из Парижа и которая сделала Бонапарта более сговорчивым. Как бы то ни было, 17 октября в местечке Пассериано, спустя четыре дня после прибытия в Италию Бернадота, было подписано мирное соглашение с Австрией.

Наполеон пригласил его на обед, на котором, в частности, должны были присутствовать также начальник штаба Итальянской армии генерал Сарразэн и австрийский генерал Марфельдт. Когда Бернадот появился в апартаментах главнокомандующего, его встретил дежурный офицер Жерод Дюрок и попросил подождать, потому что Наполеон пишет письма. Бернадот был уязвлён: он явился по приглашению в точно назначенное время, а его держат в передней!

— Скажите генералу, что генералу Бернадоту не пристало ждать в прихожей! — сказал он Дюроку.

В Париже даже исполнительные директоры не подвергали его такому унижению.

Тут же открылась дверь, и вышел Наполеон — словно он стоял за дверью и слушал. Он извинился и уговорил Бернадота остаться. Весь вечер он был сама предупредительность и вежливость. Во время обеда обсуждали качества генералов Оша (Hoche), Ожеро, Массена, Клебера, вспоминали полководцев прошлого — Македонского, Ганнибала, Цезаря. Наполеон, как бы между прочим, спросил Бернадота о его мнении относительно гоплитов, македонской фаланги и структуры римского легиона. Ах, генерал не знает? Ну тогда он его просветит на этот счёт!

Это был ещё один маленький укол: выпускник военной академии Бонапарт перед самоучкой Бернадотом должен был подчеркнуть своё солидное офицерское образование. Бернадот старался не замечать этого и углубился в плодотворную беседу с Марфельдтом о современной пехоте. Но Наполеон, как овод, весь вечер кружил над Бернадотом и то и дело задевал его колкими

словами. Всё это было мелко, пошло и низко, особенно если учесть, что на обеде присутствовали австрийские генералы, и военные действия между французами и австрийцами ещё продолжались.

Бернадот, как мы видим, нисколько не пасовал перед Бонапартом, вёл себя с достоинством и даже несколько вызывающе. Английский биограф А.Палмер пишет, что он недооценивал огромный потенциал и скрытую силу корсиканца. Но кто мог по-настоящему оценить этого скрытного и двуличного человека в тот "инкубационный" период? Бернадот вовсе не был слеп, он видел всю напускную фанаберию Бонапарта (вспомним его впечатления от первой встречи) и вряд ли уже доверял ему, но портить с ним отношения не хотел.

Как бы то ни было, Бернадот был впечатлён знаниями своего шефа и отдавал ему должное. По дороге домой он даже спросил Сарразэна, уж не бросить ли ему на время армию и поучиться? Потом все окружающие заметили, что Бернадот окружил себя книгами и в свободное время стал много читать.

В Удине Бернадот, вопреки утверждениям многих его биографов, снова принял свою дивизию, которая, согласно высказыванию командира его бригады Дезо, по-прежнему считалась лучшей в Итальянской армии. Дезо нашёл вернувшегося из Парижа генерала "*полным огня, энергии, благородных порывов и, прежде всего, верным своему характеру*". Он также вернулся к старым обязанностям по управлению провинцией Фриауль и частями армии, составлявшими её арьергард.

Но скоро Бернадот обнаружил, что прежние слухи начали сбываться. После заключения мира с Австрией Наполеон был назначен главнокомандующим т. н. Английской армией, которая должна была высадиться в Англии. Большую часть Итальянской армии Наполеон собирался взять с собой, о чём 9 ноября 1797 года был издан его приказ. Наполеон брал с собой пятерых лучших генералов: Массена, Бернадота, Брюна, Жубера и Виктора. Бернадот оставался на почётной должности командира дивизии, часть которой, правда, оставалась в Италии. "Раскромсаны" были дивизии и других генералов, хотя следует признать, что по дивизии Бернадота нож проехал более безжалостно, чем по дивизиям Массена, Брюна и Жубера. Тем не менее никаких признаков недовольства у Бернадота эта мера не вызвала. Более того, 15 ноября генерал отправил Наполеону дружеское письмо, полное благодарности за предоставленную честь сражаться под его командованием.

Не чувствовалось какой-либо обиды и горечи и в других его

письмах в последующие две недели.

А далее началось непонятное.

Как только Бернадот 28 ноября прибыл в Тревизо, он сразу написал письмо в Директорию, в частности к Баррасу, с просьбой немедленно отпустить его из Италии и назначить на другие участки военных действий: на Корфу, в Реюньон и даже в Португалию. Неожиданно Бернадоту расхотелось служить под Наполеоном, о чём он ему тоже доложил, отправив копию своего обращения в Париж. В дополнение к ней Бернадот приложил рекомендацию своим адъютантам Виллату и Морэну для прохождения службы в Английской армии, подчеркнув, что они "*будут служить республике с тем же усердием и тщанием, которое всегда отличало части с Рейна. Они, как и я сам, могут преклоняться перед талантами, но никогда — перед посредственностями. И хотя у меня есть причины жаловаться Вам, я расстаюсь с Вами, не прекращая испытывать величайшее уважение к Вашим талантам*".

Это послание Хёйер расценивает как своеобразное объявление войны Наполеону. Так чем же всё-таки объясняется такая резкая смена настроения Бернадота? Хёйер считает, что единственное объяснение такому поведению генерала заключается в том, что он получил сведения, в том числе и от австрийцев, что корсиканец задумал совершить во Франции переворот и что Английская армия должна была явиться именно инструментом осуществления его замысла. Бернадот не хотел быть замешанным в эти события и заранее поспешил удалиться от Наполеона. Многие историки действительно склонны считать, что в конце 1797 года Наполеон был близок к тому, что он совершит двумя годами позже.

Вопрос о назначении Бернадота на Ионические острова был уже согласован с военным министром. Наполеон, получив от Бернадота подробные выкладки своей будущей кампании на островах, тоже не возражал. Английский посол в Вене сэр Мортон Иден докладывал в Лондон о французской экспедиции Бернадота в Индию через остров Корфу. Имя Бернадота стало появляться на устах Европы. Генерал отослал в Париж Морэна за последними инструкциями, а его дивизия начала маршировать в направлении Мантуи и Милана.

Но в Вероне генерала перехватил курьер из Парижа с письмом Директории, предложившей ему занять пост командующего Итальянской армией, которой временно командовал Бертье! Предложение было почётное и вполне отвечало пожеланиям Бернадота. В Верону пришло также письмо от Бонапарта, который подтверждал получение последнего

письма Бернадота, излагал ему уже известное предложение Директории относительно открывавшихся вакансий и заканчивал его следующими словами: *"Никто, кроме меня, не ценит так чистоту Ваших принципов, справедливость Вашего характера и военные таланты, продемонстрированные Вами во время нашей общей службы. Вы были бы несправедливы, если бы хоть на мгновение засомневались в этом. Я всегда буду рассчитывать на Ваше уважение и дружбу*".

Неожиданно события в Риме в январе 1798 года снова смешали все карты, и Бернадот к исполнению обязанностей главнокомандующего Итальянской армией так и не приступил. В Риме произошло антифранцузское восстание, во время которого был убит военный атташе посольства Франции генерал Жан-Пьер Дюфо и откуда, спасая жизнь, поспешно бежал посол Республики и брат Наполеона Жозеф Бонапарт (1768–1844). В Париже, а вернее, в головах директоров, произошли очередные пертурбации: Бертье решили оставить на месте и в этом качестве отправить в Рим на усмирение бунта, а Бернадоту предложили сменить саблю на перо и поехать послом либо в Неаполь, либо в Вену.

Бернадот предпочёл Вену, и 18 января миланский фельдъегерь генерала Леклерка от имени Бертье проинформировал Бернадота о том, что неделей раньше он назначен послом в Австрию. Сомнений никаких не было: этот неожиданный поворот был делом рук человека, который так высоко "ценил чистоту принципов" и "справедливость характера" Бернадота, но сам таковыми качествами не обладал. Наполеон не мог согласиться с тем, чтобы на его месте в Италии оказался Бернадот, — это было бы слишком опасно для его далеко идущих планов. И он убедил Директорию в том, что лучше Бернадота посла при дворе Франца II не сыскать во всей Франции.

6. ГЕНЕРАЛ-ДИПЛОМАТ

Наибольшая из всех безнравстенностей — это браться за дело, которое не умеешь делать.

Наполеон

Кроме Наполеона, в назначении Бернадота послом в Австрию поучаствовал и министр иностранных дел Франции, хитрая лиса в обличье епископа-расстриги, знаток человеческих слабостей, ловец удачи, мастер интриги и великий приспособленец, епископ Отенский — Шарль Морис де Талейран-Перигор (1754–1838). Соображения Парижа были просты и очевидны: они сводились к тому, чтобы иметь послом в Вене "сильного" генерала. Бернадот как нельзя лучше подходил под это определение.

Талейран назначил Бернадоту очень высокую зарплату — 144 тысячи франков в год плюс 72 тысячи франков подъёмных — и приказал ему немедленно выезжать к месту новой работы. Соглашаясь на назначение в Вену, Бернадот испытывал и высказывал сомнения в том, удастся ли ему оправдать это высокое доверие, но Талейрану, вероятно, легко удалось эти сомнения развеять. Бернадот должен был символизировать не только победу французского оружия в Германии и Италии и не столько подчёркивать бессилие одряхлевшей монархии, сколько персонифицировать саму революцию, пославшую на эшафот Марию-Антуанетту, родственную принадлежность Габсбургской монархии.

Формальное назначение его послом состоялось 11 января 1798 года. Приезду Бернадота в Вену предшествовала, однако, некоторая дипломатическая возня. Париж, действуя довольно бесцеремонно и нахраписто, проигнорировал необходимый в таких щекотливых делах обычай получить на нового посла агреман. Австрийцы всполошились, забеспокоились и забили тревогу — их дипломатия ещё не привыкла иметь дело с безродными послами-республиканцами, врывающимися в дом, не постучав предварительно в дверь. Но чем больше Вена просила, чтобы французы воздержались от направления к ним посла-республиканца, тем больше Париж настаивал на своей кандидатуре. Канцлер Франц Тугут писал об этом Талейрану, но было уже поздно: Бернадот без паспортов и верительных грамот буквально прорвался через австрийские пограничные кордоны, и некоторое время спустя три замызганных грязью кареты, в одной

из которых мелькал орлиный профиль Бернадота, загромыхали по мостовым австрийской столицы.

Талейран также проинструктировал Бернадота, что если Вена будет выступать против ввода французских войск в Рим, то Австрии нужно немедленно объявить войну. Он должен был также внимательно следить за тем, чтобы Австрия не противилась распространению революционных идей в Баварии и других германских курфюршествах и княжествах. Ему поручалось отслеживать контакты Вены с Петербургом, а также изучать возможность восстановления суверенной Польши и искать для этого нужных людей в Австрии. Талейрана интересовали, в частности, возможность присоединения к Австрийской империи всей Польши и планы империи в отношении Турции, например не собирался ли Франц II, как и его предшественник Иосиф II, заняться расчленением Оттоманской империи. Одним словом, генерал должен был в соответствии с тогдашней практикой наряду с дипломатической работой заниматься и разведывательной деятельностью. Работы было более чем достаточно, и Бернадот, привыкший ко всяким неожиданностям и контрастам, приступил к выполнению своих обязанностей со свойственным ему энтузиазмом, военными привычками и оригинальностью своего характера.

Вопреки совету Талейрана и к вящему раздражению венского двора Бернадот прихватил в Вену двух своих адъютантов — Виллата и Морэна, двух офицеров — Жерара и Туссэна, а также несколько поляков. Потом Талейран всё-таки уберёт некоторых из них и отзовёт их во Францию. Он хотел бы придать новому послу несколько опытных секретарей, но выбрать было не из кого — всех разогнали, уволили, гильотинировали, повесили, посадили в тюрьму или расстреляли. Пришлось назначить совсем молодых людей, не имевших дипломатического опыта работы: Эмиля Годэна отозвали из Турции, а Жана Батиста Фревилля — из Турина, из которых старшему было всего 25 лет. Э. Годэн, по мнению Хёйера, выполнял в Константинополе какую-то сомнительную роль и был личностью во всех отношениях подозрительной. В частности, он отличался ярко выраженными наклонностями интригана и, как утверждает шведский историк, сумел оказывать на посла влияние. В частности, он редактировал все отчёты и доклады Бернадота в Париж. Ж.-Б. Фревилль же, напротив, был человеком скромным и старался держаться в тени энергичного Годэна.

В Вене французского посла считали унтер-офицером, сделавшим удачную карьеру. Естественно, это ранило чувство его собственного достоинства. Благодаря заслугам на полях

сражений, он считал себя равным другим и никаких зазрений совести по поводу своего происхождения не испытывал. "*Он принадлежал к тем уверенным в победе натурам*, — пишет Блумберг, — *которые никогда не сомневаются в себе и которых ничто не может сбить с толку*". Если ему понадобилось всего четыре года для того, чтобы сменить унтер-офицерские лычки на генеральские эполеты, то что может помешать стать ему вполне приличным послом?

Такое поведение обрекало миссию Бернадота на провал.

Он прибыл в Вену 8 февраля 1798 года и переночевал в таверне "Белый лебедь" — здание для посольства Франции ещё нужно было подобрать. Верительные грамоты ещё находились в пути из Парижа. Уже на следующее утро Бернадот узнал, что его статус завышен: австрийцы ждали не посла, а посланника, потому что австрийские интересы в Версале должен был представлять барон и посланник фон Дегельманн. Министру иностранных дел Австрии Ф. Тугуту пришлось предпринимать экстренные усилия, чтобы умилостивить русского посла, который в дипломатическом корпусе был дуайеном и, естественно, не собирался уступать пальму первенства "французскому бунтовщику". Ни один владелец дома в Вене не соглашался пустить посла республиканской Франции к себе на постой. С трудом уговорили князя Карла Лихтенштейна отдать под посольство первый этаж принадлежавшей ему гостиницы на улице Валльнерштрассе. Франц II рассматривал приём своими подданными посла Французской Республики как личное оскорбление, и некоторые из жителей Вены, осмелившиеся пригласить посла или его секретарей к себе в дом, поплатились высылкой из столицы. С первого же дня пребывания Бернадота в Вене за ним было установлено плотное наружное наблюдение, а тайная полиция приняла все меры к тому, чтобы завести в посольстве Бернадота своего агента. Франц II с большим интересом лично прочитывал материалы слежки и разработки французских дипломатов.

Посольство въехало в дом на Валльнерштрассе с большой помпой и шумом. Всё необходимое для хозяйства — мебель, посуду, экипажи, ливреи и т. п. — пришлось закупать на месте. Аренда дома составляла астрономическую сумму в 30 тысяч франков в год. Последним из Парижа с двумя польскими диссидентами, инструкциями Талейрана и верительными грамотами 20 февраля прибыл секретарь Э. Годэн. Его задержали на границе как французского шпиона, и Бернадот в конце февраля смог наконец передать австрийскому министру иностранных дел копию верительной грамоты и обговорить дату вручения оригинала императору Францу II.

Аудиенция у императора была назначена на 2 марта. Улицы, по которым должен был проезжать кортеж с французским послом, заранее были запружены народом. На лестницах, балюстрадах, в залах и коридорах императорского дворца толпились любопытные придворные и чиновники. Бернадота сопровождал министр кабинета Австрии граф Коллоредо. Беседа с императором за рамки протокола не вышла: посол вручил монарху свои аккредитивы, обменялся с ним парой фраз и представил ему членов своего посольства. Императрица сказалась больной, и протокольная встреча с ней была перенесена на более поздний срок.

Начало дипломатической деятельности было вполне сносным, но потом Бернадота стали преследовать ошибки и явные просчёты, проистекавшие в основном из инструкций Талейрана, которым он неукоснительно следовал, и неудачных советов Годэна. Так получилось, например, с эрцгерцогом Карлом. Эрцгерцог, достойный противник Бернадота на поле брани, попал к своему императорствующему брату в опалу и в Вене пока отсутствовал. Встреча с ним была намечена на 12 марта, но за день до этого эрцгерцог послал к Бернадоту курьера и сообщил, что принять его в указанный день не может, поскольку должен был сопровождать брата на охоту. Наследник предлагал встретиться днём позже, но Бернадот, строго следуя инструкциям Талейрана, сделал оскорблённый вид и дал знать эрцгерцогу, что "предоставленной привилегией воспользоваться, к сожалению, не может".

Бернадот отказался нанести протокольный визит своим коллегам-послам и исключение сделал лишь для послов Турции и Испании. О своём прибытии он, тем не менее, известил дипкорпус (кроме английского и ганноверского послов), разослав им свои визитные карточки, в которых снисходительно подтвердил, что сам он протокольные визиты принимать намерен. Такой афронт в дипломатическом этикете неприемлем, и вряд ли кто захотел воспользоваться приглашением нанести визит французскому послу, потому что первые протокольные визиты, независимо от национальности и возраста, должен наносить коллегам только что прибывший в столицу дипломат, а не наоборот.

Бернадоту на одном приёме удалось познакомиться с временным поверенным в делах Швеции Ф.-С. Сильверстольпе (1769–1851), первым шведом, которого он встретил в своей жизни. Швед выяснил, что в повседневном общении посол Франции оказался приятным человеком. "*Французский посол, несомненно, завоюет здесь большие симпатии,* — с апломбом

докладывал Сильверстольпе в Стокгольм. — *Его скромная сущность проявляется в разговорах как с высшей аристократией, так и с представителями средних классов*".

Более содержательный отчёт шведского поверенного о Бернадоте поступил в Стокгольм после обеда, данного в честь посла Франции в испанском посольстве 13 марта. На обеде присутствовали члены дипкорпуса, правительства Австрии и императорского двора. "*Французский посол беседовал со всеми и даже искал случая поговорить со мной,* — писал Сильверстольпе. — *В частности, он сказал мне, что Оттоманская Порта является общим другом Республики и Швеции. Я намереваюсь, сказал он мне далее с некоторой степенью доверительности, не пренебрегать возможностью поддерживать знакомство с оттоманским послом. У Швеции и Порты есть общий сосед, которым нам как-нибудь придётся заняться; поверьте мне, однажды мы доставим ему немало забот*".

Бернадот шведу Сильверстольпе явно понравился, чего нельзя было сказать о сотрудниках его посольства: "Но с *его молодыми секретарями и адъютантами, со всеми их талантами и умом, следовало бы… общаться лишь в крайнем случае и вести себя с ними более осторожно*". Оснований для такого утверждения у шведского дипломата было более чем достаточно. Сотрудники Бернадота вели себя вызывающе, везде устраивали скандалы и своим поведением вызывали законное возмущение венцев. Так, в театре они при словах "Да здравствует король!" могли зашикать, засвистеть или отпустить громкое язвительное замечание; они презрительно отзывались об императоре и армии Австрии; буянили в ресторанах и почему-то поносили католическую религию. Австрийцы вызывали полицию, чтобы защитить французов от негодования публики. Тугут был вынужден просить прусского посланника сделать запрос в Берлин о том, разрешено ли и в Берлине показываться в общественных местах в таком вызывающем виде.

В своих шагах по исполнению наказа Талей рана Бернадот, злоупотребляя своим дипломатическим статусом, зашёл довольно далеко, в частности, в польском вопросе. Именно в этих целях он привёз с собой в Вену поляка Малешевского, который под прикрытием посольства осуществлял связь между польскими эмигрантами, служившими под командованием генерала Домбровского в Итальянской армии Франции, и недовольными элементами в самой Польше. Бернадот лично встретился с проезжавшим через Вену мятежным польским генералом Кралевским, что дало повод последнему похвастаться своим покровителем из посольства Республики в Вене. Письма

Кралевского были перехвачены прусской тайной полицией, а король Фридрих Вильгельм III сделал по этому поводу запрос Францу II. Австрийский агент, камердинер Бернадота, добыл сведения, свидетельствующие о планах французов создать франко-шведско-турецкий альянс, главной целью которого было нападение на Россию.

Так что Бернадот в Вене отнюдь не сидел сложа руки и во всю занимался, если говорить современным языком, подрывной деятельностью, не совместимой с его официальным статусом.

По неподтверждённым данным, посол Республики, расширяя круг своих связей в Вене, был гостем в доме известного скрипача и композитора Рудольфа Крейцера. Слушал ли он игру скрипача, неизвестно — ведь музыки генерал не любил, его ухо привыкло лишь к бравурным маршам, зато в доме Крейцера он познакомился якобы с самим Бетховеном и вдохновил его на написание Героической симфонии, посвящённой Наполеону.

Отношения с Тугутом не сложились вообще. У австрийца были особые причины для беспокойства и недоверия к французскому послу: в прошлом он состоял у версальских Бурбонов на денежном содержании, и Бернадот мог в любой момент нанести ему смертельный удар, если бы обнародовал этот позорный факт из его биографии. На первой же беседе Бернадот ринулся в атаку и потребовал от Тугута принять меры, чтобы французские эмигранты прекратили носить старые свои награды, а австрийские государственные календари в рубрике "Франция" больше не упоминали старые титулы дочери Капетов и эмигрировавших Бурбонов.

Ещё одним поводом для его демарша и возмущения австрийцев стал эпизод, произошедший в австрийской Венеции, в котором французские граждане из-за своих трёхцветных кокард подверглись оскорблению со стороны местного населения. 30 марта последовала французская нота, вновь напоминавшая Тугуту о ношении на улицах французскими эмигрантами своих орденов, что, по мнению Бернадота, "*было сравнимо с бунтом против Республики*". 31 марта посольство выпустило уже 2 ноты: в одной Бернадот протестовал против того, что австрийские власти в Вероне покрывали от правосудия каких-то разбойников и бандитов, а в другой генерал требовал выпустить из австрийской тюрьмы гражданина Коломбо, уже 20 лет проживавшего в Вене, работавшего учителем детей графа Коллоредо и якобы осуждённого в 1793 году за "*святое дело, за которое боролся французский народ*".

Как ни странно, все эти "дипломатические" выходки достигали своей цели, и МИД Австрии и австрийские власти изо

всех сил старались не портить настроение французскому послу и предупреждали все его желания. Они никоим образом не хотели пока обострять отношения с Францией, хотя сами потихоньку готовились к войне.

Послом заинтересовалась наконец императрица. Она послала к Бернадоту неаполитанского посланника Батиста с вопросом, когда тот намеревался явиться к ней на аудиенцию. Генерал выразил своё принципиальное согласие, и тогда Батист порекомендовал ему выбрать для визита воскресное утро, когда в приёмных покоях императрицы бывает большой приём.

Императрица сгорала от любопытства увидеть прославленного генерала и не побоялась вызвать недовольство русского посла графа Андрея Разумовского, не желавшего присутствия Бернадота на её воскресном куртаге. Она была сама любезность и предупредительность, и когда французский посол появился на приёме, она не поленилась выйти ему навстречу и приветствовать его у самых дверей. Бернадот произнёс маленькую вступительную речь, в которой выразил стремление Франции к миру и удовлетворение выздоровлением императрицы. Та в свою очередь рассыпалась в комплиментах и сказала, что никогда не сомневалась в мирных намерениях Республики. Понятное дело, Бернадот как настоящий кавалер благоразумно воздержался от обычной своей жёсткой и наступательной манеры разговора и проявил снисходительность к женщине. Потом разговор перешёл на общие темы: театры, музыка, венская жизнь и прочие невинные вещи.

В тот же день Бернадот был представлен эрцгерцогам и эрцгерцогине Амалии, а сам Франц II посвятил французскому послу целых 15 минут, чем вызвал неодобрение своих фаворитов и придворных дам, вынужденных, чтобы не упасть в обморок, прибегнуть к нюхательным солям. Но император, его супруга и дети, не обращая на это никакого внимания, говорили только с послом Франции. У выхода из дворца Бернадота ждала благожелательно настроенная толпа, и когда он проходил к экипажу, толпа почтительно расступилась перед ним. Казалось, сбывались предсказания шведского дипломата, и Бернадот на самом деле завоёвывал симпатии венцев.

11 апреля, на следующий день после приёма у императрицы, Тугут вызвал к себе Бернадота и объявил, что гражданин Коломбо вот-вот будет выпущен из тюрьмы и что император скоро отдаст распоряжение по поводу ношения бурбонских орденов. Но, добавил министр иностранных дел, Франц II должен соблюдать при этом особую осторожность, чтобы не раздражать русских, которые взяли на себя обязанность быть покровителями

Людовика XVI и его сторонников."*Что означает безумное неистовство этого северного тирана?* — ответил Бернадот, имея в виду императора Павла I. — *Французская Республика не боится и презирает эти угрозы. Скоро этот тигр в человеческом обличье подвергнется нападению в самом центре своих владений. Все классы общества устали от его ига, а его глупые планы хорошо известны французскому народу… но он скоро будет остановлен. Польша предоставляет большое поле для приобретения славы… Французская республика ещё не заявила о себе, но сохраняет за собой право и возможность высказаться, когда наступит подходящий момент".*

И изложил Тугуту свой план изъятия у России ее части Польши и передачи её под управление эрцгерцога Карла. Упоминание о Польше было, конечно, со стороны Бернадота большим дипломатическим проколом: ведь Австрия участвовала в разделе Польши и получила в нём свою долю. Поэтому никакие заверения посла о мире не рассеивали подозрений, которые австрийские политики питали по отношению к Республике. Практические дела Директории свидетельствовали скорее об обратном.

Гостиница, в которой расположилось посольство Франции, скоро стала центром притяжения для всех австрийцев и немцев, которые разделяли идеи французской революции. После знакомства в доме Крейцера у Бернадота часто бывали Л. Бетховен, берлинский музыкант Хуммель и др.

Бернадот к этому времени уже устал от той роли, которую ему навязали Талейран и Директория. В Париже это заметили и не преминули одёрнуть его за то, что он в кругу венской аристократии стал терять свой "республиканизм". Талейран, в частности, ссылался на статьи в прусских газетах, в которых утверждалось, что сотрудники французского посольства в Вене перестали носить триколор. Талейран писал, что он, естественно, не верит пруссакам, но на вид Бернадоту поставил. Этим же письмом Талейран отозвал из посольства двух адъютантов генерала. Последнее до чрезвычайности разозлило Бернадота, и 11 и 12 апреля, т. е. уже через два месяца дипломатической работы, он в двух письмах сообщил Талейрану о своём желании вернуться в армию и тут же перевёл часть своих банковских вкладов в векселя. Но он не успел получить на своё ходатайство ответа, потому что в тот день, когда он занимался банковской операцией, события в Вене развернулись таким образом, что самым драматичным способом положили конец его пребыванию в Вене.

13 апреля Вена праздновала годовщину выступления

ополчения против Итальянской армии Наполеона в Штайермарке. Примерно в 6 часов пополудни Бернадот по собственной инициативе приказал вывесить у своей резиденции большой трёхцветный флаг с надписью: "Французская республика. Посольство в Вене", который он заказал накануне у местного портного Келлера и который около 5 часов пополудни был доставлен на Валльнерштрассе. Ещё ранее Бернадот заказал для посольства в Париже табличку с гербом республики, но поскольку она не пришла, а реприманд Талейрана всё ещё звучал в ушах Бернадота, то он решил компенсировать её отсутствие флагом.

Некоторые историки и биографы Бернадота утверждают, что он специально приурочил вывешивание триколора к празднику венцев, но Хёйер категорически отвергает эту версию, главным образом из-за того, что годовщину народного ополчения Вена собиралась праздновать только через четыре дня. Шведский посол Сильверстольпе между тем отметил, что император Франц II очень хотел бы, чтобы венцы в этот день именно перед посольством Франции продемонстрировали ему свою преданность.

В дипломатическом корпусе Вены вывешивание флагов на зданиях посольств не практиковалось. Согласно тогдашним обычаям, иностранные знамёна вывешивали только в случае завоевания города. И венцы восприняли эту манифестацию как вызов. На Валльнерштрассе собралась большая толпа и стала требовать флаг убрать. Шеф венской полиции Лей, который прибыл на место между 7 и 8 часами, полагал, что народу перед посольством было не более 300 человек, в то время как пара свидетелей происшествия утверждали, что их было всего около 40 человек. Полиция посоветовала послу уступить требованиям толпы или, в крайнем случае, связаться с Министерством иностранных дел и объясниться. Бернадот наотрез отказался сделать и то и другое.

Стемнело. Толпа не только не рассеивалась, но с каждым часом увеличивалась в размерах. Собравшиеся на балконе посольства французские дипломаты ещё более подогревали её своими колкими замечаниями и язвительными выкриками — поведение, недостойное любого дипломата. Среди них особенно провокационно вел себя секретарь Годэн и его супруга. И тогда в одно из окон посольства, что рядом с триколором, полетел камень. Раздался звон разбитого стекла. Камень бросили, по утверждению Хёйера, отнюдь не из толпы, а из дома напротив, где находилась таверна под причудливым названием "Где волк читает проповедь гусям". Кто-то из его подвыпивших посетителей — то ли "гусь", то ли "волк" — запустил камень через улицу.

И тут Бернадот допустил ещё одну оплошность. Вместо того чтобы подействовать на полицию, чтобы она разогнала толпу, он сам вышел на улицу — по свидетельству очевидцев, "в *голубом вышитом золотом мундире, с вышитыми золотом же ножнами, при сабле и в шляпе с золотым кантом, украшенной плюмажем*" — и стал по-французски, *"с республиканской энергией*", как он потом написал Талейрану, выкрикивать угрозы в адрес собравшихся. Австрийцы не понимали языка, но уяснили, что им громко угрожали, и это ещё более враждебно настроило их против посла и его людей. Время было примерно половина девятого, и полиция снова посоветовала послу спустить флаг, но это не возымело на него никакого действия. Он заявил, что будет защищать триколор до последней капли крови. Талейран мог быть довольным своим послом! А. Палмер утверждает, что в этот злополучный вечер посол хорошенько выпил, но против этого предположения резко выступает Хёйер, утверждающий, что это не соответствовало истине. Посол был трезв как стёклышко, он просто был возбуждён.

Камни из толпы летели теперь градом. Вернувшись с улицы, Бернадот сочинил ноту Тугуту, в которой обвинял полицию в бездеятельности и требовал примерного наказания виновных. Ноту в МИД повёз адъютант Морэн. Тугут устно пообещал Морэну принять меры, но прошло не менее часа, пока не появились солдаты, но и они ничего не предпринимали, потому что их было слишком мало. Летели камни, звенели разбитые стёкла, а самые возбуждённые преодолели ограду и стали карабкаться на балкон. Какой-то отчаянный венский Гаврош сумел ухватиться за древко и спустить флаг. Толпа подхватила его и в триумфальном шествии понесла на площадь Шотценплатц. Там толпа встретила карету князя Коллоредо, остановила её и, вырвав у сопровождавших её скороходов факелы, подожгла ненавистный французский триколор. Удовлетворив таким способом свою месть Франции, венцы пошли к императорскому дворцу и выразили свои верноподданнические чувства. От дворца отделился гвардейский офицер и подобрал остатки флага.

Полиция, чтобы излишне не раздражать народ, действовала осторожно и мягко, ограничившись лишь выставлением вокруг посольства Франции жидкой цепочки своих людей. Такое отношение было воспринято толпой по-своему: она проникла на территорию сада посольства, разбила окна, сломала двери, ворвалась внутрь здания и стала крушить мебель и прочую обстановку. Некоторым удалось войти в гараж и разломать экипажи Бернадота и секретаря Годэна. Дело начинало принимать дурной оборот.

Бернадот отправил в МИД Австрии вторую ноту протеста и обвинил власти в фактическом потворстве бесчинствам разбушевавшейся толпы. Он также потребовал выдать ему паспорт, потому что больше не может оставаться на своём посту — по крайней мере, до тех пор, пока австрийские власти не накажут зачинщиков всех безобразий. Бернадот требовал теперь от Тугута немедленного и категоричного ответа. Ноту повёз личный секретарь посла Феррагю, но по дороге его избили, и конверт с документом пришлось везти французскому врачу Франценбергу, который ещё встретится нам на страницах этой книги.

Пока составлялась нота, слуги Бернадота, находившиеся на первом этаже, дали по толпе залп из пистолетов и легко ранили одного из смутьянов. Толпа на минуту отхлынула назад, но возвратилась снова и стала атаковать покои самого посла. Бернадот со своими офицерами обнажили сабли и собирались дорого продать свои жизни.

Около 23.00 Бернадот принялся за составление третьей ноты Тугуту, в которой указал, что погром посольства продолжался уже около 5 часов, а власти ничего не предприняли для его защиты и даже не ответили на его две предыдущие ноты. Он снова потребовал себе и секретарям паспорта. Половина помещений посольства в этот момент находились под контролем толпы, трижды пытавшейся штурмовать главную лестницу на второй этаж, и посол с сотрудниками удалился в заднюю часть дома и ожидал, чем всё это кончится. Наконец прибыла кавалерия и быстро рассеяла толпу и очистила посольство от посторонних. По отчёту Бернадота в Париж, это случилось между 11 и 12 часами ночи. Лей написал в своём отчёте, что полный порядок был восстановлен к часу ночи. А. Блумберг справедливо полагает, что войска и полиция прибыли к месту событий подозрительно поздно.

После всего происшедшего в посольство Франции прибыл наконец барон фон Дегельман, кандидат в посланники Австрии во Французской республике, и от имени австрийского правительства выразил по поводу случившегося сожаление. Бернадот снова выразил протест по поводу пятичасового бездействия Тугута и в связи с тем, что министр не соизволил даже ответить на оба его послания. Дегельману оставалось только разводить руками, потому что никакими полномочиями он наделён не был, и просить француза не торопиться с отъездом. Установить виновных в бесчинствах очень трудно, говорил он, на это потребуется время, к тому же нужно принять во внимание обстоятельства…

Он уехал и в три часа утра 14 апреля появился снова — теперь уже с посланием от Тугута. Министр иностранных дел выражал сожаление по поводу произошедшего, обещал представить о нём императору подробный отчёт, тщательно расследовать обстоятельства нападения на посольство и со всей строгостью закона наказать виновных, но каких-либо конкретных шагов в этом направлении можно ждать только после того, как император будет обо всём подробно проинформирован. Всё это никоим образом не устраивало Бернадота, и он опять потребовал свои паспорта. Он не считал, что его отъезд из Вены будет означать разрыв с ней дипломатических отношений, и доложил потом об этом и Талейрану.

Убедившись, что от Тугута никакого удовлетворения получить невозможно, Бернадот предпринял необычный шаг и написал обо всём самому императору Францу. Письмо с жалобой на Тугута и полицию ранним утром 14 апреля повёз Жерар. В районе императорской резиденции Хофбург адъютант чуть было не попал под разъяренную толпу и был вынужден спасаться бегством и искать защиту у дворцовой стражи.

Ответ на письмо французского посла император поручил составить министру кабинета графу Коллоредо. Граф чуть ли не дословно повторил ноту Тугута о том, что распоряжение о наказании виновных должен дать император, который очень надеется, что Бернадот не уедет из Вены, и который по-прежнему весьма расположен к миру с Францией. К Бернадоту приехали также граф Дегельман и министр финансов Заурау, чтобы определить размер нанесённого зданию посольства ущерба, а министр полиции фон Перген издал прокламацию, в которой от имени императора и себя мягко пожурил хулиганов и обещал их наказать, если они и в следующий раз будут вести себя плохо. Эти обещания и слова по-прежнему никак не могли удовлетворить Бернадота, он расценил их как подстрекательство к новым действиям и продолжал настаивать на восстановлении на здании посольства французского флага и на немедленной выдаче ему паспорта. Несомненно, он не хотел упускать такого удобного предлога, чтобы поставить жирную точку на своей дипломатической карьере и уехать из Вены. Малешевскому паспорт уже выдали, и он поскакал в Париж докладывать о случившемся Талейрану. Впрочем, Бернадот ещё не знал, что австрийцам удастся задержать поляка и первым представить свою версию о событиях 13 апреля.

Вечером 14 апреля Дегельман выслал Бернадоту и его свите паспорта. Он порекомендовал французам назначить свой отъезд на раннее утро, чтобы лишний раз не возбуждать венцев. Не тут-

то было! Бернадот покинул посольство на Валльнерштрассе в полдень 15 апреля с большой помпой в сопровождении большого эскорта кавалерии и при соблюдении всех правил церемониала и протокола. Перед отъездом здание посольства было окружено войсками, а за густой цепью военных колыхалась толпа возмущённых жителей столицы. На улице выезда Бернадота ждали группы аристократов, чтобы выразить ему своё сочувствие.

Инцидент 13 апреля 1798 года дал богатую пищу для всякого рода версий, предположений и вымыслов. Бернадот в своём официальном отчёте Талейрану обвиняет в заговоре Тугута, английского посла Идена и русского посла Разумовского. Думается, он и сам в эту версию не верил, но использовал её как удобную во всех отношениях фигуру политической риторики.

Австрийцы полагали, что Бернадот, как и Бертье в Риме, устроил инсценировку с флагом для провоцирования Вены на новую войну. "Почему испанский и голландский послы, приглашённые Бернадотом в качестве посредников для урегулирования конфликта, так и не вышли из дома? — спрашивали в ведомстве Тугута. — Почему на следующий день, 14 апреля, французский посол отверг все жесты примирения и извинения?"

Ход рассуждений австрийских дипломатов был верным, но лишь наполовину. Да, в действиях Бернадота просматривались элементы провокации, но чем она мотивировалась, они не догадывались. Откуда было Тугуту и его сотрудникам знать, что Бернадоту, как считают некоторые историки, надоело сидеть в душной для него Вене, что ему захотелось вернуться в любимую армию и что для достижения этой цели он не побоялся рискнуть отношениями Франции с Австрией.

Впрочем, Т. Хёйер обе эти версии отвергает как абсурдные и лишённые каких бы то ни было оснований. Почему бы не предположить, спрашивает он, что всё случилось спонтанно и незапланировано? Другое дело, что когда событие произошло, обе стороны вели себя неадекватно и лишь способствовали его продолжению. Власти заранее знали, что посольство готовилось вывесить эмблему республики, и могли заранее принять меры безопасности. Вызывает подозрения медлительность и пассивность Тугута и более чем запоздалое прибытие на место событий австрийских военных.

Да, пожалуй, так оно и было: Бернадот вывесил флаг с тем же основанием, с каким его сотрудники и прежде демонстрировали триколор, но праздношатающаяся толпа венцев восприняла это на сей раз как вызов. А далее события развивались по наихудшему варианту: полиция проявила нерешительность, а толпу

"подогрели" неудачные действия самого Бернадота и его сотрудников. То, что эпизод послужил на руку послу, не вызывает сомнения, но это отнюдь не означает, что он его специально запланировал. Конечно, у него были шансы 14 апреля уладить конфликт с австрийцами и не покидать демонстративно Вену, но вот тут-то он и решил "закусить удила" и воспользоваться скандалом в собственных интересах. Он знал, что отъезд его разрыва отношений между обеими странами не вызовет — в этом он имел возможность убедиться, встречаясь с министрами и читая или выслушивая их объяснения.

В общей сложности генерал Бернадот провёл в Вене 2 месяца и неделю, а в качестве признанного посла пробыл и того меньше — всего полтора месяца. Но расчётам, которые Бернадот строил в Вене, не суждено было сбыться, и его в будущем ждало разочарование. В армию он не вернулся — во всяком случае, сразу, а венский эпизод лишь ускорил вступление в войну Англии. У Директории поведение посла особого одобрения не получило, ибо обострение отношений с Австрией пока в её планы не входило, хотя официально Париж высказал своё возмущение и протест. Талейран для себя считал, что в скандале был виноват сам Бернадот. Это мнение, кажется, разделял и Бонапарт, а потом к нему присоединились члены Директории. Скандал попытались замять на конгрессе в Раштадте и на конференции в Зельце. Конференцию, однако, до конца не довели, потому что война вспыхнула снова Вопрос о восстановлении чести Бернадота отпал сам собой.

На пути в Раштадт Бернадот распространял памфлеты, в которых во всех грехах обвинял австрийскую сторону и доказывал свою невиновность. На некоторое время Бернадот был вынужден задержаться в Раштадте: 24 апреля туда пришло указание Талейрана оставаться в городке и ждать дальнейших инструкций. 8 мая то ли дипломат, то ли генерал в отставке напомнил Парижу снова о себе, но ему ответили: "ждать". Подобное отношение к заслуженному генералу и неуверенность в будущем сильно нервировали и были оскорбительны. Бернадот впал в мизантропические настроения.

Отношение австрийцев к нему было самое предупредительное и внимательное. Наступала весна, он жил в шикарном замке и страдал от ничегонеделания. Директория предложила ему командование 5-й дивизией ополченцев в Страсбурге и тут же прекратила выплату жалованья посла, но он от этого унизительного предложения отказался и, не дожидаясь разрешения Парижа, 16 мая 1798 года покинул Раштадт. Директория оскорбилась в свою очередь — особенно после того,

как Бернадот стал настаивать, чтобы она выразила официальное одобрение его действиям в Вене. В опубликованной им в газете Le Conservateur статье он писал*: "Авторитет чиновника — достояние нации"*. Это выступление возымело действие: 26 мая Директория снова попыталась заинтересовать его дипломатической работой — на сей раз на важном посту посла в Батавской республике. Но Бернадот считал свой дипломатический опыт достаточным, чтобы не обогащать его в будущем. К тому же он занялся устройством своих семейных дел.

7. ЖЕНИТЬБА И ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО

Стараться быть самим собой —
единственное средство иметь успех.

Стендаль

Бернадот приехал в Париж, когда экспедиционный корпус Наполеона Бонапарта завершал в Тулонском порту погрузку на суда. Генералу стало тесно в Европе, и он отправлялся за славой в Египет. "Миролюбивая", лицемерная и погрязшая во взятках Директория заодно избавлялась от непредсказуемого и опасного генерала, помогая ему "развлечься на стороне", подальше от Парижа.

А Париж… Париж жил исключительно ради развлечений. После якобинского террора все, особенно женщины, словно с цепи сорвались и, зажмурив глаза, бросились в океан чувственных наслаждений. Как писал современник, все люди погрязли в пороках, словно свиньи в дерьме, но чем глубже они погружались, тем больше старались перещеголять друг друга в похоти, разврате и цинизме. После каждой эпохи великого лицемерия наступает период всеобщего падения нравов.

По приезде в столицу Бернадот обнаружил несусветную дороговизну, но сумел приобрести себе небольшой домик в пригороде Ско, что на рю де ля Лун, 3. На первом этаже небольшая передняя, кухня, похожая на подвал, и столовая с выходом в сад; винтовая лестница на второй этаж, где располагались спальня и кабинет, и уже под крышей — комната для прислуги. Ничто так не выглядело буржуазно, как этот двухэтажный особнячок, но он вполне устроил нашего генерала. Именно в этот момент он почувствовал себя достаточно зажиточным, чтобы обзавестись супругой. Деньги от ртутного рудника и посольские гонорары сделали это вполне возможным.

Генерал не жил затворником и время от времени выходил в свет. Он был молод, красив, неотразим в глазах слабого пола и повсюду, где появлялся, обращал на себя повышенное внимание. Мадам Шастенэй, встретив Бернадота на приёме у Барраса, следующим образом описала его в своих воспоминаниях: *"Статная фигура со смоляными волосами, ослепительная улыбка и никакого проблеска острого ума. Он был мужчиной, которого, встретив на приёме, нельзя было не заметить и о котором нельзя было не спросить, кто это".*

Насчёт острого ума мадам Шастенэй явно ошиблась: беарнец

за словом в карман никогда не лез. Просто она ожидала от него, по всей видимости, шутовского остроумия, который был так в ходу в тогдашних светских салонах.

Лето 1798 года прошло в интенсивных ухаживаниях за 20-летней дочерью богатого марсельского купца Франсуа Клари, торговавшего шёлковыми тканями и мылом, и его супруги Франсуаз-Роз, урождённой Сони. Ф. Клари умер в январе 1794 года, а в августе того же года довольно удачно вышла замуж его первая дочь Жюли: её мужем оказался старший брат Наполеона Жозеф, фактически спасший всю семью Клари от революционного террора.

Жозеф Бонапарт (1768–1844), как пишет Венкер-Вильдберг, человек *"безобидный, добродушный, с посредственным характером, лишённый военного тщеславия",* благодаря связям (младший Робеспьер. Саличетти, Рикорд) выдвинулся в первые ряды "революционеров" и приехал в Марсель в качестве военного комиссара Республики наводить "революционный" порядок. Как и все "новые" люди, он употребил свою власть в целях личного обогащения и скоро превратился в одного из самых богатых людей Франции. Он буквально вытащил свою семью из нищеты и в определённой степени проложил дорогу для карьеры младшим братьям: Наполеону и Люсьену (1775–1840). Бернадот познакомился с Жозефом в Италии, после того как тот, посол Республики в Папской области, т. е. Риме, спасаясь от восставших его жителей, бежал под крыло французской армии в Милане.

Предмет обожания Бернадота носил божественное имя Дезире. Жан Батист познакомился с ней в доме у Жозефа, который с этого времени станет исполнять для него роль ангела-хранителя. Младшая Клари была красива и обаятельна, и у неё имелось неплохое приданое.

Несмотря на свою молодость, младшая Клари позади уже имела один пылкий роман (и не с кем-нибудь, а с самим Наполеоном!) и одно неудавшееся замужество. Бернадоту было 35, а Дезире — 21 год.

А. Палмер пишет, что Дезире в духе своего времени считала себя фатальной женщиной, которая, встретив своего спутника жизни, непременно героя, должна была стать его верной львицей. Выглядела Дезире далеко не львицей, а скорее хорошенькой болонкой, но лучшего героя, чем Жан Батист, пожалуй, ей было не сыскать во всей Франции. "Приблизившийся" к ней Бернадот во всех отношениях был привлекательной партией, и Дезире без колебаний приняла сделанное генералом предложение.

А. Палмер затрудняется сказать, был ли этот брак со стороны генерала по любви или по расчёту. Д. Сьюард полагает, что брак с

Дезире был способом, которым Наполеон прибрал к рукам своего самого опасного и строптивого соперника, сделав его членом своего клана. У нас же создаётся впечатление, что расчёт присутствовал с обеих сторон (достойно замечания, что приданое Дезире Клари, по оценке Хёйера, составляло между 100 и 150 тысячами франков), что не помешало супругам поддерживать между собой тёплые и дружеские отношения до самой смерти. Ф. Венкер-Вильдберг пишет, что Бернадот относился к супруге с благосклонностью старшего друга и отца.

16 июля 1798 года мамаша Франсуаз-Роз Клари вручила зятю Жозефу Бонапарту аффидавит, выданный консульством Франции в Генуе, подтверждавший её согласие на брак Дезире с Бернадотом и уполномочивавший зятя выполнить за неё все формальности предстоящего бракосочетания. На церемонии венчания 17 августа, которое было совершено в церкви Ско-л'Юнит, со стороны невесты присутствовали братья Жозеф и Люсьен, оба уже члены Совета пятисот, и то ли 50-летняя тётка Жюстъенин-Виктуар Сони (тётя Виктуар), то ли дядя Виктор Соми — в этом историки постоянно путаются. Со стороны жениха на венчании *присутствовали* капитан 10-го конноегерского полка, будущий генерал Антуан Морэн, сопровождавший Бернадота в дипломатическую командировку в Вену, и нотариус Франсуа Дегранже.

Братья Наполеоны и Бернадот стали теперь свояками.

Наполеон получил известие о браке в Египте, и особого восторга оно у него якобы не вызвало. В письме Жозефу он написал: *"Желаю Дезире с Бернадотом счастья, ибо она это заслужила"*.

Свадебный обед состоялся в доме Жозефа Бонапарта на рю дю Роше в Париже, откуда всё общество отправилось в дом молодых в Ско, и праздник продолжился в тесной столовой на рю де ла Лун.

Дезире, супруга Ж.-Б. Бернадота. Художник Р. Лефевр

Но поскольку молодых пришли поздравить многочисленные соседи, то праздник пришлось перенести в более просторный дом к соседу месье Арманди.

Самым приятным местом в доме молодых был садик, в котором Дезире накрывала стол с обедом или ужином, ожидая супруга из Парижа с работы. Но как ни было в этом домике уютно и приятно, его пришлось продавать.

Общество постоянно жаждало лицезреть своего героя и кумира, к тому же общественный статус генерала неожиданно резко возрос, и Бернадоты, вынужденные соответствовать своему статусу, переехали в Париж на рю Цизальпин и приобрели там особняк. В этом доме 4 июля 1799 года у них родился единственный сын Франсуа Жозеф Оскар. Крёстным отцом ребёнка стал Жозеф Бонапарт.

Между тем дело опять шло к войне. Раштадтский конгресс не решил ни одной проблемы, в то время как Франция продолжала свою беззастенчивую политику революционизирования Европы. Естественно, монархическая Европа не могла смотреть на это беспристрастно, в войну втягивалась Россия Павла I. В Италии французской 50-тысячной армии противостояли 86 000 австрийцев, к которым потом присоединились 30 000 солдат А.В. Суворова. В Швейцарии или Гельветической — тоже

"сестринской" — республике без провианта и амуниции стоял голодный 30-тысячный корпус Массена. Дунайская армия Журдана насчитывала 36 000 человек. Ей должна была ассистировать т. н. Обзервационная (резервная) армия, которой первое время командовал тот же Журдан.

Обзервационная армия, вместо 42 000 на бумаге, насчитывала всего 8000 человек, а дивизия Бернадота, которую он примет в октябре 1798 года, едва насчитывала 3000 человек. На Массена и Журдана двигалась 90-тысячная армия эрцгерцога Карла; кроме того, в Форарльберге, Граубюндене и Тироле австрийцы держали более 60 000 человек пехоты и прекрасной кавалерии. Преимущество одних только австрийцев перед французами было во всех отношениях, в том числе в выучке и снабжении солдат, бесспорным. А в коалиции участвовали ещё Пруссия, Россия и Великобритания.

Осень 1798 года Бернадот со своей дивизией провёл в университетском городке Гиссене в относительном бездействии, если не считать занятий в местном университете — ведь ему так и не пришлось основательно поучиться. За усердную помощь библиотеке — Бернадот подарил ей большую коллекцию французских книг, выписанных из Парижа, — ректорат выдал генералу почётный диплом доктора истории, статистики и политической экономии (по данным Хёйера, доктора философии). Отсюда генерал тщетно попытался доказать Директории нецелесообразность египетской экспедиции Наполеона.

В декабре дивизия передислоцировалась в Майнц, а потом в Ландау, откюда генерал, используя свои контакты в Вене, с интересом следил за развитием событий в России и информировал о них Париж. Он поменял своё отношение к Египетскому походу свояка, с восхищением наблюдал теперь за развитием событий и осаждал Жозефа Бонапарта проектами морской экспедиции по спасению армии его брата из испанских и итальянских портов. Антипатия к Бонапарту годовой давности, кажется, исчезла, но некоторое время спустя она неожиданно проявится снова.

На короткое время — в середине января 1799 года — он приезжал в Париж, чтобы уладить некоторые денежные дела, но создаётся впечатление, что это был всего лишь предлог для того, чтобы быть поближе к событиям в столице. Директория снова планировала масштабные военные действия против второй коалиции, и он мог рассчитывать на почётное место в них. Так оно и вышло: 5 февраля его назначили командующим Обзервационной армией, но уже через пять дней военный

министр Шерер "перерешил" и назначил его командующим Итальянской армией вместо подавшего в отставку Жубера. Бернадот, с учётом конфликтной ситуации, послужившей поводом для ухода с этого поста Жубера, выдвинул Шереру ряд требований финансового, административного и военного характера для усиления ресурсов армии, но после того как Директория не удовлетворила их, он от назначения в Италию отказался и предпочёл занять место командующего Обзервационной армией. Шерер возмутился и сказал, что сам возглавит Итальянскую армию и никаких подкреплений не потребует. 21 февраля Шерер получил назначение и убыл в Италию, где вскоре потерпел сокрушительное поражение под Маньяно. Бернадот оказался прав: Итальянская армия нуждалась в усилении.

Когда в марте 1799 года без всякого формального объявления войны начались военные действия, всё рухнуло. Французы терпели поражение на всех фронтах и направлениях. 1 марта, в день объявления Францией войны Австрии, Обзервационная армия перешла Рейн и заняла Маннхейм, столицу курцфюршества Пфальц. Здесь в штабе Бернадота появилась делегация Гейдельбергского университета с ходатайством пощадить университет от превратностей войны. Бернадот заверил профессоров, что не будет входить в Гейдельберг и что университет мог спокойно продолжать свою деятельность: *"Мои офицеры охраняют искусство и любят науки"*.

Из Маннхейма армия, в которой одним из командиров дивизий был Мишель Ней (1769–1815) и Гюдэи, выступила в направлении Филиппсбурга и Хейльбронна. У Бернадота сразу сложились напряжённые отношения и с командующим Швейцарской армией Массена, и с командующим Майнцской, а позже Дунайской армией Журданом. Шла настоящая драка за ресурсы и подкрепления, источником которых, по задумке Директории, должна была служить Обзервационная армия Бернадота. На самостоятельные оперативные действия она, таким образом, рассчитывать не могла. Журдан постоянно требовал подкреплений от Бернадота, тот нервничал, потому что Журдан не информировал его об общей картине, складывавшейся на восточных фронтах, и призывал Журдана вникнуть в его положение и избавиться от некомпетентных советников и интриганов. Журдан настаивал на немедленном присоединении армии Бернадота к своей, но тот, остановившись у Хейльбронна, ссылался на невозможность выполнения этого требования ввиду слабости своих сил. Между генералами возникла распря, в которую был вынужден вмешаться военный министр и решить её

в пользу Журдана. Поскольку австрийцы 21 и 25 марта под Острахом и Штокахом нанесли поражение слабой и малочисленной Дунайской армии и Журдан был вынужден отдать приказ к отступлению, так и не дождавшись подкрепления, то обиженный в своих лучших чувствах Бернадот снял осаду Филиппсбурга и, оставив небольшой гарнизон в Манхейме, снова вернулся за Рейн.

Скоро Обзервационная и Швейцарская армии были всё-таки влиты в состав Дунайской, и в начале марта 1799 года Бернадот с Массена стали командовать флангами Журдана.

Война в Германии была проиграна. Та же участь выпала и на долю армии в Италии. Там А.В. Суворов по всем статьям переигрывал французов. Журдан подал в отставку, и всё командование в этом районе взял на себя сначала Эрнуф, а потом Массена. Примеру Журдана 9 апреля 1799 года последовал и Бернадот — у него снова заболела грудь и открылся кашель с кровохарканьем. В Париж он не вернулся, да его туда пока и не отпускали, а пока он написал военному министру письмо, в котором, в частности, не скрывая горечи и обиды, сообщал: "Я *далёк от того, чтобы пытаться предугадать последствия мер, принятых Директорией. Я уважаю все власти, в том числе когда они даже ошибаются*…" Оставив свое соединение на Колода, он уехал лечиться на воды в Симмерн, где стал гостем тестя своего помощника полковника Мэдона.

Между тем он узнал, что был избран от своего родного департамента Нижние Пиренеи в Совет пятисот. Напомнив о себе несколько раз военному министру и ссылаясь на некомпетентность местных немецких врачей, но, тем не менее, отдохнув и окрепнув в Симмерне, он с нетерпением ринулся в Париж.

Францией сверху донизу овладела апатия. Все критиковали правительство — Директорию, но никто ничего не хотел делать. Сама власть тоже была полностью парализована, и высшие чиновники с безразличием наблюдали за тем, как страна катится в пропасть. Недовольство властью было всеобщим. У всех на устах были новости о перевороте, даже Жозеф и Люсьен Бонапарты высказывались за это. В Париже Бернадот присоединился к неформальной группе оппозиционных генералов, в которую входили Жубер, Журдан, Брюн и др. Генералы критиковали некомпетентные действия правительства, головотяпство ее комиссаров в армиях и требовали смену руководства страной.

В итоге произошёл военный переворот от 30 прериаля (18 июня). В перевороте приняли участие политические силы самых разных оттенков и толков, объединённые ненавистью к

прогнившей власти. По воспоминаниям Барраса, не последнюю роль в перевороте сыграл и Бернадот как командир 17-й (парижской) дивизии, хотя первую скрипку играл Жубер. Бернадот предпочёл остаться в тени.

Директория кооптировала в свой состав деятельного и способного аббата Эммануэля Жозефа Сиейеса (1748–1836), бывшего жирондиста и посла в Берлине, сумевшего избежать в эти бурные годы и ареста, и гильотины. Сиейес энергично взялся за реформу правительства, уволил Талейрана (двое честолюбцев-расстриг в одном правительстве вряд ли могли ужиться), который стал брать взятки почти открыто, дал пост министра полиции "мяснику из Лиона" Жозефу Фуше и ввёл в состав Директории трёх новых членов — Гохье, Рожера Дюко и генерала Мулена, усилив таким образом в ней якобинское влияние. Совершилась т. н. малая революция.

Основное внимание правительство Сиейеса должно было уделить армии и ведению войны. Благодаря влиянию Жозефа и Люсьена Бонапартов в Совете пятисот и своему вкладу в переворот, Бернадот получил предложение возглавить военное министерство. Баррас утверждал потом, что Бернадот был его кандидатом на этот пост, в то время как Сиейес и Рожер-Дюко пытались продвинуть на этот пост врага Бернадота и Клебера, бывшего интенданта Александра. Бернадот отлично представлял обстановку в стране и в армии и сначала это предложение отклонил. Он не желал становиться "мальчиком для битья" и понимал, что в своей работе в военном министерстве столкнётся с непреодолимыми трудностями — в первую очередь в лице самой Директории. Но на него "навалились" свояки Бонапарты, члены Директории, генерал Жубер и супруга Дезире, так что после интенсивных переговоров 2 июля 1799 года он стал военным министром Франции.

Историки утверждают, что в истории Франции не было ещё ни одного военного министра, который бы принимал руководство министерством в таких критических обстоятельствах. Поражения французских армий в Германии и Италии, гражданская война внутри страны, на границах коалиционные армии противника, отсутствие порядка и продовольствия, полная деградация власти, разложение армии и упадок духа у населения, — вот далеко не полный список проблем, перед которыми оказался Бернадот, когда принял портфель военного министра Франции.

2 июля Бернадот приступил к исполнению своих обязанностей. С собой в министерство Жан Батист взял своих старых друзей и единомышленников: Жерара, Мэзона, Морэна, Сарразэна. Свояки Жозеф и Люсьен предприняли попытку

продвинуть на ключевые посты военного ведомства своих людей с Корсики, но новый министр отбил все их атаки и сохранил за собой полную свободу действий. Если он кому и симпатизировал после переворота, то это были якобинцы типа Журдана, Ожеро и Шампионне.

На посту военного министра Бернадот пробыл всего два с половиной месяца. Что же удалось ему сделать за такое короткое время? Наполеон считал его деятельность сумбурной и дилетантской и что "…он *делал только ошибки, ничего не организовал, и Директория была вынуждена удалить его с поста"*. Поль де Баррас, не самый жаркий почитатель Бернадота, придерживался на этот счёт другого мнения: *"Бонапарт хочет принизить всё, чему он обязан Бернадоту. Он и его армия годами жили за счёт того, что он сделал за несколько месяцев*…" Апологеты Карла XIV Юхана оценивают эту деятельность в самых хвалебных выражениях. Современные историки тоже полагают, что деятельность Бернадота как военного министра была полезной и честной, и этого нам вполне достаточно. Судить о её эффективности трудно, потому что плоды его трудов могли проявиться не сразу, а года через полтора-два. Но к тому времени на его месте были уже другие министры, в том числе недруг Бертье.

По мнению немецкого историка А. Имхофа, стиль работы нового военного министра был похож на стиль работы Л. Карно. Бернадот вставал каждый день в три часа утра и отправлялся на работу. В 4.00 он был уже на месте и работал до 19.00–20.00. От своих подчинённых он требовал работы с семи часов утра до десяти часов вечера. Тех, кто не справлялся со своими обязанностями или не выдерживал такой нагрузки, он нещадно увольнял. С первых же дней новый министр повёл жесточайшую войну с казнокрадами, ворами, взяточниками и прочими нечестными чиновниками, засевшими в министерстве. Он вступил в войну с бюрократией и пытался сделать так, чтобы все дела и бумаги были разобраны и на все входящие письма были даны ответы не позже суток после их поступления. Он потребовал от казны предоставить ему наличные денежные суммы, приступил к закупкам одежды и обмундирования и стал наводить порядок в интендантствах.

Дома после работы он почти всегда заставал у себя Жозефа с женой, но старший Бонапарт явно ошибался, если думал, что свояк будет плясать под дудку корсиканцев. Уже через месяц, 6 августа, он представил Директории доклад, содержавший анализ положения страны, состояния армии и перечень мер, которые было необходимо принять. Лейтмотивом доклада стало

восстановление мощи армии, её удовлетворительное снабжение, вооружение и обучение.

Министр отправил в действующую армию на Рейн и в Италию линейные полки, которые трусливая Директория, опасаясь за свою власть и жизнь, стянула внутрь страны. Он установил тесный и перманентный контакт с властями в департаментах страны, вступил с ними в постоянную переписку, а когда и где было нужно, выезжал на места сам и своими зажигательными речами всегда способствовал успеху того или иного предприятия. В газетах Франции в этот период регулярно появлялись распоряжения военного министра, его приказы, памфлеты и статьи. Своей агитацией он хотел возбудить в стране старый якобинский дух, который увял за годы Директории.

Фронты получили в это время примерно 100-тысячное подкрепление. Когда Бернадот покидал свой пост, французская армия в целом, включавшая Рейнскую, Дунайскую, Альпийскую, Итальянскую и Английскую армии, насчитывала около 430 тысяч человек, из которых примерно половина находилась на фронтах. Новый министр практически реорганизовал все рода войск и сумел вдохнуть в разложившуюся армию новый дух. Он планировал реформировать систему снабжения армии, но не успел. Он вернул талантливого Жубера на пост главнокомандующего Итальянской армией и расставил также на руководящие должности Брюна, Моро и Шампионне.

К заслугам Бернадота как министра принадлежит спасение им от смертной казни более 2 тысяч участвовавших в беспорядках жителей Тулузы. К нему как-то пришёл министр юстиции и спросил, как следовало поступить с теми тулузцами, вина которых была не так уж велика.

— Отпустите их, — ответил военный министр.

Министр юстиции собрался уже уходить, но остановился в дверях и спросил:

— А что делать с теми, кого взяли с оружием в руках?

— Если они пустили оружие в ход, то единственным наказанием для них может быть лишь поступление на службу в армию, — ответил Бернадот. — Всех прочих отпустите домой.

Во время работы Бернадота в военном министерстве был случайно раскрыт роялистский заговор. Заговорщики послали пробное письмо Баррасу, но оно по ошибке попало к Сиейесу. Т. Хёйер описывает попытку вовлечения военного министра в якобинский заговор, когда к нему в сентябре 1799 года явилась депутация якобинских лидеров, обеспокоенных действиями министра полиции Фуше, направленными против их партии. Депутацию возглавляли Журдан, Ожеро и Саличетти. Они

обвинили Барраса, Сиейеса и Фуше в узурпировании власти и попрании конституции и предложили Бернадоту войти в заговор и арестовать членов Директории. В новом якобинском правительстве Бернадоту была предложена ведущая роль. По воспоминаниям Сарразэна, Бернадот, Ожеро и Журдан должны были стать консулами, а сам мемуарист — военным министром. Бернадот тогда якобы отказался участвовать в "незаконном" заговоре, но заявил, что, как только сложит с себя обязанности военного министра, употребит всё своё влияние в армии на то, чтобы способствовать претворению якобинских планов в жизнь. Как конкретно он имел в виду способствовать "претворению якобинских планов" — путём военного переворота или захвата власти в парламенте, — не совсем ясно. Сарразэн утверждает, что Бернадот донёс о заговоре Баррасу и Сиейесу и тем самым сорвал замыслы заговорщиков. В своих поздних мемуарах кораль Карл XIV Юхан вспоминает, что в бытность свою военным министром Франции взвешивал возможность ограничить состав Директории тремя членами. Уж не отголоски ли это якобинского заговора?

В щекотливое положение попал Бернадот и в другой раз, когда скрывавшийся в Париже принц Энгиенский пришёл к нему и под обещание будущих почестей, власти и богатства попросил помочь ему укрыться от преследования Директории. Бернадот, сославшись на присягу Республике, порекомендовал принцу немедленно уехать из Парижа, ибо в противном случае он будет вынужден отдать приказ о его аресте. Военный министр в данном случае не хотел рисковать своей карьерой, считая момент для переворота слишком неудачным. *"Если Франции суждено стать монархией, то я подчинюсь власти событий, но это буду не я, кто вызовет их",* — якобы заявил он принцу. Бернадот не принадлежал к людям, способным поставить всё на одну карту, как это делал, к примеру, Наполеон.

Бернадот колебался. Мешала ли ему сделать выбор приверженность к конституции, законности и порядку? Или главной причиной была его природная осторожность и нерешительность? Как бы то ни было, но он оставлял двери открытыми и для роялистов, и для их противников.

Уходя с поста военного министра осенью 1799 года, он не обогатил свой личный карман ни одним су. Сиейес ревниво следил за деятельным министром, и его личная неприязнь к Бернадоту тоже сыграла свою роль в отставке. *"Мы ничего не значим,* — как-то съязвил бывший аббат, — *никто нас не замечает, правительство состоит из одного только военного министра".* Другой раз, услышав речь Бернадота, полную патетики и патриотических призывов, он сказал: *"Вон идёт гусь*

лапчатый, возомнивший себя орлом!" В стране снова поднимали голову якобинцы, и Баррас с Сиейесом боялись, что Бернадот примкнёт к ним и сбросит их в одну ночь на свалку истории. Мнительному аббату всё время чудился Бернадот в образе Каталины.

Как и предполагалось, Бернадот оказался слишком честным и самостоятельным для Сиейеса: когда Сиейес стал предпринимать попытки сделать военного министра орудием исполнения своих личных планов, терпение Бернадота лопнуло, и он подал в отставку.

Отставка была оформлена в лучших иезуитских традициях. 14 сентября 1799 года, во время беседы с Бернадотом по поводу организации т. н. Северной армии, Сиейес, наградив его лицемерными комплиментами о заслугах на посту военного министра, сказал с масляной улыбочкой на губах:

— Нас не удивит, что человек с вашими полководческими талантами сохранил желание при уходе из министерства принять командование над какой-либо армией, которое воодушевит вас…

Бернадетт ответил, что после того как он привёл министерство в надлежащий порядок, его лучшей наградой будет возвращение к своим братьям по оружию. Он и понятия не имел, что этот ответ послужил его ходатайством об отставке. Уже на следующее утро он получил от Сиейеса следующее послание:

"Гражданин министр!

В связи с вашим так часто высказываемым пожеланием вернуться к военной деятельности исполнительная Директория решила назначить на ваше место другого военного министра. Портфель военного министра подлежит временной передаче дивизионному генералу Миле-Мюро. Сдайте ему все дела. Директория с удовольствием примет вас в то время, пока вы будете находиться в Париже, чтобы обсудить с вами всё, что касается командования армией, вам определённой. Сивиес, президент".

Самое удивительное было в том, что на письме была сделана резолюция: "*Ходатайство гражданина генерала Бернадота об отставке с поста военного министра настоящим удовлетворяется*".

В своём ответном письме Сиейесу он так и написал: *"Вы удовлетворили ходатайство об отставке, которое я не подавал"*. Письмо заключалось прошением о предоставлении военной пенсии, в которой он, как и в поправлении здоровья, сильно нуждался. Ответ Сиейеса был сформулирован ещё более издевательски: *"В связи с письмом дивизионного генерала гражданина Бернадота от 29 фрюктидора, в котором он*

ходатайствует об уходе на пенсию по сокращению штатов, сообщаем о том, что гражданину Бернадоту назначается полагающаяся ему пенсия". Оказывается, Бернадот попросил уволить его с работы по сокращению штатов! В полемику с Сиейесом и Директорией он больше не ввязывался.

В один день республика лишилась способного министра и талантливого военачальника. Обратимся теперь к собственному отчёту Бернадота, который он представил правительству перед своим уходом с поста. Он начинает его с изложения своего кредо: *"Обязанность отчитываться перед нацией издавна тяжело давалась слугам государства, но она становится наградой для того чиновника, который является гражданином".* После изложения всех трудностей, которые переживала страна и армия в момент его прихода в министерство, Бернадот переходит к перечислению своих скромных *"результатов, которые наши враги назвали чудом, которому мы, однако, нисколько не удивляемся",* потому что *"рождённый, так сказать, в горниле сражений и воспитанный освободительными войнами, я только чувствовал, как мои силы растут вместе с опасностями и победами".*

В первую очередь он уделил внимание вопросам снабжения армий продовольствием, амуницией и вооружением. В этих целях он обратился непосредственно к гражданам, апеллируя к их сердцам и патриотизму. *"Власти, которые в начале так усердно эксплуатировали моральные средства, со временем забыли о них",* — пишет Бернадот с горечью. Прославленному генералу, на собственной шкуре испытавшему и разделившему вместе с солдатами все тяготы войны, люди поверили, в результате, пишет министр, в армию влились около 90 тысяч новобранцев, из которых половина людей сразу была экипирована, накормлена и хорошо вооружена. Он добился набора 40 тысяч лошадей, из которых 15 тысяч попали в ремонт, т. е. поступили непосредственно в кавалерию.

Результаты, пишет Бернадот, не замедлили сказаться: Голландию удалось спасти, левый берег Рейна защитили от нападения противника, русских из Гельвеции прогнали, Дунайская армия стала одерживать победы, европейская коалиция стала распадаться.

Но бывший министр был далёк от того, чтобы приписывать себе все заслуги за достигнутые результаты."*Некоторые республиканцы считают, что моральная сила, которую я вдохнул в нашу армию, не могла не оказать решающего влияния на блестящие результаты, которые были достигнуты сразу после моей отставки из министерства и увенчали завершение военной кампании,* — читаем мы далее в отчёте. — *Я, однако, далёк от*

того, чтобы разделять это мнение… Министры, несомненно, выполняют свой долг, когда им удаётся накормить, одеть и вооружить армию и осуществить меры, способствующие её успехам, но я с удовольствием и торжественно заявляю: прежде чем честь выигрывать сражения приписывать министрам, её надо отдать: 1) благородным солдатам, жертвующим в боях своей жизнью и 2) бесстрашным генералам, способным воспламенить и направить их мужество".

Увольнение Бернадота из военного министерства вызвало бурю удивления и возмущения в Совете пятисот. Выразить сочувствие уволенному генералу и министру пришли члены Директории Гойе и Мулен — Сиейес "сварганил" его отставку без их согласия и ведома!

— Ну что: сделали самый помпезный визит к Бернадоту? — встретил их Сиейес.

— Самый помпезный, на какой только мы были способны, — ответил Гойе.

Бернадот устранился от всей общественной жизни и уехал с женой и новорождённым сыном в деревню. На какое-то время он погрузился в патриархальную тишину своей добровольной ссылки, в семейные дела, чтение книг, прогулки. Когда придёт время и его позовут обратно, он снова вернётся к людям в Париж. А пока он время от времени показывался в политических салонах, включая салон свояка Жозефа Бонапарта, и на приёмах у Люсьена Бонапарта. Он даже встретился с известной мадам Ж. Сталь, которая потом сказала, что Бернадот был единственным французским генералом, который соединял в себе качества государственного деятеля с талантом полководца. Он заходил в салон мадам Жюли Рекамье и встречался там с такими известными лицами, как Бенжамин Констант и Рене де Шатобриан. Супруга Дезире долгое время гостила у старшей сестры Жюли в имении Жозефа Бонапарта Мортефонтэн под Парижем и сопровождала её на воды в Пломбьер и Виши, а маленький красавчик Оскар играл с двумя дочерьми Люсьена Бонапарта.

Часть вторая
БЕРНАДОТ CONTRA НАПОЛЕОН

Никогда не рассматривайте, к какой партии принадлежит человек, который ищет у вас правосудия.

Наполеон

8. ЕГИПЕТСКИЙ ДЕЗЕРТИР

Воля может и должна быть предметом гордости гораздо больше, нежели талант.

Бальзак

Причины отставки Бернадота на самом деле были очень основательными: готовился военный переворот, и Бернадот как военный министр и приверженец республиканского порядка и конституции мог оказаться серьёзной помехой на пути претворения планов заговорщиков в жизнь. Франция неуклонно двигалась к тому рубежу, на котором, по предсказанию Екатерины II, должен был появиться другой Чингисхан или Тамерлан и подавить революцию.

И Чингисхан нашёлся.

Наполеон проснулся от своих мечтаний сокрушить Османскую империю — в этом ему помогло сокрушительное морское поражение под Абукирком от англичан под командованием Горацио Нельсона. И в спешке, тайно от всех бросив свою армию в Египте на произвол судьбы, сбежал во Францию. Он так торопился, что даже формально не передал бразды командования своему заместителю Клеберу и не предупредил его об отъезде. Бедный Клебер! Скоро он погибнет от руки фанатика-мусульманина.

9 октября 1799 года, удачно избежав встречи с английскими кораблями, Бонапарт высадился во Фреюсе, что на Лазурном побережье Франции.

Генерал ждал своего часа два года, и наконец он наступил. Директория влачила жалкое существование, против неё и друг против друга конспирировали и плели заговоры якобинцы и роялисты, но ни у одной партии не было настоящего вождя. Всё было шатко, неопределённо и неясно. П. Баррас был готов отдаться тому, кто дороже за него заплатит.

Бернадот, умеренный республиканец, накануне описываемых ниже событий неожиданно примкнул к ультралевому неоякобинскому крылу. Как это произошло, остаётся тайной. Истоки этой трансформации взглядов следует, вероятно, искать в его выдвижении якобинскими кругами Нижних Пиренеев в Совет пятисот. Не исключено, что ещё в Сомбр-Маасской армии он попал под влияние такого якобинского "корифея", как Журдан или активный якобинец и фронтовой товарищ Шамлионне, а как

военный министр находился в тесном контакте с Гохье и Мулэном. Будучи министром, Бернадот окружил себя людьми левых взглядов: близко стоявший к Дантону монтаньяр Русселэн стал его секретарём и руководителем первого отдела министерства; бывшие военные комиссары Шудьё и Бодо, единомышленник Эбера Маршан, активист 1792–1794 годов Сержан-Марсо и др. тоже трудились рядом с ним. Это дало Наполеону повод во время ссылки на острове Св. Елены отметить "сумбурные взгляды" военного министра, которым "вертела клика".

Хёйер определённо говорит о причинной связи между якобинскими симпатиями Бернадота и его отставкой. 13 сентября Журдан в Совете пятисот предложил объявить отечество в опасности. Это означало роспуск парламента и возвращение к образцам якобинской диктатуры 1792 года. И прозорливый (или проинформированный Сарразэном) Сиейес первый удар нанёс по военному министру. Был ли Бернадот членом якобинской партии? Вряд ли, он был скорее её попутчиком, мечтавшим о восстановлении режима первых дней революции и о замене "ожиревших котов", поправших её идеалы. "*Наше внутреннее положение не становится лучше*, — писал он за 5 дней до своей отставки Брюну в Голландию. — *Созданы партии, предвестники лиг. Какой лабиринт преступлений, дорогой Брюн, и какое загнивание! Меня поддерживает моё мужество, хотя я по уши плаваю в самой гадкой коррупции. Завидую тебе, несмотря на окружающие тебя опасности*".

Аббат Сиейес, склонявшийся к аристократическому правлению, избавившись от Бернадота, мечтал о генерале, который навёл бы порядок на фронтах. Его выбор пал наконец на генерала Жубера, которого послали командовать армией в Италии, но, к несчастью, генерал скоро погиб в бою под Нови. Генерал Моро занимать его пост отказывался — он опасался за свою жизнь. Наполеон ненавидел Сиейеса, потому что видел в нём соперника, и первое время стал склоняться к партии якобинцев, но когда узнал, что члены Директории Гохье и Мулэн собирались отправить его командовать какой-нибудь армией на фронт, корсиканец смекнул, что дружба с якобинцами ему ничего не сулит, и предоставил себя в распоряжение расстриги-аббата. Два паука оказались в одной банке и пока с недоверием смотрели друг на друга.

На пышный приём по случаю прибытия Наполеона Бернадот не пошёл. "Я *не желаю сидеть за одним столом с заразным человеком*", — сказал он. Когда он узнал о высадке Наполеона во Фреюсе, он связался с генералом Дебелем, бывшим военным

министром, и просил передать Директории, чтобы она, не теряя времени, отдала приказ об аресте генерала-дезертира и учреждении над ним трибунала. Дебель, поддержанный артиллерийским полковником Сен-Мартэном, отправился к Баррасу. Тот выслушал Дебеля и сказал:

— Мы недостаточно сильны для этого.

Бернадот продолжал настаивать на аресте Наполеона, но Баррас, верный своей выжидательной тактике, ответил:

— Давайте подождём.

Комментируя поведение Бернадота, А.Блумберг справедливо пишет, что оно было мотивировано не только его приверженностью к конституции и верностью присяге, но и тем, что в Наполеоне он видел соперника и хотел его нейтрализовать. Бернадот, как и Наполеон, тоже мечтал о том, чтобы сыграть свою роль в наведении порядка в стране, например в составе триумвирата, наделённого правами диктатуры и переизбиравшегося каждые три года.

Но и Бонапарт тоже подозревал Бернадота в том, что тот не исключал возможности войти в высшие эшелоны власти. Уже на другой день Бонапарт сказал своему секретарю Бурьену: *"Бернадот странный парень. Когда он был военным министром, к нему пришли генералы Ожеро, Саличетти и некоторые другие и сказали, что конституция находится в опасности, что следовало освободиться от Сиейеса и Барраса… и что они стояли во главе заговора. Что же сделал Бернадот? Ничего. Он потребовал доказательств (вероятно, доказательств своего большого ума), но ему их не дали; он потребовал полномочий, но кто их мог ему дать? Никто. Их нужно было взять самому. Он не решился, ссылался на обстоятельства, он ответил, что он не согласен с их планами и обещал сохранить молчание, если его оставят в покое. Бернадот — не инструмент, он — помеха*".

Тем не менее Наполеон, согласно Сарразэну, вёл с Бернадотом переговоры о составе будущего органа власти — о триумвирате консулов, одним из которых должен был стать Наполеон, а другим — Бернадот.

Третьим консулом Бернадот предложил Моро, в то время как Наполеон хотел иметь гражданского человека.

В выше приведенных высказываниях заключается вся разница между двумя генералами и людьми: Бонапарту было наплевать на все условности, честь и присягу, чтобы добиться своего и любыми способами прийти к власти; Бернадот же был готов взять бразды власти, но не ценой нарушения конституции, кровавого переворота или циничного заговора.

В результате вокруг Наполеона образовался круг

единомышленников, в основном военных, а Бернадот предпочёл скромно отойти в сторону. Он увидел Наполеона лишь на десятый день его прибытия из Египта. Два члена Совета пятисот как-то пригласили Бернадота на собрание сторонников Бонапарта, но Бернадот сказал, что явится на него только в том случае, если тот оправдает своё дезертирство из египетской армии. Отсутствие Бернадота в окружении Бонапарта было для многих тем более вызывающим и необъяснимым, что он служил под его началом в Италии. Понадобились уговоры Жозефа Бонапарта, супруги Дезире и мадам Леклерк, чтобы подвигнуть Бернадота на то, чтобы нанести своему бывшему начальнику хотя бы визит вежливости. Бернадоту нравилось, когда его уговаривали, и визит состоялся.

Разговор между обоими генералами начался с Египта. Потом Наполеон сделал заявление о политическом моменте и необходимости смены правления в стране. Бернадот возразил ему, полагая, что Бонапарт преувеличил слабости Республики, и в подтверждение этого привёл примеры успешного действия армий на фронтах, указал на не использованные ещё возможности и выразил уверенность, что республика сумеет справиться как с внешними, так и внутренними врагами. Произнося последние два слова, Бернадот многозначительно остановил свой взгляд на сопернике. Наполеон смешался. Его супруга Жозефина (1763–1814), присутствовавшая на беседе, поспешила замять разговор и перевела его на другую тему, а Бернадот откланялся и ушёл.

Тот же Бурьен в своих мемуарах относительно этого эпизода писал, что Бонапарт нисколько не боялся Моро, потому что тот *"слаб, неэнергичен, и его можно легко перетянуть на свою сторону, дав ему командование над какой-нибудь армией"*. О Бернадоте же Бонапарт сказал следующее: *"Но Бернадот с его мавританской кровью, предприимчивостью и дерзостью, хоть и связанный родственными узами с моими братьями, наверняка выступит против меня"*.

Несколько дней спустя Бернадот представил Бонапарту одного из своих секретарей по военному министерству. Когда во время беседы Бонапарт прошёлся по излишней бдительности и ревности республи канцев, назвав в качестве примера клуб якобинцев, Бернадот заметил, что в числе основателей этого клуба были братья Жозеф и Люсьен Бонапарты и что самому ему заниматься клубной деятельностью было недосуг из-за занятости в министерстве: *"Вы утверждаете, что я их поддерживал, но это не так. Конечно, я поддержал несколько честных человек, принадлежавших к клубу, но только из-за того, что они стремились придерживаться во всём меры"*. Наполеон

разгорячился и сказал, что лучше жить в лесу, чем в таком обществе, где не чувствуешь себя в безопасности. Бернадот спросил, какой безопасности он хочет, но тут опять подошла мадам Бонапарт, которая испугалась, что спор может привести к открытому разрыву между генералами, и предложила сменить тему. Бернадот, сделав несколько безобидных высказываний, ушёл.

И хотя решительного объяснения между генералами так и не произошло, Наполеону после этих двух встреч стало окончательно ясно, что Бернадот является убеждённым противником его амбициозных планов. Душевного равновесия это открытие ему не прибавило. Но иметь своим противником самого популярного в стране генерала было неразумно, и перед публикой Наполеон решил делать вид, что никаких разногласий между ним и Бернадотом не существует, а потому всячески искал его общества. Накануне решающих событий 18 брюмера Наполеон встретился с Бернадотом в Театре Франса.

— Принадлежите ли вы к обществу, которое завтра соберётся в Мортефонтэне у Жозефа? — спросил он, демонстративно пожимая руку Бернадоту.

— Да, генерал, — ответил Бернадот.

— Вот и отлично, — обрадовался Наполеон, — позвольте мне завтра выпить у вас кофе. Я поеду мимо вашего дома и буду рад заглянуть на минутку.

Естественно, Бернадот был вынужден ответить согласием. На следующий день Наполеон в сопровождении супруги и Жозефа появился у Бернадотов. Некоторое время спустя появился и Люсьен. Дезире принялась хлопотать, чтобы получше встретить гостей, но это только вызвало недовольство супруга. О том, какими мотивами руководствовался будущий диктатор, напрашиваясь в гости к сопернику, написал Бурьен: *"Бонапарт, рассказав о своём визите к Бернадоту, продолжал: "Кажется, он доволен мною. Что вы по этому поводу думаете, Бурьен?" "Но, генерал, я желаю, чтобы вы были довольны им". "Нет, нет, я поступил правильно, будьте уверены, это скомпрометирует его перед Гойе. Не забывайте, что нужно всегда идти своим врагам навстречу и делать хорошую мину. Они начинают думать, что их боятся, а это придаёт им дерзости""*.

Завтрак в Мортефонтэне у Жозефа Бонапарта был прелюдией к 18 брюмеру. На нём царила странная атмосфера: собравшиеся в полном составе заговорщики наперебой оказывали Бернадоту знаки внимания, но ни словом не обмолвились с ним по поводу предстоящих событий, а тот наблюдал за впавшим в задумчивость и даже в некоторую рассеянность Наполеоном, внимательно

изучал физиономии всех собравшихся, фиксировал состав различных групп и о самом главном тоже молчал. Покидая дом свояка Жозефа, он пришёл к выводу о том, что слухи о заговоре имели под собой серьёзную почву.

По прибытии в Париж Бернадот встретился со своим земляком Моро, и тот сразу спросил, был ли он на завтраке в Мортефонтэне и встречался ли он там с Наполеоном Бонапартом. Когда Бернадот ответил утвердительно, Моро сказал:

— Этот человек нанёс республике самый большой вред.

— И собирается причинить ей ещё больший ущерб, — добавил Бернадот.

— Мы должны остановить его.

Перед расставанием генералы договорились поддерживать контакт с бывшим военным министром Петье и некоторыми другими лицами, чтобы вместе воспрепятствовать планам "египетского дезертира". Поддержка со стороны Моро республике была бы весьма кстати, но, к несчастью, оценка генерала Моро Бонапартом оказалась правильной: в решающий момент Моро дал себя уговорить и… присоединился к "египетскому дезертиру".

За два дня до событий Бернадот обедал у Бонапарта. Там оказался Жубер, в отношении республиканских взглядов которого сомнений ни у кого вроде не было. Разговор шёл о войне, и Бернадот, не стесняясь, высказывал своё несогласие на этот счёт с хозяином. К вечеру подъехала толпа генералов, министров, советников; учёных. Теперь речь зашла о восстании шуанов. Бонапарт громко, чтобы все услышали, произнёс:

— В генерале Бернадоте вы видите настоящего шуана.

— Не противоречьте самому себе, — ответил тот, — несколько дней тому назад вы утверждали, что я поощряю неудобный энтузиазм республиканцев. И вот теперь оказывается, что я поддерживаю шуанов. Чему же верить?

Многие историки считают, что эта фраза задержала выступление заговорщиков на целые сутки. Другие говорят, что Наполеон по своей натуре был суеверным фаталистом и во что бы то ни стало хотел избежать назначения переворота на 17 брюмера (8 ноября), т. е. на пятницу, и настоял на субботе.

В пятницу 8 ноября Жозеф Бонапарт на пути в свой номер в гостинице на рю де Роше поздним вечером заехал к Бернадоту на рю Цизальпин. Генерал уже лёг спать и предложил свояку заехать к нему на следующий день. 9 ноября (18 брюмера) в семь часов утра Жозеф опять появился в доме Бернадотов. Он привёз приветы от брата Наполеона и спросил о том, что следовало бы предпринять ввиду предстоящих событий. Какие советы ему дал Бернадот, неизвестно, но с рю Цизальпин они вместе отправились

на рю де ля Виктуар, 11, где в гостинице проживал Наполеон.

Весь двор, приёмные и коридоры были битком набиты генералами и высшими офицерами. Все были чрезвычайно возбуждены, и Жозефе Бернадотом с трудом пробрались через толпу в номер брата. Наполеон в небольшом салоне завтракал с адъютантом Лемарруа. Жозеф вошёл к нему первым, оставив на минутку Бернадота в передней.

Оглядевшись, Бернадот увидел генерала Лефевра, командира 17-й дивизии, расквартированной в департаменте Сены. Поскольку генерал был известен как противник всяких революций, Бернадот подумал, что он находится там или как пленный, или как заложник. Он не знал, что Лефевр в полночь получил от Бонапарта вызов явиться к 6 часам утра к месту своего проживания и по пути на рю де ла Виктуар встретил крупное кавалерийское подразделение, входившее в состав его дивизии. Он страшно удивился этому, потому что никаких приказов своим подчинённым на выход из казарм он не отдавал. Командовавший всадниками полковник Себатьяни сослался на Бонапарта. К гостинице, в которой проживал Бонапарт, Лефевр приехал в дурном настроении.

— Ну, Лефевр, — встретил его Наполеон, — можете ли вы, столп республики, равнодушно наблюдать за тем, как республика пропадает в руках адвокатов? Видишь вон там, в пирамиде, сабли? Я даю одну из них вам как доказательство моего уважения и доверия!

Демагогия хитрецов действует на простодушных военных безотказно.

— Адвокатов в реку! — крикнул Лефевр и схватил саблю. Теперь он мог пойти за Наполеоном в огонь и в воду.

…Между тем Бонапарт уже подкрепился, и Бернадот вошёл в салон и сел на стул. Наполеон сделал знак Лефевру последовать его примеру и обратился к Бернадоту:

— Как это вы явились не в мундире?

— Я больше не на службе, — ответил тот.

— Но вы немедленно окажетесь на ней! — воскликнул без пяти минут диктатор.

При этих словах Бонапарт встал с места, взял гостя за руку и повёл его в соседнюю комнату.

— Директория правит дурно, — начал он своё демагогичное заявление, — она погубит республику, если мы не установим в ней порядок. Совет старейшин назначил меня комендантом Парижа и командующим Национальной гвардией и всеми частями дивизии. Наденьте мундир, и встретимся в Тюильри, куда я сейчас отправлюсь.

Не колеблясь ни секунды, Бернадот ответил отказом. Он ждал этого приглашения и заранее подготовил ответ.

— О, я понимаю вас, — с некоторым разочарованием в голосе продолжил Бонапарт, — вы полагаете, что можете рассчитывать на Моро, Макдональда, Бёрнонвиля и других генералов. Это заблуждение. Они все скоро здесь появятся, и Моро вместе с ними.

Затем Бонапарт перечислил собеседнику имена тридцати или более членов Совета старейшин, считавшихся приверженцами конституции, а теперь переметнувшихся к нему.

— Вы не знаете людей, — продолжал он извергать поучения, — они много обещают, но не сдерживают свои обещания, не полагайтесь на них.

— Я не хочу присоединяться к бунту, — твёрдо сказал Бернадот, — и свергать строй, за который отдали свои жизни много людей.

— Отлично, — ответил Бонапарт, — вы останетесь здесь, пока меня не провозгласит Совет старейшин, ибо до тех пор я — ничто.

— Генерал, — возвысил голос Бернадот и схватился за шпагу. — Я человек, которого можно убить, но ни за что не удержать против его воли.

— Дайте мне тогда слово, — смягчил тон Бонапарт, — что вы ничего не предпримете против меня.

— Как гражданин, я даю такое слово.

— Как гражданин? — удивился Наполеон. — Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что я сам в качестве простого гражданина не пойду в казармы, чтобы обратиться с речью к солдатам, или на площадь, чтобы возбуждать Национальную гвардию и народ. Но если меня позовёт Директория или законодательный корпус и отдадут мне приказ стать во главе гвардии, я пойду с ней против тех, кто пытается незаконно обрушить существующий порядок.

— Ах, что касается этого, то я совершенно спокоен. Я принял свои меры предосторожности, и вы не получите никаких приказов. Ваше честолюбие нагоняет на них не меньше страха, чем моё. А я всего лишь хочу спасти республику, для себя я ничего не требую. Я удаляюсь с моими друзьями к Мальмезону. Если хотите, присоединяйтесь.

— По части дружбы вы ещё как-то сгодитесь, но мне кажется, что вы станете самым деспотичным правителем.

С этими словами Бернадот пошёл на выход. Бонапарт сопроводил его до приёмной. Потом он нашёл Жозефа и в страшном волнении приказал ему: "Последи за ним!" А Бернадот,

неодобрительно посматривая на генералов, с высоко поднятой головой прокладывал себе путь через их толпу. Жозеф нагнал его и отвёз к себе на рю де ла Роше, где уже собрались несколько депутатов Совета старейшин и Совета пятисот. Свояк пригласил всех позавтракать и во время еды уверял всех гостей, что его брат хочет всего лишь защитить свободу, а сам готов провести всю оставшуюся жизнь, как философ, в стенах Мальмезона. Если кто и поверил этим словам, то Бернадота в их числе не было.

От Жозефа он пошёл в сад Тюильри, где встретил офицеров 71-й полубригады, которой когда-то командовал. Офицеры подошли к нему и попросили совета, что им делать в создавшейся ситуации. Бернадот ответил уклончиво — в том смысле, что он хотел бы, чтобы безопасность общества не пострадала от того, что готовилось в эти минуты. Он, казалось, держал слово, данное Наполеону, и оставался обычным гражданином, наблюдавшим за событиями со стороны.

Генерал прогулялся по улицам и поговорил ещё с несколькими офицерами, а потом пошёл к коллеге Журдану. Генерал Журдан находился в ожидании того, что правительство позовёт его и других верных генералов на защиту конституции. У него в квартире было несколько депутатов Совета пятисот, в частности генерал Ожеро, то и дело подходили новые люди и рассказывали, что обе палаты парламента должны были к завтрашнему дню собраться в Сен-Клу. Человек десять-двенадцать депутатов, а также генералы Саличетти, Журдан, Ожеро, Гаро и некоторые другие с 7 до 10 часов держали совет и пришли к решению о том, что Бонапарт на следующий день будет объявлен в Сен-Клу вне закона, а Бернадот получит командование над гвардией Совета пятисот. Из этого, однако, ничего не вышло: Саличетти в тот же вечер рассказал обо всём Бонапарту, министр полиции Фуше, уже давно переметнувшийся на сторону Наполеона, принял свои меры, и контрзаговорщиков в Сен-Клу не пустили.

Бонапарт, следуя принципу "разделяй и властвуй", поручил Саличетти к пяти часам следующего утра появиться на подготовительной сессии Совета пятисот, которая должна была предшествовать его отъезду в Сен-Клу, и объявить во всеуслышание, что он, Бонапарт, предпринял чрезвычайные усилия, чтобы воспрепятствовать выполнению декрета о депортации депутатов, которые поддержали идею снабдить Бернадота функциями командующего войсками.

Когда Бернадот вернулся от Журдана домой, то жена рассказала ему что в его отсутствие Бонапарт и Моро посылали генерал-адъютанта Рапателя, с тем чтобы он передал ему

указание присоединиться к ним на следующее утро в Тюильри. Естественно, Бернадот никаких телодвижений в этом направлении не сделал, ибо у него на 9 ноября были другие планы.

Если бы Баррас не испугался и не подал в отставку, если бы Совет пятисот в Сен-Клу проявил выдержку и стойкость и объявил Наполеона вне закона, то Бернадот был бы назначен Директорией военным министром и командующим 17-й дивизией и Национальной гвардией, и тогда исход государственного переворота предугадать было бы совсем нетрудно. Бернадот и Журдан волне могли бы рассчитывать на гарнизон Парижа, в котором у Наполеона не было сильной поддержки. Так всё ли сделал сам Бернадот в эти роковые для него и страны дни? И чиста ли была его совесть патриота и республиканца? Судя по всему, он очень жалел потом, что всё получилось так, как получилось.

В 1804 году, всё ещё находясь под свежим впечатлением от событий пятилетней давности, он написал Люсьену Бонапарту знаменательное письмо, в котором обвинил того в нарушении своего долга как депутата Совета пятисот и гражданина республики. Как писал Бернадот, Люсьен Бонапарт (1775–1840) не смог привести в своё оправдание никаких других мотивов, кроме того, что нарушить этот долг его заставило родство с зачинщиком переворота. Бернадот спрашивал свояка и самого себя: *"Но имею ли я право обвинять тебя… если я сам споткнулся на уговорах Жозефа?" — "Почему? — спрашиваю я себя. Да потому, что Жозеф — муж Жюли, сестры Дезире, т. е. моей супруги. Вот и смотри, от чего может зависеть судьба огромного государства! А ты ведь знаешь, что Антуан принадлежал мне, и у нас были оружие и люди… Но всё пошло насмарку в тот день. Верх благодаря тебе… и мне одержала слабость, мы поддались обаянию красивых фраз, в то время как я, возможно, мог бы всё предотвратить"*.

Это, пожалуй, исчерпывающий ответ на поставленный нами вопрос.

…А Наполеон рано утром появился в Сен-Клу среди депутатов обеих палат, надеясь, что они примут его как спасителя отечества. Не тут-то было! В Совете старейшин, заседавшем в зале Аполлона, обстановка была более-менее спокойней — там у Наполеона много сторонников. Наполеон вошёл в Совет старейшин в сопровождении Жозефа, секретаря Л.-А. Бурьенна (1769–1832) и нескольких офицеров и обратился к собравшимся с речью, которая была выслушана более-менее благосклонно. В Совете же пятисот, собравшемся в Оранжерее дворца, поднялся

такой шум и гвалт, что ни председательствовавший в Совете браг Люсьен, ни помогавший ему брат Жозеф, ни их сторонники не смогли переломить негативное настроение законодательного корпуса, Наполеону не оставалось ничего иного, как сбежать из зала — иначе бы разъярённые депутаты его растерзали. Депутаты, кто со сжатыми кулаками, кто с кинжалами, а кто с пистолетами, бросились на Наполеона с криками "Диктатор! Предатель! Долой тирана!", и если бы не образовалась свалка и не четыре гренадера, диктатору тут же был бы конец.

Пришлось сменить тактику и применить силу. Во дворе сыграли сбор, дверь Оранжереи отворилась, и в зал плотной толпой вошли гренадеры. Прикладами они стали выталкивать депутатов из зала, в то время как многие из них бросились в окна и выпрыгивали наружу. Живости законодателям придал громовой голос Мюрата:

— Выбросить эту адвокатскую сволочь на улицу!

Утром 10 ноября три новых консула — аббат и граф Эммануэль Жозеф Сиейес, Рожер. Дюкр и Наполеон Бонапарт — дали торжественную клятву служить неделимой Республике, Свободе, Равенству и Братству. Переворот 18 брюмера стал свершившимся фактом, а "философ" стал диктатором."*Брюмер означал конец самостоятельной роли Бернадота в истории Франции,* — написал Хёйер. — *Его карьера в последующие десять лет, какой бы ни была блестящей, целиком находилась в тени корсиканца*".

Бернадот же остался для Наполеона навсегда *I'homme obstacle* — человеком-препятствием.

9. НА СЛУЖБЕ У ДИКТАТОРА. ЗАПАДНАЯ АРМИЯ

Жестокость и страх пожимают руки друг другу.

Бальзак

Когда генерал Сарразэн в воскресную после переворота ночь возвращался домой в Шато-Фрагьер, что в Вилльнёв-Сен-Жорж, он увидел около своего дома знакомую фигуру Бернадота, а рядом с ним — какого-то мальчика. При ближайшем рассмотрении мальчиком оказалась Дезире. Супруга попросили Сарразэна спрятать их на время (сына Оскара они, вероятно, оставили на тётку Жюли), и Сарразэн отвел их в свой дом. Когда он на следующий день пошёл в Люксембургский дворец, там его встретил Наполеон и сказал, что если он увидит Бернадота, то должен передать, что он всегда рад считать его своим другом. Ж. Фуше уже 11 ноября доложил патрону о местонахождении Бернадотов, а тот через Жозефа дал знать беглецу, что по-прежнему считает его своим другом. Тем не менее Бернадот ещё двое суток, пока не получил письмо от Жозефа Бонапарта, не выходил из дома Сарразэна. К чести Бонапарта следует заметить, что он не стал подвергать кого-либо из своих противников преследованиям — пока. Ему нужно было объединить вокруг себя всех способных и энергичных людей, и если они захотят служить ему, то он найдёт им место во власти. Корсиканское чувство клановости ускорило примирение со строптивым свояком. И Бернадот, "поломавшись" для вида три дня, позволил Жозефу и Дезире уговорить себя вернуться в Париж. 20 января 1800 года он появился в доме у свояка в Мортефонтэне, где праздновали свадьбу Каролины Бонапарт с Йоакимом Мюратом.

Наполеон Бонапарт — первый консул. Художник Р. Лефевр

Примирение с Наполеоном было, вероятно, полным, потому что оно позволило Бернадоту рьяно добиваться освобождения арестованных депутатов Законодательного собрания и защиты своих друзей. В частности, ему удалось вычеркнуть из списков предназначенных к депортации якобинцев имя Журдана. Аббат Сиейес по поручению Наполеона приступил к разработке новой конституции — конституции т. н. консульства. 24 декабря 1799 года она вступила в силу, Директория упразднялась, и страной стал править триумвират консулов, из которых главным, естественно, стал Наполеон Бонапарт.

Среди военных — единственной прослойки общества, которая искренне поддержала Наполеона во время переворота, — началось брожение и недовольство: как так получилось, что один человек, такой же, как и они сами, узурпировал власть в стране и правил как диктатор? Люсьен Бонапарт и Бернадот на первых порах полагали, что Наполеон станет французским Джорджем Вашингтоном, но просчитались: тот сделался французским Оливером Кромвелем. Первый консул отлично знал об этих настроениях и стал немедленно избавляться от бывших своих сторонников: Сен-Сир с дивизией отправился в Португалию, Ланн уехал послом в Лиссабон, Брюн — в Константинополь, Макдональд — в Копенгаген. Но мстить никому Наполеон не стал. Он делал ставку на достижение в стране консолидации независимо от принадлежности к партиям людей, которые захотят поддержать Консульство.

Бернадот, хоть и не сразу, а только через месяц после событий ставший не без помощи Жозефа Бонапарта членом

Государственного совета, центрального органа новой власти, какое-то время работал в военной его секции, занимаясь разработкой нового закона о рекрутах, но скоро получил предложение выехать в армию под Дижон, непосредственно подчинявшуюся Наполеону. Бернадот от этого назначения отказался, и тогда диктатор отправил его в Западную армию. Уже цитировавшийся выше Бурьен писал, что первый консул всеми способами хотел удалить не поддержавшего переворот 18 брюмера и строптивого генерала подальше от Парижа. Т. Хёйер считает такое предположение маловероятным, ибо Бернадот сам искал себе занятия и фактически сам предложил себя на пост командующего Западной армией.

Ещё в 1798 году шла речь о высадке в Англии, и вот теперь первый консул назначил Бернадота командиром экспедиционного корпуса в надежде, что генерал наделает ошибок, и тогда его можно было бы привлечь к ответственности. Вскоре, однако, всем стало очевидно, что бросок через Ла-Манш французам был не по зубам и не по карману и идею десанта похерили. А Бернадота послали усмирять мятежную Вандею и сторожить побережье Франции от высадки английского десанта — авось там он сломит себе голову!

Война с местными крестьянами главным образом развернулась по левому берегу Луары, в Анжу, и по берегам Пуату. Революция, кроме бед и оскорблений обычаев, ничего не дала этому дикому краю, в котором издавна господствовали патриархально-феодальные порядки. Священник и помещик в глазах безграмотных крестьян были наместниками Бога и Короля на земле, и другого начальства никто из них знать не хотел. Вандея жила изолированно от всей Франции, и её нисколько не трогало, что там происходит в Париже. Вандейцы лишь знали, что их любимого короля убили, и теперь они воевали против тех, кто это сделал. Война приняла затяжной характер, потому что мятежников поддерживало всё население.

18 марта был подписан приказ о назначении Бернадота командующим Западной армией, а 17 апреля 1800 года он приступил к исполне-нию своих обязанностей, сменив на этом посту Брюна. Начальником штаба у него стал генерал Тилли. К этому времени первый консул провёл с руководителями инсургентов переговоры, в результате которых в провинции в обмен на прекращение военных действий всем мятежникам была объявлена амнистия. В лесах остались лишь самые заядлые бандиты, для которых война, грабежи и беззаконие стали уже способом жизни. Их банды подлежали уничтожению. Эта задача и была возложена на боевого генерала Бернадота.

Самый опасный, фанатичный и жестокий вождь шуанов Жорж Кадудаль, крестьянский сын, весной 1800 года сбежал в Англию и договорился там с графом Артуа, будущим королём Карлом X, о том, чтобы поднять в Вандее новое восстание, скомбинированное с роялистским переворотом в Париже. В начале июня он появился в Вандее. Наполеон проинструктировал Бернадота о необходимости проведения в отношении населения умеренной политики и по возможности избегать репрессивных мер, особенно в отношении священников.

Наполеон в ночь на 6 мая отправился в Дижон в т. н. резервную армию, которую после подготовки он намеревался ввести в потерянную — благодаря суворовским войскам — Италию. "*Я снова хочу подвергнуть себя батальным опасностям*, — сказал он перед отъездом Бернадоту, — *и кто знает, что может случиться со мной. Если погибну, вы с сорока тысячами окажетесь у ворот Парижа… в ваших руках будет находиться судьба республики*". Был ли искренен первый консул, признавая соперника своим преемником у кормила власти? В искусстве лицемерия у него не было равных! Но как бы то ни было, отношения между обоими соперниками с этого момента стали улучшаться — во всяком случае, внешне.

Армия, в которую приехал Бернадот, вместо 40 едва насчитывала 18 тысяч и находилась в жалком состоянии. Солдаты месяцами не получали жалованья, голодали, ходили оборванные и грязные и в стремлении выжить добывали себе средства пропитания у местного населения, что приводило к нежелательным эксцессам. Вандейцы снова стали собираться на тайные сборища и доставать из тайников припрятанное оружие. Результаты перемирия и амнистии сводились на "нет", и в провинции вот-вот должна была опять вспыхнуть война. Особенно упорно сопротивлялись пасификации служители церкви, и Бернадот уже приходил к мнению о том, чтобы вместо амнистии применять к ним более суровые меры, например — трибуналы.

Основные свои усилия Бернадот направил на то, чтобы искоренить причины недовольства как среди солдат, так и населения. Там, где можно, он вёл переговоры с местными предводителями, там же, где считал необходимым, применял силу, а в отдельных районах ввёл трибуналы. Он разъезжал по провинции и беседовал с населением, уговаривал крестьян, обещал им помощь и справедливость. Он пришёл к выводу, что карательные экспедиции и конфискация оружия были мало эффективны, и добился от правительства того, чтобы за добровольную сдачу крестьянами оружия выплачивались деньги. К концу августа 1800 года появились первые, хотя и скромные,

позитивные результаты.

Одновременно с этим Бернадоту приходилось заниматься борьбой с английскими десантами и охраной всего северо-западного побережья Франции. В нюне 1800 года, после разгрома датского флота и расстрела Копенгагена, здесь появился флот Англии с 18-тысячным десантом. Подразделения Западной армии метались по берегу и пытались помешать высадке противника. Решающий бой произошёл под Кибероном, там французы не дали высадиться англичанам на сушу и заставили их вернуться на корабли. Только близ о-ва Нуармутье англичанам удалось высадить большую группу французских эмигрантов во главе с Кадудалем. К счастью, боевой дух мятежников к тому времени уже иссяк, и зажечь пламя нового восстания шуанов Кадудалю не удавалось. Попытки англичан закрепиться на французском побережье тоже потерпели неудачу.

Летом 1800 года к генералу приехала супруга с сыном и поселилась в епископском дворце в Ренне. Здесь на неё сильное впечатление произвели местные обычаи и постоянная опасность. По сообщению Изарна, Дезире иногда переодевалась в офицерский мундир и сопровождала мужа на конных прогулках. Уезжая в Париж, она договорилась с адъютантами мужа о том, чтобы они хорошенько присматривали за ним. Потом Жерар и Морэн писали ей письма и докладывали, как они остерегают своего шефа: в комнате рядом со спальней Бернадота всегда ночевал адъютант, во время поездок вместе с генералом всегда спал Жерар, а на лестницах и под окнами спальни стояли часовые; на прогулках генерала сопровождали 5–6 самых верных людей, одетых в такие же мундиры, что и сам объект охраны, — чтобы террористы и бандиты не сразу узнали, кто из них Бернадот. Аналогичные меры безопасности принимались на приёмах посетителей, во время завтрака, обеда и ужина и купания в ванне. Морэн успокаивал генеральшу, что жизни её супруга ничто не угрожает, потому что он пользуется в Вандее огромной популярностью.

Супруги находились в постоянной переписке друг с другом. Их письма, по свидетельству Хёйера, демонстрируют тёплые сердечные отношения. Бернадот советует Дезире не засиживаться дома и больше выходить в свет — ведь жизнь так скоротечна, и нужно сполна воспользоваться её благами. Он призывает её развивать свои музыкальные и танцевальные способности. Супруги живо обсуждают сына, которого настала пора отнимать от груди и вакцинировать от оспы. Много строк занимают советы супруга обратиться к зубному врачу и вытащить у Оскара больной зуб: лучше пострадать один раз, чем долго мучиться. К тому же

больной зуб так портит внешний вид! Это замечание подвиглотаки трусиху Дезире пойти к дантисту. Правда, окончательно убедить её в этом помог корсиканец Чиаппе, общий друг супружеской четы Бернадотов. Генерал благодарит Чиаппе за помощь, а супруге пишет, что тот слишком часто стал у неё бывать.

В этот период Бернадот продолжал заниматься самообразованием и пополнять свои знания. Осенью 1800 года он составил записку о возможной ликвидации крепости Филиппсбург, в которой цитировал Морица Саксонского, Ллойда и др. авторитетов в области фортификации и военного искусства. Швейцарский публицист Этьен Дюмон в 1801 году после обеда, на котором присутствовал Бернадот, сказал, что был впечатлён его деятельностью и огромным влиянием на солдатскую массу и что его беседа за столом выдавала в нём вполне образованного человека. Приятное признание для бывшего гренадера полка Рояль-Марин!

Между тем к лету отношения между первым консулом и командующим Западной армией стали снова заметно портиться. Если раньше Бонапарт заканчивал свои письма к нему дружеской фразой "Je Vous salue et Vous aime" и приветами Дезире, то уже в письме от 18 июля он ограничился коротким "Je Vous salue", а потом тексты посланий и вовсе становились всё суше и холодней, пока к концу года переписка не прекратилась вовсе.

Одной из причин этого могли служить напряжённые отношения Бернадота с военным министром Л. Карно и постоянные жалобы на него первому консулу, который к этому времени уже, вероятно, задумал Западную армию упразднить, а также доклады полиции о причастности генерала к интригам против первого лица Консульства.

В сношениях с Карно Бернадот избрал весьма резкий и вызывающий тон, напоминая ему о том, что он, член Государственного совета и генерал-аншеф, а тот — всего лишь какой-то кабинетный генерал, который плохо понимает запросы простых солдат и к тому же в прошлом был на хорошем счету у якобинцев, а после 18 брюмера попал в опалу. Явно недозволенный приём критики! Как будто сам генерал не пребывал в точно таком же положении! *"Мы более не живём во времена, когда донос или неприязнь могущественного властителя озна чали смертный приговор… Во всяком случае, я могу только высказать Вам сожаление, что вы не отдаёте справедливости человеку; участие которого к Вам в Ваших бедах всегда следовало за Вами и который снисходительно относился к Вашей политической карьере*". Вот такой залп красноречия выдал

генерал-аншеф в адрес своего коллеги, пытавшегося высказать своё мнение.

Долго испытывать терпение Карно не пришлось — его скоро "ушли" в отставку. Но перед уходом он "хлопнул дверью" и, со своей стороны, успел лягнуть Бернадота, доложив первому консулу о том, что в районе действия Западной армии против Наполеона плетутся интриги и что "генерал-аншеф" смотрит на это более чем снисходительно. Всё это нервировало Бернадота и вносило дополнительные трения в отношения с Парижем. 6 сентября 1800 года он попросил Наполеона перевести его на открывавшийся португальский фронт, но тот решил отправить туда своего зятя, мужа сестры Полины, генерала Леклерка.

К октябрю обстановка в районе действия Западной армии стабилизировалась и Бернадот вернулся в Париж, откуда управление армией осуществлял до апреля 1801 года. Пребывание в Париже Бернадот пытался использовать для получения назначения в Италию, предложив на своё место Й. Мюрата, но Мюрат, зять Наполеона, наотрез отказался рокироваться с ним и сам отправился командовать Итальянской армией. Это сильно ударило по самолюбию беарнца: получалось, что первый консул при назначениях на важные посты руководствовался не заслугами генералов и пользой дела, а исключительно родственными соображениями.

Бернадот попытался заручиться поддержкой Наполеона, чтобы получить назначение в Сан-Доминго, но неожиданно туда за какие-то провинности, вместо обещанной Португалии, послали Леклерка. В ноябре Леклерк, отправляясь за границу, по пути в Брест посетил Бернадота в Ренне. Встреча была холодной, Бернадот не мог простить Леклерку, что тот перешёл ему дорогу. А зря! Осенью 1802 года Леклерк умрёт от жёлтой лихорадки, а вся вест-индская затея Наполеона закончится полным фиаско.

10 октября 1800 года на первого консула в опере должно было произойти покушение, исполнителем которого стал корсиканец Жозеф Арена. В числе сообщников Арены был заподозрен итальянский скульптор Джузеппе Черакки (Ceracchi), знакомый Бернадота. Дело было, по мнению Хёйера, сфабриковано полицией Фуше, который использовал в этих целях агента-провокатора Хареля. Провокатор сделал донос на многих видных якобинцев, включая Массена, Ланна, Саличетти и Бернадота. Поскольку заговор был раскрыт сразу после высылки из страны активных якобинцев, подозрение пало на Бернадота. Его имя внесли в т. н. проскрипционные списки, и он должен был, по всей видимости, разделить судьбу своих многих коллег-генералов. После ареста Черакки полиция Футе вплотную

занялась Бернадотом, пытаясь инкриминировать ему соучастие в покушении и финансировании террористов. Когда Бернадот подъезжал к Парижу, подчинённые Фуше допрашивали Дезире.

Какая же связь существовала у Черакки с Бернадотом? Дело в том, что генерал прошлой зимой заказал у скульптора свой бюст и дал ему задаток! В конце концов следствие было прекращено за неимением улик. С помощью свояка Жозефа имя Бернадота из списков неблагонадёжных было вычеркнуто, но не из памяти первого консула.

24 декабря 1800 года на диктатора было совершено второе и тоже неудачное покушение. Во время проезда кортежа первого консула на одной из улиц Парижа взорвалась бомба. Когда Наполеона спросили, кто в случае его смерти должен будет сменить его на посту первого консула, он ответил:

— Генерал Бернадот. Он, как и Антоний, продемонстрировал бы возбуждённой толпе окровавленную тогу Цезаря.

Пожалуй, первый консул был прав: Бернадот продемонстрировал бы французам не только кровавый мундир Наполеона, но, возможно, и его голову.

В апреле 1801 года, после того как удалось помочь освободить из тюрьмы арестованного ранее отца известной содержательницы парижского салона мадам Жюльетт Рекамье, генерал Бернадот вернулся в Западную армию. На восточных фронтах дело шло к миру, и единственным неспокойным местом во Франции оставался район дислокации Западной армии. Бернадот всё ещё надеялся, что в ближайшее время состоится высадка в Англии. Наполеон собирался назначить во главе экспедиции Бернадота, Массена и Ожеро, и в Париже мрачно шутили, что главная цель всей затеи первого консула заключалась в том, чтобы все три якобинца нашли наконец свою смерть.

Супруга Дезире, вероятно уставшая от роли ревнивой львицы, стоящей на защите своего льва-героя, сразу окунулась с головой в светскую жизнь. Её всё время видели в салонах Парижа в сопровождении 49-летнего холостяка адмирала Лорана Трюге и Чиаппе.

21 мая 1802 года в связи с заключением мира с Англией Наполеон дал указание упразднить Западную армию за ненадобностью. 9 августа Западная армия была распущена, и Бернадот 10 октября снова вернулся в Париж, ожидая получить хоть какое-то новое назначение, но время шло, и, казалось, никто в его услугах больше не нуждался. Впрочем, одно предложение поступило: поехать генерал-капитаном на о-в Гваделупу, но Бернадот, естественно, от такой "чести" отказался. Отверг он

также и предложение занять пост посла в Константинополе — с него хватило венского опыта! По приказу Наполеона Бертье начал в армии чистку, чтобы изгнать из её рядов всех республиканцев. Вероятно, для защиты республики первый консул в её сторонниках не нуждался, а собирался найти опору в её противниках. Бернадот ждал, когда Бертье доберётся и до него. Чистки от "неблагонадёжных элементов" полным ходом шли в государственном аппарате, в судах, в представительных учреждениях. Первый консул расчищал себе путь для пожизненного консульства и готовил базу для примирения с Ватиканом.

Люсьен Бонапарт в своих мемуарах (со слов брата Жозефа) описывает беседу, которую в это время первый консул имел со старшим братом Жозефом. Жозеф пришёл убедить Наполеона в том, что Бернадот — умный и порядочный человек и что ему следовало бы подыскать какое-нибудь подходящее занятие.

— Так-так-так, — произнёс первый консул, — если эта дурная южная голова не прекратит осыпать моё правительство упрёками, то вместо какого-нибудь назначения, о котором он ходатайствует, я прикажу его расстрелять на площади Каррузель.

— Вы хотите, чтобы я с этим пошёл к нему? — спросил Жозеф.

— Нет, — уже более благодушно сказал Наполеон, — это совет, который я даю вам, его другу и свояку, чтобы вы посоветовали ему вести себя поумней и осторожней.

Жозеф пожал плечами, пошёл к Бернадоту и пересказал свой разговор с братом. Занесённый над головой меч снова просвистел мимо. Угрозы со стороны диктатора были всего лишь словами, и посягнуть на жизнь Бернадота он не смел. Но отношения между соперниками от этого лучше не стали.

10. НОВЫЕ НАЗНАЧЕНИЯ

Есть два рычага, которыми можно двигать людей, — страх и личный интерес.

Наполеон

В июне 1802 года первый консул предложил Бернадоту пост губернатора и главнокомандующего французскими войсками в Луизиане, уступленной Франции по миру с Испанией в мае 1801 года, и Бернадот немедленно это предложение принял. Он понимал, что Наполеон избавлялся от него, но это было лучшее из того, на что он мог рассчитывать в своём положении, и с энтузиазмом взялся за подготовку к отъезду А. Блумберг пишет, что генерал всё ещё питал надежду на то, что таким образом ему удастся уйти из-под властной опеки первого консула. Бернадот потребовал выделить ему для отправки в колонию 6000 солдат, которых он намеревался содержать в Луизиане за счёт местных и собственных средств в течение двух лет. Наполеон это требование отклонил, и Бернадот, обиженный отказом, уехал с женой лечиться и отдыхать на воды в Пломбьер. В августе 1802 года в Луизиану уехал генерал Виктор, а потом начались дела с разоблачением антиправительственного заговора в Западной армии.

Летом 1802 года в штабе бывшей Западной армии, офицеры которой проявляли недовольство её роспуском, Амьенским миром с Англией, подписанием конкордата и вообще политикой Наполеона, полиция раскрыла агитационный центр, который выпускал памфлеты с критикой Наполеона. Памфлеты, выходившие в красно-синих обложках, называли первого консула тираном, узурпатором и дезертиром. Савари, шеф личной полиции Наполеона, как гончая, почуявшая добычу, набросился на это дело, надеясь снова добыть улики против Бернадота. Включился в поиски врагов консула и старый друг Бернадота генерал Даву, которого Наполеон сделал шефом ещё одной секретной полиции, наделив его самыми широкими полномочиями.

А началось всё с того, что в адреса военных в мае стали поступать брошюры, вложенные в красно-синие конверты. Брошюры содержали материал с призывом свергнуть диктатора Наполеона, и их получил даже военный министр Бертье. Когда об этом доложили первому консулу, тот дал приказ начать секретное

расследование, которое вёл сначала парижский префект Лют Дюбуа. Неожиданно в парижскую полицию с заявлением пришла молодая женщина, которая рассказала, что её любовник капитан Огюст Рапатель и адъютант генерала Симона, находившийся в Париже в отпуске, получил из Ренна целую пачку красно-синих брошюр. За расследование взялся также префект Ренна Мунье, и поскольку Рапатель был родственником генерала Моро, то Мунье тут же взял его на подозрение. Министр полиции Жозеф Фуше, симпатизировавший в этот момент якобинцам, с самого начала выдвинул версию о том, что к памфлетам причастны роялисты, подделавшиеся под стиль якобинцев, и начал собственное параллельное расследование в Сен-Мало (Бретань).

Скоро, однако, Мунье удалось выйти на след типографии, отпечатавшей брошюры, а также на человека, отправившего пачку с брошюрами капитану Рапателю в Париж. Последовали аресты, среди которых оказались два адъютанта Бернадота — Фуркар и Марбо — и младший лейтенант Бертран, ответственный в армии за почтовую связь, а значит, и за т. н. чёрный кабинет. Лейтенант успел сжечь все уликовые бумаги, и подозрение Мунье стало концентрироваться на генерале Симоне. Префекту удалось так обработать генерала, что тот был вынужден назвать автором двух памфлетов себя, а в сочинении третьего антинаполеоновского опуса был вынужден сознаться Бертран. Оба офицера категорически утверждали, что никакие другие люди в заговоре не участвовали.

К делу о памфлетах в Западной армии прибавилось ещё дело 82-й полубригады, которая взбунтовалась и отказалась отправляться в Индию. Во время бунта офицеры полубригады, в частности полковник Пиното и командир батальона Мюллер, довольно резко высказывались против диктатора Наполеона.

Виновных отправили в ссылку. Бертран скоро умер в Кайенне, а генерала Симона помиловали и перевели на о-в Олерон. Потом ему разрешили поселиться у себя на родине, а в 1809 году он вернулся на активную службу в армию. Фуркар и Морбо вышли из дела сухими, поскольку к "заговору" они оказались не причастны. Бернадот демонстративно не выступил на их защиту и на их арест дал формальное согласие.

Многие исследователи не сомневаются в том, что Бернадот был главным организатором дела с сочинением и распространением брошюр среди военных. Все арестованные по обоим делам офицеры были близки к нему и пользовались его полным доверием. Владелец злосчастной типографии, ссылаясь на рассказ Бертрана, показал на следствии, что Пиното, вернувшись из поездки в Париж, привёз с собой приказ о начале

заговора, во главе которого стоял Бернадот. При этом он и понятия не имел о том, кто такие были Пиното и Бернадот.

Т. Хёйер и в данном случае снова очищает Бернадота от всяких подозрений. Саму идею заподозрить его в участии в этой весьма невинной и неуклюжей акции историк считает абсурдной. К такому же выводу в 1921 году пришёл французский историк Ф. Массон. И в самом деле: неужели опытный генерал, находившийся в верхнем эшелоне власти, отличавшийся чрезвычайной осторожностью (вспомним его поведение во время фрюктидора и брюмера) рискнул бы своей карьерой и будущим ради участия в какой-то гимназической шалости с рассылкой конвертов в адреса известных генералов, включая самого Бертье? Наш герой был очень осторожным человеком и на подобную бы авантюру не пошёл. Бернадоту можно было бы только вменить в вину то, что он вокруг себя создал такую моральную обстановку, которая в конечном итоге сделала возможным выступление Симона-Бертрана.

Сам Бернадот вспоминал, что в момент "заговора" Симона-Бертрана он готовил в Париже базу для конституционного свержения первого консула, так что ничего не ведавший об этом Симон своими неразумными действиями лишь сорвал этот замечательный замысел. В 1833 году Карл XIV Юхан дополнил свою версию новыми деталями, сообщив в своих "Записках о конкордате", что Симон стал жертвой полицейской провокации, целью которой была дискредитация Бернадота. Т. Хёйер считает это объяснение короля вполне достоверным.

Фрондёрство Бернадота продолжилось и в атмосфере "семейного единения", и основания для недовольства Бернадотом у Наполеона были достаточно веские. 18 апреля 1802 года Франция праздновала подписание Амьенского мира и заключение с Ватиканом т. н. конкордата, по которому в стране возобновляла свою деятельность католическая церковь. Заключение конкордата было воспринято как в стране, так и в непосредственном окружении Наполеона неоднозначно. Многим соратникам Наполеона ещё были памятны реакционеры в сутанах, и примирительный по отношению к церкви шаг они считали самоубийственным. Наиболее ярыми противниками конкордата были генералы. После заключительной молитвы Te Deum в соборе Парижской Богоматери генерал Дельма подошёл к первому консулу и бросил ему прямо в лицо такие слова: "*Прекрасная капуцинада — не хватает только миллиона людей, которые положили свои жизни на уничтожение того, что Вы сегодня восстанавливаете*".

Несколько раньше, когда первый консул после процедуры

подписания конкордата в том же соборе Парижской Богоматери с папой Пием VII 15 июля 1801 года обратился к стоявшему рядом Бернадоту с вопросом: "*Не правда ли, всё сегодня, кажется, восстановлено в соответствии со старым порядком?",* то вряд ли ожидал услышать из уст Бернадота очередную дерзость: "*Да, гражданин консул, всё, кажется, восстановлено в соответствии со старым порядком, кроме тех двух миллионов французов, которые погибли за свободу и которых уже не воскресить*".

Дельма собрал единомышленников — генералов Лекурба, Доннадье и др. и на первой торжественной службе в соборе Парижской Богоматери собирался обсудить с ними возможности покушения на Наполеона. На этом летучем совещании присутствовал и Бернадот. Он высказался там за смещение первого консула, но против его убийства. Согласно более поздним заявлениям Бернадота, он якобы в этот день предлагал генералам Ожеро, Массена и Макдональду арестовать Наполеона во время богослужения, лишить его власти на основании параграфа конституции, запрещавшего французам исполнение официальных функций в других странах, и выслать его в Италию. (Накануне Наполеон был избран президентом Итальянской республики и, значит, не мог оставаться первым консулом Франции.) Бернадот предлагал учредить директорию из трёх членов, в которую должны были войти он с Моро. По пути в собор Парижской Богоматери он якобы остановил кареты генералов и сделал им это предложение, но никто из них так и не вышел из своих карет.

Мимо Фуше, а значит, и Наполеона эти разговоры не прошли.

Генерал Моро, не явившийся на праздник подписания конкордата и надевший своей собаке кружевной воротник (с намёком на папу Пия VII) дорого заплатил за своё диссидентство. Даву, ставший начальником ещё одной тайной службы, приказал арестовать ближайших помощников Моро и обвинил их в участии в покушении на Наполеона. Скоро наступила очередь и самого Моро.

Недовольство конкордатом и диктаторскими замашками первого консула проявлялось не только среди военных, но и в первую очередь в среде интеллектуалов, депутатов, сенаторов и чиновников, но их голосов не было слышно, потому что они боялись и пикнуть при Наполеоне. В этот период Бернадот стал постоянным участником вечеров в салонах мадам де Сталь и Рекамье, где собирались оппозиционные к Консульству элементы.

Время до весны 1804 года Бернадот, ожесточённый немилостью Наполеона и подавленный бездельем, провёл в Париже, на курортах или в своём имении Лягранж. Полиция Фуше ходила за ним по пятам и составляла отчёты о его

совместных с Массена, Моро, Макдональдом и Ожеро интригах. Любой его контакт с официальным лицом, депутатом или сенатором рассматривался правящим режимом под углом зрения неблагонадёжности. Тем не менее Наполеон пока не трогал строптивого беарнца и утешал его (и вероятно, себя) тем, что непременно найдёт ему новое дело.

Неудачу с луизианским губернаторством Наполеон накануне 1803 года решил компенсировать заманчивым предложением занять пост французского посла в Вашингтоне, чтобы завершить начатые там переговоры с президентом Джефферсоном. И 21 января 1803 года состоялось официальное назначение Бернадота послом в США. Вашингтон не шёл ни в какое сравнение с чопорной и враждебной Веной, и Бернадот с энтузиазмом стал готовиться к командировке. 19 апреля 1803 года он, сопровождаемый женой и сыном, а также адъютантом полковником Жераром, прибыл в порт Рошель, чтобы взойти на борт фрегата, отправлявшегося в Америку. Когда начали грузить багаж, из Парижа по телеграфу пришло указание о том, чтобы фрегат вышел в море для выполнения более важного задания, а Бернадоту и его семье предлагалось воспользоваться другим судном. Другое судно — тоже фрегат — стояло в доке и ремонтировалось. Пока шёл ремонт фрегата, Англия 16 мая 1803 года объявила Франции войну, и английский флот плотно блокировал морские коммуникации Франции. Пересекать Атлантический океан при полном господстве английского флота было рискованно, а Бернадоту, хоть и хотелось удалиться подальше от Наполеона, но проводить свои дни в качестве английского пленника в Тауэре или другой британской тюрьме не хотелось. На дипломатической карьере генерала снова был поставлен жирный — теперь окончательный — крест. Он сложил с себя посольские полномочия и, к величайшему разочарованию Наполеона, вернулся в Париж. Там ему вернули генеральское жалованье, но армии не давали. Бернадот продал свой дом на рю Цизальпин и в предместьях столицы купил имение Лягранж.

1802–1803 годы, по мнению А. Палмера, были самыми опасными в жизни и карьере Бернадота. Наполеон был рассержен в очередной раз — теперь его отказом отплыть к месту назначения в США. Арестовали и отправили в ссылку генерала Моро. Генерал, по своим взглядам республиканец, слишком долго, как и Бернадот, оглядывался по сторонам, чтобы наконец на что-то решиться, а когда настало время действовать, то вокруг оказались лишь роялисты — сторонников Республики всех ликвидировали, и их можно было пересчитать по пальцам.

А роялисты, поднявшие головы после объявления Англией

войны и разжигания восстания шуанов в Вандее, вновь представляли определённую силу. У Моро, пишет Венкер-Вильдберг, не хватило силы поднять знамя республики, и он оказался невольным трабантом в лагере роялистов. Моро нехотя, как бы вслепую, вступил в контакт с Жоржем Кадудалем и прибывшим из эмиграции кабинетным генералом Пишегрю, которые на деньги графа-эмигранта Артуа готовили покушение на Наполеона. Полиции Фуше удалось выследить и поймать и Пишегрю, и вождя шуанов Кададуля, а потом вслед за ними арестовали Моро и ещё дюжину роялистских фрондёров. Бернадот, который, как мы уже упоминали выше, предлагал Моро вернуть Францию к состоянию до 18 брюмера и употребил всё свое красноречие, чтобы втянуть в переворот нерешительного и лабильного Моро, теперь и сам оказался замешанным в роялистский заговор.

После раскрытия заговора Пишегрю Наполеон хотел непременно разделаться со всей старой генеральской гвардией, включая и "гражданина Бернадота", и только вмешательство Жозефа Наполеона снова отвело от него беду. Д. Сьюард пишет по этому поводу: *"Не оставляет никакого сомнения тот факт, что Бернадот был причастен к наговору, но получил помилование исключительно ради Дезире".* Хорошо осведомлённый Жозеф снова оказался верным другом и искренним родственником! Что сталось бы с Бернадотом, не будь над его головой охраняющей длани свояка?

Согласно Венкер-Вильдбергу, разочарованный нерешительностью коллег-заговорщиков, Бернадот якобы успел вовремя отойти в сторону, но зато его супруга Дезире якобы проговорилась о заговоре первому консулу. Впрочем, замечает историк, Наполеон, благодаря Фуше, и без неё находился в курсе событий. Кадудаля казнили, Пишегрю покончил с собой в тюрьме, а Моро отправили в ссылку в Америку. Бернадот, благодаря семейным связям, снова остался целым и невредимым, но без работы. В это же время за несогласие с первым консулом был отправлен в почётную ссылку в Италию его брат Люсьен (позже брат эмигрирует в США). Первый консул в каждом из своих бывших коллег видел теперь соперника или заговорщика и дал полную волю полицейским ищейкам всех трёх служб: Фуше, Савари и Даву.

Опять для Бернадота наступил период безделья, и опять в дело вмешался сердобольный свояк Жозеф. Как вспоминал потом сам Бернадот уже в качестве шведского короля Карла XIV Юхана, *"Бонапарт не был склонен к мести, и когда он, для усиления собственной власти, высказал пожелание крепить семейные узы,*

мир снова восстановился. Когда же Бернадот появился в Тюильри, то встретил там, как человек с талантами к великим делам, дружеское расположение, хотя и постоянно мучился от неудовлетворённого честолюбия… Между тем Бонапарт сказал своему брату, что к причудам Бернадота следовало относиться более снисходительно". Вряд ли так благодушно рассуждал наш герой в описываемое им самим время! Но какие бы строки в свои мемуары ни вписывал король Швеции, нужно наконец признаться, что Наполеон и в самом деле проявил по отношению к нему максимум великодушия, терпения, семейного снисхождения и благожелательства.

В январе 1804 года адъютант Бернадота полковник Жерар повёл шефа к знаменитой парижской гадалке мадам Ленорман, постоянными клиентами которой были многие сановники Франции. Жерар представил Бернадота купцом, но гадалка сразу обнаружила (по картам, разумеется!), что клиент — генерал и родственник Наполеона и что он однажды станет королём далёкого королевства. Бернадот, сообщает Венкер-Вильдберг, посмеялся над предсказанием, но ушёл от гадалки в хорошем расположении духа.

Но совесть его была вряд ли спокойна. В цитировавшемся выше письме Бернадота к Люсьену Бонапарту от 1804 года говорится: "*Теперь нет иной чести, кроме как быть рядом с ним* (Наполеоном. — *Б.Г.), с ним вместе, выражать себя посредством него и, к несчастью, жить только для него, потому что в обычаях суверенного народа появилось желание без всякого сомнения и без всяких условий лишать себя всего ради императора… Вперёд, солдаты, марш! И вместо "да здравствует республика!" — "да здравствует император!*". *Ведь так намного красивей*".

Тем не менее, когда "благодарная общественность" Франции — генералы, офицеры, сановники — 6 мая 1804 года преподнесли первому консулу адрес с предложением стать императором Франции, то третьей по счёту, после подписи Мюрата и Массена, на нём значилась подпись "любимого" свояка Жана Батиста Бернадота. Не блистал Бернадот и отсутствием на церемонии коронации Наполеона и торжественно нёс подушку с орденами императора.

Генералы и оппозиционеры типа Моро, Карно и Лафайета удалились от активной деятельности и ждали, когда ненавистный им диктаторский режим изживёт себя и падёт сам собой. Ждать им пришлось долго. Другие генералы типа Бернадота, Массена и Ожеро остались во Франции и стали служить Наполону верой и правдой, потому что, как объясняет Хёйер, другого выхода для того, чтобы служить родине и одновременно пытаться подрывать

режим изнутри, у них не было.

Всё было бы хорошо, если бы на самом деле они: а) служили родине, а не диктатору, в чём они сами сильно сомневались и о чём, кстати, сам Бернадот сказал выше достаточно недвусмысленно, и б) если бы с их стороны была предпринята хотя бы одна реальная попытка навредить этому самому режиму. Отнюдь! Все эти генералы-республиканцы, ставшие маршалами, князьями, проконсулами и королями и получившие сказочные почести, о каких они не могли мечтать в самых безумных снах, сделали вид, что не заметили, как их самым вульгарным способом купили. О, они знали, какой ценой они получили все эти милости и почести, и внутри себя стыдились этого, а потому время от времени "взбрыкивали" под седлом взнуздавшего их седока и, чтобы совсем не упасть в глазах людей, время от времени высказывали глухую критику в адрес бывшего консула, а ныне — императора. Этим их фрондёрство в основном и ограничивалось. А когда диктатора в 1814 году загнали в угол, то все они бросили его и мигом разбежались в разные стороны.

Поэтому Бернадот, ничем к тому же не рискуя (Жозеф и Дезире всегда были рядом), голосовал якобы против продления полномочий первого консула и превращения их в посмертные. Так же "смело" он выступил против конкордата, не соглашался с учреждением Почётного легиона и избранием Наполеона в императоры, а потом послушно становился шефом когорты этого легиона, принимал в дар резиденции-дворцы, клялся в вечной преданности императору Наполеону и верой и правдой утверждал его власть на оккупированных территориях.

А Наполеон, всё время опасавшийся хрупкого и неон ределён нош нейтралитета Бернадота, решил задушить его своим великодушием. В конце апреля 1804 года он вызвал к себе опального генерала и имел с ним продолжительную беседу. О содержании этой беседы Бернадот сказал мадам Рекамье следующее: "Я *не обещал ему любовь, но обещал лояльную поддержку, и я сдержу своё слово*". Наполеон не был неблагодарным, и уже 10 мая 1804 года произвёл Бернадота в маршалы. В списке 12 маршалов Бернадот занимал почётное седьмое место. Когда 23 мая в Сен-Клу наполеоновские генералы получали маршальские жезлы и давали клятву на верность новому императору Франции. Бернадот проявил инициативу и выступил с речью, в которой, в частности, сказал:

— Сир, я долго верил, что Франция будет процветать под республиканским правлением. Это убеждение вело меня до тех пор, пока мой опыт не показал, что оно ошибочно. Прошу Ваше Величество оставаться в полной уверенности в моём желании

выполнить любой ваш приказ, который вы мне поручите.

Наполеон растрогался и тепло пожал ему руку.

Бернадот, отступивши назад, присоединился к группе генералов, среди которых находился и генерал Сарразэн. Тот слегка напрягся, ожидая услышать от своего шефа какую-нибудь очередную колкость, но его удивлению не было предела, когда маршал Бернадот прошептал:

— Клянусь тебе, что отныне у Бонапарта не будет вернее друга, чем Бернадот!

Потом последовало награждение Большим крестом Почётного легиона, назначение командиром его 8-й когорты и предоставление в безвозмездное пользование официальной резиденции — выкупленного у опального Моро дворца Гросбуа стоимостью 800 тысяч франков. (Какая ирония судьбы!) Когда при осмотре дворца выяснилось, что всю мебель из него уже вывезла супруга первого консула Жозефина, Наполеон также великодушно дал указание Фуше взять из казны необходимую сумму на приобретение для жилья Бернадота новой обстановки. "Умное поведение" оказалось весьма выгодным и прибыльным.

В Европе был мир. Европа перевела дыхание — неужели пушки замолкли насовсем? Но не тут-то было: уже в марте 1804 года Наполеон нарушил мир, и 17 мая война между Францией и Англией вспыхнула с новой силой. Арест и казнь принца Энгиенского дали новый толчок к созданию третьей антинаполеоновской коалиции.

Пожизненный консул республики уверенной поступью шёл к императорской короне — короне, под блеском которой должна была объединиться вся Европа. Разумеется, на условиях, которые продиктует ей сам император. С карты бывшей Священной Римской империи стали исчезать все мелкие княжества и курфюршества, все они были преобразованы "гением первого консула Республики" в новые с громкими, но недолговечными названиями государственные образования на правах марионеток Версаля. Во главе их Наполеон поставит своих братьев, других родственников, генералов и прочих "заслуженных" людей.

Первый удар в новой войне Наполеон решил нанести по Ганноверскому курфюршеству и по курфюрсту Георгу III, "по совместительству" королю Англии. Защищавший курфюршество 9-тысячный корпус герцога Кэмбриджского никакого сопротивления 25-тысячной армии генерала А.-Э. Мортье (1768–1835) оказать не смог. Герцог быстро убрался на свой остров, перепоручив командование корпусом ганноверскому графу Валльмоден-Гимборну. Граф заключил с Мортье т. н. Артленбургскую конвенцию, согласно которой ганноверская

армия была распущена, всё её вооружение вместе с собственностью Георга III было конфисковано и попало в руки победителей. Французы образовали собственное Ганноверское вассальное княжество, возглавляемое т. н. Исполнительной комиссией, в то время как ганноверское правительство вместе с армией ушло в эмиграцию в Лауэнбург, за Эльбу, и наблюдало оттуда, как французы грабят страну.

За Ганновером последуют другие.

11. ПРОКОНСУЛ НАПОЛЕОНА. СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПРОТИВНИКИ

Гражданское мужество и мужество военное проистекают из одного начала.

Бальзак

После почти годовой бездеятельности в Лагранже маршал Бернадот в мае 1804 года был назначен губернатором Ганновера и командующим расквартированной там армии, или, как тогда стало модно говорить в Париже, стал *проконсулом.* Функциональные обязанности Бернадота были весьма неопределённы и широки: маршал исполнял обязанности военного, административного, дипломатического, финансового и экономического начальника и фактически был полноправным главой курфюршества. На официальном бланке его штаб-квартиры значилась лаконичная, но многозначительная надпись: "Armée d'Hanovre". Начальником штаба его 25-тысячной армии был назначен Леопольд Бертье, младший брат самого искреннего недруга Бернадота.

Как пишет немецкий историк Эрнст Шуберт, Наполеон этим назначением убивал сразу четырёх зайцев: он удалял строптивого родственника подальше от столицы, продолжал его конролировать и одновременно делал эту ссылку весьма привлекательной из-за её откровенно люкративного характера. Попутно Наполеон, имея в виду нападение на Англию, поручил Бернадоту исследовать побережье Северного моря. Для всех, кроме Наполеона, было очевидно, что без мощного флота о высадке в Англии и думать было нечего. Именно к такому выводу пришёл и Бернадот. Поскольку к этому времени со счетов наполеоновских генералов была списана и идея "перепрыгнуть" через Ла-Манш с помощью воздушных шаров, то планы вторжения в Англию повисли в воздухе.

Бернадот, оставив жену, выехал из Парижа в Булонь один, где со своим штабом располагался генерал Мишель Ней, затем посетил генерала Луи Николя Даву, который представил Бернадота подчинённым ему дивизиям, и отправился к месту назначения. Бернадот менял на посту маршала Эдуарда Адольфа Казимира Жозефа Мортье, который уже выехал из Ганновера и оставил после себя временного заместителя, генерала Жана Дезолля, бывшего начштаба опального Моро.

Литератор и политический деятель Франции Рене Франсуа де Шатобриан (1769–1848) оставил яркую характеристику Бернадота ганноверского периода. Отмечая его рыцарский облик, благородную осанку и манеры, воодушевлённость в дискуссиях, Шатобриан продолжает: "*Герой на полях сражений и дерзостный в своих идеях, он очень осторожен в действиях, когда речь идёт не о военном деле. В своих начинаниях он даже нерешителен. Вначале он всегда соблазнитель, но потом создаёт препятствия для выполнения любого плана. Привычку говорить ярко он сохраняет как пережиток своего революционного воспитания. Иногда его красноречие может блистать целыми часами, он знает об этом, и ему нравится такого рода успех*".

А один из ганноверцев оставил такой отзыв о французском губернаторе: "*Маршал Бернадот — молодой человек лет 37… Он пользуется большим авторитетом у местного правительства. К тому же он дружелюбен, вежлив, всегда готов прийти на помощь. Наше отечество, такое бедное и слабо населённое, обязано ему многими льготами и послаблениями*".

В первый приказ по армии Бернадот включил такие слова: "*Его величество император вручил мне командование армии в Ганновере и в особенности заботу о вас. Этот долг я исполню с удовольствием… Любите простершуюся над вами длань защитника, спасшего отечество. Повторяйте вместе со всеми генералами и всеми хорошими французами клич: "Да здравствует император!""* Маршал Бернадот стал теперь преданным подданным императора и хорошим французом.

Как всякий оккупационный режим, французская Исполнительная комиссия усердно и бессовестно выкачивала средства из местного населения и из казны курфюршества. Армия Мортье, вступившая в Ганновер в прохудившихся сапогах и изодранных мундирах, быстро переоделась в блестящие мундиры ганноверцев. Французский дивизионный генерал получал на себя и свою свиту, часто доходившую до 12 человек, по 50, а генерал Дезолль — даже по 75 рикталеров в день. Не церемонились с ганноверцами офицеры и солдаты, требуя от хозяев своих квартир и домов бесплатного питания и даже спиртного. Такого бремени бедный Ганновер вынести, естественно, не мог.

Наполеон, отправляя Бернадота в Ганновер, через Талейрана порекомендовал ему поправить там свои финансы, которые у беарнца к этому времени совершенно иссякли. Согласно принятой практике, за несколько дней до прибытия проконсула в Ганновер местное управление оживлённо обсуждало с его адъютантом Жераром размеры подношения для его шефа. Ганноверцы предложили карету с шестёркой лошадей и упряжью

на общую сумму 1100 талеров, или 5000 франков. Бернадот засомневался и проконсультировался с Жозефом Бонапартом, и тот ответил: "Бери! Не стесняйся!" И он взял.

Ганноверцы пообещали также "подарить" проконсулу 100 тыс. франков, если он сократит французскую оккупационную армию хотя бы до 20 тыс. человек. Проконсул в одной из бесед с ответственным представителем местной власти вскользь бросил такую фразу, что вот, мол, последнее время совсем обезденежел, хотя спокойно мог бы класть к себе в карман до 400 тыс. франков ренты в год с общей суммы казённых денег, к которым он как губернатор имеет доступ. После этого, пишет Хёйер, ганноверцы поспешили вручить ему подарок без всяких условий. Потом Бернадот всё-таки пошёл навстречу пожеланиям купеческих масс курфюршества и армию сократил. (Жерар за свои старания получил "комиссионные" в сумме 2500 рикталеров.)

Когда губернатор взялся ещё облегчить ганноверцам бремя налогом и поборов, то они с благодарностью поднесли подарок его супруге скатерть стоимостью в 608 талеров.

Вообще вопрос о "поощрении" губернатора стоял на повестке дня ганноверцев постоянно. Второе вручение "подарка" Бернадоту проходило в лучших традициях героев мольеровских пьес. Когда депутация пришла с пачкой векселей к нему в резиденцию, то он под предлогом бедности ганноверцев от подарка отказался. Ганноверцы давали взятки не в первый раз: они молча положили пачку на стол и стали вести разговор о некоторых для них льготах и послаблениях. Бернадот пообещал им свою помощь. Когда депутация собралась уходить, маршал принять подарок опять отказался. Но ганноверцы на эту уловку опять не поддались и с чувством исполненного долга покинули своего губернатора, оставив векселя на его рабочем столе.

Третье вручение 100 тыс. франков состоялось 10 сентября 1805 года, когда Бернадот со своей армией покидал Ганновер и уходил на войну. Всего, таким образом, Бернадот получил от благодарных ганноверцев 300 тыс. франков, что, но словам Хёйера, не шло ни в какое сравнение с 2,5 млн, которые взял до него Мортье.

Финансовое положение Ганновера было на самом деле довольно тяжёлым, и курфюршеству, чтобы сводить концы с концами, пришлось занимать деньги на стороне, в чём добрый губернатор им усердно помогал, тем более что в долги влезал не он сам. Кредиторами могли выступить ганзейцы — Гамбург, Бремен и Любек, но кто из них мог предоставить кредит не вызывавшему доверия Ганноверу, находившемуся под оккупацией Франции? Бремен заставили дать. Бернадот, под предлогом

распространения в Бремене английских памфлетов, просто блокировал город и стал душить его экономику, после чего бременцы не только дали кредит Ганноверу, но и преподнесли его губернатору подарок — 300 тыс. франков, не считая 8 тыс. "комиссионных" его адъютанту Шалопэну. При этом губернатор выругал бременцев за то, что подношение было сделано слишком неумело и грубо и дискредитировало наполеоновского проконсула как взяточника, а Бернадот себя таковым, естественно, не считал. Ведь он всего-навсего пёкся о благе вверенного ему курфюршества! Упрямые бременцы попытались включить сумму взятки в сумму кредита, но это им удалось лишь частично — 100 тыс. франков попали в личный карман маршала. Кесарю — кесарево, а проконсулу — проконсулово! В конце концов всё уладилось, и все остались довольны, кроме курфюрста Ганновера и английского короля Георга III, которому потом пришлось за эти долги расплачиваться.

Бременец Хорн, который вёл переговоры с Шалопэном и Бернадо-том, несомненно, человек с тонким юмором, оставил нам о последнем такую характеристику: *"Бернадот — энергичный человек; его характер, по сравнению с другими, прекрасный: строгий, жёсткий и добрый. Честь для него выше своекорысти, хотя именно в этом отношении примеры его современников и соотечественников ослабили его естественную силу. Он держит слово — по крайней мере, здесь нет никого, кто сомневался бы в этом"*. Бременцы потом пришли к твердому убеждению о том, что маршал "*чрезвычайно любит подарки*".

Аналогично развивались события и с гамбургским, и с любекским кредитом: Бернадот оказал на Гамбург и Любек давление, ганзейцы пошли на попятную, вступили с ним в переговоры (вернее, с его адъютантами — сам маршал в такие мелочи не вникал!), тоже были очарованы его прекрасным характером и красноречием и тоже раскошелились. Так что проконсульство Бернадота было вполне удачным: он помог бедным ганноверцам получше содержать самого себя и свою армию, а заодно и поправил свои финансы.

Новый губернатор — "энергичный человек" — с самого начала своего правления стал наводить в Ганновере определённый порядок. Он завёл "карманную" тайную полицию и находился в курсе всех событий в курфюршестве. Взяв в руки новую метлу, он слегка сократил расходы на содержание генералов и комиссаров и ввёл режим частичной экономии. Он прикрепил генералитет к т. н. королевской кухне и вдвое сократил бюджетные расходы. К концу лета 1805 года он откомандировал обратно во Францию несколько полков, оставив

в Ганновере около 20 000 человек. Он запретил офицерам питаться бесплатно у своих хозяев и, увеличив им за это жалованье, рекомендовал ходить в харчевни и рестораны. Он запретил ганноверцам потчевать солдат-постояльцев бесплатными кофе и водкой. Маршал принял меры по оживлению экономики и торговли Ганновера, и страна при нём стала постепенно подниматься и крепнуть. Когда в стране началась нехватка хлеба, он организовал транспорт зерна из Франции. Он посетил знаменитый университет в Гёттингене и взял его под свою опеку. Он приблизил к себе самого способного из местных чиновников — камерального советника Кристофа Людвига Альбрехта Патье — и удостоил его обращением "mon cher ami". Он распространил налоговое бремя на дворян и не уставал повторять при каждом удобном случае, что Франция не ведёт войны против граждан Ганновера, а что её противником является курфюрст и король Англии, и, следовательно, основная тяжесть контрибуции и налоговых поборов должна ложиться на него. Одним словом, он правил не как оккупант, а как рачительный и добрый *хозяин,* чем и снискал любовь и уважение всех ганноверцев. Эмиграционное правительство Ганновера докладывало в Лондон о деятельности Бернадота в сдержанно-хвалебных тонах. Когда Бернадот стал шведским наследным принцем Карлом Юханом и в 1813 году со шведской армией оказался в Ганновере, жители города встретили его пушечным салютом, а Гёттингенский университет отправил к нему депутацию и пригласил его пожить у себя в городе. Там он тоже встретил радушный и восторженный приём не только у академиков и профессоров, но и у жителей всего города. Э.Шуберт называет правление Бернадота в Ганновере счастьем в разнесчастное для его жителей время.

Покинув Ганновер, англичане оставили в свободном городе Гамбурге своего посланника и резидента разведки Джорджа Рамбоулда, в задачу которого входило освещение положения в Северной Германии. Французы совершили акт грубого насилия над международным правом, арестовав англичанина. На вторую неделю пребывания Бернадота в Ганновере Фуше по указанию Наполеона подписал об его аресте приказ, который в ночь с 24 на 25 октября спешно выполнили генерал Фрер и первый адъютант Бернадота Мэзон. Отряд французов в 100 человек переправился через Эльбу и в Гринделе, пригороде Гамбурга, без всякого сопротивления вломился на виллу спавшего англичанина. Французы конфисковали все документы английского дипломата и обвинили его в подготовке покушения на жизнь первого консула. Все эти обвинения были, конечно, шиты белыми нитками, и в

результате этого дела пострадала не только репутация Версаля, но и главного исполнителя — Бернадота. В конце октября 1804 года Рамбоулд был доставлен в Ганновер, а затем переправлен в Париж, где его посадили в тюрьму Тампль.

2 декабря 1804 года Бернадот присутствовал на коронации Наполеона. К этому времени выкупленный у высланного из страны генерала Моро и предназначенный для маршала Бернадота дворец Гросбуа на рю д' Анжу стоял уже готовый. В феврале 1805 года он опять вернулся к месту службы.

В Ганновере Бернадоту нанёс визит главнокомандующий прусской армией в Вестфалии генерал Гебхард Леберехт Блюхер. С этим "господином" маршалу придётся встречаться несколько раз на палях сражений — то в качестве противника, то союзника. А пока же он поддерживал с берлинским двором самые тёплые отношения и даже удостоился приглашения на большие маневры прусской армии под Магдебургом. Впрочем, воспользоваться этим приглашением ему не пришлось, потому что Наполеон запретил ему отлучаться от армии.

К тому же маршал неожиданно и тяжело заболел, у него возобновилось кровохарканье, так что из Парижа пришлось вызывать мадам Бернадот и маленького Оскара. К счастью, Дезире не успела доехать до места назначения, как супруг уже "скоропостижно" выздоровел.

Пруссаки оценили добрососедские отношения с Ганновером по достоинству: Бернадот потом окажется одним из семи французских высших должностных лиц, удостоившихся высшей награды Пруссии. 8 апреля Бернадот вместе с Наполеоном, Мюратом, Камбасере, Талейраном, Бертье, Дюроком и королём Швеции Густавом IV Адольфом был награждён прусским орденом Чёрного Орла. Здесь, в Ганновере, маршала настигли высокие французские награды: орден Почётного легиона и назначение командиром 8-й когорты, в которую входили 28 генералов, офицеры, сержанты и солдаты — все выходцы из Южной Франции.

Осенью 1805 года началась новая фаза войны. В третью антинаполеоновскую коалицию вошли Австрия, Великобритания, Россия, Швеция и Пруссия. В марте 1805 года Бернадот получил приказ Наполеона послать соглядатаев в Польшу и Россию с заданием наблюдать за всеми передвижениями русской армии. Приказ был незамедлительно выполнен. Бернадот был самым старшим маршалом в армии Наполеона, но уже целых 6 лет не воевал. Он был боевым генералом и горел теперь желанием отличиться на полях сражений. 23 августа от Наполеона поступил приказ идти на соединение с основной армией к Булони, а пока

сосредоточить её в районе Геттингена. По выполнении приказа он должен был вернуться в Ганновер, чтобы создать у противника впечатление, что ничего не происходит и что французы по-прежнему остаются дислоцированными в курфюршестве. 1 сентября Наполеон в общих чертах проинформировал Бернадота о составе своей армии. В связи с походом на юг 15-тысячная Ганноверская армия была преобразована в 1-й корпус. Затем поступили приказы вести корпус к Вюрцбургу, через Гессен-Кассель, давая всем понять, что он переводился через Майнц во Францию.

До Касселя Бернадота сопровождала супруга Дезире с сыном Оскаром. В Касселе она с ним распрощалась и вернулась в Париж. Здесь Бернадот провёл переговоры с гессенским курфюрстом, пуская перед ним дымовую завесу из рассказов о мнимой цели перехода корпуса. Курфюрст нервничал, не желая нарушать нейтралитет своего княжества.

Появление 1-го корпуса под Вюрцбургом стало для австрийцев полной неожиданностью и смешало им все карты. Баварский курфюрст Максимилиан Йозеф быстро стал на сторону Наполеона, и 1-й корпус должен был теперь вместе с 24-тысячной баварской армией воевать против австрийцев. Кроме баварцев, в 1-й корпус влились прибывшие под Вюрцбург 19 тысяч солдат Мармона и гессен-кассельская армия, так что под началом маршала Бернадота первое время находилась 60-тысячная армия.

Верный своему принципу не выделяться среди коллег, Бернадот стал доказывать военному министру Бертье и Наполеону необходимость возвращения молодому Мармону его солдат и предоставления ему самостоятельности как полноправному командиру корпуса. Из этого, однако, ничего не вышло, и 2-й корпус оказался под непосредственным началом Наполеона. Не был Бернадот в большом восторге и от баварцев, чья подготовка, дисциплина и вооружение оставляли желать много лучшего, и впоследствии Бернадот будет предпринимать попытки избавиться от ненадёжных и строптивых союзников.

Во главе австро-русской армии был поставлен бездарный, высокомерный и тщеславный генерал-квартирмейстер Карл фон Макк, и хотя вокруг него собрались высокообразованные русские генералы, они не могли оказать на ход военных действий большого влияния, поскольку сами тоже не имели соответствующего военного опыта.

Франция вела теперь войну под единым управлением и под непосредственным и полным контролем Наполеона, теперь уже императора. Ему удалось сформировать мобильную, сильную и сплочённую высоким боевым и моральным духом армию, которую

он поделил на корпуса и поставил во главе их маршалов. В Германию он привёл около 200 тысяч человек. Солдаты шли в бой с криком: "Да здравствует император!"

Главный удар против союзников Наполеон направил во фланг и уже одним только маневром под Ульмом создал своей армии стратегическое преимущество, оказавшись чуть ли не в тылу у противника. Макк не ожидал этого, и в октябре 1805 года капитулировал, и 80-тысячная австрийская армия практически перестала существовать. Армии эрцгерцогов Йохана в Тироле и Карла — в Адидже, вместо того чтобы прийти на помощь Макку, отходили в Венгрию, преследуемые Неем и Массена. Путь на Вену практически был свободным, и 13 ноября Йоаким Мюрат занял австрийскую столицу.

Во время битвы под Ульмом Бернадот со своим корпусом находился в Мюнхене. Здесь он нанёс поражение австрийскому генералу Кинмайеру и продолжил движение на восток, обеспечивая безопасность правого фланга французской армии. 29 октября он вошёл в Зальцбург, а в начале ноября повернул на северо-восток, чтобы принять участие в окружении 40-тысячной русской армии М.И. Кутузова. Но русским 9 ноября удалось ловко уйти от Мюрата, и к ним на соединение из Моравии шёл ещё один русский корпус. Этого было довольно, чтобы армия Кутузова спокойно перешла Дунай у Маутерна, вышла из готовящейся ей западни и попутно нанесла Мортье чувствительный удар при Дюрнштайне. Наполеон, находившийся в Линце и утративший живой контакт с вырвавшимися вперёд корпусами, стал искать виновных. Ими оказались Мюрат и Бернадот. Последний оправдывался и клялся в будущем исправиться.

11 ноября Наполеон приказал 1-му корпусу спешно форсировать Дунай, чтобы ещё раз попытаться отрезать Кутузову пути к отступлению. 15 ноября Бернадот с корпусом с большим трудом форсировал в районе Кремса Дунай и вышел к границам Богемии, собираясь парировать продвижение оттуда корпуса эрцгерцога Фердинанда. Форсирование Дуная без понтонных средств было не простым делом, и Бернадот выполнил приказ императора с опозданием на два дня. Выступить наперерез русской армии он не смог, поскольку в его наличии на левом берегу Дуная оказалось всего 6 пехотных полков, несколько эскадронов кавалерии и немного артиллерии. А Кутузов своим маневром под Холабрунном снова поставил в тупик Мюрата и ушёл от него, перечеркнув, таким образом, план Наполеона. Т. Хёйер утверждает, что критика императором Бернадота была несправедливой и что при тех средствах и дефиците времени, которыми располагал маршал, выполнить приказ Наполеона не

представлялось возможным. К тому же начштаба Бертье постоянно менял свои указания и довольно поздно ставил Бернадота в известность об их постоянных изменениях. Привычка сваливать свою вину на других станет у Наполеона теперь постоянной.

Новый приказ Наполеона предусматривал преследование остатков австрийских войск, уходивших из-под Ульма под командованием молодого эрцгерцога Фердинанда. Для русско-австрийской коалиции далеко не всё было потеряно: положение занявшего Вену маршала Мюрата скоро стало довольно щекотливым, а то, что Наполеон сделал с Макком под Ульмом, могла теперь австро-русская армия сделать с ним самим. И если бы не везение, которое спасло Наполеона в своё время под Маренго, то гениальный стратег и полководец оказался бы в плачевном состоянии. Союзникам нужно было, считают А. Блумберг и Т. Хёйер, всего-навсего выждать, подождать подхода из Италии армии эрцгерцога Карла, заручиться присоединением к коалиции Пруссии и вообще не торопиться проявлять инициативу. Спас Наполеона русский царь. Молодой, горячий и тщеславный Александр 1 жаждал славы и рвался в бой. К тому же его адъютант князь Долгоруков, посланный к Наполеону, получил "достоверные" сведения от адъютанта Наполеона Савари, согласно которым французская армия была плохо подготовлена к сражению. В результате австрийский генерал Ф. Вейротер составил самый неудачный план предстоящего сражения.

На подходе к богемско-моравской границе в Иглау Бернадот 25 ноября встретил министра иностранных дел Пруссии Хаугвитца, который вёз Наполеону ультиматум своего короля. Наполеон знал, о чём будет идти речь, — Пруссия решила выступить посредником для прекращения военных действий между воюющими сторонами, — и дал указание Бернадоту задержать Хаугвитца в Иглау на целый день, что маршал с успехом выполнил, уговаривая пруссака подождать прибытия в Иглау самого императора. Убедившись, что его обманули, Хаугвитц на следующий день продолжил свой путь.

Вечером 28 ноября Бернадот получил приказ отходить к Брно, и, совершив 36-часовой марш-бросок, соединился с главными французскими силами в Моравии, чтобы 2 декабря 1805 года успеть принять участие в знаменитом Аустерлицком сражении. Немецкий биограф Бернадота А.-Э. Имхоф считает роль 1-го корпуса при Аустерлице (Славкове) недостаточно ясной. С ним соглашаются многие другие историки, включая шведских, которые пишут, что его вклад в успех французской армии оказался недостаточным.

Бернадот участвовал в битве с не более чем 10 500 чел. Кавалерийскую дивизию Келлермана у него отобрали, и 1-й корпус располагал под Аустерлицем лишь пехотой. Бернадот стоял в центре французских позиций, Ланн и Мюрат были справа, а Сульт и Даву — слева от него. В бой 1-й корпус вступил после корпуса Мюрата, и то лишь в половинном составе, и о его роли косвенно могут свидетельствовать его потери: всего 86 человек убитыми и 360 ранеными, в то время как потери в корпусе Ланна измерялись соответственно 583 и 3854, а у Даву, участвовавшего в сражении лишь одной своей дивизией, — 325 убитыми и 1165 ранеными.

А. Палмер и некоторые мемуаристы, напротив, утверждают, что когда Бернадот, получив приказ выдвинуться к Сокольницам, на свой страх и риск пошёл на Пратценские высоты, он тем самым внёс решающий вклад во французскую победу. Он послал на помощь Сульту одну из своих дивизий, после чего в битве наступил перелом. По мнению А. Блумберга, рьяного панегириста Бернадота, когда русская гвардия была вынуждена отступить, маршал предпринял энергичную кавалерийскую атаку и во многом способствовал прорыву русского фронта (откуда у Бернадота появилась кавалерия, если её перед сражением у него отобрали, знает только Блумберг).

Давая своим маршалам последние распоряжения о порядке сражения, Наполеон по отношению к Бернадоту принял демонстративно сухой и деловой тон. Император в окружении маршалов Мюрага, Ланна, Мортье, Лефевра, Сульта, Даву и Бернадота пытался во всём подчеркнуть своё превосходство над ними, но как он боялся всех этих выдающихся военачальников! Все они не раз слышали, как он говорил, что предпочёл бы иметь дело не с ними, а с серыми посредственностями.

После заключения Прессбургского мира 26 декабря 1805 года французская армия осталась на своих местах. Франция оставалась державой, господствующей на суше, в то время как Трафальгарское сражение двумя месяцами раньше подтвердило статус Англии как ведущей морской державы. Но антифранцузская коалиция распалась в очередной раз, а Пруссия, не успев вступить в эту войну, заключила с Францией наступательно-оборонительный союз.

23 февраля 1806 года корпус Бернадота, которому были приданы корпус Мортье и кавалерийские дивизии Нансути и Бурсье, во исполнение приказа Наполеона — Бертье нарушил суверенитет княжества Ансбах-Байройт, фактически принадлежавшего союзнику Пруссии. Территорию княжества маршал Бернадот использовал для удобного маневра в тыл

австрийцам. Оккупировав княжество, Наполеон отдал его Баварии, а Пруссии в качестве компенсации предложил Ганновер. Оскорблённый кайзер Фридрих Вильгельм III ответил на этот вероломный шаг Наполеона занятием Ганновера и пропуском русской армии через Силезию. Дни нахождения Пруссии в одном лагере с Францией были сочтены.

В целом пребывание Бернадота в Ансбах-Байройте напоминало его жизнь в Ганновере. На местах оставались прусские администраторы и чиновники, в то время как маршал являлся французским наместником. Задача Бернадота в "маркграфстве Байройт", как теперь называлось княжество, была достаточно деликатной: нужно было соблюсти интересы Франции, не поссорившись ни с Берлином, ни с Мюнхеном. Берлин не имел желания передавать баварцам всю территорию княжества, а уступал им только ту её часть, которая называлась собственно Ансбахом, в то время как территория Байройт рассматривалась им как личное владение своего короля. Баварцы, естественно, настаивали на получении всего куска пирога. Пруссаки хотели договориться обо всём наедине с баварцами, в то время как баварцы всё время апеллировали к помощи Парижа. К маю 1806 года княжество полностью передали Баварии. Канат перетянули более сильные.

В Ансбахе *"недорогой и расчётливый*" маршал держал за "собственный счёт" пышный двор и многочисленный штаб (достаточно упомянуть, что в штате его прислуги значился специальный человек для ловли лягушек), с головой окунулся в светскую жизнь, устраивал парады и балы и принимал участие в бесконечных приёмах и обедах в свою честь. Деньги на содержание двора брались, естественно, из кассы княжества. Расходы лично утвердил король Пруссии. Здесь Бернадот снова продемонстрировал свои администраторские и дипломатические таланты и так же, как когда-то в Италии и незадолго до этого в Ганновере, довольно преуспел в управлении чужим княжеством.

В круг самых близких друзей Бернадота, кроме Наглера, входила местная графиня Паппенхейм, которую маршал освободил от постоя своих офицеров и солдат, и отставной полковник Гастон, прусский пенсионер, бывший майор полка Рояль-Марин и командир гренадера по прозвищу "Месьё". Бернадот принимал его у себя по два раза на день и сохранил ему пенсию, несмотря на переход Ансбаха под управление Баварии.

В лице местного тайного и государственного советника Карла Хейнриха фон Ланга он нашёл себе способного помощника, который оставил об этом времени воспоминания:

"Мне посчастливилось увидеть там сразу четырёх маршалов:

Бернадота, высокого брюнета со сверкающими очами, прятавшимися под толстыми бровями; верзилу Мортье с длинной жёсткой косичкой и бездушной фигурой часового; Лефевра, старого, классического образца кнехта с супругой, бывшей полковой прачкой и Даву, маленького лысого непритязательного мужчину, который никак не мог вдосталь навальсироваться… В день рождения Наполеона Бернадот приказал позаботиться о том, чтобы в гарнизонах каждый француз получил по бутылке вина, расходы он брал на себя. Счёт составил 12 000 флоринов… Затем он начинал описывать, в какие деньги ему обходятся удовольствия администрации, каким счастливым человеком он чувствовал себя в Ганновере, где приходилось заниматься и правительственной работой. Он вообразил, что Ансбах — это его княжество, что оно, благодаря ему, должно стать счастливым — особенно если рядом с ним окажутся такие советники, как я. Всеми своими действиями маршал показывал, что он серьёзно подумывал о том, чтобы где-нибудь получить скипетр".

Наблюдения Ланга были, на наш взгляд, отнюдь небезосновательными. Во-первых, в это время Наполеон уже стал раздавать княжества и королевства своим братьям и любимым маршалам. Во-вторых, в Берлине в это время серьёзно обсуждалась новость, согласно которой Бернадот должен был получить в своё владение Ансбах или Пассау.

В-третьих, 5 июня 1806 года маршал Бернадот был возведён в княжеское достоинство, получил титул князя Понте-Корво. Княжество было изъято у папы римского, находилось внутри Неаполитанского королевства и насчитывало 6000 жителей. Годовая рента от княжества составляла всего 11 774 франка, и Бернадот употребил её на социальные нужды для беднейших своих подданных, чем снискал там по себе долгую благодарную память. Управлял княжеством его адъютант Гольт. В отличие от других "титулованных" наполеоновских соратников, Бернадот никогда не подписывался своим новым титулом на официальных документах и продолжал пользоваться простой подписью "Ж. *Бернадот*".

Княжеский титул, писал Наполеон брату Жозефу, он пожаловал Бернадоту из родственных соображений: во-первых, из почтения к Жюли, супруге Жозефа, а во-вторых, из престижных соображений — родственники короля Неаполя тоже должны быть титулованными. В его армии было много более заслуженных и преданных генералов, нежели Бернадот, и император мог бы осчастливить кого-нибудь другого. А другие, в первую очередь Даву, конечно, страшно завидовали "выскочке из Беарна".

Между тем слухи о том, что Ансбах достанется Бернадоту,

распространились по всему княжеству. Адъютант маршала Бертон разъезжал по княжеству, собирал жителей селений и городов и на французском языке зачитывал обращение к ним Бернадота, в котором, к примеру, говорилось о преимуществах княжения маршала Бернадота в городе Нюрнберге и его окрестностях и о необходимости ходатайства его жителей перед Наполеоном поставить во главе Нюрнбергского княжества "своего верного соратника". Оставалось, как пишет Ланг, только проставить после слова "соратника" имя маршала Бернадота. Эта неприкрытая пропаганда вызвала естественное недовольство баварцев. Из Мюнхена, где свою резиденцию держал маршал Бертье, поступило указание прекратить все эти "шалости", а "стрелочника" Бертона посадить на месяц под арест.

После формального присоединения Ансбаха к Баварии 24 мая 1806 года функции Бернадота были выполнены, и ему пришлось покидать это прекрасное и насиженное место. Вероятно, именно за эту "потерю" Наполеон и сделал Бернадота князем Понте-Корво.

Священная Римская империя приказала долго жить, и на её месте Наполеон к 12 июля 1806 года построил Рейнский союз из 16 германских княжеств. Они дружно вышли из состава империи, а 6 августа император Франц II сложил с себя корону общегерманского императора и стал простым австрийским императором Францем I. Во главе Рейнского союза стал ставленник Парижа архиепископ Маннхеймский Карл Теодор фон Дальберг, а Наполеон — его протектором. Бавария, Баден и Вюртемберг существенно "округлили" свои территории за счёт соседей и тоже стояли под протекторатом Парижа. Немцы были теперь союзниками Франции, и Наполеон мог рассчитывать на использование их армий, что он и сделал во время похода в Россию в 1812 году.

Оставшись за бортом Рейнского союза и оскорблённая передачей Ганновера под крыло английского короля Георга III, Пруссия мобилизовала армию, а король Фридрих Вильгельм III издал враждебный Франции манифест. Роман Франции с Пруссией закончился, и уже к осени 1806 года образовалась четвёртая антифранцузская коалиция. У Наполеона, для которого война служила источником величия и добывания средств, вихлянье Пруссии вызвало особое презрение, и он решил её наказать. 10 сентября 1806 года он записал в дневнике: *"Пруссия желает получить урок"*. К осени 1806 года война с Пруссией стала фактом.

29 сентября князь Понте-Корво со своим корпусом спешно покинул Ансбах в направлении Бамберга, 8 октября вошёл в

Пруссию и разгромил передовые части генерала Тауэнтциена при Шлейце, которые отступили к Наумбургу. Но там их ждал уже Даву. Кстати, штабной офицер, размножавший приказ по корпусу, спутал Бамберг с Нюрнбергом, и корпус потерял на исправление ошибки целый день! В результате самым неудачным образом пересеклись пути следования корпуса Бернадота с корпусом Даву, и на дорогах возникли пробки, сумятица и скандалы. Педантичного Даву такой беспорядок выводил из себя, и в возникший между обоими маршалами спор пришлось вмешиваться самому императору.

Части под командованием престарелого герцога Брауншвейгского, дислоцированные между Эрфуртом и Веймаром, чтобы не попасть в клещи, оставили сзади себя армейский корпус принца Хоэнлоэ и части генерала Рюхеля и выступили в направлении Магдебурга. Наполеон, полагая, что имеет перед собой всю армию герцога, немедленно передвинул корпус Бернадота и кавалерию Мюрата к Дорнбургу, ближе к Йене. В то же время двусмысленный приказ Бертье — Наполеона предполагал движение 1-го корпуса на Наумбург. Приказ этот, кстати, был адресован… лишь Даву, а Бернадот довольствовался его копией, которую ему "любезно" предоставил Даву.

В результате Даву со своим корпусом остался под Ауэрштедтом один на один с герцогом Брауншвейгским, т. е. с главными силами противника, и, по всей видимости, с некоторой тревогой следил за тем, как от него уходит корпус Бернадота. Впрочем, он вряд ли ещё осознавал угрожавшую ему опасность и не знал, что перед двукратным превосходством прусской армии его 3-й корпус скоро окажется на грани полного поражения. А Бернадот, в точности выполнив приказ гениального императора, в конечном итоге был сделан им козлом отпущения за собственный просчёт. Наполеон выругал его за слишком долгий марш к месту назначения и отсутствие на обоих полях сражения (Йена и Ауэрштадт), а заодно обвинил его в том, что тот, согласно его приказу, не пришёл на помощь Даву. Бернадот попытался было оправдаться и сослаться на трудности при преодолении горного перевала при Дорнбурге (что соответствовало действительности), на нечёткие и запоздалые указания начальника Генштаба Бертье — ведь никакого приказа о том, чтобы вернуться к Даву, он не получал (что тоже верно), но всё было напрасно. Бертье был вне критики. Наполеон же, понявший, что сам допустил ошибку, задним числом в армейском бюллетене утверждал, что Бернадоту накануне якобы было дано недвусмысленное указание идти на помощь Даву. История гениальных полководцев должна быть безупречной, без единого пятнышка!

Слишком зацентрализована была система управления во французской армии, и слишком много взял на себя Наполеон, не предоставляя своим маршалам никакой свободы действий и инициативы. В своих приказах, не всегда чётких в изложении Бертье, Наполеон давал своим маршалам лишь географические ориентиры, нисколько не вводя их в курс своих тактических или стратегических замыслов и превращая их в бездумных исполнителей-автоматов. "*Император не нуждается в советах или планировании походов; никто не знает его мыслей, и наш долг только в том, чтобы ему повиноваться",* — с назиданием сообщил Бертье маршалу Нею во время этой же кампании.

…Отступавшие части принца Хоэнлоэ буквально смяли войска, находившиеся под командованием самого короля Пруссии, и на всём участке фронта от Эрфурта до Вайсензее распространилась паника. Корпус Бернадота между тем продолжал играть роль шахматной фигуры, которую Наполеон передвигал из одного конца в другой, чтобы создавать на том или ином направлении угрозу пруссакам. До настоящего сражения дело не доходило. 14 октября под Йеной и Ауэрштадтом между воюющими сторонами произошло решительное сражение, в котором победа досталась французам.

Зато корпусу Бернадота пришлось участвовать в деле под Халле и Тресковом, где ему противостояли превосходящие резервные части герцога Вюртембергского. Французы взяли здесь в плен более 5 000 человек, 4 знамени, 34 артиллерийских орудия и весь прусский обоз, а сами потеряли около 800 человек убитыми и ранеными. Маршал, действуя в своей джентльменской манере, приказал вернуть герцогу "позабытый" в Халле экипаж, а заодно с ним — "застрявшего" в городе корпусного капеллана. Бернадот отдал приказ о том, чтобы его солдаты воздержались от грабежа города и не чинили его жителям никаких неудобств.

Маршал Бернадот в битве при Халле в 1806 году. Художник Ж. Клари

На данной стадии боевых действий 1-му корпусу была предоставлена некоторая оперативная свобода, но придирки Бертье по отношению к Бернадоту продолжались, причём дело доходило до того, что начальник генштаба требовал от Бернадота отчёта в действиях, о которых в самих приказах ничего сказано не было. Оскорблённый князь Понте-Корво был вынужден письменно обращаться к императору, ссылаться на свою 30-летнюю службу в армии, свой опыт и свои заслуги, не дававшие права его врагам *"лишать меня Вашего доверия*" и возможности верно служить императору и впредь. В жалобе императору содержался явный намёк на Бертье.

17 ноября Бернадот поехал к Наполеону в Мерзебург, и император лицемерно засыпал его комплиментами за победу под Халле. Маршал Лефевр в доверительной форме сообщил, однако, Бернадоту; что другие его коллеги, в особенности Мюрат, Бертье и Сульт, буквально лопались от зависти. *"Они чувствуют себя униженными,* — писал Лефевр, — *и император разделяет их чувства. Мы намеревались выйти против резервного корпуса герцога Вюртембергского с 60 000 человек, а ты его разбил с менее чем 15 000. Если бы тебе это не удалось, они были бы больше довольны…*"

Недовольство императора дало о себе знать уже на

следующий день: Бернадот задержался в Халле всего на один день, но уже получил за это замечание. Наполеон явно придирался к маршалу, который во всех кампаниях прославился именно своими быстрыми переходами и маневрами.

Прусская армия после поражения принца Хоэнлоэ под Пренцлау практически перестала существовать, за исключением 21-тысячного корпуса Г.-Л. Блюхера, старого знакомца Бернадота. Согласно новому приказу, маршал Бернадот должен был преследовать его при отступлении на север. Если бы Блюхер узнал, что его преследуют силы, почти вдвое уступавшие его корпусу, он бы непременно принял меры нанести поражение галантному ганноверскому губернатору. Но Бернадоту повезло. 31 октября его корпус появился под Штаргардом, наступая на пятки фельдмаршалу, который пытался спрятаться с остатками прусской армии в крепости Штральзунд. Каждый день его корпус участвовал в стычках с прусским арьергардом. 1 ноября он настиг арьергард Блюхера в лесу между Ябелем и Носсентином, а за лесом увидел вдали густые колонны пехоты и кавалерии.

Бернадот принял решение немедленно атаковать, тем более что где-то рядом под Деммином находился корпус Мюрата. Первым в атаку пошла дивизия генерала Дюпона, которая шаг за шагом вытеснила пруссаков из леса. Пехота противника спряталась за свою кавалерию — её у Блюхера оказалось здесь около 3000 всадников, в то время как у Бернадота в четыре раза меньше. Но до решительной схватки дело не дошло, противник отступил и под покровом темноты снова оторвался от преследователей.

Здесь во время преследования противника князь Понте-Корво чуть не погиб под копытами своей кавалерии. Конь сбросил его из седла на землю в тот самый момент, когда кавалерия в темноте пошла в атаку. Спасло чудо, и князь остался целым и невредимым. На следующий день он снова угодил в переделку, в которой был окружён и едва не попал в плен. На сей раз выручил конь, князю удалось вырваться из кольца вражеских всадников и добраться до своих вольтижёров.

4 ноября Бернадот взял Шверин. К нему там наконец присоединились Мюрат и Сульт, а Блюхер к этому времени собрал все свои разрозненные и измотанные части под Гадебушем. Теперь прусский фельдмаршал направлял свой взор на старый ганзейский город Любек. Там он мог отсидеться и отдохнуть от наседавших со всех сторон наполеоновских маршалов.

6 ноября 1-й корпус, поддержанный корпусами Мюрата и Сульта, выступил в направлении Любека. Захватив в ночной

стычке колонну пруссаков с обозом, французы окружили город и на утро следующего дня приступили к его осаде. В городе находился прусский гарнизон, полный решимости драться и не сдавать город французам. Но сопротивление защитников на участке Бернадота было сломлено, и скоро французы ворвались в город. Блюхеру со своим штабом чудом удалось спастись от плена, но раненые полковники Йорк и Витцлебен этой участи не избежали. Блюхер предпринял попытку продолжить оборону и отбить Йорка с Витцлебеном, но тут подошли части Мюрата и Сульта, и пруссаки были вынуждены отступить в направлении к Ратекау.

Уличные бои в городе продолжались ещё два часа, но сопротивление защитников уже шло на убыль, и скоро весь Любек оказался в руках французов. Его жители подверглись жестокому грабежу, имели место и другие неприятные эксцессы. Остановить разгул победителей было трудно, поскольку в городе перемешались подчинённые трёх командиров. К князю Понте-Корво явилась депутация любекских властей с просьбой навести порядок в городе, тот ответил, что это входит и в его намерения, но пока солдат не разместят на постой, сделать что-либо будет трудно. Тем не менее, пишет Хёйер, он принял меры по ограждению любекцев от разгула своих солдат и предал нескольких мародёров трибуналу. Наполеон, приняв полковника Морио с отчётом маршала о завершении операции, недовольно буркнул: "*Князь молодец, что заботится об этом. Город взят штурмом и принадлежит солдатам*". А Любекцы не остались в долгу перед князем и сделали ему и его помощникам "положенные" приношения.

Блюхер, вошедший в Любек с 14 000—15 000 солдат и вырвавшийся из кольца всего с 9000, намеревался пробиться к Травемюнде и организовать оборону там. Но всё это было напрасно, разрозненные прусские части были полностью окружены, а сам Травемюнде скоро был взят французскими войсками. Остатки прусской армии попали в отчаянное положение, и, казалось, никакого спасения для них уже не было. Князь Понте-Корво предложил им капитулировать на условиях, при которых все пленные сохранят своё имущество. Блюхер, известный в своей армии по прозвищу "Старая шпага", был вынужден признать безысходность ситуации. На церемонии подписания условий капитуляции он заявил: "*Я капитулирую, потому что у меня не остаюсь ни хлеба, ни амуниции*". Успех Любекской операции, с удовлетворением пишет Хёйер, полностью обязан командованию Бернадота и действиям его 1-го корпуса.

Здесь, на севере Германии, маршал Бернадот стал

участником одного знаменательного эпизода, на котором стоит остановиться подробнее. В Лауэнбурге дислоцировались около 1500 шведских пехотинцев и кавалеристов, которых шведский король Густав IV Адольф выставил против наполеоновских войск в соответствии с договором от 3 декабря 1804 года с Англией и от 14 января 1805 года — с Россией. Командовал ими полковник и генерал-адъютант фон Мориан — возможно, неплохой офицер, но неспособный к решению крупных оперативных задач. 1 ноября Мориан узнал о приближении французов и получил приказ отступать к морю. Он намеревался в Травемюнде сесть на корабли и перебраться по морю в Померанию.

3 ноября полковник Мориан постучался в закрытые ворота ганзейского города Любека, но власти впустить шведов в город отказались. Тогда они вошли в город без разрешения. Далее полковник Мориан отослал ротмистра Тройли в Травемюнде с приказом конфисковать все стоящие на рейде суда и ждать прихода шведского корпуса, но потом вдруг, не дожидаясь вестей от Тройли, принял решение посадить своих людей на корабли прямо в Любеке.

Утром 5 ноября шведы, не торопясь, заканчивали посадку на любекские суда. Отсутствие спешки объяснялось вполне просто — с моря дул противный ветер, так что первый транспорт со шведами к утру 6 ноября всё ещё болтался в Мекленбургской бухте и находился где-то на полпути к Травемюнде. Кроме того, возникли проблемы с прусскими пограничниками и таможенниками, и прошло некоторое время, прежде чем Мориан получил от Блюхера "добро" на выход в море.

Между тем Бернадот, получив 5 ноября сведения о нахождении шведов в Любеке, отдал приказ перехватить их. Когда погруженные на суда шведы утром протёрли глаза, то увидели, что попали в переплёт: с одной стороны на них смотрели жерла французских, а с противоположной — жерла прусских пушек. Полковника Мориана на месте не оказалось — он предпочёл ранним утром отправиться в Травемюнде по суше. Впрочем, его подчинённые скоро получили от него приказ выходить немедленно в море, но было уже поздно — над головами шведов засвистели пули. Экипажи судов бросились на берег спасать свои жизни.

Шведы приняли меры для того, чтобы самим, без их помощи, поскорее отойти от берега. Офицеры, загнав солдат в трюмы и переодевшись в костюмы любекских моряков, стали сниматься с якорей. Но навигаторов из них за такое короткое время не получилось, и скоро все корабли, один за другим, благополучно сели на мель. Французы сделали несколько предупредительных

выстрелов картечью. Сопротивление в таком положении было бесполезным. После коротких переговоров шведы в количестве 1050 человек, 6 пушек и нескольких сотен лошадей сдались в плен. Уплыть в море и спастись от плена, благодаря мужеству и храбрости лейтенанта Клеркера, удалось только одному кораблю.

Бернадот после Вены получил возможность во второй раз поближе познакомиться со своими будущими подданными. Обращение с пленными, по его приказу, было предупредительным и внимательным. Так, пленный офицер граф Густав Ф. Мёрнер вспоминал, как его привели на допрос к маршалу, как тот лично вернул ему шпагу и как он помог ему в трудную минуту.

Маршал сказал Мёрнеру:

— Дайте мне честное слово, что вы, как пленный, явитесь во Францию, откуда вы можете отправиться куда и когда угодно.

Швед поблагодарил Бернадота и ответил, что при взятии в плен французские солдаты "ободрали его как липку", так что для путешествия у него нет ни гроша.

— Не стоит беспокоиться, — сказал маршал и подвёл Мёрнера за руку к походной шкатулке. — Возьмите отсюда, сколько нужно.

Мёрнер не замедлил воспользоваться этим предложением и хотел было написать долговую расписку, но Бернадот рассердился и сказал, что никаких долговых расписок не потерпит: он не какой-нибудь там банкир, и между честными людьми достаточно одного слова. Естественно, пленные такое отношение оценили по достоинству и несколько лет спустя напомнили об этом князю Понте-Корво, который был уже наследным принцем Швеции.

…Французские части ушли на восток, а маршал Бернадот остался в Любеке до 19 ноября и занялся административными вопросами города. 24 ноября он выехал в Берлин, где был встречен и обласкан Наполеоном. С Пруссией было покончено, Пруссия получила урок и лежала в развалинах. Слабовольному Фридриху III осталось лишь взывать к своему великому предку Фридриху I, чтобы он встал из могилы и спас свой "фатерланд". На очереди были русские, которые медленно шли навстречу французам из Польши. Но приближалась зима, французы готовились уходить на зимние квартиры, располагая свои части от Данцигского залива и далее к югу по всей территории Пруссии. 17 декабря корпус Бернадота добрался до Торна. Доверие Наполеона к маршалу-князю после Любека неожиданно так возросло, что он поставил под его командование корпус Нея и кавалерийский корпус Бессьера.

Общая задача, которую предстояло решить армии Наполеона, была не такой простой. Главнокомандующий русской армией фельдмаршал граф С.М. Каменский, колоритная личность, человек с причудами, то ли притворялся простачком, подражая во всём Суворову, то ли был таковым — разобраться в этом со стороны было трудно. Во всяком случае, он, кажется, недооценивал французскую армию и рвался в бой, чтобы "показать лягушатникам кузькину мать". В первых же боях при Помихово и Курзомбе он, выставив без соответствующего прикрытия тяжёлую артиллерию на передний план, поставил армию в невыгодную позицию.

Скоро его сменил "колбасник" Л.Л. Беннигсен, участник убийства императора Павла I. Беннигсен избрал выжидательную тактику и в решительные сражения с французами не ввязывался. Этот немец на русской службе решил преподнести французам сюрприз и, вопреки ожиданиям в штабе Наполеона, решил воспользоваться именно зимой, для того чтобы прийти на помощь осаждённым Данцигу и Грауденцу, выйти к Висле и провести остаток зимы не в пустой и голодной Польше, а в богатой Пруссии. В конечном итоге он так обессилил французскую армию в частных боях и измотал её по прусскому и польскому бездорожью, что в рядах наполеоновских войск началось недовольство. Наполеон, раздосадованный невозможностью разгромить русских, обвинял во всём короткий день и плохие дороги. Беннигсен заставил противника уважать себя. Русских нигде не ждали. 9 февраля в главном штабе французов в Прейсиш-Эйлау произошла паника: кто-то крикнул: "Казаки!", и маршал Бертье опрометью выскочил из дома и поскакал вон из города. Примерно такое же положение сложилось и на левом фланге французской армии, который занимал 1-й корпус Бернадота.

Корпус, насчитывавший 18 000 человек, вошёл в Польшу в декабре 1806 года, составил часть левого фланга французской армии на участке от Данцигского залива и далее к югу на 90—100 км и прикрывал нижнее течение Вислы. В начале января Наполеон, так и не добившись разгрома русских, отдал приказ уходить на зимние квартиры. Бернадот отправился в Эльбинг, в то время как его части расположились в гарнизонах в городах по линии Браунсберг — Дойтч-Эйлау. Маршал Ней захотел отличиться: в январе 1807 года он ринулся на свой страх и риск в Кёнигсберг, где засел 13-тысячный прусский гарнизон генерала Лестока, но напоролся на решительные действия и отступил. Генерал Л.Л. Беннигсен, воспользовавшись оплошностью Нея, решил разгромить его корпус, ворваться на его плечах на позиции

корпуса Бернадота и вытеснить его за Вислу. Ней, получив за неудачный рейд головомойку от императора, медленно отступал на запад, и 25 января авангард русской армии вступил с французами в соприкосновение. Но вместо солдат Нея русских встретили свежие части князя Понте-Корво, который, узнав о неудаче Нея и преследовании его русскими, в спешном порядке собрал часть своих дивизий и выдвинул их навстречу противнику.

Встречный бой начался у местечка Морунген атакой казацкой лавы. Французы выслали навстречу им свою лёгкую кавалерию. Казаки после короткой стычки, как водится, отступили, а Понте-Корво вслед за кавалерией выслал вперёд пехоту, поставил на господствующей высоте артиллерийскую батарею и нанёс противнику значительный ущерб. Сражение продолжалось с переменным успехом, русским удалось даже взять у 9-го пехотного полка ценный трофей — знак орла, но французам вскоре удалось его вернуть. К ним подошли резервы, и русские, потеряв в бою своего генерала, под превосходящими силами противника начали отступать. Бой затянулся до поздней ночи, но решительного перелома так и не наступило. Впрочем, к утру русские сами оставили свои позиции и ушли. Поле боя осталось за Бернадотом. Победа французов имела, между тем, большое стратегическое значение, поскольку помогла сохранить наполеоновской армии линию фронта и спасти от разгрома корпус Нея. Потери французов исчислялись 250 убитыми и 600 ранеными, русские потеряли 600 убитыми, 900 ранеными и 150 человек пленными.

Под Морунгеном русские захватили весь личный багаж Бернадота, но Беннигсен, выходец из Ганновера, в знак благодарности и признательности за поведение маршала во время управления Ганноверским курфюршеством, скоро вернул его обратно владельцу.

На следующий день Беннигсен сконцентрировал против Бернадота значительные силы, и князь был вынужден отдать приказ на отход к Ноймарку, но и Беннигсен на его преследование не решился и расположил свои части вокруг всё того же Морунгена. Наполеон, потеряв оперативную инициативу и не разобравшись в силах противника, решил стягивать армию на запад и отозвал корпус Бернадота к Торну для прикрытия своей операционной базы. Здесь он собрал для решающего удара в центр русских позиций около 100 000 человек, обеспечил себя флангами (18 000 на левом и 40 000 на правом) и только после этого медленно двинулся на восток.

Получив приказ Наполеона, Бернадот со своим корпусом 31 января 1807 года выступил в южном направлении. Это не прошло

мимо внимания русских, и они немедленно атаковали уходившую последней дивизию Дюпона. Искусно маневрируя, Дюпон оторвался от противника и присоединился к основным силам корпуса. В тот же день Наполеон проинформировал наконец всех своих фельдмаршалов о деталях своего плана предстоящего генерального сражения. Согласно плану, все они должны были явиться к Прейсиш-Эйлау к 8 февраля. Сражение было намечено им на 9 февраля.

По иронии судьбы приказ от Наполеона обязан был вручить Бернадоту молодой и неопытный офицер, курсант военного училища в Фонтенбло, который должен был выехать к месту своей службы в один из полков первого корпуса. Офицер заблудился, был захвачен казаками Багратиона в плен и вместе с депешей Наполеона приведен к Беннигсену. Командующему русской армией стало сразу ясно, что ему грозила опасность, и он немедленно отдал приказ отступать к Кёнигсбергу. Наполеон с основными силами наступал ему на пятки, но русские в полном порядке уходили на восток.

Бернадот, до которого сведения о положении армии дошли окольными путями, 4 февраля на свой страх и риск повернул обратно и поспешил на соединение с главными силами. До 8 февраля он находился в полном неведении относительно событий, которые разыгрались под Прейсиш-Эйлау. В ночь на 9-е число он получил странный приказ Бертье, датированный 6 февраля, на преследование прусского корпуса, укрывшегося в районе Эльбинга. Однако в этот же день связь со штаб-квартирой Наполеона была восстановлена, и император призвал его как можно быстрее присоединиться к главным силам.

Под Прейсиш-Эйлау он прибыл лишь 11 февраля, спустя 3 дня после короткого, но кровавого столкновения между обеими армиями. И снова Бернадот получил от Наполеона нагоняй за неучастие в решительном сражении. Французские потери, находившиеся в отношении 1:3 к русским, могли бы, по мнению императора, быть намного меньше, если бы корпус Бернадота оказался вовремя на месте. Т. Хёйер решительно берёт "провинившегося" под свою защиту и утверждает, что в данном случае к нему придраться вообще было невозможно, ибо последнее указание Наполеона о том, чтобы 8 февраля всем корпусам собираться у Прейсиш-Эйлау, он так и не получил. Так оно и было, и видно такова уж была участь этого полководца — "запаздывать к обеду".

Беннигсен ушёл под Кёнигсберг, а Наполеон стал готовиться к новому сражению с русской армией. 1-й корпус расположился на линии Пассарге-Шпанден, в то время как его командир

устроился в замке Шлобиттен в Прейсиш-Холланд. Здесь его навестила супруга Дезире. И хотя французская армия терпела лишения и голод, уходить из Пруссии было опасно: это дало бы повод всем врагам Наполеона к новым инициативам и действиям. Поэтому нужно было до конца сломить Пруссию.

Но чем сильнее император желал дать своей армии отдых, тем менее охотно удовлетворялся Беннигсен зимней бездеятельностью. 20 февраля он снова пошёл в наступление: прусские части под командованием Лестока двигались к Эльбингу, в то время как сам Беннигсен появился под тем же Прейсиш-Эйлау, полагая, что французы на зимнее время всё-таки уйдут за Вислу. Лестока встретил первый корпус Бернадота, французы отогнали пруссаков обратно, и на этом военные действия на фронте закончились. Бернадот отдал своим частям приказ создать в Нойштадте плацдарм для будущих действий и занялся оборудованием там крепостных сооружений.

Движение на фронте возобновилось к маю, когда французская армия покинула зимние квартиры и стала накапливаться в восточном направлении. Беннигсен, сохраняя в своих руках стратегическую инициативу, 5 июня напал на слишком далеко выдвинувшийся корпус Нея, одновременно демонстрируя силу перед корпусами Бернадота и Сульта. Это было начало кровавого Фридландского сражения (14 июня), которое так же, как и битва под Прейсиш-Эйлау, не принесла победы ни одной стороне. В этом сражении Бернадот был легко ранен: обнаружив, что один из его полков попал под губительный огонь русской артиллерии, он поскакал к нему, чтобы попытаться вывести его в безопасное место, но по пути был ранен пулей в шею. Он с трудом удержался в седле, сдерживая коня левой рукой, а правой с платком пытаясь остановить кровь. Обливаясь кровью и отдав необходимые распоряжения своему начштаба генералу Мэзону, он был вынужден покинуть баталию и обратиться к помощи хирурга в Мариенбурге. Здесь он прожил с Дезире до июня 1807 года.

На этом для него, а скоро и для всех война была закончена.

Русские ушли непобеждёнными на восток. 9 июля 1807 года был подписан Тильзитский мир. Император находился в зените своей славы, и его высокомерие могло сравниться лишь с его безграничным тщеславием. Рейнский союз пополнился новыми членами, и теперь в его составе находились 4 королевства, 5 великих герцогств, 11 герцогств и 16 княжеств. Союз занимал площадь 325 800 кв. км и имел население 14,6 млн человек. В 1807 году графиня Валевская, отданная гордыми польскими панами Наполеону в обмен на государственную

самостоятельность Польши, родила от него сына. Теперь император знал, что бесплоден не он, а Жозефина, и путь к разводу с ней и новому браку был открыт.

Князь Понте-Корво оправился от ранения и смог присутствовать на церемонии подписания Тильзитского мира. Здесь князь впервые познакомился с Александром I, и многие историки считают, что их сердечные личные отношения берут начало именно в Тильзите. Восстановил он своё реноме и у Наполеона, так что лето 1807 года было для маршала Бернадота и князя Понте-Корво во всех отношениях довольно удачным.

12. НАМЕСТНИК ГАНЗЕН

Есть свои радости в каждом виде творчества: всё дело в том, чтобы уметь брать своё добро там, где его находишь.

Бальзак

14 июля 1807 года князь получил новое назначение — командовать французскими частями в ганзейских городах Гамбурге, Бремене и Любеке со специальным поручением императора наблюдать за выполнением континентальной блокады Англии на южном побережье Балтики. Гражданским наместником в Ганзее Наполеон назначил своего секретаря Бурьена.

Бремен и Гамбург были заняты в ноябре 1806 года маршалом Мортье, там его сменил маршал Брюн, так что когда князь Понте-Корво 23 июля прибыл в Гамбург, первая жирная жатва взяток и поборов уже была снята. Но добра хватило на всех: и на Бернадота, и на его начштаба Жерара, и на многочисленных адъютантов, и на хваткого и ловкого Бурьена, с которым наш герой тесно сошёлся. Все они сколотили себе здесь приличные состояния.

Во время своего пребывания в Ганзее Бернадот принял от местных "благодарных" граждан два "подарка", но довольно крупные: первый раз 300 тыс., а другой — 150 тыс. франков. Естественно, что все "технические детали" подношений брали на себя его адъютанты, которые при этом не забывали и про себя, действуя нагло и напористо и прикрываясь именем своего патрона. Т. Хёйер вынужден признать: "*В гамбургский период особенно ярко проявилась слишком далеко зашедшая толерантность Бернадота по отношению к менее морально устойчивым элементам из его окружения*".

Временный поверенный в делах Дании в Гамбурге голштинец Й.-Г. Рист, сравнивая Бернадота с герцогом Ауэрштедтским (Даву), правившим в Южной Германии исключительно с помощью репрессивного аппарата, отмечает, однако, его мягкий нрав, доступность, справедливость и доброжелательность, но тут же оговаривается: *"Однако действие этих хороших качеств чаще всего разбивалось о его слабость к собственному окружению и их прихвостням".*

Брюн попытался навести в городе хотя бы относительный

порядок и смягчить режим оккупации, но попал за это в немилость к императору. Наполеон в это время проводил жёсткую и немилосердную политику в отношении всех германских земель и облагал их население невыносимыми налогами и всяческими поборами. Богатели и жирели на этом, конечно, французский генералитет и всякого рода парижские голоштанные комиссары и инспекторы, набросившиеся на Германию, как голодные собаки на затравленного оленя.

Свою резиденцию Бернадот учредил в Гамбурге. Он часто устраивал у себя торжественные обеды и приёмы и приглашал на них местную знать. На этих обедах и приёмах, сообщает Хёйер, князь-маршал любил демонстрировать своё красноречие и пофилософствовать на отвлечённые темы, к примеру, о том, есть ли Бог или нет. Вообще же он усвоил там роль некоего доброго и человечного вице-короля.

Князь Понте-Корво, уже получивший богатый опыт подобной административной деятельности, предпринял попытку смягчить оккупационный режим, насколько это было возможно. Он отменил незаконные привилегии крупным мошенникам, для вида пригрозил наказанием Бурьену, установил контроль над деятельностью таможни. Одним словом, он действовал примерно так же, как в свою бытность в Ганновере и Ансбахе, сочетая обещания мелких льгот и послаблений с неуклонным проведением политики Наполеона.

К чести наместника следует отнести его поведение в связи с учреждением под Гамбургом "чёрного кабинета" — пункта по перлюстрации корреспонденции. Маршалу Даву, ставшему фактически второй (после Фуше) полицейской ищейкой империи, захотелось распространить своё влияние и на Ганзею, в связи с чем он без всякого уведомления открыл перлюстрационный пункт в Эшебурге, пригороде Гамбурга. Агенты Даву действовали так непрофессионально и грубо, что быстро расшифровались и вызвали у гамбуржцев волну возмущения. Бернадот немедленно дал указание арестовать перлюстраторов и выслать их со своей территории. Герцог Ауэрштедтский был уязвлён в самое сердце и затаил на Бернадота великую злобу.

Свои инструкции Понте-Корво получал непосредственно от Наполеона, который относился к нему в этот период в целом благосклонно.

Так ганзейский проконсул осенью 1807 года был включён императором в список полководцев для получения денежных премий. Любимец Бертье получил 1 млн, Ней, Даву, Сульт и Бессьер — по 600 тыс., а Бернадот, Мортье, Ожеро, Виктор и Массена — по 400 тыс. франков (половину суммы — в

облигациях, а половину — наличными деньгами). Позже, весной следующего года, князь Понте-Корво получил многочисленные владения и имения в Ганновере, Вестфалии и Польше с общими доходами на сумму примерно 270 тыс. франков в год, не считая княжества в Италии, собственного дома в Париже на рю д'Анжу и собственного загородного имения Лягранж к юго-востоку от столицы.

Судя по всему, тщеславие Понте-Корво ещё не было полностью удовлетворено, потому что в октябре 1808 года он обратился к свояку Жозефу с просьбой предстательствовать перед братом о присвоении ему более высокого чина — например, вице-гросс-адмирала или вице-статс-канцлера, как это было сделано в отношении Талейрана и Бертье. Но Наполеон отделался отговорками и никаких шагов в этом направлении не предпринял. У императора были другие более преданные люди! Император не спускал глаз со своих наместников, королей и маршалов, внимательно следил за их "взбрыкиваниями" и постоянно устраивал им головомойки. Когда осенью 1807 года Бернадот, следуя просьбе голландского короля Людовика, отпустил от себя два голландских пехотных полка, Наполеон не преминул сделать ему выговор. Ганзейский проконсул оказал слишком большие почести свергнутому с гессенского трона курфюрсту — снова выговор.

Первый корпус Понте-Корво, насчитывавший в 1807 году около 40 000 человек, был рассчитан на нейтрализацию колеблющейся между воюющими сторонами Дании, но после того как англичане в сентябре 1807 года обстреляли и захватили на три дня Копенгаген, Дания сама перешла на сторону Франции. Так что Понте-Корво должен был действовать теперь в интересах Датского королевства.

Дания долгое время пыталась сохранить свой нейтралитет, и когда вопрос для неё встал ребром, на чью сторону становиться, она без колебаний выбрала сначала Англию, поэтому континентальная блокада и запрет на торговлю с Англией был для датчан абсолютно неприемлем. С другой стороны, и Англия в августе 1807 года совершила большую ошибку, выставив Дании непомерные требования предоставить в полное своё распоряжение до конца войны датский флот и Копенгагенскую и Крунборгскую военно-морскую базу. Когда Дания отказалась выполнить английские требования, последовало наказание в виде бомбардировки и оккупации датской столицы. Лондон практически вытолкнул датчан в крепкие объятия Наполеона.

2 августа Понте-Корво получил от императора следующие инструкции: *"Если Англия не примет посредничество России, Дания*

должна объявить войну (Англии. — *Б.Г.), в противном случае я объявлю войну ей. В таком случае вам надлежит овладеть всей континентальной сушей Дании… Язык вашей дипломатии должен быть следующим: вы постоянно выражаете сожаление по поводу того, что Англия открыла проход через Сунд* (т. е. Эресунд. — *Б.Г.) и позволила себе нарушить целостность порта, который датчане должны были рассматривать таким же неприкосновенным, как и всю свою страну*".

17 августа Наполеон писал Бертье, что Понте-Корво всеми своими силами должен быть готов вторгнуться в Данию "*либо ей на помощь, либо против неё*". И когда наконец позиция датчан прояснилась, Понте-Корво доложил в Париж, что датчане отнюдь не жаждут прихода французской армии и "со *страхом ожидают момента, когда эта помощь появится на датской земле*". В Копенгагене уже знали, чего стоили обещания Наполеона и как алчен он был до чужих земелек.

В конце января 1808 года в Гамбург пришёл новый приказ Наполеона о том, чтобы Понте-Корво был готов к оккупации Сконской провинции Швеции и острова Готланд, в то время как французский посланник в Копенгагене должен был получить от датчан согласие на поддержку военных действий России в Финляндии и на участие в совместном вторжении на юг Швеции. Понте-Корво выслал своих людей в район Бельта и Эресунда, чтобы на месте убедиться, какие транспортные средства могли предоставить датчане для десанта на шведский берег. Идея участия в такой интересной военной операции привела князя в полный восторг, и он с большим энтузиазмом приступил к её реализации.

В результате разведки обнаружилось, что английский флот начинает сосредотачиваться в районе датских проливов, а в порту Гетеборга уже стояли шесть английских фрегатов. Но это нисколько не смутило маршала, и он уже видел себя и своих солдат марширующими не только по территории Сконе, но и по улицам Стокгольма. В его распоряжении, кроме датчан и голландцев, находился ещё корпус испанской армии.

Однако реализовать все эти планы оказалось не так просто. Во-первых, датский кронпринц отказался подчинить свою армию Понте-Корво. Во-вторых, он настоятельно рекомендовал князю воздержаться от ввода своего корпуса в Ютландию: если английский флот перекроет Бельтские проливы, то французы окажутся в незавидном положении.

И в-третьих, даже если французам и испанцам удастся перебраться на о-в Зеландия, их там нечем будет прокормить. Кронпринц так разозлил Понте-Корво своими аргументами, что

тот с угрозой в голосе ответил: *"Ну хорошо, тогда мы обоснуемся на Фюне, в Шлезвиге и Голштинии!*"

Наконец план был согласован: Понте-Корво входит в Ютландию с 20 000—30 000 солдат, к ним присоединяется 6-тысячный датский корпус, а принц Кристьян Август с 5-тысячным корпусом осуществляет вторжение на шведскую территорию из Норвегии. Одновременно Дания стала уговаривать Швецию расторгнуть свой союз с Англией и сделала всё возможное для того, чтобы шведы не только помирились с русскими, но и стали их союзниками. Король Густав IV Адольф, однако, заупрямился, и 29 августа 1808 года Копенгаген объявил-таки Стокгольму войну.

5 марта 1808 года первый корпус французской армии пришёл в движение. В авангарде шли бравые испанцы, к концу марта они прошли половину Ютландии и были уже у о-ва Фюн. Зима в том году стояла холодная, и Бельтские проливы покрылись толстым льдом. Испанцы собирались уже вступить на лёд, чтобы идти в Зеландию, как вдруг возникли непредвиденные препятствия. Британским корвету и бригу удалось освободиться ото льда, выйти из Гётеборга и заблокировать пролив Большой Бельт. Датчане вызвали линейный корабль "Принц Кристьян", самую крупную единицу своего военно-морского флота. "Принц Кристьян" попытался сперва обойти Зеландию с юга, но был вынужден повернуть обратно из-за сильного встречного ветра. Он пошёл на север, чтобы обогнуть Зеландию со стороны Эресунда, но встретил там три английских линейных судна, вступил с ними в бой и в результате неравных сил был захвачен противником. После этого блокада датских проливов лишь усилилась.

Понте-Корво в середине марта с женой и сыном удалось перебраться в Копенгаген. По пути он получил из Парижа приказ не вводить в Данию всю армию, а только одну усиленную дивизию плюс испанцев, а что касается Зеландии, то Париж рекомендовал переправить туда всего лишь один французский кавалерийский полк и два пехотных испанских полка. Это коренным образом нарушало всю диспозицию частей и весь порядок спланированной им операции.

В Копенгагене Понте-Корво нашёл тёплый приём, кронпринц Фредрик, ставший к этому времени королём Фредриком VI, уделил ему особое внимание. Впрочем, когда датский король узнал о том, какие приказы получил князь от своего императора, радость тут же пропала и сменилась большим разочарованием. Король стал уговаривать Понте-Корво не обращать внимания на приказ и продолжать выполнять план в том виде, как он был задуман: когда Наполеон узнает, что Большой Бельт проходим сейчас и не раньше и не позже, он одобрит действия своего

маршала и губернатора. Но Понте-Корво уже был не тот, что раньше, да и верховная власть в Париже была другая, так что он ответил королю Фредрику, что нарушать инструкции не имеет права.

В феврале 1808 года русский генерал М.Б. Барклай-де-Толли (1761–1818) приступил к завоеванию Финляндии, и Наполеон отдал приказ Понте-Корво начать вторжение в Швецию. Но время было уже упущено. Начались весенние паводки, лёд на датских проливах взломался, и в проливе между Зеландией и Фюном появился английский фрегат. Путь через Фюн французам был отрезан, и Бернадоту пришлось менять маршрут. Он двинул свои части на юг через Вордингборг, где его с семьёй посадили на утлую лодку и мимо о-ва Альс переправили прямо в Голштинию, откуда он поспешил сразу в Гамбург.

Последние указания Парижа окончательно разочаровали маршала-наместника, и большого энтузиазма по поводу высадки в Швеции он уже не испытывал. Вероятно, он уже догадывался, что Наполеон затеял какую-то свою игру, в которой ему было важно демонстрировать свои союзнические обязательства перед Россией, но ничего не предпринимать в их осуществлении. Поэтому, когда 15 марта поступил приказ Бертье об ускорении перехода Бельтских проливов и Эресунда по льду, как это в своё время сделал шведский король Карл X, Бернадот язвительно ответил, что природного феномена, который сопутствовал успеху шведа 150 лет тому назад, в данный момент не наблюдается. Лёд на проливах давно взломался, а в них появились английские фрегаты.

Какова же стала судьба вошедшего в Данию "ограниченного контингента" наполеоновских войск? Начнём с испанцев. Во главе 12-тысячного испанского корпуса стоял генерал-лейтенант маркиз де ла Романья, принадлежавший к одному из древних и знатных испанских родов, человек в возрасте около 40 лет, крепко сложенный, незаурядный, умный, образованный и храбрый. Зиму 1807–1808 годов маркиз провёл в Гамбурге вместе с Понте-Корво. Всё свободное время он проводил в городской библиотеке и рылся в книгах, приводя в недоумение местных жителей загадочностью своей личности и знанием старой немецкой литературы. Бернадоту испанец очень понравился, и они стали большими друзьями.

12 февраля 1808 года испанцы, предводимые маркизом де ла Романья, выдвинулись к датской границе и миновали Фленсбург. Стояли крепкие морозы, в поле дул пронизывающий до костей сырой ветер, и испанцы жестоко страдали от холода. Во главе полка Гвадалахара на маленькой лошадке с выражением

неимоверного страдания и терпения на лице ехал длинный тощий полковник — настоящий Дон Кихот.

За ним плёлся штаб, солдаты, и весь этот поход со стороны выглядел настоящим донкихотством. Без знания местного языка испанцы постоянно сбивались с пути и с трудом добирались до места отдыха и ночёвки. К тому же испанцы уже знали, что Наполеон с помощью испанского премьер-министра Мануэля Годоя начал делать подкоп под испанского короля, а потому они жестоко ненавидели Наполеона и продажных испанских политиков, по воле которых оказались теперь игрушкой в руках французов вдали от своей родины.

К марту испанские части расположились в центре Ютландии, в то время как французы были дислоцированы южнее, в их тылу. На всякий случай. Как только в Испании началось антифранцузское восстание, маркиз принял решение встать на его сторону. Разыгрывая роль преданного союзника французов, он поставил в известность о своём решении вышестоящих начальников и связался с английским адмиралом Китсом. Наполеон и Бертье до последнего момента скрывали перед Бернадотом информацию об истинном положении вещей в Испании и тем самым способствовали его заблуждениям в отношении Романьи.

В середине июля 1808 года маршал получил от генерального полицейского комиссара в Антверпене Бельмара сообщение о том, что Англия планирует оторвать корпус Романьи от французов и что Романья питает проанглийские настроения. Бернадот, до конца веривший в честность и благородство испанского гранда, ознакомил Романью с письмом Бельмара, и тот решительно отверг все "инсинуации" в свой адрес и полностью оправдался перед своим французским начальником.

В конце июля Бернадот с супругой, со всем штабом и с семьёй Бурьена уехал поправлять своё здоровье в Травемюнде, откуда он 1 августа пожаловался Бертье на нелояльное поведение датской прессы, слишком раздувавшей, по его мнению, непорядки в испанском корпусе. Он писал, что его доброе отношение и доверие к союзникам непременно окажут на них позитивное влияние.

Первый серьёзный сигнал о неблагополучии в испанском корпусе Бернадот получил 4 и 5 августа после того, как испанские солдаты и офицеры на Фюне отказались присягать на верность новому испанскому королю, свояку Бернадота Жозефу, "переброшенному" с неаполитанского на мадридский трон. Бернадот, вместо того чтобы поспешить к месту событий, отправился в Рендсбург и оттуда стал посылать к Романье своих

адъютантов с "отеческими упрёками". Через два дня произошёл бунт испанцев в Роскильде (Зеландия), но и тут Бернадот в предположении, что бунт скоро подавят, из Рендсбурга не тронулся, передвинув лишь на всякий случай единственную французскую дивизию к Кольдингу и Фредеричии. А потом пришли известия, которые уже не оставляли никаких сомнений в измене Романьи. Тогда Понте-Корво кинулся к Кольдингу, но было уже поздно.

Ещё в июле Романья вступил в контакт с католическим священником Робертсоном, а через него — с командованием английской эскадры. Когда весть об измене по неосторожности одного офицера стала распространяться по Дании, а Романья 6 августа получил от Бернадота первое "отеческое увещевание", стало ясно, что дальше терять время было опасно. 7 августа испанское командование провело военный совет и отдало приказ по всем своим частям в Ютландии собираться в Нюборге. Испанцы захватили датскую крепость Нюборг, а англичане — порт Нюборг, и 9—10 августа испанцы стали переправляться на о-в Лангеланд. В тылу у датско-французских союзников появился плацдарм противника.

Испанский генерал Кинделан (по национальности швейцарец), на словах присоединившийся к восстанию, а на деле сумевший бежать к французам в Кольдинг, доложил Бернадоту о подробностях дела. Его письмо пришло к Бернадоту в Рендсбург 8 августа. По приказу маршала на север бросились французские полки дивизий Буде и Дюпа, но было уже поздно. Им удалось перехватить в Ютландии только один полк испанской пехоты, в то время как в Зеландии датчане разоружили ещё два полка и держали их на положении пленных.

11 августа Бернадот стоял на берегу Малого Бельта, 12 числа он был уже в Оденсе, а 13 августа первые французские части появились в Свендборге. Но они опоздали. Лангеланд был рядом, но добраться до него через воду не было никакой возможности. Большая часть испанского корпуса (около 10 000 человек) до 21 августа на глазах у французов погрузилась на английские суда и переправилась в Гётеборг, откуда испанцы скоро отправились в Испанию.

Наполеон не преминул выразить ганзейскому проконсулу своё неудовольствие. В письме царю Александру он сообщил, что уход испанского корпуса из Дании лежит полностью на совести маршала Бернадота, который слишком доверился Романье и не выполнил его личный приказ о расчленении корпуса и организации за ним строгого контроля. Наполеон почему-то забыл проинформировать царя, что именно он весной отдал

приказ Бернадоту перебросить испанцев в Ютландию, на Фюн и Зеландию, а французские дивизии — в Данию не вводить, а держать их в Голштинии и в Ганзее.

Оставшееся время проконсульства Понте-Корво до января 1809 года прошло для проконсула в праздничном безделье. У него отняли дивизию Буде и голландскую дивизию. 15 августа в Гамбурге торжественно, с большой помпой, отпраздновали день рождения императора. В середине февраля из По пришло известие о кончине 7 января 84-летней мадам Бернадот — матери князя Понте-Корво, а управляющий княжеством Понте-Корво доложил его владельцу о том, что там по этому поводу была отслужена торжественная заупокойная месса.

13. ВАГРАМСКАЯ ЭПОПЕЯ

Большие батальоны всегда правы.

Наполеон

В начале 1809 года шведы заключили мир и с русскими, и с французами. Но началась — которая по счёту? — война Франции с Австрией. Приказ Наполеона забросил маршала Бернадота в Саксонию, где его, несмотря на протесты и возражения, поставили во главе саксонской армии, даже не предупредив об этом курфюрста Саксонии. Приказ об отъезде из Гамбурга поступил в день свержения короля Швеции с трона — 13 марта, а 22 марта 1809 года, ещё не совсем оправившись от очередного приступа своей болезни (кровохарканье), маршал был уже в Дрездене.

Осмотр саксонской армии показал, что к войне она была совершенно не подготовлена: офицеры не могли ездить верхом на конях, а артиллеристы не знали, что такое конные упряжки для орудий; орудия были чуть ли не столетнего образца, а возраст офицеров перешагнул все предельные рамки. Они могли еще кое-как пройти шагом на параде, но для походов не годились. Кавалеристы выглядели лучше, но у них были плохие кони. В организационном и тактическом отношении армия отстала на целое столетие.

Ко всему прочему, Бернадот со своей саксонской армией оказался на самом выдвинутом в сторону противника участке, и в случае начала военных действий он не имел никакого представления ни о планах верховного командования на эту кампанию, ни о роли, которая ему была в ней предназначена. Дело было в том, что начальник Генштаба Бертье целых три недели не высылал ему никаких приказов или инструкций.

Уже на следующий день пребывания в Дрездене он написал письмо Наполеону, в котором излил всю горечь и недовольство. Он прямо заявил, что саксонская армия никакой пользы французскому оружию не принесёт. Он предлагал использовать её части вместе с более крупными французскими или влить саксонские бригады в состав французских дивизий и просил императора освободить его от командования армией. Своё мнение по этому поводу он повторил ещё в четырёх письмах, в них он жаловался на Бертье, на отсутствие информации, на своё пошатнувшееся здоровье, но всё было напрасно.

25 марта обычной почтой (!) пришли наконец указания из Генштаба. Бертье кратко и сухо проинформировал Бернадота лишь… о путях отхода и оставлении в Дрездене 3-тысячного саксонского гарнизона! На следующий день начгенштаба потребовал от него отчёта о своих силах, включающих в себя польский корпус и дивизии Дюпа и Брюйера. Разозлённый Бернадот написал Бертье, что гарнизон Дрездена как минимум должен быть раз в семь сильнее и что он первый раз слышит о том, что командует ещё польским корпусом Йозефа Понятовского, дислоцированным где-то под Данцигом, и какими-то французскими дивизиями. И ещё одно отчаянное письмо пошло к Наполеону, в котором он описал все свои злоключения и закончил его словами: "Я *заклинаю Ваше Величество дать мне отставку, если конечно В.В. не предпочтёт направить меня в далёкую экспедицию, где мои недруги уже не смогут повредить мне".*

Не предпочёл. Его Величество решил оставить его с небоеспособной армией и поставить перед ним заранее невыполнимые боевые задачи. Со стороны это решение, вероятно, выглядело, как умышленный план уничтожить маршала. Маршал трижды повторил свою просьбу в апреле, а пока в ожидании ответа занимался реорганизацией и спешным обучением саксонской армии.

В начале апреля ситуация в штабе Бертье наконец прояснилась. 12 апреля в Дрезден поступило сообщение о том, что 6 апреля Австрия объявила войну Франции, и Бернадот должен был, отконвоировав саксонского курфюрста в более безопасный Лейпциг и оставив в Дрездене гарнизон, отходить с саксонской армией на юго-запад к Дунаю, в район между Донаувюртом и Ингольштадтом. Наличных сил у него вместе с французами было около 17 000 человек, из которых саксонцев было лишь 13 000, а не 20 000, как значилось в бумагах Бертье. Польский корпус находился на другом театре военных действий — всё равно что на Луне!

16 апреля он отправил очередной рапорт на увольнение и выступил из Дрездена. 24-го числа армия прибыла в Веймар. Этот короткий поход показал, что саксонцы были не так уж и плохи, но 20 апреля, когда саксонцы были в Гере, Понте-Корво всё равно написал ещё один рапорт, но отправить его не успел, потому что пришло наконец письмо от Наполеона, датированное 19 апреля. Император находился в Ингольштадте и писал: "*Дорогой месье свояк! Все Ваши письма получил. Начавшуюся войну мне предстоит вести при согласовании с Россией. В этой комбинации Вы играете особую роль. Найдите в этом доказательство моего к Вам*

уважения и оценки Вас в том назначении, которое я Вам дал". И всё: ни слова о жалобах маршала, ни единого упоминания о его возможной отставке и о третировании маршала со стороны Бертье. Какую особую роль должен был сыграть Понте-Корво в этой кампании, император тоже не пояснил. Т. Хёйер считает, что Наполеон сделал намёк на то, что с помощью русских Бернадот мог бы стать герцогом Варшавским. Поняв этот намёк именно таким образом, Бернадот якобы смирился со своим положением и о своей отставке уже больше не помышлял.

В письме наконец прояснялись статус саксонской армии и её ближайшие задачи. Армию преобразовывали в 9-й корпус, который, по данным Генштаба, должен был включать три дивизии (на самом деле дивизий было две). Корпусу придавались всё те же две мистические польские дивизии и гарнизоны Данцига и Глогау, так что у Понте-Корво набиралось — на бумаге — до 50 000 человек. Но поляки стояли под Варшавой и идти пополнять 9-й корпус пока не собирались. Гарнизоны упомянутых городов тоже оставались на своих местах, так что на деле маршалу приходилось рассчитывать только на саксонцев, которых едва набиралось на две дивизии — 16 302 человека при 26 орудиях. Наполеон только что прибыл к армии и в обстановке ещё не разобрался, а начштаба армии Бертье делал вид, что с 9-м корпусом всё в порядке.

Наполеон приказал идти корпусу в Богемию, но уже на другой день изменил приказ и направил его вдоль баварско-богемской границы к Регенсбургу, где он должен был соединиться с главной французской армией. Приказы и контрприказы, отменявшие первые, следовали от Бертье один за другим. В конце концов, обогнув Регенсбург, Понте-Корво 13 мая появился под Линцем. Здесь он соединился с вюртембергским миникорпусом генерала Вандамма и вместе с ним вступил в бои с противником, в которых саксонцы проявили и храбрость, и стойкость.

Согласно первоначальному замыслу Наполеона, Бернадот должен был войти в южную часть Богемии (Чехии), но 21–22 мая под Асперном-Эсслингом произошли кровавые столкновения с австрийцами, и Наполеон впервые потерпел здесь поражение. Исход кампании находился под вопросом, и вместо Богемии 9-й корпус был передвинут для прикрытия переправы через Дунай на линии Линц — Эннс — Штейер. Бернадот, оставив Вандамма, должен был пойти в направлении Будвейса, но, ввиду тяжёлых горных условий, этот приказ выполнить отказался, о чём 28 мая и доложил Наполеону. Бертье при этом полагал, что князь располагал силами, насчитывавшими до 32 000 человек, хотя у него не было и половины этой цифры.

У Линца Бернадот простоял до конца мая, а потом, передав позиции баварскому корпусу Лефевра, переместился на восток к Санкт-Пёльтену, где простоял до 27 июня. 6 июня 1809 года император вызвал Бернадота в замок Шёнбрунн (Вена) и обласкал его. Наполеон находился в прекрасном настроении — с ним находилась Мария Валевская! Император сочувственно *отнёсся* к положению 9-го корпуса и предложил реорганизовать его по французскому уставу. Саксонцев свели в усиленные батальоны, избавились от непригодных старых и больных солдат и офицеров, отправив их домой, а для усиления корпуса придали изрядно потрёпанную французскую дивизию генерала Дюпа, которую Бернадот усилил тремя саксонскими батальонами.

В середине июня австрийская армия вторглась в беззащитную Саксонию, и это самым тяжёлым образом сказалось на настроениях и боевом духе саксонцев в 9-м корпусе. В то время как они без дела стояли на Дунае, их страна подверглась грабежам и насилию. Бернадот предложил передислоцировать корпус в Саксонию, но Наполеон попросил его подождать до решающих событий.

Решающее событие произошло 5–6 июля под деревней Ваграм. В жизни маршала оно тоже сыграло немалую роль, а потому остановимся на нём более подробно. Согласно полученной от Бертье диспозиции, 9-й корпус 4 июля должен был выдвинуться в район укреплённого французами в рукаве Дуная о-ва Лёбау. Вечером того же дня Бернадот вместе со всей французской армией стал переправляться с Лёбау на северный берег реки, оставив на острове два своих батальона. Это было первое ослабление корпуса, но далеко не последнее. Переправа осуществлялась по нескольким понтонным мостам, построенным по проекту самого императора, продемонстрировавшему, как пишет Хёйер, высокое инженерное искусство и полководческую основательность автора.

Утром 5 июля 9-й корпус, оставив на острове половину артиллерии, завершил переправу и вместе с Итальянской армией занял позиции во второй линии за корпусами Массена, Удино (1767–1847) и Даву. Когда войска стали двигаться по равнине и веером расходиться в стороны, корпус Бернадота оказался впереди корпуса Массена, образовавшего левый фланг всей армии. В образовавшийся между Удино и Бернадо-том промежуток вошли Итальянская армия короля Евгения и корпус Макдональда. В распоряжении Бернадота осталось 12 батальонов, а у Дюпа — 7, но Дюпа так и не появился — его дивизию Наполеон передал на другой участок. Из 20 эскадронов кавалерии в 9-м корпусе осталось 16 — 4 были переданы Удино. Напомним,

что саксонские дивизии только что были переформированы и в таком составе в бой шли первый раз.

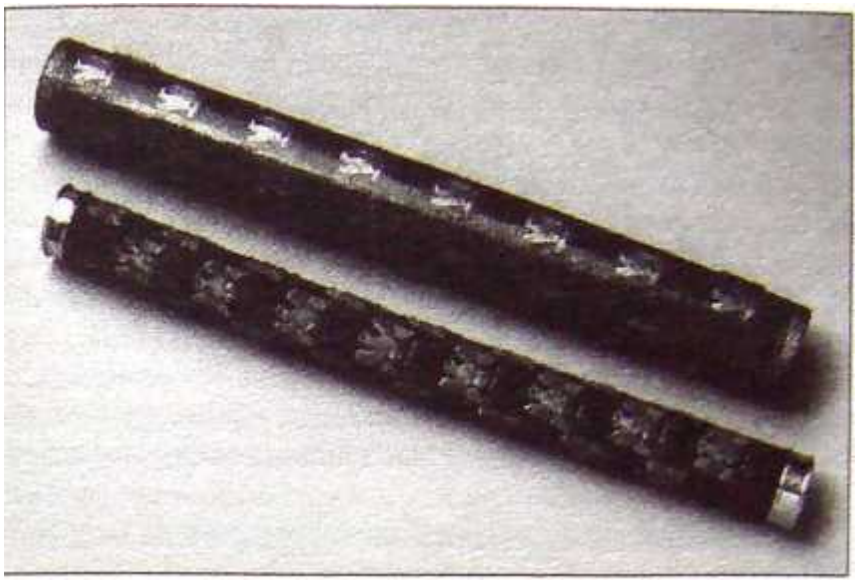
Эрцгерцог Карл построил свои боевые порядки недалеко от Дуная у деревни Ваграм, прикрывшись естественным водным препятствием — каналом Руссбах. Наполеон оставил Массена против правого австрийского фланга, на котором у них было тройное превосходство, зато против левого фланга Наполеон сосредоточил все остальные силы. 9-й корпус оказался напротив Ваграма прямо у стыка двух австрийских группировок, что предвещало жаркие схватки (Хёйер называет этот участок самым важным в сражении).

На подходе к Ваграму саксонцы прогнали австрийский заслон в деревне Раасдорф и продолжили марш в северо-западном направлении к деревне Адерклаа. Именно в этот момент дивизия Дюпа по распоряжению императора ушла на север к Руссбаху. С левого фланга на корпус напала австрийская кавалерия, но французы под командой Жерара повернули её вспять. К семи часам вечера в расположении корпуса неожиданно появился адъютант Наполеона и будущий министр полиции генерал Савари и объявил, что император принял решение покончить с противником уже сейчас, в связи с чем корпуса Евгения и Удино атакуют левый фланг эрцгерцога Карла, а Бернадот должен был поддержать наступление взятием Ваграма. Импровизированная фронтальная атака была чревата тяжёлыми последствиями. Бернадот это хорошо понял, но приказ есть приказ, и он повиновался.

Бернадот взял с ходу Ваграм, но продержаться там долго не смог. Противник подтянул к Ваграму дополнительные дивизии, и саксонцам пришлось отступить. Потом атака повторилась, и Ваграм был взят Бернадотом во второй раз, но противник снова навалился на него превосходящими силами, и Бернадот снова отступил — как отступили с большими потерями находившиеся справа от него части Удино, Макдональда и дивизия Дюпа. К 23.00 корпус отступил к Адерклаа и на рассвете 6 июля с трудом восстановил свои порядки.

Бернадот и его подчинённые находились в подавленном состоянии. Наполеон бросил саксонцев в самое пекло, нисколько не учитывая их состояние и численность. Он видел в этом доказательство очередной интриги Бертье, который снова молчал, а между тем потрёпанный 9-й корпус, потерявший около половины своего состава, находился на опасном острие, образуемом позицией корпуса Массена, обращённой на запад, и позициями Удино, Евгения и Даву, обращёнными на север, и в любой момент мог подвергнуться атаке противника. Соседи

Массена и Евгений находились от него на расстоянии 4 км. Под влиянием всех этих чувств и опасений маршал к утру отдал приказ уйти из Адерклаа и занять позиции в 1,5 километрах к востоку от деревни.



Маршальский жезл Ж.-Б. Бернадота

Утром 6 июля эрцгерцог Карл принял решение направить удар почти всех своих сил против левого фланга французов, т. е. против Массена и Бернадота. Австрийцы быстро заняли Адерклаа и нанесли по 9-му корпусу тяжёлый удар. К половине восьмого утра у Адерклаа с основными своими силами появился Массена. Вместе с Бернадотом он попытался вернуть деревню, но силы были слишком неравными, и атака захлебнулась. В этот критический момент на левом фланге появился Наполеон, и между ним и Бернадотом произошёл горячий разговор. Появился наконец Дюпа, но от его дивизии осталось всего 700 человек. Бернадот попытался на месте выяснить, кому он был обязан потерей целой дивизии в самый критический момент боя, но ни Дюпа, ни Наполеон не могли сказать на этот счёт ничего определённого. (Позже выяснилось, что почти всю дивизию Дюпа "увели" адъютанты Бертье.)

О дальнейшей роли 9-го корпуса в битве под Ваграмом ясности не существует. Судя по всему, пишет Хёйер, он был отведен в ближайший тыл к деревне Раасдорф и отражал атаки противника на линии, принадлежавшей Массена, а его позиции у Адерклаа занял Макдональд.

К вечеру, когда кровавое побоище закончилось победой

французов, корпус находился в дер. Леопольдау. Хёйер пишет, что Наполеон, не обвиняя прямо Бернадота в неудачном участии 9-го корпуса в Ваграмском сражении, тем не менее дал волю своему неудовольствию его слабым вкладом в победу.

8 июля Бернадот, огорчённый неудачным участием саксонцев в Ваграмском сражении, издал приказ, в котором в высокопарных и не совсем точных выражениях похвалил саксонцев за их вклад в общую победу и за храбрость в боях 5 и 6 июля. Это был как бы ответ на все несправедливости и унижения, которые он, как командующий корпусом, претерпел за последние дни от императора и начальника Генштаба. Перед саксонскими генералами маршал выразил пожелание, чтобы приказ был опубликован в газетах, что они с удовольствием сделали.

Реакция Наполеона последовала не сразу. 9 июля Бернадот занимался участью многочисленных раненых в корпусе, а на следующий день от Бертье пришло уведомление о том, что 9-й корпус подлежит расформированию. Остатки корпуса формировались в дивизию, которая при командире Рейнье поступала в распоряжение короля Италии Евгения. Это был настоящий удар по самолюбию и Бернадота, и его саксонских подчинённых. Хёйер пишет, что роспуску корпуса предшествовала подача его командующим рапорта об отставке, но сам Бернадот в своих мемуарах пишет на этот счёт весьма невнятно. Скорее всего, заключает историк, решение императора по этому поводу было для него полной неожиданностью. Бертье, кажется, предлагал Бернадоту новое назначение, но тот от него отказался.

Уехал ли маршал из Вены в Париж по своей воле или был удалён из армии по приказу Наполеона, тоже не ясно. Но история с приказом от 8 июля получила своё продолжение. Французские газеты перепечатали немецкие публикации, и скоро Наполеон узнал о содержании приказа. Рассерженный император написал военному министру А.-Ж.-Г. Кларку (1765–1818): *"Если представится возможность увидеть князя Понте-Корво, покажите ему моё недовольство смешным приказом, который он распространил во всех газетах… Ваграм… взял Удино, князь Понте-Корво взять его не смог. Также мало соответствует истине, что саксонцы* 5 *июля прорвали центр вражеских позиций. Ни один ружейный выстрел не прозвучал с их стороны… Князь Понте-Корво… конченый человек, который гонится за деньгами, удовольствиями и величием, которые он не хочет окупить ни опасностями, ни трудностями войны"*. Император почему-то забыл, что Бернадот был в Ваграме под пулями, что его саксонцы дважды занимали Ваграм и дважды были вынуждены отступить под напором превосходящего противника.

Этим письмом император не ограничился. В бюллетене армии от 30 июля он объявил о том, что победа под Ваграмом полностью принадлежит маршалу Удино, а в изданном исключительно для маршалов приказе от 5 августа устами Бертье утверждал: "…*Приказ князя Понте-Корво, способный посредственным частям дать повод к ложным претензиям, противоречит правде, политике и национальной чести. Победа Его Величества основана исключительно на успехах оружия французских, а не каких-то иностранных частей. Его Величество желает, чтобы это свидетельство недовольства послужило примером для других маршалов, дабы они не приписывали себе славы, которая принадлежит другим*". Под "другими" император, естественно, имел в виду Бернадота. Кроме того, в приказе буквально говорилось, что только Его Величество имеет право судить о степени славы каждого солдата и офицера.

Но не пройдёт и двух дней, как императору понадобится этот самый "посредственный" маршал для спасения империи от новой опасности. А пока он отдал приказ Савари и Даву не спускать с Понте-Корво глаз. Наполеон занервничал: в армии и Париже уже прошёл слух о подготовке против него нового заговора, который якобы возглавлял генерал Ренн. В Париже оставшийся на "хозяйстве" Фуше восстановил Национальную гвардию. Зачем? Там в столице, в отсутствие Наполеона, Понте-Корво быстро "снюхается" с первым хитрецом и пройдохой империи, а это чрезвычайно опасно.

После долгих колебаний Наполеон назначил Бернадота командующим армией в Бельгии для отражения десанта англичан.

…15 августа 1809 года Понте-Корво прибыл к месту службы в Антверпен. Ищейки Савари и свояк Кларка отправились вслед за своим объектом наблюдения. Мало того: император отправил в Антверпен своего адъютанта Рейлля с поручением докладывать обо всех "телодвижениях" строптивого маршала. Пристальное внимание все шпионы уделили и некоему майору Жулиану, сотруднику штаба главнокомандующего и близкому доверенному лицу Фуше. В миссию майора входило сообщить Понте-Корво о тяжёлом "заболевании" императора в Вене и о якобы последовавшем от него распоряжении взять на себя верховное главнокомандование французской армией. Сообщение об этом должно было быть растиражировано в приказах по антверпенскому гарнизону. После этого Понте-Корво должен был соединиться с Национальной гвардией и пойти маршем на Париж. Там его уже будет ждать Фуше, который к этому времени должен будет подготовить почву для переворота.

Ф. Венкер-Вильдберг пишет, что Понте-Корво принял этот план Фуше с большой опаской и осторожностью. Маршал якобы поставил Фуше условие: он присоединится к заговору, если нации на самом деле будет угрожать опасность. Неужели в таком случае он не осознавал, что "создать угрозу для нации" или придумать её для Фуше не представляло большой сложности? Или это была отговорка, резервирующая запасную позицию?

Новый командующий быстро и в полной мере развернул свои организаторские и командирские способности, в короткий срок навёл в бельгийском контингенте порядок и дисциплину и взял ход событий под свой полный контроль. Эрл Чэтэм, располагавший 40 тысячами, оказался не на высоте порученного ему дела. Он долго медлил и развивать первоначальный успех армии так и не решился. А потом в рядах англичан начались повальные болезни, т. н. польдерская лихорадка тысячами косила английских солдат, и за короткое время в корпусе англичан заболели 14 тысяч человек, из которых 3 тысячи умерли. 21 сентября англичане сели на корабли и уплыли домой. Вторжение английской армии на материк не состоялось, и Понте-Корво по этому поводу 30 августа 1809 года издал ещё один приказ, поставив такое развитие событий исключительно в заслугу себе. Урок, полученный месяц назад, не пошёл строптивому беарнцу впрок, и Наполеон снова дал волю своему недовольству.

Адъютант Рейлль регулярно докладывал Наполеону в Вену о том, что происходило на отрезке между Парижем и Антверпеном. Опасения Наполеона относительно непомерного честолюбия оскорблённого ваграмовским эпизодом маршала вроде полностью оправдывались. Не хватало только, чтобы заговорщики вступили в контакт с англичанами! Наполеон решил, что игру с огнём нужно было прекращать немедленно. Уже 11 сентября, когда стало ясно, что вторжение англичан в Бельгию не состоится, он отдал приказ об отрешении Понте-Корво от командования 26-тысячной антверпенской группировкой. Весь контингент, которым командовал Понте-Корво, присоединили к фламандской армии, которую поставили под начало прибывшего в спешном порядке из Германии герцога Истрии, т. е. маршала Бессьера.

Смена командующего произошла в самых оскорбительных для достоинства Понте-Корво формах: все участвующие в ней лица были заранее оповещены, кроме самого маршала Бернадота. Новый командующий бельгийской армией, прибыв в Антверпен, первым делом предъявил свои полномочия всем командирам дивизий, а потом уже, убедившись в их лояльности, поехал к Бернадоту и проинформировал его о случившемся.

В письме к Кларку император написал: "Мое *намерение*

заключается в том, чтобы командование больше не находилось в руках князя Понте-Корво, который по-прежнему состоит в связи с интриганами Парижа и во всех отношениях является человеком, которому я больше ни в чём не могу доверять". Особенно возмутил Наполеона приказ Бернадота по армии, в котором он хвастливо заявил, что за 10 дней своего командования 15-тысячной группировкой ему удалось предотвратить вторжение в Бельгию 40-тысячной английской армии. Наполеон, кроме того, полагал, что маршалу было непристойно разглашать военную тайну, называя истинную численность бельгийского контингента, и приказал Кларку либо вернуть маршала в штаб-квартиру армии в Вене, либо отправить лечиться на воды. Мавр сделал своё дело и мог уходить.

Между тем события во Франции принимали драматичный оборот. Члены правительства стали опасаться Национальной гвардии больше, чем вторжения англичан. Во главе гвардии Фуше поставил людей с явным якобинско-республиканским прошлым. Уже имели место столкновения между гвардейцами и частями регулярной армии. Архиосторожный Фуше всё-таки допустил прокол, и в правительственном стане началась форменная паника.

Выяснять отношения с Фуше напрямую император не решился и избрал окольный путь. Он похвалил его за инициативу в мобилизации Национальной гвардии, произвёл его в герцоги Отранто, а всё своё недоверие вылил на Понте-Корво. "*Князем Понте-Корво я чрезвычайно недоволен,* — сообщил он своему министру полиции. — *Тщеславие этого человека безгранично… Я отдал военному министру приказ отозвать его с должности. Он обладает лишь посредственными способностями. Он то и дело подставляет своё ухо всяким интриганам, наводнившим нашу большую столицу*".

При последних словах Фуше должен был всполошиться: говоря об интриганах, император явно метил в самого герцога Отрантского. Естественно, после этого Фуше поджал хвост и все свои честолюбивые замыслы поспешил забыть. Письмо императора заканчивалось "доверительными" словами, которые как совершенный перл коварства и тонкой хитрости могли бы претендовать на высшую награду имени Николо Маккиавели: "*Скажите ему, что я не терплю интриг, что долг и собственный интерес диктуют ему идти прямым путём… Князь Понте-Корво заработал много денег в Гамбурге, а также в Эльбинге. Это было причиной моих неуспехов в Польше и при Элау. Я сыт его интригами и возмущён, что человек, которого я осыпал почестями, отвечает мне подлостью. Скажите ему, что он не получил ни от*

одного человека ни одного письма, о содержании которого я не был бы информирован… Все это я сообщаю секретно и доверительно. Воспользуйтесь этим только тогда, когда Понте-Корво сам заговорит об этом. В противном случае не говорите ему ни слова".

Наполеон говорил о Бернадоте, а на самом деле метил в самого получателя "доверительного" послания. И Фуше, естественно, тут же сделал для себя соответствующие выводы: замыслы не удались, но зато он остался цел и невредим. Правда, пострадал князь Понте-Корво, но он тут ни при чём — каждый выбирается из дерьма как может.

Вернувшегося в Париж маршала военный министр Кларк, во исполнение приказа Наполеона, пытается "сбагрить" из Парижа и предлагает заманчивое назначение: командование на испанском театре военных действий, но тот его отвергает. Тогда военный министр раскрывает карты и сообщает о желании Наполеона, чтобы князь отправился "на заслуженный отдых" в свои владения, т. е. в Италию, в княжество Понте-Корво. Князь понимает, что если он последует этому приказу императора, то ему и всей его карьере конец. Он отказывается куда-либо уезжать и говорит Кларку, что как солдат он готов принять любое назначение в армии — даже командовать тремя тысячами солдат против стотысячного противника. Но как гражданин он имеет право на то, чтобы самому определять свое местожительство. Он сложит с себя все титулы и все почести, но предпочтёт остаться во Франции. Император неограничен в своей власти в Вене, но в Париже он бессилен и предписывать ему образ жизни не может.

После этого министр, уяснив для себя невозможность выполнения поручения императора, предложил князю поехать к Наполеону в Вену и поговорить обо всём с ним лично.

9 октября 1809 года между обоими соперниками в замке Шёнбрунн состоялся серьёзный разговор. Император принял маршала достаточно холодно. Он напомнил ему обо всех "гасконнадах", помешавших осуществлению грандиозных планов, в том числе по отношению к Польше и Швеции.

— Шведы и поляки — единственные в Европе народы, которые вам искренне преданы, — отвечает Понте-Корво.

— А какие чувства испытывает ко мне французский народ?

— Чувства восхищения, вызванные вашими оглушительными успехами, — ответил Понте-Корво. За словом он в карман не лезет.

Наполеон растаял от похвалы и ласково пошлёпал ладонью по лбу князя:

— Какая голова!

— Можете добавить, сир: "И какое сердце! Какой дух!"

В конце встречи Наполеон сделал Понте-Корво ещё одно заманчивое предложение — быть его представителем при Ватикане и выполнять роль генерального резидента в Италии. Князь, не отвергая предложения, сказал, что хотел бы удалиться от всяких дел и вести образ жизни частного лица. Вероятно, он почувствовал в этом предложении если не ссылку, то удаление от парижской жизни, а это его никоим образом не устраивало. Император попытался заинтересовать князя годовым окладом в 2 млн франков, и тот обещал подумать. Соперники расстались, сохранив друг к другу неприязненные чувства.

Для Понте-Корво наступал 8-месячный период неопределённости.

21 октября он вернулся в Париж и выяснил, что опять оказался не у дел с формулировкой: "Не годится для командования крупными воинскими контингентами". Ему исполнилось 47 лет. Для многих такой возраст считался тогда пенсионным. Что происходило в душе этого человека, мало известно.

И в это время до него дошли известия о выборах шведского наследного принца на съезде риксдага в Эребру.

Часть третья
РЕСПУБЛИКАНЕЦ СТАНОВИТСЯ КОРОЛЁМ

Штыками можно сделать всё что угодно; только нельзя на них усидеть.

Наполеон

14. ПО КОМ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА ШВЕЦИИ?

Всё приходит в своё время для тех, кто умеет ждать.

Бальзак

Король Густав IV Адольф, заступивший на трон в 1792 году после своего отца Густава III, убитого заговорщиками во время карнавала, стал совершеннолетним лишь через четыре года. В некотором роде на шведском троне оказался свой Павел I: с раннего детства он оказался свидетелем постоянных ссор родителей как между собой, так и с властной, умной и целеустремлённой бабушкой Ловизой Ульрикой, сестрой великого прусского короля Фридриха Вильгельма I. Его мать, датская принцесса София Магдалена, не переставала повторять, что Густав III не являлся его отцом (обстоятельство, которое сыграет потом известную роль в жизни героя нашего повествования), и с этой душевной травмой принц, а потом король был должен жить до конца своих дней.

Поначалу всё в королевстве шло более-менее гладко: молодой король был экономен, усерден, справедлив, не заводил фаворитов, удалился от фрондирующего дворянства и, подобно многим своим предшественникам на троне, сделал опору на "неблагородные" слои своего подданного населения. Некоторое время принц являлся женихом одной из дочерей великого князя Павла Петровича — причём женихом, искренне влюблённым в невесту, но брак расстроился из-за требования Екатерины II сохранить за своей внучкой православную веру. На это впечатлительный и приверженный своей лютеранской вере шведский принц не мог согласиться, и брак расстроился. И это был ещё один удар по травмированной психике Густава IV Адольфа. В 19-летнем возрасте он по настоянию риксдага женился на красивой 16-летней принцессе Фредерике Баденской, на сестре жены царя Александра I, которая родила ему несколько детей, в том числе и наследника Густава, здорового и смышлёного мальчика.

Дворянская оппозиция, будоражимая потомками реваншистски настроенной партии "шляп" и недовольная потерей своих привилегий при отце короля, притихла.

Не так спокойно было за пределами Швеции.

Во Франции произошла революция, появился Наполеон, приступивший к перекраиванию государственных границ и

созданию универсальной монархии под скипетром императора Франции. Остаться в стороне от этих событий было трудно и даже опасно. Густав IV Адольф питал к Наполеону естественное чувство ненависти и в 1805 году вступил в одну из антинаполеоновских коалиций. О роли шведской армии в этой войне и о первой встрече Бернадота со шведами в Померании мы сообщили выше. Высадить свои войска в Швеции Наполеону, как мы видели, не удалось, но зато ему удалось втянуть в войну Данию. Царь Александр I заключил мир с императором Франции, вторгся в Финляндию и скоро завоевал всю страну.

Тут-то Густав IV Адольф и показал свою неспособность руководить страной, а его проанглийская политика потерпела крах. 7 марта 1809 года на норвежской границе восстала западная армия и во главе с подполковником Георгом Адлерспарре двинулась на столицу. Бунтовщики опоздали: уже 13 марта 1809 года Государственный совет Швеции принял решение сместить короля с трона, и по их поручению командующий столичным гарнизоном генерал-майор Карл Адлеркройц с шестью офицерами вошёл в королевский дворец и арестовал короля. Его принудили отречься от престола, интернировали в замке Грипсхольм вместе с членами его семьи, а в конце года выслали всех из страны, включая наследника принца Густава.

Дядя Густава IV Адольфа, герцог Карл Сёдерманландский, немедленно собрал риксдаг, который избрал его в качестве своего председателя. Взоры его в это время с надеждой обратились к императору Франции, но Наполеон оборвал его надежду суровой фразой: "*Держитесь русского царя*!" Этот совет был неудобоварим для шведов, и они его пока проигнорировали. Вопрос о правопреемнике свергнутого короля отложили в сторону, и все депутаты кричали: "Давай сначала конституцию, а потом уж короля!" Герцог Карл вынужден был отступить и передать выработку документа конституционному комитету, составленному из представителей всех сословий.

Новая конституция от 6 июня 1809 года базировалась на идеях Монтескье о разделении ветвей властей и творчески учитывала шведские исторические корни и традиции. Король, согласно ей, делил власть с Государственным советом, включавшим 9 членов или министров, и риксдагом, призванным решать самые важные вопросы увеличения налогов, объявления войны и т. д. Министры за свои советы королю несли ответственность перед парламентом. Учреждался Верховный суд из 12 судей и должность специального омбудсмана по соблюдению прав граждан. Конституция гарантировала свободу печати и вероисповедания. Все подданные Швеции имели

одинаковые права на занятие государственных должностей, и дворяне окончательно теряли свои привилегии. Конституция была настолько удачной, что по ней страна прожила целых 175 лет!

6 июня риксдаг утвердил новый порядок правления и выбрал герцога Карла королём Швеции. 29 июня он вместе с супругой Хедвиг Элисабет Шарлоттой на 62-м году жизни был коронован под именем Карла XIII. Карл XIII был слабым королём, слабохарактерным человеком и никаким военачальником. К тому же они с женой были в преклонном возрасте и не имели детей, и нужно было срочно решать вопрос с наследником. Наследственная монархия, в отличие от республики, не может себе позволить оставаться без наследника — это всегда чревато непредсказуемыми последствиями. И нужно было ещё заключить мир с тремя государствами.

Влияние "густавианцев", сторонников принца Густава, сына свергнутого Густава IV Адольфа, было очень слабым, большинство шведских политиков были настроены категорически не только против его родителей, но и его самого. А время поджимало — Карл XIII уже пережил пару инсультов и в любое время мог отдать Богу душу!

Риксдаг сошёлся на кандидатуре принца Кристьяна Августа Аугустенборгского, родственника датского короля Фредрика VI. Выборы состоялись 18 июля 1810 года. В Стокгольме питали надежду, что принц, став наследником трона Швеции, присоединит к ней и Норвегию. Трудно сказать, на чём строились такие надежды, но принц Аугустенбургский, со своей стороны, выставил сначала вполне резонное условие: Швеция должна была замириться со своими врагами, а потом уж решать вопросы престолонаследия.

В сентябре Швеция в г. Фридрихсхамне заключила мир с Россией, но которому потеряла Финляндию, Аландские острова и часть Вэстерботтена, а за ним последовал мир с Данией (декабрь 1809 г.) и Францией (январь 1810 г.). Датский принц прибыл в Швецию в начале 1810 года и принял имя "Карл Август". Карлу XIII наследник понравился, и он с ним подружился.

И тут произошло совершенно непредвиденное: в мае, во время инспекционной поездки по частям шведской армии, расквартированным в провинции Сконе, с Карлом Августом случился удар. Он упал с коня и в возрасте 41 года скончался на месте.

Снова собрали риксдаг. На повестке дня опять стоял вопрос о выборе наследника престола. "Густавианцы" были запуганы и нейтрализованы, но в подспудных интригах и закулисных кознях

недостатка всё равно не было. На неофициальной встрече Госсовета было решено вопрос о престолонаследнике предоставить на усмотрение Наполеона, однако эти планы были перечёркнуты в самом зародыше генералом Адлерспарре и его сторонниками. Обеспокоенные своей собственной судьбой, они поспешили назвать наследником принца Фредрика Кри-стьяна Аугустенборгского, брата умершего Карла Августа. Назывались также имена герцога Петера Ольденбургского, связанного родственными узами с русской царской семьёй, и даже самого короля Дании Фредрика VI. Но Карл XIII и правительство предпочло остановить свой выбор опять на принце Аугустенборгском, к этому склонялось и большинство депутатов риксдага.

Противники датско-голштинского варианта, в первую очередь член Государственного совета и гофмаршал Густав Веттерстедт (1776–1837), который предпочитал пока придерживаться профранцузской ориентации, находились в основном среди высших чиновников и военных. Они видели своего кумира в Наполеоне, считали необходимым для Швеции заключить союз с Францией и выбрать в наследники одного из его маршалов. Прозвучали имена Евгения де Богарнэ, приёмного сына императора, и князя Понте-Корво, который так любезно обошёлся со шведскими пленниками в Любеке, но никаких консультаций с представителями Франции, не говоря уж с самим императором, не последовало. Были резонные опасения, что Наполеон будет настаивать на кандидатуре своего союзника датского короля Фредрика VI.

1 июня 1810 года Госсовет собрался на своё официальное заседание. На нём выступил Карл XIII и изложил суть предложения Адлерспарре. Оно было поддержано всеми министрами, которые решили, что нужно собирать риксдаг, пригласить принца Фредрика Кристьяна в Стокгольм и проинформировать о своём решении Наполеона. Планы профранцузской правительственной группировки Веттерстедта потерпели полное фиаско.

Пока риксдаг перемалывал названные имена и кандидатуры, в Париж выехал королевский курьер Брулин с письмом Карла XIII, в котором содержалось поздравление Наполеона со вступлением в брак с австрийской эрцгерцогиней Марией Луизой и сообщение о том, что Швеция собирается в качестве наследника выбрать датского принца Фредрика Кристьяна Августенборгского.

Густав Веттерстедт. Неизвестный художник

Вслед за Брулином во Францию отправились ещё два шведа: генерал и граф Фабиан Вреде должен был по поручению Карла XIII привезти поздравительное письмо Наполеону в связи с его вступлением в брак с австрийской эрцгерцогиней, а 29-летний лейтенант Упландского пехотного полка Карл Отто Мёрнер (1781–1868), кузен того самого графа Мёрнера, который попал в плен к Бернадоту в Любеке, должен был продублировать миссию королевского курьера Брулина. В письме, которое Мёрнер вёз послу Швеции в Париже Густаву Лагербьельке, содержалась просьба как можно быстрее проинформировать Стокгольм о мнении Наполеона на события в Швеции.

Шведов в Париже стало многовато.

Лейтенант К.-О. Мёрнер, один из восторженных поклонников Наполеона и его маршалов, напросился в эту поездку якобы сам, а помогли ему в этом его будущий шурин, госсоветник и гофмаршал граф Густав Веттерстедт и министр иностранных дел Ларе фон Энгестрём, Так, во всяком случае, пишут историки, потому что настоящая подоплёка последовавших за этим событий так и осталась до сих пор тайной за семью печатями. О лейтенанте К.-0. Мёрнере А. Хенриксон пишет, что тот, если судить по оставленным им дневниковым записям, отнюдь не был

светлой головой. Его главной целью в жизни было, не более и не менее, ниспровержение России.

В день прибытия этого пламенного шведского патриота в Париж посол Лагербьельке, молодой бонвиван, прогуливался с императором по дорожкам парка в Сен-Клу и информировал его о содержании письма Карла XIII, только что доставленного графом Фабианом Вреде. Наполеон высказал мнение, что лучшей кандидатурой на вакантное место шведского кронпринца мог бы всё-таки стать король Данни. Это как нельзя лучше отвечало бы стратегии Наполеона и способствовало бы объединению Скандинавских стран в одно королевство. Лагербьельке мягко возражал императору, высказывая сомнения в том, что шведы согласятся на такой вариант. Наполеон не настаивал, но через четыре дня отправил ответ Карлу XIII, в котором на роль кронпринца снова предлагал всё-таки Фредрика VI.

20 июня 1810 года лейтенант Мёрнер, сдав депешу шведскому послу Лагербьельке и убедившись, что дубликат послания его короля никому уже не нужен, отправился к своему давнему приятелю картографу Пьеру Ланье. Швед поделился с французом планами шведских военных, а потом они якобы, посвятив в дело ещё двух французских генералов — Гийемино (Guilleminot) и Филиппа-Анри де Гримуара, — вчетвером стали перебирать французских маршалов и "примерять" их к шведскому трону. Посовещавшись, они обратились поначалу к Массеиа и Евгению Богарнэ, но те от такой чести решительно отказались. Тогда они остановили свой выбор на маршале Бернадоте и владетельном князе Понте-Корво, который как раз жил в Париже и был не у дел.

К.-О. Мёрнер стал искать пути подхода к князю и 22 июня обратился за помощью к генеральному консулу Швеции в Париже Элуфу Сигнёлю (Signeul). Генконсул обратился к генералу Гримуару, и тот, предварительно встретившись с лейтенантом и поговорив с ним, оказал ему содействие в устройстве аудиенции у князя Понте-Корво. Мёрнер, заручившись рекомендациями Гримуара, 25 июня отправился к князю Понте-Корво. Во время беседы шведский лейтенант без всяких околичностей и обиняков предложил французскому маршалу выставить свою кандидатуру на выборах наследника шведского трона. Нашей стране, заявил Мёрнер, не нужен ни датчанин, ни русский, ни какой-либо ребёнок — Швеции нужен француз, известный своим умом, мужеством и ценимый как императором Наполеоном, так и королём Испании. Естественно, вспомнил вдруг лейтенант, наследник должен быть протестантом.

Ситуация была невероятной, почти фантастической: бедный,

никому не известный, невысокого роста, неказистый лейтенант-мальчишка из какой-то там Швеции предлагал статному, высокому и блестящему французскому маршалу, годившемуся ему в отцы, целое королевство! Мало сказать, что предложение до чрезвычайности удивило и поразило князя, поэтому первая его реакция была, мягко говоря, весьма осторожной. Безвыходное положение опального маршала, однако, помогло ему взглянуть на ситуацию более трезвыми глазами. В тот же день Понте-Корво проинформировал о контакте со шведом своего императора.

К.-О. Мёрнер отправился к графу Фабиану Вреде, консультация спецкурьера со спецпосланником закончилась тем, что последний от идеи лейтенанта пришёл в полный восторг и 26 июня поспешил, со своей стороны, нанести князю визит. На сей раз князь-маршал высказался более определённо: он успел проконсультироваться с Наполеоном и возражений от него против полученного предложения не получил. Император Франции первое время пребывал в недоумении: посол Лагербьельке о французском кандидате на шведский трон не сказал ему ни слова, граф Вреде — тоже! Поэтому Наполеон по-прежнему придерживался мнения, что лучше короля Дании на место наследного принца Швеции никто не подходил. Но это было до тех пор, пока на горизонте не показались другие кандидаты.

Во время беседы Вреде начал было перечислять препятствия на пути предполагаемого избрания Понте-Корво наследным шведским принцем: князь не был лютеранином, не владел шведским языком и находился в неприязненных отношениях с Наполеоном. На это Понте-Корво живо возразил, что с императором он находился в самых прекрасных отношениях (что, конечно, далеко не соответствовало действительности), что язык он выучит, а что касается религии, то с ней в стране Генриха IV никогда проблем не было. Собеседники разошлись, вполне довольные результатами беседы.

Т. Хёйер обращает внимание на странную пассивность Наполеона в этом вопросе и объясняет её, во-первых, тем, что император не был уверен в приемлемости для шведов кандидатуры француза вообще; во-вторых, он считал Понте-Корво не самым лучшим кандидатом из французов, а в-третьих, он не хотел показывать свою ангажированность в этом вопросе, чтобы не вызвать раздражение со стороны Санкт-Петербурга. Последнее опасение, как мы покажем далее, было напрасным.

Но Вреде было вполне достаточно того, что он уже услышал. "*Если Ваше Превосходительство спросите меня о том, что я думаю о князе Понте-Корво,* — спешил он сообщить в личной записке министру иностранных дел Швеции фон Энгестрёму, — *я честно*

отвечу, что испытываю к нему необъяснимое уважение, и не только как к политику и полководцу, по и как к добродетельному и благородному человеку.

Vox populi, Vax dei: вся Германия и вся Франция говорит так. Он на самом деле является примером, не имеющим подражания. Отличный человек, хороший отец, верный друг, добрый начальник, он любим всеми, кто его окружает… То, что его действительно ценит император, знают все… Свой голос я отдаю тому, который больше всего это заслуживает".

Карл Отто Мёрнер. Неизвестный художник

Вот так формируются мнения, от которых зависят судьбы народов!

28 июня "делатель королей" К.-О. Мёрнер, воодушевлённый положительным ответом маршала Бернадота и снабжённый запиской с личными впечатлениями графа Вреде правительству, отправился обратно в Швецию, а Ф. Вреде пошёл наконец к послу Лагербьельке и посвятил его в события последних дней.

Перед отъездом К.-О. Мёрнер договорился с Сигнёлем о том, чтобы тот подобрал хорошего человека, который бы приехал в Эребру и в самом лучшем свете представил князя Понте-Корво шведским выборщикам. Э.Сигнёль немедленно навестил своего старого знакомого Жака Антуана Фурнье, и они вместе, при согласии Понте-Корво, взялись за организацию выборов будущего наследника шведского трона. Сам же князь, снова

проинформировав Наполеона, взял "таймаут" и на целых три недели уехал с Дезире в Пломбьер на воды. Там он с женой и свояченицей Жюли между приёмами воды оживлённо обсуждал перспективу стать шведским королём, а обе сёстры активно его в этом поддерживали. *"Я осознавал всю опасность положительного ответа,* — признавался он впоследствии. — *Я согласился, воодушевлённый желанием восстановить честь Швеции и надеждой на успех в этом предприятии. Нужно было подняться над обычными человеческими представлениями, чтобы отважиться на то, чтобы воспользоваться таким случаем…"*

Ф. Вреде покинул Париж неделю спустя после Мёрнера, и когда он прибыл в Стокгольм, там его уже ждала готовая профранцузская партия, возглавляемая графом Густавом Мёрнером, кузеном спецкурьера Мёрнера и любекским пленным маршала Бернадота. А кандидат в наследные принцы 21 июля вернулся в Париж и с нетерпением следил за развитием событий в Швеции, о которых его чуть ли не ежедневно информировали купцы из Гамбурга, Понте-Корно, замечает Хёйер, был удивительно хорошо информирован обо всех перипетиях заседаний правительства и риксдага и делился этой информацией с Наполеоном.

Между тем Наполеон предложил стать шведским наследником своему пасынку и вице-королю Италии Евгению Богарнэ, перед которым он чувствовал вину, считая его, по сравнению с другими своими родственниками, несколько обделённым. Но тот в это время собирался жениться на баварской принцессе, родители которой вряд ли были бы в восторге от перехода в протестантскую веру. Кроме того, младшего Богарнэ мало радовала перспектива оказаться в "варварской и холодной стране", поэтому от предложения отчима он отказался. После этого Наполеон стал более благосклонно рассматривать вариант с князем Понте-Корво и негласно дал ему зелёную улицу. В конце концов, на шведском троне скоро окажется его маршал, и какие бы противоречия их не разделяли с Бернадотом, француз есть француз, он всегда порадеет за своего императора и великую Францию! В свете предстоящей войны с Россией левый скандинавский фланг ему будет обеспечен. Это было, пожалуй, намного выгоднее и надёжнее варианта с королём Дании.

Посол Швеции в Париже Густав Лагербьельке находился в полном неведении относительно того, что происходило буквально под его носом. Только когда уже лейтенант Мёрнер ускакал в Стокгольм, Вреде посвятил его в детали прошедших с князем Понте-Корво переговоров. Посол пришёл в негодование: он много повидал на своём веку, но такое безобразие он видел в

первый раз. В то время как он по поручению своего короля "пудрил мозги" Наполеону кандидатурой датско-голштинского принца, за его спиной какие-то лейтенанты, путаясь у него под ногами, вершили судьбу Швеции по своему лейтенантскому усмотрению! 30 июня он обо всём пожаловался министру иностранных дел Швеции Энгестрёму. Потом он запланировал объяснение с Наполеоном на грандиозном приёме. Они уединились в отдельной комнате и уже начали беседу, и тут случилось второе невероятное даже для видавшего виды Лагербьельке событие: в здании начался пожар! Беседа была, естественно, прервана, началась паника, все 1500 приглашённых, включая императора Франции, беременную императрицу, министра иностранных дел Меттерниха и весь цвет парижского дипкорпуса, ринулись на улицу. Возникла давка, и было много жертв, несмотря на то, что тушением пожара руководил сам Наполеон. Потом Лагербькльке целую педелю никак не мог найти кого-нибудь, с кем мог бы переговорить о волновавшем его деле. Наконец, через неделю ему посчастливилось встретиться с министром иностранных дел Франции Жан-Батистом Шамниньи, но тот от решительного разъяснения уклонился, а встретившийся мотом маршал Савари вместо Бернадота стал предлагать Лагербьельке других маршалов: чем, к примеру, Бертье, Массена или тот же Даву хуже худородного гасконца?

Как покажут события, Наполеон свои планы относительно Швеции строил на песке. Во-первых, он недооценил князя Понте-Корво, который отнюдь не был настроен на то, чтобы в качестве наследника шведского трона продолжать таскать для Наполеона каштаны из огня. Быть маршалом императора — это одно, а стоять во главе другой страны — это совсем другое. Они года не продержится на шведском троне, если не проникнется духом уважения к стране, будет игнорировать её национальные интересы и останется марионеткой Франции. Так что если принимать корону Швеции, считал князь, то нужно становиться настоящим королём.

Во-вторых, Наполеон не учёл роли, которую во всём этом сыграл русский царь Александр I. Император не догадывался, что царь к этому времени по всем статьям переигрывал его и на дипломатическом, и на разведывательном поприще. В Петербурге уже поняли, что союз с Парижем продержится недолго и что Наполеон уже готовится к новой большой войне с Россией. Скромный советник русского посольства по финансовым вопросам К.В. Нессельроде (1780–1862), будущий канцлер, наладил получение регулярной и чрезвычайно важной информации от самого важного агента Ш.-М. Тадейрана-

Перигора, светлейшего князя и герцога Беневентского, великого камергера императорского двора, вице-электора Французской империи, командора ордена Почётного легиона, предложившего свои услуги Александру I ещё на Эрфуртском конгрессе и подписывавшего свои донесения псевдонимом "Анна Ивановна".

Другим важным поставщиком разведывательной информации из Парижа был 26-летний полковник, флигель-адъютант царя, граф Александр Иванович Чернышёв (1785–1857). Формально своё пребывание во Франции он оправдывал тем, что выполнял между Александром I и Наполеоном роль посредника и перевозил друг к другу их послания. В великосветских салонах о посланце русского царя бытовало мнение как о жуире и волоките, не пропускавшем ни одной хорошенькой женщины. С ним дружила сестра Наполеона Каролина, а с другой сестрой императора, легкомысленной Полиной Боргезе, он, согласно молве, находился в любовной связи. На самом деле полковник являлся сотрудником Особенной канцелярии (разведки) и одним из семи русских военных агентов военного министра Михаила Богдановича Барклая-де-Толли, командированных в разные столицы Европы. А.И. Чернышёв вошёл в доверие к самому Наполеону и в короткое время создал в Париже разветвлённую сеть информаторов в правительственной и военной сфере страны.

Князь Понте-Корво не входил в число агентов, завербованных Чернышёвым, но он, по всей видимости, "пересекался" с полковником на светских раутах. Известно, что летом 1810 года, когда Швеция после внезапной смерти принца Аугустенбургского снова осталась без наследника, Понте-Корво встречался с русским разведчиком, и о первой такой встрече Чернышёв доложил в Петербург канцлеру Н.П. Румянцеву (1754–1826). Согласно этому отчёту Бернадот, ещё не получив для себя никакого приглашения и имея в виду предстоящие выборы наследника трона в Швеции, сказал: "*Я буду говорить с Вами не как французский генерал, а как друг России и Ваш друг. Ваше правительство должно всеми возможными средствами постараться воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы возвести на шведский престол того, на которого оно могло бы рассчитывать. Такая политика правительства тем более для него необходима и важна, что, если предположить, что России придётся вести войну либо с Францией, либо с Австрией, она могла бы быть уверенной в Швеции и совершенно не опасаться, что та предпримет диверсию в пользу державы, с которой России придётся сражаться. Она извлечёт неизмеримую выгоду от того, что сможет сосредоточить все свои силы в одном месте*".

Уже на этой первой беседе Бернадот делает "тонкий намёк на

толстые обстоятельства" и недвусмысленно даёт понять Чернышёву о своей кандидатуре на шведский трон и о том, что Россия могла бы на него рассчитывать. Потом князь сделает вполне однозначные и конкретные обещания в случае избрания на шведский трон проводить дружественную по отношению к России политику и попросит русского царя поддержать его кандидатуру. На это "странное" прорусское выступление маршала обращает также своё внимание и шведский историк Т.-Т. Хёйер.

Встреча Чернышёва с будущим королём Швеции великолепно вписывалась в общий план Александра I, направленный на нейтрализацию в будущей войне возможных союзников Наполеона (Австрии, Пруссии, Швеции и Турции) и привлечение их в свой лагерь. В многозначительном письме своей матери, вдовствующей императрице Марии Фёдоровне, написанном накануне Эрфуртской встречи в 1808 году, Александр I писал, что мир и союз с Наполеоном — это всего лишь отсрочка для решения принципиальных разногласий между Францией и Россией.

Граф А.И. Чернышёв. Художник Дж. Доу

Итак, Наполеон, полагая, что Швеция у него уже в кармане и что как только он начнёт войну с Россией, шведская 45-тысячная армия высадится на восточном берегу Финского залива и займёт Петербург, со спокойной совестью "отпустил" Бернадота в

Швецию. Перед отъездом кандидат в короли попросил императора в счёт компенсации за потерянную Финляндию отдать Швеции Норвегию. Наполеон, не подозревая никакого подвоха, великодушно пообещал поддержать эту просьбу. Вышеизложенное, несомненно, свидетельствует о том, что князь Понте-Корво отнёсся к своей миссии с присущей ему основательностью и что в голове его уже созрела вполне определённая программа действий, одним из пунктов которой, в частности, была компенсация территориальных потерь Швеции за счёт Дании, т. е. присоединения Норвегии.

О том, что Бернадот собирался проводить по отношению к восточному соседу дружественную политику, никто в Швеции, включая авторов "бернадотовского проекта" К.-О. Мёрнера и Ф. Вреде, не знал и не предполагал. Если бы кто-нибудь сказал им об этом, то они в ужасе тотчас бы открестились от такого наследника.

Укажем на одно любопытное обстоятельство. 23 июня (5 июля) 1810 года чиновник надворного суда в Обу (Турку) Ю.П. Винтер, занимавшийся по указанию русского генерал-губернатора Финляндии Ф.Ф. Штейнгеля сбором сведений о событиях в соседней Швеции, в тайном сообщении докладывал по инстанции: "*Все в Стокгольме заявляют о своей принадлежности к профранцузской партии и считают почти уже решённым делом, что Бернадот будет престолонаследником*". Как это понимать? Ведь в этот период т. н. тайный совет, состоявший из членов правительства и парламента Швеции, готовил документ для представления риксдагу в качестве наследника совершенно другого кандидата, а имя французского маршала в этом документе вообще ещё не фигурировало! Или настроение публики в Эребру и Стокгольме было разным?

Осмелимся предположить, что за инициативой лейтенанта Мёрнера стояли влиятельные люди, например упомянутые уже нами г. Веттерстедт и Л. Энгестрём, получившие поддержку шведских генералов и офицеров. В том, что на этот счёт в шведских архивах не обнаружено никаких документов, ничего удивительного нет: такие дела в тех обстоятельствах решались с глазу на глаз и в устной форме. С. Шёберг, например, также считает, что К.-О. Мёрнер был всего лишь исполнителем чьих-то далеко идущих планов. В частности, он не исключает того, что "делатель королей" стал пешкой в большой игре Александра I. Получив уведомление о беседе А.И. Чернышёва с князем Понте-Корво, царь мог проинформировать о ней своего посла в Стокгольме генерала и барона Й.-П. фон Сухтелена, а тот, зная о мечтаниях шведских военных заполучить в короли кого-нибудь из

наполеоновских маршалов — а многие из них уже конкретно высказывались за маршала Бернадота, — мог выйти на лейтенанта Мёрнера и использовать его "втёмную", подключившись к уже спланированной комбинации Веттерстедта и Энгестрёма.

Александр I вёл себя во время всех этих событий как-то подозрительно спокойно и безынициативно. Для отвода глаз он официально предложил в кронпринцы Швеции свояка принца Петера Георга Ольденбургского, но тайно сделал ставку на князя Понте-Корво и ждал, чем всё это закончится. Других козырей у него на руках в это время не было. Поэтому, учитывая отношение шведов к Фридрихсгамскому миру, царь дал указания своему послу в Стокгольме Сухтелену в шведские события никоим образом не вмешиваться, ибо прямое вмешательство могло только повредить делу. В конце июля 1810 года канцлер Н.П. Румянцев в депеше Сухтелену повторил инструкции царя: "*Его Величество будет доволен Вами, генерал, если Вы будете обрисовывать картину постепенно и с точностью, но он повелел мне напомнить Вам, что интересы его дела требуют, чтобы он был осведомлён и ознакомлен со всем, однако ж без малейшего прямого или косвенного участия Вашего превосходительства в том, что должно произойти*". И правда: зачем было послу суетиться и показывать "русские уши" в деле, которое уже было сделано? Иначе трудно вообразить, чтобы русская дипломатия повела себя пассивно в таком важном для неё вопросе, как выборы наследника шведского трона! Если надворный советник Винтер в финском городе Обу уже располагал сведениями о том, что Бернадот будет выбран наследником, то уж посол России в Стокгольме наверняка знал больше него.

Оставалось только ждать.

Посмотрим, как же разворачивались дальнейшие события, реконструированные уже современными историками. 9 июля правительство Швеции и король получили ответ Наполеона на письмо Карла XIII и начали действовать. На следующий день они снарядили к герцогу Фредрику Кристьяну Аугустенбургскому делегацию, чтобы сделать ему формальное предложение о занятии места наследника шведского трона, но натолкнулись на непреодолимое препятствие: король Данни Фредрик VI предпринял демарш и запретив ему давать согласие на шведское предложение.

6 августа (25 июля) 1810 года открылась очередная сессия риксдага в Эребру, чтобы рассмотреть всех кандидатов на роль наследника престола. В списке кандидатов, кроме Бернадота, находились 3 человека: принц Аугустенборгский, король Дании и

принц Ольденбургский, и француз отнюдь не был фаворитом. Бернадот был одним из четырёх, и его шансы на первый взгляд по сравнению с другими казались минимальными. Так оно и получилось: на собрании тайного комитета 8 августа голоса его членов распределились следующим образом: 11 голосов — за принца Аугустенборгского, 1 голос — за короля Дании. Правительство и король, взяв за основу решение тайного комитета риксдага, 10 августа тоже сошлись на том, чтобы рекомендовать в наследные принцы Швеции принца Аугустенборгского. Обычно риксдаг следовал этой рекомендации.

11 августа Государственный совет, т. е. правительство, должно было собраться и окончательно "отъюстировать" кандидатуру датско-голштинского принца. Но один из влиятельных членов правительства — министр иностранных дел Ларе фон Энгестрём — неожиданно для всех остальных предложил это заседание отложить. Причина заключалась в том, что в тот вечер, когда готовился соответствующий документ тайного комитета, в Эребру прибыл знакомец Ф. Вреде — французский коммерсант Жан Антуан Фурнье, бывший когда-то консулом Франции в Гетеборге, и потребовал немедленной аудиенции у Энгстрёма. Фурнье удостоверил свою личность паспортом, выданным МИДом Франции и подписанным его главой Ж.-Б. Шампаньи, что указывало на официальный характер его миссии (частным лицам паспорта выдавались Министерством внутренних дел), и предъявил рекомендательное письмо от шведского генконсула в Париже Э. Сиг-нёля. Он сказал, что прибыл в Швецию по поручению князя Понте-Корво, показал Энгестрёму миниатюрные портреты Дезире Бернадот и её сына Оскара и заявил, что Понте-Корво, в случае его выбора наследником шведского трона, внесёт в шведскую казну 8 миллионов франков, спишет долги шведских купцов в Париже и готов поменять свои наследственные земли во Франции и Ганновере на соответствующие имения в Шведской Померании. И самое главное: сам Наполеон поддерживает кандидатуру маршала Бернадота!

Министр юстиции Энгестрём, сторонник сближения с Францией, сразу стал горячим сторонником кандидатуры Понте-Корво и бросился обрабатывать короля. Его поддержал министр иностранных дел граф Веттерстедт, после чего Государственный совет, отказавшись от собственной кандидатуры, отверг предложение тайного совета и тоже настроился на француза. Вместе они принялись обрабатывать тайный комитет риксдага, имевший на первых порах серьёзные возражения по поводу кандидатуры француза: *"чужой веры, не знает обычаев,*

устройства и языка страны, который особенно трудно будет выучить в возрасте 46 лет", а также *"вероятность мгновенной войны с Англией в случае его избрания".*

Фурнье тоже не сидел в Эребру сложа руки. Он привёз с собой значительные суммы денег, полученные от своего кандидата, и пустил их в ход. Кого нужно, он щедро угощал, кому-то давал наличными, не забывал он "подкормить" и представителей прессы. Членам риксдага он раздавал портрет воинственного маршала, вынимающего из ножен саблю, — лучшего кандидата не надо было и желать.

Тот факт, что Наполеон сначала, хоть и неявно, не возражал вроде бы против кандидатуры "аугустенбуржца", француз объяснял тем, что император не хотел рассердить своего русского союзника, а на самом деле он всей душой и двумя руками поддерживает кандидатуру Понте-Корво. Сам же кандидат, по его словам, прямо-таки дрожит от нетерпения, чтобы сесть на коня и поскакать на восток отвоёвывать у России Финляндию. Одним словом, Фурнье проводил выборную кампанию в пользу Понте-Корво в необычной для шведов манере, напоминавшей стиль предвыборной кампании в США по избранию президента, и, кроме тайной обработки депутатов риксдага, прибег к такому действенному способу агитации, как газетные статьи. Доцент Уппсальского университета А.-Э. Афселиус выпустил пропагандистскую брошюру, которая, судя по всему, и послужила основой для известного меморандума Энгестрёма.

Осторожный Л. Энгестрём всё-таки на всякий случай решил не во всём полагаться только на Фурнье и запросил мнение г. Лагербьельке. Шведский посол в Париже, держа нос по ветру, составил пространный ответ, в котором, растекаясь "мыслью по древу", дал туманные разъ-яснения о том, что и Бернадот, и принц Фредрик Кристьян были бы одинаково хороши для Швеции. В качестве интерпретатора этого документа в Стокгольме выступил гофканцлер Веттерстедт: он сделал однозначный вывод о том, что посол тоже поддерживает кандидатуру Понте-Корво.

Уже 16 августа только два члена тайного комитета поддерживали принца Аугустенборгского, а остальные десять выступали за "французского капрала", как они только что презрительно называли Бернадота. Ф. Вреде принёс в комитет портрет Оскара Бернадота, опиравшегося на саблю отца, и все его члены бросились его рассматриваться. Энге-стрём представил вниманию короля и правительства свой меморандум, в котором перечислил все преимущества Бернадота перед другими кандидатами. Про датского кандидата, которому уже объявили о

том, что его кандидатура рекомендована для выборов депутатами риксдага, скоро забыли. Массивная пропаганда в пользу наполеоновского маршала сделала своё дело.

На следующий день к мнению комитета присоединился Государственный совет, а 18 августа к риксдагу с рекомендацией голосовать за наполеоновского маршала обратился король. И все его единодушно поддержали: крестьянам импонировало то, что такой воинственный наследник, как маршал самого Наполеона, быстро приведёт "московитов" в чувство; буржуазии нравилось, что Понте-Корво был выходцем из их кругов; церковники, узнав, что у католика Бернадота были протестантские предки, пришли к заключению, что в душе он — настоящий лютеранин; дворяне находились под впечатлением маршальского и военно-министерского ранга и княжеского титула будущего наследника — такой человек не допустит, чтобы толпа безнаказанно линчевала дворянина, как это недавно было сделано с Ферсеном.

Сторонники Бернадота незамедлительно приступили к составлению нового документа для представления риксдагу, который и был зачитан на сессии 21 августа. Депутаты, из которых кое-кто совсем недавно полагал, что Понте-Корво и Бернадот — два разных человека, проголосовали в пользу французского маршала Жана Батиста Бернадота и князя Понте-Корво. Вдова Густава III, королева София Магдалена, сказала, что шведы сделали хороший выбор.

Шведский историк Ё. Вейбуль пишет, что риксдаг и правительство Швеции при избрании Бернадота руководствовались тремя основными и ложными мотивами: убеждением, что Бернадота поддерживал сам Наполеон; желанием иметь энергичного и способного в военном отношении наследника трона; экономическими обещаниями Бернадота, способными якобы вызволить Швецию из финансовой катастрофы.

На практике оказалось, что, во-первых, Бернадот оказался вовсе не креатурой Наполеона. Во-вторых, все надеялись, что Бернадот, талантливый военный и организатор, вернёт Финляндию под корону Швеции, но этого не случилось. В-третьих, "экономическая программа" Бернадота оказалась выдумкой Фурнье, необходимой на период предвыборной кампании. Таким образом, ни того, ни другого, ни третьего не произошло, что, впрочем, нимало не повлияло на судьбу принятого риксдагом решения — шведы не из тех, кто машет после драки кулаками.

Но история покажет, что избрание Бернадота было божественным провидением для шведского народа. Лучше

кандидата в то время для него не было. Выбор наследника трона торжественно отметили, причём на празднике особо отличились представители клира: напившегося в стельку архиепископа Линдблума с трудом довели до дома двое священников, которые и сами еле держались на ногах.

3 сентября весть об избрании наследником шведского престола дошла до Наполеона. Сначала он почему-то предположил, что кронпринцем Швеции стал Оскар Бернадот, а отец стал при нём протектором. Но 4 сентября в Париж прибыл уже известный нам граф Густав Мёрнер, привёз Наполеону письмо Карла XIII, и всё стало на своё место. Уже на следующий день император отправил свой "одобрямс" в Стокгольм, сообщив Карлу XIII, что *уполномочивает* князя Понте-Корво занять шведский трон.

Соперники в это время встретились дважды: 23 сентября на воскресном — "отходном" — обеде в Тюильри с супругами и 24 сентября — последний раз в жизни — наедине. На этот раз Понте-Корво был уже в шведском генеральском мундире. После встречи с императором произошла церемония прощания с маршалами. Можно было себе представить насупившиеся физиономии бывших коллег Бернадота и наигранную улыбку повелителя Европы императора Наполеона!

Бывший французский консул и коммерсант Фурнье не замедлил отправить виновнику торжества свой победоносный отчёт. Из его письма Бернадоту явствует, что коммерсант на собственный страх и риск поддерживал у шведов заблуждение относительно французской экономической помощи. Ничего подобного Бернадот обещать своим будущим подданным не собирался, но Фурнье, вероятно, решив, что "кашу маслом не испортить", намеренно усилил мотивацию депутатов в пользу Бернадота.

Довольный ходом событий в Швеции, Наполеон уполномочил своего посла в Петербурге Армана де Коленкура (1773–1827) объяснить царю, что Версаль никакого участия в выборе шведского наследного принца не принимал. Бедняга Наполеон! Он и представить себе не мог, с какой лукавой улыбкой выслушивал Александр I эти извинения из уст посла! Официальный Петербург, к удивлению Коленкура, избрание Бернадота воспринял спокойно — даже слишком спокойно. Александр I разъяснил ему, что он доволен избранием Бернадота и желает Швеции счастья и мира. Сбитый с толку Коленкур послал в Париж проницательную задним числом депешу: *"Представляется, что российское правительство знало заранее через Париж, что князь Понтекорво претендует на шведскую*

корону и что он надеется на своё избрание, в то время как Стединг и стокгольмский двор на это мало рассчитывали". Бедный Коленкур ещё больше бы удивился, если бы прочёл письмо Бернадота к Александру I, в котором, в частности, говорилось: *"Ваше Величество особенно ясно доказали мне своё уважение тем, что ни в чём не помешали моему избранию в Швеции*". Очень тонкая и точная, хотя и не совсем полная оценка роли царя во всём этом деле!

…Итак, шведы выполнили все формальности и получили в наследники Карлу XIII именно того, кого хотели: Бернадот не был ни датчанином, ни русским и уж точно не ребёнком — к 21 августа 1810 года ему исполнилось 47 лет 6 месяцев 3 недели и 5 дней. Осталось только дождаться наследника в Швеции. Маршал Бернадот и владетельный князь Понте-Корво, став кронпринцем Швеции, должен был выполнить ряд формальностей: освободиться от французского гражданства и отречься от католического вероисповедания, а в декабре 1810 года — сложить и княжеский титул. Всё это он легко выполнил — Стокгольм тоже стоил мессы!

Как мы уже упоминали выше, 23 сентября Наполеон устроил ему "отходной" торжественный обед. Во время застолья император вручил бывшему маршалу отпускную грамоту или нечто вроде патента и обещал ему компенсировать потерю всей недвижимости в Германии и Польше. Кроме того, он обещал выдать ему 4 млн франков. Это было пустое обещание капризного, избалованного властью и славой амбициозного и изменчивого правителя. Бернадот получил от Наполеона лишь 1 млн франков на текущие расходы, и ему пришлось одолжить у бывшего своего адъютанта Жерара ещё половину этой суммы, чтобы хоть как-то соответствовать своему новому статусу.

При выдаче патента Бернадоту Наполеон хотел сделать в нём оговорку, делающую будущего короля Швеции фактически французским вассалом: он должен был дать обещание никогда не поднимать оружие против Франции. Как пишут некоторые историки, произошла якобы бурная сцена, в которой Бернадот дал волю своему несогласию и возмущению.

— Сир, — сказал он на последней беседе с Наполеоном, — уж не хотите ли вы сделать меня более великим, чем вы сами, требуя, чтобы я отказался от короны?

— Ну, хорошо, — согласился Наполеон и добавил: — Идите, и пусть исполнится то, что нам предназначено!

Присоединение Швеции к континентальной блокаде Англии было непременным условием отпуска кронпринца в Швецию, от которого Наполеон отказаться не пожелал.

Новоизбранный кронпринц Швеции при отъезде из Парижа собрал свиту из 39 французов, которые должны были выступить на первых порах в качестве его помощников, секретарей и адъютантов; взял с собой личного лекаря и заказал художнику Франсуа Жерару свой портрет в шведском мундире и при шведских орденах.

Перед отъездом соперника из Франции Наполеон сделал его брата Жана Евангелиста бароном, а вдогонку выдал последний залп своего красноречия. В сентябре он принял австрийского посла Клеменса Лотара Венцеля Непомука фон Меттерниха (1773–1839) и, обсуждая некоторые вопросы своей женитьбы на австрийской эрцгерцогине Марии Луизе, разоткровенничался о Бернадоте: "Я *всегда считал, что он необыкновенно даровит; но он встретится с большими трудностями в сохранении своего положения. Народ ожидает от него многое, он должен быть Богом, который накормит всех хлебом, но я не нашёл у него никакого административного таланта. Он отличный солдат, и это всё. Со своей стороны, я рад избавиться от него и не желаю ничего сильнее, чем чтобы он навсегда исчез из Франции. Он один из тех старых якобитов, у которых голова приделана и спереди, и сзади, как, впрочем, у них всех, а таким образом трон не удержать. В любом случае я не мог не дать на это* (занятие шведского трона. — *Б.Г.) согласие, вероятно, преимущественно потому, что пребывание на троне Густава II Адольфа французского маршала — это лучшее средство, которое можно придумать для того, чтобы разозлить Англию*".

Император парил в облаках своего величия, он командовал всей Европой, он отбирал и дарил короны и троны, и его грудь распирало от гордости и великодушия. Как писал Е.Тарле, он не вёл ни с кем переговоров, кроме Александра I, остальным он приказывал, а если встречал неповиновение, то шёл на непокорного войной. Стокгольм с кронпринцем Бернадотом вполне годился для того, чтобы разозлить Англию. Но злиться скоро пришлось самому Наполеону.

Сын беарнского юриста, профессиональный солдат, маршал Франции и князь Понте-Корво, — всё осталось в прошлом. Из Парижа выехал наследный принц Швеции, который по пути получил высокое звание шведского генералиссимуса.

…На пути в Стокгольм принц сделал остановку в любимом Ганновере, потом заехал в Копенгаген, где встретился с соперником по шведской короне датским королём Фредриком VI. В датском Хельсингёре наследника 19 октября 1810 года встретила шведская делегация во главе с архиепископом Линдблумом. Здесь Бернадот был крещён в протестантскую веру.

На церемонии крещения он удивил Линдблума и его спутников своим заявлением о том, что он уже *"давно испытывая тягу к аугсбургской вере"*. Бернадот, в желании во что бы то ни стало сделать шведам приятное, явно перебарщивал, но гем всё равно было приятно. Уже в Копенгагене Бернадот сделал сенсационное заявление о том, что его первейшей задачей в Швеции станет заключение мира с Англией, что, конечно же, заставило насторожиться Париж: не успел маршал добраться до своего королевства, а уже начинает демонстрировать свою старую строптивость.

Преодолев неспокойный по-осеннему Эресунд на канонерке в сопровождении эскорта военных кораблей, кронпринц 20 октября сошёл на шведский берег в Хельсингборге, где его встретила ещё одна делегация — теперь во главе с тремя старыми "густавианцами": бывшим риксмаршалом Х.-Х. Эссеном, фельдмаршалом Ю.-К. Толлем и графом Э. Рюютом. Спрыгивая насушу, кронпринц зацепился поясом за шпагу Эссена и сразу же прокомментировал ситуацию остроумной шуткой что-то вроде:

— Ну раз уж мы зацепились друг за друга, то давайте держаться теперь вместе!

Шутка понравилась — особенно тем шведам, которые знали французский язык. Они теперь окончательно убедились, что их выбор был правильным.

После этого Бернадот прошёлся вдоль строя почётного караула, выглядевшего, по его мнению, отнюдь не воинственно. Фельдмаршал Толль поспешил исправить впечатление, пояснив принцу:

— Ваше Королевское Высочество, несмотря на тот вид, в котором находятся эти части, они способны возродить дух Карла XII!

На что принц с ехидцей ответил:

— О да, господин фельдмаршал, вот только бы если мы находились в аналогичном положении, то результаты для Швеции были бы куда счастливее! Ведь страна изнемогла под тяжестью славы Карла XII.

Официальный въезд кронпринца в Стокгольм имел место 2 ноября. Было необычно морозно. При выборе этой даты он проявил такт, восхитивший всех придворных: ему предлагали воспользоваться другим днём, в который родился изгнанный Густав IV Адольф, но он от этого благоразумно отказался. На въезде в шведскую столицу кронпринца встретила делегация риксдага и магистрата города. Принц произнёс речь, в которой были такие слова:

— На земле Скандинавии, окружённый шведами, я ни в чём

не буду испытывать недостатка. Вашу любовь я не променяю на первый трон мира!

Поселившись в Стокгольмском дворце, принц пожелал принять ванну. Шведы, зная о привычках будущего кронпринца, заранее подготовились к этому и соорудили во дворце ванну. Сам главный директор Технического института принял участие в сооружении нагревательного устройства ванны, этого экстравагантного тогда для шведов чуда. Нагревание воды осуществлялось с помощью пара, отчего в трубах происходило страшное бульканье. Бернадот, понаблюдав за тем, как работает аппарат, так напугался булькающих звуков, что от ванны отказался, заподозрив в ней чуть ли не адскую машину. Интересно, не пришла ли ему в этот момент мысль поменять корону Швеции на любую другую?

А энтузиазм и гостеприимство шведов превосходили все ожидания: приёмы, приветственные речи, кортежи, иллюминации, плюмажи, замершие в "государственном" выражении лица следовали непрерывной чередой. Потом кронпринца принял король Карл XIII с королевой Шарлоттой. Король накануне встречи проявлял большую нервозность, потому что с сыновьями французских присяжных поверенных ему встречаться до сих пор не приходилось, но поведение Бернадота оказалось настолько учтивым и "культивированным", что он сразу же подружился с ним. Француз вёл себя так, как будто всю жизнь провёл в общении с коронованными особами. Понравился наследник и королеве Шарлотте, так что все были довольны. Королева Шарлотта сделала в своем дневнике следующую запись: "*Кронпринц выглядит великолепно, он высокого роста, хорошо сложен и обладает такой благородной и величественной осанкой, что, кажется, был рождён для своего настоящего призвания*. У *него чёрные волосы, южный загар и прекрасные чёрные глаза. Они очень выразительны и отражают каждое движение его чувств, прежде всего его добросердечие. Он может при необходимости выглядеть строгим, но обычно он мягок и дружелюбен*".

Через три дня он в королевском дворце давал торжественную клятву на служение шведскому народу. Одновременно с ней прошла церемония усыновления Бернадота Карлом XIII, и кронпринц получил имя Карл Юхан. Королева Шарлоттта, наблюдательная и не лишённая здравого смысла женщина, записала в этот день в своём дневнике:

"Любезный сын не мог бы оказать больше почтения и уважения своему отцу, каковое продемонстрирован принц перед королем. Его поведение как по отношению к королю, так и ко мне и прочему окружению таково, что оно принесёт ему благорасположение всего

народа, и его уже повсюду начинают любить". Кажется, её прежние опасения в отношении "чужеземца" и "выскочки" рассеялись. Карл XIII, старый масон, посвятил приёмного сына в высшую степень шведского масонства. Как зло сказал Ё.Вейбулль, среди горностаев появился кот. Добавим, что этот кот ни в чём не уступал королевским зверькам и даже во многом их превосходил.

В первые дни общения с придворными у принца Карла Юхана не обошлось без недоразумений и непонимании. Французский язык некоторых шведов, мягко говоря, слегка "поржавел", и когда шталмейстер королевы Шарлотты представлялся кронпринцу, он, вместо того чтобы сказать "grand écuyer" (шталмейстер), сказал "grand étalon", что означало "большой жеребец". Когда же Карл Юхан в недоумении поднял брови, шталмейстер любезно пояснил:

— Нас вообще-то трое, но исполняю обязанности я.

А 67-летний обер-егермейстер (по-французски *grand Veneur)* барон Аксель Оксеншерна представился Карлу Юхану как *grand Vénerién de la cour,* т. е. как "обер-сифилитик двора". Когда-то барон служил во французской кавалерии, но когда это было?

23 ноября 1810 года Карл Юхан принял царского посла Сухтелена, хитрого и добродушного на вид голландца, в беседе с которым подтвердил свои намерения укреплять мир и доброе согласие между Швецией и Россией: "*Я верю, что счастье Швеции неотделимо от мира с Россией*" и добавил, что *то своему географическому положению Финляндия должна принадлежать России*". Кронпринц дал понять, что отнюдь не является ставленником Наполеона (что для русского посла, по-видимому, не было новостью). Ещё более откровенным Карл Юхан был с А.И. Чернышёвым, заехавшим в начале декабря 1810 года в Стокгольм по пути из Петербурга в Париж "прощупать" позиции кронпринца по финляндскому вопросу и осведомиться о его отношении к России.

Первая многочасовая беседа между ними состоялась сразу по приезде полковника в столицу. Уже 7 декабря Чернышёв доносил царю: *"В.В. может во всякое время быть спокойным насчёт Финляндии и даже располагать свободно частью войск, которые там находятся. Во-первых, Швеция не имеет средств для наступательной войны, ни денег, ни достаточно регулярных войск, ни припасов; затем наследный принц вполне убеждён, что собственные выгоды должны побуждать его искать покровительства и поддержку В.В. и не замедлить при малейшем знаке с вашей стороны подчиниться тому, что вы пожелаете".* Последовали ещё встречи, и полковник уехал из шведской столицы в полном убеждении, что Бернадот "*полностью для*

Франции потерян". Карл Юхан заверил его в своём дружеском расположении к России: *"От сохранения России зависит будущая участь всех нас. Для защиты нашего дела я готов пролить кровь до последней капли"* и, со своей стороны, затронул вопрос о Норвегии. *"В нём нет ничего от парвеню,* — докладывал природный аристократ Чернышёв царю после визита в Стокгольм, — *ни одного неверного или неуместного жеста"*. "Малейшие знаки" со стороны Александра I не заставили себя долго ждать.

Маршал Ж.-Б. Бернадот. Художник Ю.-Л. Кройль

Сразу по прибытии в Швецию дал о себе знать скандинавский климат: кронпринц тут же простудился и схватил насморк; впоследствии он постоянно чихал, сморкался в платок и кашлял. К северному климату он так и не привыкнет до конца своих дней, но будет нести этот свой крест с большим достоинством и без жалоб. Его спасали присутствие духа и чувство юмора.

Как-то, когда Карл Юхан лежал с насморком в постели, к нему вошёл адъютант Кристер Хампус Мёрнер, доложил, что Его Превосходительство член госсовета Веттерстедт явился осведомиться о состоянии здоровья Его Величества и выразил надежду Его Превосходительства, что "*Его Королевское Высочество*

скоро будет вести себя намного лучше". Не моргнув глазом, Карл Юхан ответил:

— Я постараюсь, мой друг.

Ну что с этих шведов взять? Перепутали французские слова "вести" и "чувствовать".

В другой раз Карл Юхан, сидя со своим французским адъютантом полковником Вильгельмом Альбрехтом д'Оршимоном (французский род Оршимонов эмигрировал в Швецию задолго до описываемых событий) за столом и поглощая цыплёнка, сказал, поднося цыплячью ножку ко рту:

— Говорят, что я похож на орла.

— Да, особенно когда Ваше Величество гложет кость, — ответил галантный француз.

Больше Карл Юхан речь об орлах никогда не заводил.

Тоска по родине никогда не покидала его. *"Моё здоровье страдает от колючего климата, сейчас земля по колено покрыта снегом, который несёт печать вероятия того, что весна заставит ждать себя не ранее 13 или 20 мая",* — напишет он с грустью супруге Дезире 18 марта 1821 года в Париж.

Кронпринцесса Дезире появилась в Стокгольме лишь 6 января 1811 года. Её встретили салютом из 256 пушек. Несмотря на тёплый приём, от католичества она отказаться не захотела, чем шокировала всё избранное стокгольмское общество. Королевский дворец покажется ей бараком. Королева Хедвиг Шарлотта оставила язвительную запись в своём дневнике: *"Кронпринцесса маленького роста, некрасивая и без всякой фигуры. Испорченное, но приятное дитя, добрая и не лишена сочувствия"*. Через 5 месяцев Дезире или, как её официально именовали в Швеции, Дезидерия покинула Швецию, чтобы не возвращаться туда 12 лет. Добрая по натуре, она, по своей французской ограниченности и высокомерию, судила обо всём шведском с еле сдерживаемым презрением, мерила всё на свой французский аршин и оставила страну без всякого сожаления. Масло в огонь подливала её парижская камеристка мадам де Флот, испортившая отношения со шведскими придворными и постоянно настраивавшая свою госпожу против шведских "варваров". Неприязнь между кронпринцессой и шведами была обоюдной, никто в стране об её отъезде не горевал. Зато жалели кронпринца и обожали его сына Оскара, оставшегося с отцом в Швеции.

15. ПЕРВЫЕ ШАГИ КРОНПРИНЦА

Стремление к новому есть первая потребность человеческого воображения.

Стендаль

"Князя Пунтекурво" — так стали звать кронпринца шведские крестьяне — за пределами королевского замка воспринимали настороженно и не так восторженно, как в королевской семье. Поэт П.-Д.-А. Аттербум восклицал с возмущением: *"Позор, что иностранец, какой-то француз восходит на древний трон Швеции. Какие чувства он может питать к нашему народу; нашему языку, к нашим обычаям*?" На древнем шведском троне уже давно сидели не чистокровные шведы, а немцы, но к немцам давно привыкли и считали их за "своих", а вот французов до сих пор не было. Впрочем, и к французу скоро привыкнут, потому что он оказался нисколько не хуже, а во многих отношениях даже лучше "чистокровных" королей Швеции. Этому способствовали неординарность личности Карла Юхана, его блестящие способности, французский шарм и обходительность, а главное — работоспособность и компетентность в государственных делах. *"Мой меч и мои дела — вот мои предки; усыновление меня самым добродетельным из королей и свободное волеизъявление народа, избравшего меня, — вот моё право. С опорой на любовь и доверие этого народа… я смогу придать шведскому имени новый блеск и успешно защитить интересы Швеции*", — писал он в январе 1815 года. В своём законном праве и в своих способностях он никогда не сомневался.

Править страной Карл Юхан стал с первых дней появления в Швеции. В стране был вакуум власти — ведь нельзя же было считать старенького, хиленького и безобидного старичка Карла XIII настоящим правителем летевшей в пропасть страны, и деятельный энергичный наполеоновский маршал, соскучившийся по настоящему делу, естественно заполнил этот вакуум. Да и сам Карл XIII с удовольствием освобождал для него поле действия. Известно изречение Карла Юхана в этот период: *"Мир — единственная почётная цель для любого мудрого и просвещённого правительства*". Если на первых порах своего правления этому принципу по объективным причинам было трудно следовать, то в последующий период он стал основой всей его политики — и внутренней, и внешней.

Перед наследным принцем стояли три большие задачи, над решением которых он будет работать всю свою оставшуюся жизнь: внешнеполитическая (создание предпосылок для независимой шведской политики), внутриполитическая (создание авторитарного и эффективного правления) и финансовое оздоровление. Попав в незнакомую среду, Карл Юхан на первых порах должен был опираться на то правительство, которое было создано Карлом XIII, и пользоваться информацией, которую оно ему предоставляло. Сильно мешало незнание шведского языка, и к кронпринцу приставили учителя — энтузиаста беллетристики, публициста и библиотекаря Пера Адама Валльмарка. Результаты оказались плачевными: то ли плох был учитель, то ли ленив, неспособен или сильно был занят ученик, но дело с изучением шведского языка шло из рук вон плохо. Единственная попытка Карла Юхана выступить как-то на сессии риксдага с речью на местном языке вызвала смех в зале, и больше он говорить на шведском языке не пытался. Со временем он научился кое-что понимать из разговора шведов, но скрывал это от окружения.

Ведущей фигурой в правительстве был, несомненно, министр иностранных дел Ларе фон Энгестрём: профессиональный дипломат, франкоман, с большим опытом государственной работы, он фактически выполнял функции премьер-министра. Но правой рукой Карла Юхана на внешнеполитическом фронте стал гофканцлер Густав Веттерстедт, прекрасно владевший французским языком, великолепно составлявший документы и хорошо знавший европейские реалии. Со временем он всё больше вытеснял Энгестрёма из дипломатической сферы и становился для кронпринца просто незаменимым. Весьма способным на финансовом поприще был статс-секретарь Х. Ерта, но он не сработался с Карлом Юханом, как нам известно, считавшим себя в этой области тоже большим специалистом, и скоро вышел из правительства.

Своеобразной — сильной и талантливой — фигурой был Богуслав фон Платен. Он считался специалистом по норвежским вопросам и обладал необыкновенной трудоспособностью, но потом перестал интересоваться политическими делами и полностью сосредоточился на строительстве Ёта-канала.

Своего двора кронпринц по соображениям экономии не заводил и для представительских целей пользовался услугами двора Карла XIII и королевы Хедвиг Шарлотты, что не могло не понравиться экономным шведам. Опираться он мог тогда лишь на образованную часть общества — дворян, аристократов, военных, но большинство их было среди "густавианцев", к которым он относился с естественным недоверием. Они были здесь свои, а он

— чужак. У них был свой король — Густав IV Адольф, выжидавший своего часа в Швейцарии и имевший законного наследника, своего сына принца Густава. К тому же известие о выборе князя Понте-Корво наследным принцем Швеции в ряде европейских столиц встретили не так уж и доброжелательно, и с этим приходилось считаться.

Впрочем, опасения Бернадота за свою жизнь и династию были несколько преувеличены. Как-то он спросил проработавшего в Швеции много лет испанского посла Морено о том, как ему защититься от подстерегавших его в стране опасностей. Посол ответил:

— Нет ничего проще, сир. Носите галоши. Это самый безопасный способ сохранить жизнь в Швеции.

Некоторое время спустя Карл Юхан был вынужден познакомиться с "густавианцами". Контакты с некоторыми из них оказались плодотворными, у них с принцем возникли взаимные симпатии, как, к примеру, это произошло с представителями старинного рода Брахе. В особенности близка к кронпринцу и вообще к Бернадотам стала графская семья Лёвеньельмов: граф Карл, внебрачный сын Карла XIII, стал ведущим дипломатом и принимал участие в Венском конгрессе 1814–1815 годов, а его сводный брат Густав — шведским послом в Париже и находился в дипломатической "обойме" Швеции при четырёх Бернадотах.

Меньше повезло барону Густаву Моритцу Армфельту (1757–1814), фавориту свергнутого Густава IV Адольфа. Барон был убеждённым "густавианцем", но, познакомившись в 1810 году с Карлом Юханом, сменил взгляды и намеревался честно служить новому королю. Его "подсидели" враги, нашептавшие Карлу Юхану и Карлу XIII, что Армфельт притворяется и что он по-прежнему является приверженцем высланного короля. В конце марта 1811 года барон был выслан из Швеции. Он прибыл в Петербург, вошёл в доверие к русским властям, принял присягу на верность Александру I, оказал ему существенную помощь в устройстве нового Великого княжества Финляндского и даже успел приложить руку к отставке реформатора М.М. Сперанского.

"Осколком" густавианского режима был и шведский посол в Петербурге Курт фон Стединг к (1746–1837), генерал, участник Шведско-русской войны 1788–1790 годов, посол Швеции при Екатерине II, а потом и при Павле I и Александре I. Отличительной чертой К. Стединга было то, что он всегда говорил правду. В 1808 году он предупреждал короля Густава IV Адольфа о нецелесообразности войны с Россией, но тот не послушал его, и теперь он выполнял тяжёлую миссию после потери Финляндии представлять Швецию в стране победителей.

Когда свергнутого Густава IV Адольфа пригласили в Петербург, Карл Юхан дал указание Стедингку не допустить этого. Посол ответил, что царь Александр I волен в своих желаниях приглашать к себе кого угодно, тем более Густава IV Адольфа, своего шурина (напомним, что царь и король-эмигрант были женаты на родных сёстрах). Карл Юхан таким ответом возмутился и отозвал Стедингка домой. В Стокгольме Стедингк сумел объясниться с кронпринцем, он проинформировал его о надвигавшейся войне Франции с Россией и высказал мнение, что в этой войне шансы на победу Наполеона выглядели далеко не блестящими. Это во многом определило отношение Карла Юхана к Наполеону и к России, а также послужило основой для дальнейшего плодотворного сотрудничества со Стедингком, который в 1813 году в качестве фельдмаршала примет участие в военных действиях в Германии против наполеоновских войск. В 1825 году К. Стедингк будет представлять Швецию на коронации Николая I и станет единственным дипломатом, удостоившимся чести сидеть на торжественном обеде за одним столом с царём. К. Стедингк будет весьма активным до самой смерти: он умрёт на 91-м году жизни, простудившись во время посещения умиравшего другого ветерана шведской политики и дипломатии — Густава Веттерстедта.

Естественно, Карл Юхан приблизил к себе кузенов Мёрнеров. Лейтенанта Карла Отто Мёрнера наследный принц сделал своим адъютантом, в чьи обязанности входило подавать наследнику трона любимые батистовые носовые платки. Кронпринц быстро произвёл его в полковники, но, несмотря на такую мощную поддержку, "мастеру делать из маршалов королей" в жизни не повезло — мешал взбалмошный характер и дурные наклонности. Он то и дело впадал в долги, кронпринц несколько раз спасал его от долговой тюрьмы, а потом устал и оставил его в покое.

Поскольку Карл Юхан относился к королю Карлу XIII с большим почтением и пиететом, никаких проблем между ними, за редкими исключениями, не возникало. На заседаниях Государственного совета Карл XIII и кронпринц сидели по торцам большого стола — король за высоким, а кронпринц — напротив него за нижним концом, в то время как государственные советники сидели на табуретах вдоль стола. Большинство дел докладывали статс-секретари — разумеется, по-французски, стоя в течение всего времени обсуждения их вопросов. Король смотрел на своего визави с большой благожелательностью, часто закрывал глаза и засыпал. Когда дело было доложено, кронпринц обычно кивал головой, и Его Королевское Величество считало вопрос решённым.

К 12 часам Карл XIII просыпался окончательно и нетерпеливо кивал в сторону двери зала. Дверь открывалась, и лакей на подносе вносил стаканчик ликёра и лёгкую закуску. После этого король считал свои обязанности выполненными и удалялся. Как-то во время доклада госсоветника и генерала А.-Ф. Шёльдебранда Карл XIII проснулся и сказал:

— Да будет так, как тут нам доложил лейтенант Шёльдебранд.

Госсоветник умилился: король вспомнил старые времена и своего старого товарища, когда тот был молодым лейтенантом, и они вместе маршировали на учениях в Кристианстаде.

Как-то рассматривалось дело об оскорблении чести Его Королевского Величества, подготовленное каким-то усердным лэнсманом. Суть вопроса заключалась в том, что какой-то пьяный швед произнёс ужасную фразу: "Л *хотел я с…ать на Е.К.В. и его указы!"* Статс-секретарь, докладывавший дело, очень долго смаковал подробности и клонил его к тому, чтобы примерно наказать хулителя королевской чести. Карл XIII, уставший от затянувшегося доклада, стукнул кулаком по столу и крикнул:

— Тихо! С…ать я хотел на этого мужика! Я не желаю больше слушать этого!

Мужика помиловали.

Некоторые проблемы для наследного принца создавала королева Хедвиг Шарлотта, известная своей невоздержанностью и острым язычком, но и с ней Карл Юхан сумел поладить — как и с Софией Магдаленой, вдовой короля Густава III, и с Софией Альбертиной, её незамужней сестрой.

Но были дела поважней.

Сразу после принесения Карлом Юханом присяги — 13 ноября 1810 года — из Парижа прибыл курьер и привёз от Наполеона ультиматум: Швеция должна была немедленно, не позже чем через 5 дней, присоединиться к континентальной блокаде и объявить войну Англии! Уезжая из Франции, Бернадот надеялся, что это требование по отношению к Швеции будет предъявлено не раньше мая 1811 года, но, видимо, Наполеон решил иначе.

Карл Юхан написал императору письмо, но тот на него не ответил. Бонапарт с какими-то там принцами не общался — равными себе он считал королей, да и то не всяких. Император высокомерно объявил, что все вопросы следовало решать через установленные дипломатические каналы — для этого он держит в Стокгольме своего посла Шарля Алькье! Алькье, подобно сторожевому псу, внимательно следил за поведением кронпринца и о каждом его шаге докладывал в Версаль. 5 января 1811 года,

выполняя инструкцию Наполеона о присоединении Швеции к блокаде Англии, он без всякого смущения сказал Карлу Юхану следующие слова: *"Если Бернадот уклонится от милости Его Императорского Величества, то где он найдёт кредит и поддержку?"*

Делать было нечего — кредита и поддержки у Карла Юхана на самом деле не было ни в чужой пока Швеции, ни в каком-либо другом месте. Смутные надежды на поддержку Александра I пока в счёт не шли. Он мог рассчитывать только на свою любимую Францию. Поэтому Англии для вида 17 ноября объявили войну. Наполеон временно успокоился — Швеция, как он и предполагал, становилась послушным сателлитом Франции. Но радоваться было рано: ни один выстрел между шведами и англичанами не прозвучал, а торговля между обеими странами тихо и в скрытых формах продолжалась. Контрабандная торговля большей частью шла на Шведскую Померанию, а уже от-туда товары перевозились в метрополию. Французские консулы в Штральзунде и других городах постоянно докладывали в Париж о померанской "дыре", но не забывали и про свои карманы, вступив в сговор с английскими купцами. Несмотря на зверства, грубости и бесчинства французских каперов, торговля на Балтике продолжалась.

Гётеборгский губернатор А.-П. Росен получил из Стокгольма указание для обеспечения бесперебойной торговли с Англией всячески содействовать курсировавшей у шведских берегов английской эскадре. Наполеону об этих контактах докладывали агенты разведки и дипломаты. Он рассердился и отозвал из Стокгольма всех французских адъютантов и лекаря Карла Юхана. Великий диктатор не чурался теперь и мелкой мести, и от былого великодушия нм осталось и следа. А когда в декабре 1810 года Карл Юхан напомнил Наполеону о планах в отношении Норвегии, император не нашёл ничего лучшего, как проинформировать об этом датского короля Фредрика VI. Это уже граничило с подлостью.

16. МЕЖДУ ПАРИЖЕМ, ПЕТЕРБУРГОМ И ЛОНДОНОМ

Два человека могут спасти друг друга там, где один погибает.

Бальзак

В этой ситуации наследный принц всё чаще обращал свои взоры на восток. Именно там мог он добиться поддержки своим планам объединить под одной короной скандинавский полуостров — идею, которую внушал ему Б.-Б. фон Платен. Карл Юхан понимал бесперспективность идеи возвращения Финляндии и потому активно поддерживал план барона. Присоединение к Шведскому королевству Норвегии было жизненно важной необходимостью для наследного принца — без этого ему никогда не утвердиться в Швеции.

Идея сближения Швеции с Россией, как утверждают многие историки и биографы Карла Юхана, возникла у него ещё весной — летом 1810 года, когда он сидел в Париже без дела и следил за развитием событий в Швеции и Финляндии. Как только князь получил известие о своём избрании кронпринцем Швеции, он немедленно вызвал к себе А.И. Чернышёва и просил его доложить царю, что он будет стремиться к добрососедским отношениям с Россией. Уже тогда Понте-Корво предполагал, что союз Франции с Россией непрочен и что в ближайшем времени между бывшими союзниками возникнет распря.

Но открыто идти на сближение с Петербургом было бы для Карла Юхана слишком опасно — шведы такой курс никогда бы не признали. Нужно было время и удобный случай, при котором эту идею в осторожной форме можно было бы представить на рассмотрение хотя бы шведского правительства. А пока нужно было исподволь набирать союзников этой идеи и готовить страну к резкому повороту.

Александр I, как мы уже отмечали, был отлично информирован о взглядах шведского наследного принца и, в отличие от Наполеона, проигнорировав протокол и дипломатический этикет, стал общаться со шведским кронпринцем по частному каналу. 19(31) декабря 1810 года он написал Карлу Юхану письмо, состоявшее из двух частей: официальной и приватной. Напомнив французу, что был воспитан швейцарским республиканцем Лагарпом, Александр подчеркнул, что "*…с юных лет научился ценить более человека, а не* титулы;

поэтому мне будет более лестно, если отношения, которые установятся между нами, будут носить характер отношений человека с человеком, а не монархов… Рассчитывайте на меня всегда и во всём и ни в коем случае не давайте себя запугать сомнениями в отношении России, которые попытаются вселить в Вас. В её интересах видеть благоденствие Швеции".

Это было послание, подкупающее своим теплом и искренностью. Царь Александр в этот период ещё не избавился от идей либерализма и считал себя призванным вносить в Европу мир и спокойствие. Так называемые европейские ценности были для него дороже благополучия собственных подданных. Собственно, именно эта "дипломатия" Александра, оказавшегося в плену эгоистических намерений Вены, Лондона и Берлина и действовавшего вопреки советам своего канцлера Н.П. Румянцева, и приведёт его к разрыву с Наполеоном и отходу от условий Тильзитского мира 1807 года с Францией.

Протянутая из Петербурга рука дружбы означала для Карла Юхана на самом деле не что иное, как дружбу или союз между государствами. В ответном — тоже приватном — письме Карл Юхан 12 января 1811 года писал царю: *"Отныне я особенно полагаюсь на Вашу дружбу, а Вы можете неизменно рассчитывать на мою. Между Россией и Швецией существовали длительные и кровавые распри, и, возможно, были причины разрешать взаимные притязания силой оружия. Отныне их нет, и мир должен стать общей целью обеих наций"*.

Что ж: кронпринц не был отягощён той атмосферой недоверия, переходящего временами в чувство ненависти к русским, которое на протяжении веков испытывали шведы. Ему было легче начать всё с чистого листа, и он в этом преуспел.

Между венценосными друзьями *началась* оживлённая переписка. Естественно, оглашать содержание своей переписки с русским императором было бы для Карла Юхана равносильно политическому самоубийству, ибо такое дружественное обращение со своим кровным врагом шведы никогда бы ему не простили. Но пройдёт совсем немного времени, обстановка резко изменится, и Швеции придётся стать союзницей России. Особенно положительно воспримут в Стокгольме обещание Петербурга поддержать шведские претензии на компенсацию потери Финляндии путём приобретения Норвегии.

Когда посол П.-К. Сухтелен на некоторое время уезжал из Стокгольма, Карл Юхан попросил его приобрести за его счёт в России тёплую шубу. Естественно, тот по прибытии в Петербург рассказал об этой просьбе Александру I, и император приказал подарить стокгольмскому другу шубу за свой счёт. В

сопроводительном письме к подарку говорилось: *"В сем ящике уложено: шуба медвежья, покрытая синим бархатом; мех лисий чёрный завойчетой и мех соболий якутский пластинчатой"*. "Завойчетого" и "пластинчатого" меха, вероятно, хватило ещё на две шубы, так что привыкшему к южному теплу беарнцу можно было шведской зимой не мёрзнуть.

Вступив в дружественную переписку с царём, он 10 февраля 1811 года отправил в Париж с секретной миссией своего доверенного адъютанта капитана французской армии Жентиля Сен-Альфонса. Капитану было поручено обсудить с императором Франции вопросы присоединения к Швеции Норвегии, отношения с Россией, состояние шведской армии, получение для неё французских субсидий и планы её участия в войне против Англии летом текущего года. Казалось, что Наполеон имел теперь все основания считать Бернадота "своим человеком в Стокгольме" — особенно после того, как наследный принц Швеции передал императору некоторые сведения о диспозиции русской армии в Финляндии, о численности русского гарнизона в Риге и о связях Петербурга с Лондоном.

Были ли все эти шаги Карла Юхана искренними или они играли роль своеобразной дымовой завесы для Наполеона, под прикрытием которой шведский наследный принц мог удаляться от Франции и двигаться в сторону Лондона и Петербурга? Т. Хёйер полагает, что в этот момент Карл Юхан ещё полагался на Францию и желал поддерживать с ней дружественные отношения. При разумном отношении императора Наполеона к интересам Швеции альянс Стокгольм — Париж, направленный против Англии и России, был в это время вполне реален.

Но диктатор решил иначе: возмущённый двуличным поведением Стокгольма по отношению к Англии, он не поверил Карлу Юхану и захотел унизить и оскорбить его до такой степени, чтобы тот смиренно приполз к нему на коленях, не выставляя никаких дополнительных условий. Кроме того, император пока не желал демонстративно выказывать Швеции своё расположение, чтобы не раздражать царя. Предложение Карла Юхана определить рамки франко-шведского альянса повисли в воздухе, потому что император не дал на них никакого ответа.

Весной 1811 года у "большого" Наполеона родился сын, "маленький" Наполеон, сразу ставший королём Рима. Карл Юхан не замедлил наградить короля Рима орденом Серафима, который, по всей видимости, повесили пока над люлькой награждённого. На бал к послу Франции в Стокгольме явилась вся королевская семья. Растроганный император Франции отблагодарил шведского кронпринца кольцом, на котором были изображены его

портрет и портреты матери-императрицы с Наполеончиком. Новому французскому министру иностранных дел Маре Карл Юхан поспешил выразить желание оживить взаимные отношения, но ответная реакция Версаля не последовала.

С середины марта 1811 года серьёзно заболел король Карл, и правительство, в нарушение § 40 конституции 1809 года, вместо того чтобы взять все бразды правления в свои руки, сделало Карла Юхана регентом-правителем страны. Эти почётные, но ответственные обязанности он будет исполнять до 7 января следующего года.

К апрелю Наполеон, вероятно, созрел для рассмотрения предложений Карла Юхана — к этому его вынудили ряд внешнеполитических обстоятельств, в частности вооружение России. Наполеон дал указания Алькье напомнить шведам об их февральском предложении и начать со Стокгольмом переговоры о франко-шведском альянсе, но запретил ему пока затрагивать какие-либо конкретные условия для его оформления. Он не возражал против того, чтобы вернуть шведам Финляндию, но посчитал давать какие-либо обещания на этот счёт преждевременным. Французский посол фактически не получил никаких полномочий ни на обсуждение конкретных деталей договора, ни на то, чтобы сообщить Карлу Юхану ответ Наполеона на сделанные прежде предложения.

Эта инициатива пробудила у шведского правительства некоторые надежды, но им не суждено было сбыться. Опасность войны Франции с Россией на этот раз миновала, и император, не задумываясь, опять снял свои предложения. Начатые было переговоры заглохли, и все усилия пошли прахом.

К этому же времени относится выступление принца-регента на экономическом фронте. В связи с прогрессирующей инфляцией он предложил меры, послужившие причиной ухода с поста главного эксперта правительства по финансовым вопросам Х. Ерты. Кронпринц предложил два метода борьбы с этим злом: продажу векселей по заниженному курсу и репрессивные меры в отношении тех дельцов, которые пытались их сбывать по более высокому курсу. Результат не замедлил скоро сказаться: эти меры не только ограничили, но, наоборот, подстегнули инфляцию, потому что вся торговля векселями ушла в подполье.

Более успешной, пусть эпизодической, была деятельность на почве борьбы с заразными заболеваниями, сельского хозяйства и культуры. По его настоянию, открылась наконец сельскохозяйственная академия: по опыту Германии, занимавшейся винокурением, он предложил шведским хозяевам увеличивать посевы зерновых. Как канцлер Уппсальского

университета, он вступил в контакт с его учёными, познакомился со старым и всеми забытым художником и скульптором Сергелем и заказал у него свою миниатюру. Потом он вступил с ним в переписку и одарил его золотой табакеркой со своим изображением. Старый мастер, убеждённый густавианец, был тронут, а вместе с ним и вся общественность.

Осенью 1811 года Карл Юхан в обстановке строжайшей секретности начал переговоры с Великобританией, поручив их вести своему представителю в Лондоне Готтхарду Моритцу фон Рехаусену. Англичане назначили своим представителем на переговорах Эдуарда Торнтона, бывшего своего посла в Стокгольме. Посол должен был выслушать шведов, ничего не отвергать заранее, но и не давать никаких обещаний. Сент-Джеймский двор торговаться из-за мира со Швецией не должен. Всё, по мнению министра иностранных дел Уэллсли, должно быть обсуждено на стадии заключения мирного договора.

Э. Торнтон в ноябре 1811 года был тайно высажен в Гетеборге и представлен шведскому переговорщику, секретарю протокола Юхану Густаву Нетцелю. Последний объяснил англичанину, что появляться ему в Стокгольме опасно, ибо столица наводнена наполеоновскими агентами и сам наследный принц на переговоры по этим соображениям приехать тоже не может. Англичанин был вынужден проглотить эту пилюлю и вручить Нетцелю свою, уведомив его о том, что Лондон выдавать субсидии шведам на вооружение армии и поддерживать планы присоединения Норвегии к Швеции пока не готов. Карл Юхан переговоры с англичанами прервал и понял, что разрывать отношения с Францией пока рановато.

Тайная миссия Э. Торнтона не прошла мимо русского посольства (по всей видимости, оно было проинформировано о ней самим наследным принцем), и посол Сухтелен провёл с англичанином несколько секретных встреч, заложив, таким образом, базу для заключения через некоторое время мирного, а потом и союзнического договора России с Англией.

Во время встреч с Нетцелем Торнтон, в нарушение данных ему инструкций, каким-то образом дал понять, что Англия при определённых условиях могла бы вознаградить Швецию какой-нибудь территорией в Вест-Индии. Это заинтересовало Карла Юхана: ведь, кроме экономической выгоды, такая территория могла бы стать хорошим опорным пунктом как для торгового, так и для военного флота. Вопрос о заморской территории отложился в памяти наследного принца. Он к нему вернётся через четыре месяца, как только возобновятся переговоры с англичанами. А пока он в неотложном порядке занялся шведской армией и

флотом.

Поведение Бернадота настораживало императора Наполеона. Поводом для решительных действий императора послужила драка померанских рекрутов с матросами французского капера, стоявшего в Штральзунде, и захват в Гетеборге в плен другого французского капера. Предварительно Наполеон решил унизить Швецию и поставить её перед заведомо неприемлемым выбором. Париж потребовал от Стокгольма предоставить для французского флота 2000 (по другим источникам — 3000) матросов и взять на содержание французских таможенников в Гётеборге, которые должны были следить за условиями соблюдения шведами континентальной блокады Англии. Естественно, шведы на такое унижение не пошли, и тогда 27 января 1812 года Шведская Померания была оккупирована французами. Командующий шведским контингентом генерал Л.-Б. Пейрон не выполнил данных ему инструкций об отходе на о-в Рюген и организации там жёсткой обороны и позволил французам глупо себя обмануть. В результате два шведских полка были разоружены и перешли на положение военнопленных. Все товары и суда в портах конфисковали и подвергли провинцию тотальному грабежу.

Вторжение французов в Померанию сильно отрезвило сторонников профранцузской партии, и это обнадёживало Карла Юхана. Труднее было убедить шведов в том, что Россия не является их "закоренелым врагом". Сам-то он был французом и не впитал с молоком матери страх перед восточным соседом. Но события неумолимо принимали такой оборот, что волей-неволей Россия становилась естественным союзником, а не врагом Швеции.

В Лондон неофициальному представителю Швеции Г.-М. Рехаусену пошла секретная депеша Карла Юхана о том, что Швеция готова заключить с Англией мир, а в начале февраля в Петербург с важным поручением от наследного принца выехал Карл Лёвенхьельм. Он без всяких обиняков заявил там, что Швеции в сложившейся обстановке необходимо усилить свои людские резервы либо за счёт Финляндии, либо за счёт Норвегии. Поскольку второй вариант для цари был более удобным, то он, по мнению шведского посла, должен был для его претворения послать в Сконто 15 000—25 000 своих солдат, которые вместе с 35—40-тысячной шведской армией высадились бы в Зеландии и принудили Копенгаген уступить шведам Норвегию — если, конечно, король Фредрик VI начнёт упрямиться и добровольно, за соответствующую компенсацию в Северной Германии, её шведам не уступит. Кроме того, Лёвенхьельм проинформировал русскую сторону о том, что Швеция намеревается заключить мир с

Англией, и намекнул на то, что Россия тоже могла бы последовать этому примеру, чтобы в перспективе заключить тройственный антинаполеоновский альянс. После удовлетворительного для Швеции решения норвежского вопроса шведско-русско-датско-английская объединённая армия могла бы совершить диверсию против Наполеона в Германии. Швеция, со своей стороны, могла бы содействовать мирным переговорам России с Турцией.

Ларс Энгестрём. Неизвестный художник

Аналогичные переговоры с Энгестрёмом вёл в Стокгольме Сухтелен. Карл Юхан собрал Государственный совет и проинформировал его о своих важных инициативах.

Правительство практически без возражений поддержало принца в его начинаниях. Некоторые несущественные замечания были высказаны лишь в отношении переговоров с русскими.

Царь Александр I был готов не скупиться на поддержку шведского нейтралитета, но норвежский проект представлял для него некоторые неудобства: Россия и Дания традиционно поддерживали дружеские связи, и нарушать их было неразумно. Окончательные сомнения царя на этот счёт, однако, исчезли, после того как Пруссия (24 февраля) и Австрия (14 марта) вступили в союз с Францией.

Теперь путь к заключению русско-шведского союза с включением в него норвежского проекта был открыт.

Обеспокоенный Наполеон предпринял попытку удержать

Швецию в орбите своей политики и предложил ей вступить с Францией в союз. В этих целях он использовал, наконец, как канал связи с Карлом Юханом его супругу Дезире в Париже и генерального консула Швеции Сигнёля. Министр иностранных дел Маре лично навестил Дезире и вручил ей предложение Наполеона. Сигнёль дважды приезжал в Стокгольм и дважды возвращался в Париж с ответом Карла Юхана Наполеону. Император отвергал возможность присоединения к Швеции Норвегии, обещал Карлу Юхану отвоевать у русских Финляндию, если шведская армия одновременно с французской начнёт воевать против России и Англии, но не предоставлял Швеции никаких субсидий. Вместо денег он предлагал шведам конфискованные французами в Любеке и Данциге колониальные товары на сумму 20 млн франков.

Интересно отметить в этой связи, что супруга Карла Юхана фактически выступила рупором наполеоновской политики и, заклиная супруга будущим своего сына и всего семейства, настойчиво уговаривала его согласиться с предложением могущественного императора Франции. Но маршал Бернадот остался в прошлом, а королева Дезире (Дезидерия) ещё не поняла, что имеет дело с наследным принцем Швеции. Предложение Наполеона вряд ли было выгодным для Швеции, что он и попытался объяснить своей супруге на бумаге. И во избежание лишних недоразумений он поспешил проинформировать царя о предложении Наполеона, а французам определённого ответа не давал и тянул время — ведь к этому времени русско-шведский договор ещё не был подписан.

Последний раз Сигнёль приезжал в Швецию в первой декаде мая 1812 года. Обратно он повёз расплывчатый ответ Карла Юхана Наполеону в Дрезден, где император уже собирал Великую армию для похода на Россию. Сигнёлю удалось встретиться лишь с Маре, которому заявил, что кронпринц Швеции готов отойти от всех врагов Франции и стать наполеоновским "лейтенантом Севера", если император поможет Швеции заполучить Норвегию. Наполеон, убедившись, что с Карлом Юханом "каши не сварить", идею приобщить Швецию в лоно своих союзников оставил окончательно."*Пусть он собирается в поход, когда оба его отечества приказывают это*, — сказал он Маре. — *Если же он сомневается, то больше не напоминайте мне об этом человеке*".

Русско-шведский договор подписали ещё 24 марта / 5 апреля 1812 года. Договором предусматривались совместные действия русскошведской армии против Франции в Северной Германии и поддержка России в присоединении Норвегии к Швеции. Наполеоновская армия уже концентрировалась к этому времени

на границах России, поэтому эта часть русско-шведского договора уже была невыполнима. К тому же и шведы не могли пока высаживаться в Германии, опасаясь вторжения союзной с Францией датско-норвежской армии в Швецию.

Подписав договор с царём и возобновив в феврале 1812 года контакты с англичанами, Карл Юхан, тем не менее, последних мостов, связывавших его с Наполеоном, не сжигал. Он сам и его министры резонно полагали, что достигнутые с Петербургом договорённости и начавшиеся переговоры с Лондоном о мире ещё не давали никаких гарантий, что главные игроки на европейской сцене снова не договорятся между собой, как это было в Тильзите, и не оставят Швецию наедине со своими проблемами. Наследный принц даже обратился к тестю Наполеона, императору Австрии Францу I, с просьбой быть посредником между ним и Наполеоном. Этой линии он придерживался вплоть до того момента, пока французская армия не вторглась в Россию и с Россией и Англией не были достигнуты конкретные и прочные договорённости.

Теперь, когда отношения с Францией были выяснены, Швеция с открытым забралом вновь предложила Англии подписать мирное соглашение и заключить союз против Франции. В ответ на это Стокгольм хотел бы получить — ни много ни мало — английские субсидии для своей армии, военную и дипломатическую поддержку в приобретении Норвегии и Зеландии (!) и… какую-нибудь заморскую территорию в качестве компенсации за потерянную Померанию. В Стокгольм прибыл знакомый уже нам Торнтон, но за его спиной стоял уже новый министр иностранных дел — скрупулёзный, въедливый, проницательный и бескомпромиссный лорд Роберт Генри Кастлри (1769–1822).

Уже в апреле Торнтон докладывал Кастлри, что на переговорах с ним участвовал не назвавший себя (?) представитель Карла Юхана, в задачу которого входило обсуждение в рамках мирных переговоров обеспечения личных интересов кронпринца. Этот аноним, прикрывшийся поручением министра финансов Швеции, объяснил Торнтону, в какое трудное финансовое положение попал Карл Юхан после прибытия в Швецию: он лишился всей своей недвижимости во Франции и не получил за неё никакой компенсации от Наполеона, а его представительские и прочие расходы (кампания Фурнье, содержание жены и сына в Париже, приобретение сторонников среди шведов и т. п.) намного превысили его апанаж (66 666 риксталеров) и скромные доходы. Поэтому, продолжал аноним, нельзя ли будет из английских субсидий, предусмотренных на

содержание шведской армии, выделять по 8—10 тысяч фунтов в месяц на личные расходы наследного принца, но таким образом, чтобы не указывать их в тексте договора?

Вероятно, у Кастлри, читавшего депешу Торнтона, при этих словах поднялись брови, а на губах появилась ироничная улыбка. С подобными делами английской дипломатии приходилось сталкиваться постоянно, но то, что подачку просил правитель чужой страны, показалось ему довольно странным. Однако англичане не такие люди, чтобы экономить на мелочах там, где расходы могут окупиться сторицей. Средства на "поддержание штанов" шведского наследного принца из секретного фонда стали выплачиваться незамедлительно. Шведский историк К.-А. Стрёмбэк в 1885 году опубликовал тексты сообщений Торнтона о выдаче денег Карлу Юхану и его расписок в их получении. Судя по всему, деньги из секретного английского фонда стали поступать с апреля — мая 1812 года, а последняя выдача состоялась в феврале 1813 года. Всего Карл Юхан получил от англичан около 60 тысяч фунтов стерлингов.

Если этой стороной переговоров с англичанами Карл Юхан был доволен, то в остальном они доставили ему немало разочарований — в первую очередь потому, что партнёры до подписания мира старательно избегали каких-либо гарантий для Швеции. Переговоры сильно затянулись, но всему приходит конец, и мирный договор наконец 18 июля 1812 года был подписан. А месяцем раньше — 15 июня — был подписан и русско-английский мирный договор. В результате была заложена основа для антифранцузской коалиции, которая в конечном итоге и привела к ссылке Наполеона на о-в Св. Елены.

Австрию Наполеону удалось удержать в орбите своей политики, но ненадолго. Франко-австрийский союзный договор был подписан 26 марта 1812 года, и австрийский посол в Стокгольме граф Адам Нейперг получил из Вены инструкцию попытаться вовлечь в этот союз Швецию, о чём Карл Юхан в послании от 13 апреля не замедлил известить Александра I. Сухтелен в это же время докладывал царю о своих беседах с наследным принцем и, в частности, изложил в своём донесении следующий план Карла Юхана: "*Император Наполеон может иметь для действия около 220 000 человек… Если бы ещё турки присоединились к нам с левого фланга, то он был бы поставлен в затруднительное положение. Поэтому необходимо заключить с ними мир и, если возможно, союз. Вследствие этого австрийцы бы держались настороже…*"

На этом риксдаге Карл Юхан потерпел и поражение: воодушевлённый удивительным единодушием и согласием

депутатов со всеми предложениями правительства, он предпринял попытку пересмотреть конституцию 1809 года и в ущерб риксдагу и Госсовету расширить королевские полномочия. Но депутаты неожиданно дружно выступили против, и предложение пришлось снять.

После мирных переговоров в Эребру пришло послание от царя Александра — он приглашал кронпринца приехать в Обу. Наполеон стоял под Смоленском, и царь решил проконсультироваться с его бывшим маршалом. Карл Юхан, приятно удивлённый, прервал запланированную поездку в Карлскруну, не замедлил сесть на фрегат "Яррамас" и с опозданием на 3 дня прибыл на встречу с царём. Его сопровождали Ветгерстедт, генерал Адлеркренц и британский генерал и лорд Уильям Кэткарт (Cathcart), отправлявшийся в Петербург послом Великобритании и вносивший в атмосферу встречи нотки ревности и скептицизма. Царь Александр появлялся на рандеву в сопровождении Армфельта, и принцу Карлу Юхану пришлось употребить всё своё обаяние, чтобы загладить перед бывшим шведом свою вину.

Шведы Т. Хёйер и С. Шёберг пишут, что достоверных сведений о встрече на высшем уровне в Обу не так уж и много. Известно, что историческая встреча, заложившая долговременную основу для развития отношений Швеции с Россией, состоялась 27 августа 1812 года. Александр 1, мастер "дипломатии шарма", был тоже очарован шведским наследником, и между ними сразу установилась сердечная и откровенная атмосфера. Обсуждали всё: от женитьбы Карла Юхана на одной из сестёр царя (в шутку) до будущего Франции и самого Карла Юхана.

Шведы приехали на встречу с планом оказания помощи русским в войне с Наполеоном, а именно: войти с 40-тысячной армией в Финляндию, восстановить там свои бывшие полки и, соединившись с русскими частями, под командованием Карла Юхана ударить французам, появившимся в Прибалтике, во фланг. В качестве вознаграждения Карл Юхан попросил отдать на некоторое время в залог за неполученную Норвегию… Финляндию. Советники Александра I такую помощь посоветовали ему не принимать. В этих целях Карл Юхан попытался "обработать" Кэткарта с тем, чтобы тот попытался склонить к этой идее царя. На одной из бесед Карл Юхан вместо Финляндии попросил у царя Аландские острова, но и тут получил твёрдый отказ. Т. Хёйер замечает, что шведский наследный принц не решился слишком сильно натягивать лук и испытывать царя — тот мог предпочесть договориться с Наполеоном о более достойном решении, нежели уступать союзнику уже завоёванную

Финляндию. К тому же, рассуждает историк, не совсем ясно, как собирался Карл Юхан, получив Норвегию, выполнить своё обещание царю возвратить России обратно Финляндию, и как он предполагал объяснить этот акт своим подданным. Шведы вряд ли могли понять и простить такую нелепицу: получить Финляндию, а потом опять отдать её русским.

Царь на этой встрече внушил партнёру мысль о том, что после падения Наполеона тот мог бы сыграть определённую роль в судьбе Франции. Этот намёк был понят и воспринят Карлом Юханом не без внутреннего удовлетворения. Но это означало, что Швеция должна была внести свою лепту в победу над Наполеоном, т. е. принять участие в войне против Франции. И партнёры — пока лишь в общем плане — обсудили возможность высадки русско-шведского десанта в Германии. Согласно договорённости в Обу, три дивизии под командованием генерала Ф.-Ф. Штейнгеля, сосредоточенные в Финляндии и вокруг Петербурга, должны были высадиться в Швеции, чтобы помочь шведам присоединить Норвегию, а затем переправиться в Северную Германию и поднять там освободительное движение против французов.

Несомненно, договор в Обу явился важной вехой в русско-шведских отношениях, характеризовавшихся в прошлом атмосферой недоверия и регулярно повторяющимися войнами. Пожалуй, впервые в истории между обеими соседями установился не только мир и согласие, но и возникли союзнические обязательства. Конечно, всё это стало возможным потому, что делами Шведского королевства в это время вершил не коренной швед, а беспристрастный к прошлому и прагматичный в делах француз.

Наследный принц, внимательно следивший за ходом русско-французской войны, со своей стороны, пытался вдохнуть в императора Александра оптимизм и веру в будущую победу России над Наполеоном. Ещё в июле он заявил русскому послу: *"Мне известен один единственный способ спасти Европу — это разгромить "чудовище""*. Он утешал царя в первые неудачные для него дни войны и советовал воспользоваться необъятными территориями России, отступать хоть до Каспийского моря и заманивать французов в глубь страны. *"Наполеон может выиграть первую, вторую и даже третью битву,* — писал он царю, *— но четвёртая может оказаться нерешённой. Но если Ваше Величество проявит стойкость, то неизбежно выиграете пятую"*. Узнав о занятии Наполеоном Москвы, Карл Юхан 6 октября написал царю письмо, в котором, в частности, говорилось: *"Император Наполеон достиг своей цели, он поразил Европу и*

верит, что этим захватом напугает В.И.В. и вынудит Вас подписать условия, которые он продиктует. Но если армия его противника станет сильнее его собственной, то взятие Москвы принесёт ему, я считаю, лишь мимолётную славу, которая померкнет уже на следующий день".

Ф. Венкер-Вильдберг пишет, что известие о вступлении наполеоновской армии в Москву Карл Юхан получил в разгар бала в королевском дворце. Оркестр неожиданно перестал играть, в зал, звеня шпорами, вошёл адъютант и на глазах у всех передал наследному принцу бумагу. Вокруг Карла Юхана сгрудились любопытные. Тот развертывает бумагу, читает, встряхивает головой и радостно восклицает:

— Французы вошли в Москву!

Некоторые в недоумении, по лицам противников России пробегает торжествующая улыбка.

— С Наполеоном покончено! — победно кричит Карл Юхан и обращается к австрийскому посланнику графу Нейнергу: — Да, да, мой друг! Сообщите в Вену об этом моём мнении!

Потом он обращается к русскому послу Сухтелену и говорит о том, что немедленно отправляет курьера в Петербург с заверениями к Александру I в ещё более тесных узах, которыми Швеция будет связана с Россией.

…После трёхдневных переговоров в Обу Швеция получила от России заём на 1,5 миллиона рублей, который обязывалась выплатить в течение 16 месяцев с момента приобретения Норвегии. Высокие договаривающиеся стороны дополнили также русско-шведский договор пунктом об увеличении численности русского вспомогательного корпуса в Сконии с 25 до 35 тыс. человек. Корпус должен был высадиться в Швеции к сентябрю 1812 года или "когда позволят обстоятельства". Царь, правда, не поддержал претензии Карла Юхана на Зеландию и предоставил ему возможность договариваться об этом с Англией, но зато отдельной секретной статьёй договора между российским императором и наследным принцем Швеции заключался фамильный пакт, т. е. союз между династиями. Статья предусматривала взаимную военную помощь в случае появления угрозы для безопасности и спокойствия одной из сторон. Таким образом, династии Бернадотов предстояло ещё родиться, а император России заранее определял к ней свою позицию. Это для Карла Юхана был большой аванс, тем более что Александр I перешагнул через родственные узы, связывавшие его с королём-эмигрантом Густавом IV Адольфом.

Кредит и доверие проявлялись на практике.

Кронпринц предложил царю использовать в интересах

создаваемой коалиции генерала Моро, с которым он поддерживал постоянную связь. Карл Юхан уезжал из Обу с большим удовлетворением — лучшего результата он от встречи с русским императором и не ожидал. Император, со своей стороны, убедился в надёжности шведского партнёра и по достоинству оценил её в ближайшем будущем.

Наполеон, узнав о встрече в Обу, разорвал со Швецией все соглашения. Но к этому времени Карл Юхан в них уже больше не нуждался. 5 декабря 1812 года, потеряв всю армию в России, Наполеон, скрываясь под именем господина Регневаля, вместе с министром иностранных дел Коленкуром бежал в Париж. В декабре 1812 года шведы, после напоминания русских, объявили наконец французского временного поверенного в Стокгольме персоной нон-грата, и лишь вслед за этим последовала высылка из страны шведского поверенного в Париже.

…В сентябре 1812 года в Лондон отправился представитель и доверенное лицо шведского наследного принца полковник Магнус Фредрик Бьёрншерна с задачей начать переговоры с англичанами о будущем альянсе. Со стороны англичан переговоры продолжил Торнтон, теперь постоянно пребывавший в шведской столице, однако Кастлри, убедившись в том, что Торнтон подпал под влияние Карла Юхана и выходит за рамки данных ему инструкций, послал в Стокгольм генерала Хоупа, который повёл переговоры со шведами и быстро, и жёстко, так что к 3 марта стороны могли подписать соответствующий документ. Вопреки пожеланиям Карла Юхана, предлагавшего вопрос о передаче Гваделупы "спрятать" в приложении к союзному договору, Хоуп настоял на том, чтобы он вошёл в основной текст (ст. 4), а его партнёры Ветгерстедт и Энгестрём вынуждены были с этим согласиться. В статье о присоединении к Швеции Норвегии Великобритания обязывалась оказать шведам всемерную поддержку, включая военную, но не исключала возможности решить вопрос путём мирных переговоров с Данией (ст. 2).

Политика Кастлри в отношении Карла Юхана определялась при этом следующим принципом: *"По мере того как Бернадот будет пытаться склонять Англию к поддержке интересов Швеции и тем самым становиться зависимым от неё, политика Англии должна сводиться к следующему: поддерживать его таким образом, чтобы держать его постоянно в этой зависимости*". Карл Юхан был нужен Сент-Джеймскому двору как союзник в войне с Наполеоном, но у него не было никакого желания связывать приобретение Швецией заморской территории с бернадотовской династией. Эта политика будет давать о себе знать на протяжении

последующих лет.

Аналогичные переговоры начались и с русской стороной, которые несколько ранее предыдущих тоже завершились подписанием союзного договора. Союзные договоры от марта 1813 года с Россией, а потом с Великобританией означали для внешней политики Швеции завершение сложного периода поисков и испытаний и долгожданную ясность для её правительства. Поступление денежных субсидий от Англии обязывали Швецию выставить против Наполеона 30-тысячную армию.

В перспективе просматривалось поражение Наполеона и освобождение французского трона. Карл Юхан уже в это время лелеял мысль занять это свободное место — не важно в каком качестве: короля, регента или президента страны. 17 декабря Карл Юхан направил Александру I следующее послание: *"Я часто обратил мои мысли к планам, которые В.В. сообщили мне в Обо. Я подумал о возникающих в связи с ним возможностях и, не обольщая себя преувеличеными надеждами, могу заверить В.В., что всё известное мне о внутреннем состоянии Франции не может переместить возможность успеха в мир неправдоподобного. Но претворение этого плана в жизнь не может быть осуществлено раньше, чем из-под влияния Франции будет освобождена Германия"*. 6 января 1813 года царь ответил, что рад тому, что наследный принц не забыл беседы в Обо, и высокопарно добавил: *"В соответствии с мудрыми и либеральными принципами, которые я нахожу у Вас, я рассматривал бы Ваш успех как благо для человечества, и я не перестану призывать В.К.В. к тому, чтобы Вы уделяли этому Ваше внимание"*.

Если эти далеко идущие планы сбудутся, то оставалась под вопросом судьба его сына Оскара: ввиду сильных позиций густавианцев в Швеции принц Оскар вряд ли будет иметь шансы на престол. В этой связи становится понятным заинтересованность Карла Юхана в приобретении заморской территории и закреплении её лично за семьёй Бернадотов. Во-первых, это свяжет шведов с судьбой принца Оскара, а во-вторых, послужит мощным источником личного благосостояния. Именно поэтому вопрос о заморских территориях постоянно присутствовал на повестке дня в переговорах с англичанами. Проницательный же Р. Кастлри не питал большого доверия к бывшему наполеоновскому маршалу и, уяснив для себя личный интерес Карла Юхана, решил ему воспрепятствовать и принял меры к тому, чтобы в соответствующем документе о передаче вест-индийского острова Швеции было сказано однозначно, что остров передаётся стране, а не её королю.

На практике же получилось иначе: в тексте соответствующего договора о передаче о-ва Гваделупы имелось в виду что остров отходит к шведскому государству, но буквально говорилось, что его получает в подарок король Швеции Карл XIII. Такова была тогдашняя практика. Вот за эту формулировку и "зацепился" бывший адвокатский ученик Жан Батист Бернадот и представил всё дело и сенильному королю, и правительству с парламентом как личное приобретение короля с последующим правом передачи его по наследству. В результате, пишет С. Шёберг, введённые в заблуждение члены риксдага и правительства в 1815 году приняли резолюцию, согласно которой все короли Швеции, начиная с первого Бернадота, получали и продолжают получать — кроме апанажа — годовую "Гваделупскую" ренту в размере 300 тысяч крон Швеции по нынешнему курсу шведской валюты.

Карл Юхан мог быть теперь полностью довольным. Все его пожелания исполнились как нельзя лучше: он убедил риксдаг и правительство в необходимости сотрудничать с бывшим заклятым врагом шведов Россией, получил доступ к единоличному управлению Гваделупой и необходимые субсидии на ведение военных действий против Наполеона, заручился поддержкой Англии и России в присоединении Норвегии, а царь будет продвигать его кандидатуру на руководящий пост в посленаполеоновской Франции, союзники пообещали ему в Германии высокий пост главнокомандующего армией.

Но судьба преподнесла ему новые испытания.

Как утверждает Т. Хёйер, гибель наполеоновской армии в России и быстрое продвижение русской армии в Среднюю Европу коренным образом изменили международное положение Швеции. Если в самые тяжёлые для России дни её моральная поддержка была очень важна для Александра I, то теперь он смотрел на неё несколько иначе. У России появились новые крупные партнёры — Пруссия и Австрия, и игра началась по новым правилам, в которой маленькой и бедной Швеции отводилась второстепенная роль.

Царь Александр был недоволен пассивностью шведской армии в самый ответственный для России период войны, а именно отсутствием каких-либо диверсий шведской армии в тылу французской армии. Не появился на Аландских островах и 6-тысячный шведский корпус, откуда русско-шведский корпус должен был быть переброшен на южный берег Финского залива. Генерал Ф.Ф. Штейнгель, командующий русскими силами в Финляндии, напрасно прождал шведов в районе Свеаборга, а потом был вынужден поспешать к Риге на помощь частям генерал-фельдмаршала П.Х. Витгенштейна. Штейнгель с 8

тысячами солдат в последний момент прибыл под Ригу, влился в состав корпуса генерала И.Н. Эссена и в значительной мере спас создавшееся там критическое положение и не позволил французам и пруссакам зайти в тыл армии Витгенштейна.

Посол Сухтелен критиковал Швецию за то, что она продолжала поддерживать дипломатические отношения с Францией. Карл Юхан отчаянно защищался и приводил в своё оправдание меры, которые его страна принимала в это время, чтобы облегчить положение русской армии: оказание влияния на Турцию, оттяжка датских и французских частей в связи с начавшимся вооружением шведской армии и т. п. Он, в свою очередь, обвинял царя в том, что русский вспомогательный корпус в Швеции так и не появится. Это обвинение, конечно, было не справедливым, тем более что перевод русского корпуса из Финляндии на прибалтийский фронт был осуществлён при его согласии, если не по его собственной инициативе. Именно к этому времени относится запальчивое высказывание принца о том, что он не для того сбросит с себя иго Франции, чтобы надеть ярмо другого государства.

Встреча Александра 1 с Карлом Юханом в Обу (Турку) в 1812 году. Неизвестный художник

Таким образом, поздняя осень 1812 года стала серьёзным

испытанием для шведско-русских отношений. Стратегическое положение в конце 1812 года указывало на важность вовлечения в антинаполеоновский альянс Дании, а раз так, то вопрос об уступке ею Норвегии должен был быть решён после войны. Такой позиции придерживался австрийский канцлер Меттерних, который убедит в этом и Александра I. Царь по инерции продолжал говорить о том, что приобретение Швецией Норвегии должно предшествовать её участию в германской экспедиции, но в его окружении (в частности, канцлер Румянцев) уже поговаривали иначе.

Этому способствовала также позиция Англии, согласная с необходимостью привлечения Дании в коалицию. Румянцеву удалось убедить Кастлри в том, что Англия должна была взять на себя роль "вербовщика" Копенгагена, в том числе и в таком щекотливом вопросе, как добровольная уступка шведам Норвегии. Если бы король Фредрик VI пошёл на это, резонно рассуждал Румянцев, то тогда вообще отпадала бы необходимость во всякой русской гарантии Швеции и Александру I не нужно бы было нарушать русско-шведский договор.

Находившийся при царе шведский посол Карл Лёвеньельм проинформировал Карла Юхана об этом плане, и тот немедленно предпринял в отношении Копенгагена грубый демарш. Он пригрозил Дании репрессиями на тот случай, если Фредрик VI не выполнит требований Швеции, которые, помимо Норвегии, включали ещё и Зеландию. Доверие датчан к русско-английской инициативе резко упало, и переговоры между ними прекратились. Русской дипломатии пришлось заявить о поддержке шведской позиции, а это привело к дальнейшему ухудшению русско-датских отношений. Но Румянцев не сдавался.

Швеция продолжала демонстрировать свою приверженность коалиции: она по рекомендации Англии немедленно признала хунту в Кадисе в качестве законного правительства Испании (испанским королём номинально продолжал оставаться свояк Карла Юхана Жозеф Бонапарт); к Рождеству ответила на русскую критику и разорвала наконец отношения с Францией; отвергла ещё один зондаж Наполеона (в феврале 1813 года в Стокгольм опять приезжал Сигнёль) и сосредоточилась на заключении союза с Англией, который был подписан 3 марта 1813 года.

Т. Хёйер пишет, что к марту 1813 года в русском лагере окончательно сформировалось благожелательное отношение к Дании и охлаждение к норвежскому плану Швеции. Судя по всему, царь Александр стал испытывать сожаление по поводу данных им в Обу Карлу Юхану обещаний и стал подумывать о том, чтобы каким-то образом повлиять на его позицию в

соответствии с пожеланиями Австрии. Но в это время пришло известие о том, что наследный принц Швеции дал обещание Хоуну принять участие в военных действиях в Германии. В окружении царя этот шаг расценили как желание шведов объединить свои усилия с главными силами коалиции, и Александр I дал своим дипломатам указание никаких демаршей в отношении Стокгольма не осуществлять.

Нужно было теперь сосредоточиться на привлечении в коалицию Дании, и в Копенгаген послали князя Долгорукого.

Миссия Долгорукого в отношении Данин не только провалилась, но едва не стоила коалиции потери Швеции. В устной ноте, которую князь должен был вручить датскому королю, говорилось о том, что по согласию Швеции и Англии решение вопроса о Норвегии откладывалось на более благоприятное для этого время. В беседе с Фредриком VI русский дипломат заявил, что норвежский вопрос исключался из дискуссии вообще. Поскольку текст данной Долгорукому инструкции до сих пор так и не найден, Т. Хёнер полагает, что её не было вообще, и князь, действуя на основании полученных от Румянцева и царя устных указаний, допустил непростительную оплошность при их выполнении.

В русском лагере были чрезвычайно озабочены развитием событии в Скандинавии. С одной стороны, русские были благодарны Карлу Юхану за его позицию в 1812 году, а с другой, сожалели, что за его благосклонность пришлось заплатить так дорого. К тому же у них не было никакого желания из-за шведов портить отношения с австрийцами и англичанами, которые датские интересы принимали близко к сердцу. Поэтому царь и его советники решили тянуть время, которое должно было неизбежно сыграть на руку датчанам.

Последствия "долгоруковской дипломатии" оказались для Швеции тяжелыми. Стокгольм разорвал отношения с Копенгагеном и потребовал того же от Петербурга. Кроме того, Карл Юхан настоял на отзыве Долгорукого из Дании. Царь был вынужден выполнить все эти требования, но горького разочарования Карла Юхана, вызванного всей этой историей, Александру I погасить не удалось. Хуже всего было то, что она подрывала и без того неустойчивое положение наследника трона, поскольку дала антирусской и профранцузской партии в Швеции дополнительный повод для хлёстких заявлений о ненадёжности и коварности русских варваров.

И Карл Юхан, то ли повинуясь своему горячему темпераменту, то ли идя на поводу у врагов России, предпринял ряд шагов, недостойных его положения и враждебных России. Он,

к примеру, стал угрожать ей поднятием восстания в Финляндии и Польше, послал своих эмиссаров к туркам и стал науськивать их на русских, он завёл возню по сколачиванию новой коалиции без участия России. Отношения Швеции с Россией накануне решительных действий против Наполеона достигли своей низшей точки.

17. В ВОЙНЕ С НАПОЛЕОНОМ

Идея выше факта.

Бальзак

В марте 1813 года Карл Юхан с курьером Дюзаблем направил Наполеону своё последнее письмо, которое было датировано 13-м числом и опубликовано в печати. В нём, в частности, говорилось: "*Ваша система, Государь, повелевает лишать народы употребления прав, полученных ими от природы: права торговать между собой, помогать друг другу и жить во взаимном сношении и мире*". Письмо, фактически послужившее объявлением войны Наполеону, было опубликовано во всех европейских газетах и широко комментировалось общественностью. Видимость добрых отношений со старым соперником исчезла, все мосты были сожжены, и Карл Юхан вступал на путь войны со своей родиной. Это было неприятно и рискованно, и об этом своему Жану не забывала напоминать из Парижа супруга Дезире, но Карл Юхан был спокоен. По вопросу о Норвегии он заручился поддержкой России, Пруссии и Англии, и обстоятельства не оставляли ему никакого иного выбора.

8 мая в Карлскруне появился постоянный специальный представитель Александра I генерал Карл Осипович Поццо ди Борго (1764–1842), корсиканец, происходивший из семьи, враждовавшей с Бонапартами, и поступивший на службу царю в 1804 году. Он должен был довести до сведения кронпринца мнение царя о том, что вопрос о присоединении Норвегии к Швеции следовало отодвинуть на ближайшее будущее. Главным сейчас было сокрушение армии Наполеона.

А. Палмер пишет, что выбор посла был неудачным: Поццо ди Борго был консерватором до мозга костей и общего языка с бывшим республиканцем найти не смог. Антипатия между ним и Карлом Юханом возникла с первого взгляда. Корсиканец пытался втолковать принцу, что Швеция не могла рассчитывать на получение Норвегии, если не примет участия в войне с Наполеоном. "*Мы провели всю ночь в разговорах,* — писал в своём отчёте царю ди Борго. — *Дискуссии с ним были живые, но страдали отсутствием логики. Он говорит много, но без всякого построения идей. Тщеславие в каждом слове. Солнце без его команды не встанет*". Чувствовалось, что Карл Юхан пытался говорить с неприятным ему корсиканцем с подчёркнутым высокомерием и с высоты своего положения. Ночная беседа

закончилась словами наследного принца: "*Если я не добьюсь Норвегии и не пожну успех, то моя судьба — насильственная смерть".* С тем и ушли спать.

Впрочем, к утру настроение у него сменилось к лучшему, и он попросил ди Борго заверить Александра I, что пошлёт шведскую армию к Эльбе, но при условии, что она получит подкрепление от России и Пруссии.

Итак, весной 1813 года Карл Юхан в сопровождении своего друга детства Ж.-П. Гре сел в Карлскруне на корабль, пересёк в южном направлении Балтийское море и 18 мая, день спустя после высадки шведского десанта, сошёл на штральзундский берег. Перед отъездом министр юстиции Л. Энгестрём умолял кронпринца беречь последние остатки шведской армии и не лить понапрасну шведской крови. Но Карл Юхан во время германского похода и сам придерживался этой тактики — ведь он одновременно не хотел проливать кровь и своих бывших соплеменников. Он отлично понимал, что потеря армии была бы для него неисправимой катастрофой. "Моя *судьба зависит от исхода одного сражения,* — говорил он. — *Проиграю — никто не даст мне и шести франков!"*

Уже на данном этапе у Карла Юхана имелись особые виды на Францию и представления о своей роли там после свержения Наполеона. Стедингк в своих воспоминаниях рассказывает о том, как 23 июня 1813 года в Штральзунд прибыли посланцы графа Артуа (брат будущего короля Франции Людовика XVIII и будущий король Карл X) с просьбой принять графа в любом качестве в шведскую армию, и как Карл Юхан резко отреагировал на эту просьбу и ответил на неё категорическим "нет". Стедингку он разъяснил, что не может оказывать покровительство принцам-эмигрантам, поскольку не хочет создать в Европе и Швеции впечатления, что он ведёт войну за возвращение на трон семейства, которого прогнала французская нация.

Итак, несмотря на огорчения, причинённые царём Александром, Карл Юхан принял решение воевать против своих соотечественников — иначе не получалось. К этому его склоняли англичане, предоставившие ему военные субсидии. Именно против такого развития событий его предупреждала Дезире из Парижа: *"Не объявляйте себя открытым врагом Франции, иначе потеряете популярность, которой вы здесь пользуетесь. Если Наполеон уйдёт, вы можете сыграть немалую роль на вашей родине и решать, кто здесь будет править".* В эти роковые дни дал о себе знать Наполеон: с курьером, шведским полковником, он отправил послание, в котором говорил, что если кронпринц будет только оборонять Штральзунд и не пойдёт со шведами на

французов, он готов позабыть прошлое. По всей видимости, Карл Юхан, раздираемый между любовью к Франции и политической необходимостью, решил выбрать среднюю линию: он будет воевать с французами, но на своих условиях.

В Германии Карл Юхан удостоверился не только в том, что на пути к присоединению Норвегии возникли трудности, но и в том, что другие обещания, которые царь Александр дал ему в Обу, в полной мере выполнены быть также не могут. 2 мая Наполеон потрепал союзные армии при Лютцене, Гроссъегершёне и Баутцене, а потому обещанные 35 000 русских солдат Карлу Юхану срочно потребовались в другом месте. В Штральзунде Карла Юхана снова навестил Поццо ди Борт и сообщил, что с 4 июня Россия и Пруссия выполняют подписанное с Наполеоном перемирие, в течение которого они намереваются привлечь в коалицию Австрию.

Карл Юхан был уязвлён до глубины души: русские и пруссаки при заключении перемирия даже не посоветовались с ним! Он запаниковал и заподозрил во всём этом новый Тильзит, в котором крупные игроки, договорившись между собой, могли пренебречь интересами маленькой Швеции в ущерб его планам относительно Норвегии. Почва под ногами Карла Юхана закачалась; в Стокгольме и в армии уже стали поговаривать о предательстве в отношении Финляндии. В этот период он и сделал т. н. майскую уступку в вопросе о Норвегии, заявив о готовности удовлетвориться присоединением к Швеции лишь района Тронхейма и согласившись в качестве предварительного условия принять участие в войне с соотечественниками. Он понимал, что высказывать недовольство и протестовать в сложившихся условиях было не только бесполезно, но и опасно. В штаб-квартире союзников действовали продатские и антишведские настроения. И он смирил себя.

Он немедленно написал спокойное и хвалебное письмо царю и попросил встречи. В это время пал Гамбург, датский король Фредрик VI снова встал на сторону французов, и ситуация в лагере коалиционеров резко изменилась. Вскоре прибыл Поццо ди Борго и привёз с собой послания от Александра I и Фридриха Вильгельма III, которые приглашали Карла Юхана выехать к ним на консультацию. С ним вместе выехали Стедингк и братья Лёвенхьельмы. По дороге их опознали французы, в адрес Карла Юхана послышались угрозы и крики: "Предатель!" Раздались выстрелы, и кронпринцу и его спутникам с трудом удалось оторваться от преследования. Он уже опаздывал на свидание с прусским и русским венценосцами, но те его терпеливо ждали.

Карл Юхан встретился с русским царём и прусским королём

10 июля 1813 года в Трахенберге (Силезия). На встрече присутствовали наблюдатели Австрии и Англии. Обсуждались планы будущих победителей в отношении побеждённых противников. А.-Э. Имхоф пишет, что *"Трахенбергский конгресс монархов, несомненно, является вершиной карьеры Карла Юхана как европейского государственного деятеля на заключительном этапе наполеоновской эры".*

Судя по воспоминаниям Стедингка и Лёвенхьельма, отчётам Кэткарта и др. документам, шведский наследный принц ни в чём не уступал другим монархам на этой встрече, первая фаза которой проходила в непростой обстановке. Ещё не оправившись от обид и огорчений и почувствовав неискреннюю, спекулятивную поддержку присутствовавшего в Трахенберге австрийского посланника графа Иоанна Филиппа Стадиона (Штадион) (1743–1821) в отношении Норвегии, Карл Юхан пошёл в атаку, угрожал увести свою армию на Германии, поднять восстание в Финляндии и пойти на Петербург! Конечно, это была очередная бернадотская гасконада, и Александру с Фридрихом без труда удалось снять возникшее напряжение, успокоив принца заверениями, что никаких намерений в отношении сепаратного мира с Наполеоном у них никогда не было.

В дальнейшем встреча проходила, как говорят дипломаты, в обстановке сердечной дружбы и взаимопонимания. Шведскому кронпринцу как единственному среди присутствовавших монархов профессиональному и компетентному военному удалось склонить всех к принятию его плана предстоящей военной кампании и использования в ней шведской армии. Он надеялся занять в союзной армии лидирующее положение и стать её генералиссимусом. Это был последний раз, когда Швеция принимала участие в крупных европейских делах.

План Карла Юхана предусматривал окружение французской армии под Лейпцигом. Александр I, Фридрих Вильгельм III и Карл Юхан договорились об организации четырёх группировок. *Богемская* армия численностью в 250 000 человек (австрийцы и пруссаки) под командованием К.-Ф. Шварценберга (1771–1820) должна была наступать с юга. *Силезская* армия численностью в 105 000 человек (русские и пруссаки) во главе с Блюхером должна была нанести удар в направлении Эльбы. Обе армии, соединившись в районе Дрездена — Торгау, должны были наступать на Лейпциг. *Северной* армии во главе с Карлом Юханом численностью до 158 000 человек (шведы, русские, пруссаки, англичане, ганноверцы и т. н. немецкий легион из дезертиров наполеоновской армии) поручалось нанести удар по французам из района Берлина. Задача по управлению Северной армией,

занявшей фронт от Любека до Штеттина, была не простой, потому что, как мы видим, она была скомпонована из неоднородных частей, но бывшему наполеоновскому маршалу вполне успешно удалось справиться с ней. *Резервная* армия, состоявшая целиком из русских, во главе с Беннигсеном, сосредотачивалась в районе Вислы — Одера.

Кронпринц Карл Юхан во время Лейпцигской битвы в 1813 году. Художник Ф. Вестин

Что касается будущего побеждённой Франции, то Карл Юхан предложил сохранить её целостность в естественных границах: Пиренеи — Средиземное море — Альпы — Рейн, в то время как союзники отделывались на этот счёт пока уклончивыми ответами. (Впоследствии Карл Юхан и шведская дипломатия будут утверждать, что на Трахенбергском конгрессе было принято недвусмысленное решение ограничить театр военных действий одной лишь Германией и что союзники переходить Рейн и вторгаться во Францию не предполагали.) Было решено, что участь Норвегии должна была определиться по окончании

военных действий и после решительных побед союзников.

Прибывший из Америки генерал Жан Моро раскритиковал генеральный план Карла Юхана в пух и прах — особенно бесполезным казалось ему создание Северной армии. На деле так оно и было, Моро знал, что за идеей Северной армии стояли не военные соображения, а политические амбиции Швеции и её наследного принца. Ж. Моро, выступавший за реставрацию во Франции Бурбонов, с подозрением следил за эгоистическими планами Бернадота и предупреждал о них союзников. Сразу по прибытии через Швецию в Германию он стал советником царя, но уже 27 августа 1813 года погиб в сражении под Дрезденом.

Скоро от Наполеона поступил отрицательный ответ на предложенные ему условия мира, и 17 августа военные действия возобновились. Император сначала хотел идти в Силезию на Блюхера и устроит!" там второй Аустерлиц, однако Бертье обратил его внимание на Северную армию, и Наполеон послал против неё два своих корпуса. Перед Карлом Юханом оказались корпус герцога Реджио, т. е, маршала Николя Шарля Удино, готовый двигаться к Берлину, и шедший из Гамбурга корпус Даву с намерением отрезать шведов от моря.

23 августа под Гроссбееереном (к югу от Берлина) произошла битва, закончившаяся убедительной победой Северной армии над 70-тысячной группировкой герцога Реджио, в которой отличились прусские части генерала Д.-Г. Бюлова. Наполеон вместо Удино поставил командующим группировкой князя Московского, т. е. маршала Мишеля Нея, но и тот 6 сентября оказался битым Северной армией под Дениевитцем: потери французов составили 22 тыс. человек. Потрепала Северная армия и корпус Даву, так что тот был вынужден отступить снова к Гамбургу.

К этому времени Дания объявила войну Швеции, и датский наместник в Норвегии принц Кристьян приступил к подготовке вторжения датско-норвежской армии в Швецию. Карл Юхан занервничал. В союзной армии, между тем, к сентябрю возникли трения. Немцы и русские были недовольны тем, что главнокомандующий Северной армией пытался приписать себе лавры победы там, где шведские солдаты не сражались вовсе. Из штаба командира прусского корпуса Бюлова распространялись самые неблагоприятные слухи о полководческих способностях командующего Северной армией, о его намеренной медлительности, нерешительности и сдержанности по отношению к противнику, а также о слишком бережливом отношении к шведскому корпусу. Дело дошло до того, что Бюлов отказался подчиняться своему главнокомандующему и даже хотел уйти под крыло Блюхера в *Силезскую* армию. Карлу Юхану

пришлось пожаловаться на него королю Пруссии.

Факты, между тем, свидетельствовали против Карла Юхана: в сражении при Денневитце Бюлов потерял 10 000 человек, в то время как шведские потери составили… 12 раненых. Главнокомандующий ввёл в сражение лишь шведскую артиллерию. Так что избежать обвинений в том, что ударной силой оказались пруссаки, а шведы держались в резерве, главнокомандующему Северной армией не удалось. Шведы намеренно использовались им в незначительных операциях, а под Денневитцем отличился главным образом русский корпус графа М.С. Воронцова. Шведский генерал К.-Ю. Адлеркройц в приватном разговоре с ди Борго признался, что если бы русские и шведы своевременно вступили в бой под Гроссбееренем, то французская армия была бы полностью уничтожена. Один из свидетелей Денневитцского сражения рассказывал о том, как главнокомандующий остановил атаку шведской кавалерии и тем самым предотвратил полный разгром французов. Известно также, что Карл Юхан, ссылаясь на опасные маневры Наполеона, упорно не желал форсировать Эльбу и идти под Лейпциг на соединение с армией Блюхера.

В это горячее для союзников время шведский кронпринц спокойно занимался своими "шведскими" делами, пытаясь нейтрализовать неблагоприятное для Швеции вмешательство в норвежский вопрос Австрии. Он добился того, что Пруссия наконец разорвала свои отношения с Данией, упорно отказывавшейся мирным путём уступить Швеции Норвегию и выйти из союза с Францией. Он настоял также на том, чтобы Александр I убрал от него ненавистного Поццо ди Борго и назначил своим представителем при нём посла Сухтелена.

Между тем собравшиеся в Богемии Александр I, Фридрих Вильгельм III и Франц I стали думать о том, каким образом склонить Карла Юхана к более активным действиям против французов. Граф Нессельроде предложил прибегнуть к "пряникам", и скоро от каждого союзного венценосца в штаб-квартиру Карла Юхана отправились посланники с орденами: от России с высшей воинской наградой — орденом Святого Георгия Победоносца 1-й степени (в ответ кронпринц Швеции наградит русского императора высшей шведской воинской наградой — орденом Меча), от Австрии — орденом Марии Терезии, а от Пруссии — орденом Железного креста.

Русскую награду вручал французский эмигрант на службе царя граф Луи Рошшур, прибывший в штаб Северной армии на 12 часов раньше своих коллег. Глубокой ночью он застал Карла Юхана бодрствующим в кровати с высоко поднятыми ногами.

Удивлённому посланнику царя он объяснил, что ему всегда работается лучше лёжа. Награждённый обратился к Рошшуру со следующими словами:

— Друг мой, как всегда *они* проиграли скачки… Так и должно быть: вы — француз, а *они* — немцы.

О будущем Франции наследный шведский принц сказал такие "скромные" слова:

— Император — не французский титул. Франция хочет короля, но короля-солдата. Бурбоны себя уже исчерпали… Кто подойдёт для Франции лучше меня?

Когда же Рошшур высказал просьбу царя повернуть Северную армию на запад к Эльбе, Карл Юхан произнес знаменитую фразу:

— Если я проиграю, никто в Европе не даст мне и шести франков!

О том, что после Наполеона французы изберут своим правителем его или Ж. Моро, Карл Юхан успел сообщить также британскому полковнику Куку. После гибели Моро он считал себя единственным претендентом на главную должность Франции. Всё это свидетельствовало о том, что уже на этом зга не он постоянно думал о своём высоком предназначении в освобождённой от Наполеона Франции и не скрывал этих мыслей от посторонних. Идея вступления коалиционных армий в его родную страну представлялась ему катастрофой. Главное, убеждал он союзников, прогнать Наполеона из Германии, убрать всех наполеонидов из германских княжеств и курфюршеств, а потом "отделить Наполеона от французов". Через месяц-два действительность преподнесёт ему суровый урок, из которого ему станет ясно, что французы не имели никакого желания отделяться от своего императора. Отделится сам Карл Юхан — от союзников.

Как бы то ни было, первая часть Трахенбергского плана была выполнена, и наступил второй этап операции, но Карл Юхан медлил и только 4 октября, под большим нажимом союзников, отдал приказ по армии на переход Эльбы. В тот же день Наполеон принял решение идти на соединение с Неем и совместными усилиями попытаться разбить Северную и Силезскую армии по частям, прежде чем они успеют соединиться с Богемской армией. Но Блюхер и Карл Юхан искусным манёвром (его автором Хёйер называет наследного шведского принца) избежали столкновения с Наполеоном и Неем и двинулись на Лейпциг. Наполеон был вынужден в спешном порядке возвращаться обратно под Лейпциг.

Битва народов произошла по трахенбергскому сценарию в период с 16 по 19 октября 1813 года. К великому возмущению союзников Северная армия прибыла под Лейпциг лишь на третий день сражения — 18 октября. 13 октября Карл Юхан всё ещё стоял

под Ротенбургом и не двигался с места, пока к нему не прискакал английский представитель и сводный брат Кастлри генерал Чарльз Стюарт и не напомнил ему об английских субсидиях и о принятой диспозиции сражения. Но и после этого Северная армия, как пишет Шёберг, двинулась "в дискутабельном направлении" под Кётен, что в 30 км от Лейпцига, откуда её с трудом "прогнали" возмущённые русские, прусские и английские представители. Карл Юхан за своё бездействие подвергся даже критике собственных, сгоравших от стыда, шведских генералов.

Перед сражением Карл Юхан устроил торг с Блюхером из-за того, кому какую позицию следовало занять. (Прусский генерал в соответствии с Трахенбергским планом, в случае соединения Силезской армии с Северной, должен был подчиниться Карлу Юхану.) Причина торга? Карл Юхан полагал свои силы недостаточными и попросил усилить Северную армию ещё одним русским корпусом. В результате долгих споров Северная армия переместилась с левого фланга на правый, а Силезская — с правого на левый. Лишь на следующий день, 18 октября, Северная армия подошла к Брейтенфельду, где в 1632 году шведский король Густав II Адольф в период Тридцатилетней войны нанёс сокрушительное поражение австро-имперской армии во главе с Й.-Ц. Тилли. И только после того как в штаб-квартиру Карла Юхана 18 октября прибыли Блюхер и прусский наследный принц Вильгельм, Северная армия вступила наконец в сражение.

19 октября в грандиозной битве наступил решающий перелом в пользу союзников. Перед Северной армией оказались саксонские части, в решающий момент сражения на его сторону перешли две артиллерийские батареи, командир которых был бывший подчинённый маршала Бернадота под Ваграмом. Вся эта операция, согласно современному шведскому историку Шёбергу, была хорошо подготовлена и срежиссирована. Когда представители Северной армии уже договорились с саксонцами о переходе на их сторону, на переднюю линию в великолепном парадном мундире (Шёберг пишет: как "оперный герой") на красивом скакуне выехал Карл Юхан. Он подскакал к окопам саксонцев, что-то крикнул им, а потом, сопровождаемый их восторженными возгласами, триумфально привёл их в свой лагерь. *"Номер, достойный короля-театрала Густава* III, с *которым Карл Юхан, несомненно, имеет много общего",* — заключает Шёберг.

Так же хорошо срежиссированным был въезд главнокомандующего Северной армией в оставленный французами Лейпциг. Карл Юхан позаботился о том, чтобы появиться там первым. Его союзники смотрели на этот "театр"

скептически. Здесь, в Лейпциге, Карл Юхан встретился с императором Францем I, которому 16 годами раньше доставил столько хлопот и неприятностей на посту посла Французской Республики в Вене.

Лейпциг стал наивысшей точкой взлёта Карла Юхана как политического и военного деятеля европейского масштаба. После Лейпцига начался неуклонный закат. Тому был целый ряд причин. *Объективно* роль Швеции была уже выполнена, в частности для русского царя и России. Наполеоновской военной машине был нанесён сильный удар, и впереди просматривался его полный разгром. Интересы Англии, Австрии, Пруссии и России стали резко расходиться с интересами Швеции и амбициями её наследного принца. Уже на этом этапе вклад Швеции в победу над противником был незначительным, а в будущем он мог стать лишь и того меньше. Норвежская проблема Карла Юхана — несомненно, важная для его престижа и будущего — *субъективно* представляла теперь для союзников лишь головную боль и на фоне эгоистических действий главнокомандующего Северной армией вызывала лишь раздражение.

Кажется, именно в это время кронпринц сознательно озвучил свои тайные претензии на главенствующую роль в послевоенной Франции. Это произошло в беседе с известным нам уже Поццо ди Борго. Впрочем, сделано это *было в* довольно завуалированной форме, во время разговора о наилучшем кандидате на французский престол. Карл Юхан убеждал собеседника в том, что трон должен принадлежать самому достойному, на что проницательный корсиканец заметил, что тогда королём Франции должен был стать именно он, Поццо ди Борго.

— Каким образом вы мне докажете обратное? — ответил ди Борго на недоумённый вопрос Карла Юхана. — Убив меня? Тогда на моем месте окажутся другие… Самый достойный на троне, для спокойствия в мире, это тот, у кого больше всего прав.

Корсиканец конечно же имел в виду реставрацию Бурбонов.

После Битвы народов под Лейпцигом Наполеон отступил во Францию зализывать свои раны, а союзники следовали за ним по пятам и загоняли зверя в его логово. Для наследного принца Швеции снова начались тревожные дни. После Лейпцигской битвы англичане сократили ежемесячные субсидии Швеции со 150 до 100 тысяч фунтов. Первое время он старался не подавать вида, что его гложут внутренние подозрения, и продолжал поддерживать у окружающих мнение о своей будущей роли в побеждённой Франции. Так он пообещал прусскому офицеру Калькройту княжество или пост посла, когда станет во главе

Франции. Но если он кого и обманывал, то только себя.

Первую ночь после Лейпцигского сражения Карл Юхан провёл в полевом лазарете, где находились раненые французы. Он встретил там своего старого боевого товарища и единомышленника генерала Антуана Дельма и вступил с ним в беседу. Смертельно раненный генерал порекомендовал Бернадоту немедленно убраться прочь, ибо он не хотел напоследок оскорблять свой взор видением *предателя.* Сцена буквально потрясла Карла Юхана. Сколько же французов были готовы бросить ему в лицо это обвинение?

После Лейпцигской битвы союзники снова провели конференцию, призванную определить дальнейшие их действия, и никто из них, кроме Англии, не хотел приглашать на неё шведского кронпринца. Англия предложила дать Швеции полноправный статус участника конференции, но этому воспротивились Россия, Пруссия и Австрия. Слишком незначительным оказался вклад шведской армии в общую победу над Наполеоном. Союзники потеряли в боях 54 000 человек, в то время как потери шведов составили 180 человек! Карлу Юхану пришлось расплачиваться за хитрость, сдержанность, уклончивость, медлительность и нерешительность!

Разногласия в лагере союзников коснулись прежде всего плана окончания войны. Русские и прусские генералы выступали за поход на Рейн, вторжение во Францию и свержение с трона Наполеона. Австрийский император и его министр иностранных дел Меттерних по вполне понятным причинам (ведь император был женат на дочери Франца I) соглашались в побеждённой Франции сохранить Наполеона. Принц-регент Англии Георг хотел бы восстановить в стране правление нашедших пристанище в его стране Бурбонов, в то время как министру иностранных дел Кастлри не нравились ни Бурбоны, ни Наполеон.

Карл Юхан, опасавшийся, что союзники, разгромив Наполеона, не сдержат свои обещания в отношении Швеции, считал вторжение во Францию союзной армии неразумным и предлагал закончить войну в Германии. Вступление союзников на территорию Франции, по мнению Карла Юхана, лишь усилит революционный патриотизм французов и заставит их сплотиться вокруг Наполеона. Войну с ним следовало продолжить искусными методами пропаганды, в результате которой французы якобы сами скинут узурпатора с престола. Карл Юхан выступал за сохранение Франции в её "естественных границах" и резко возражал против отделения от Франции Нидерландов. Ему нужно было в первую очередь сокрушить Данию и принудить её к передаче Норвегии в лоно шведской короны, а потому предлагал

держать Северную армию во второй линии.

Все эти рассуждения, с точки зрения присутствовавших, как-то мало вписывались в реальную ситуацию 1813 года после убедительных побед союзников, в том числе англичан, испанцев и португальцев на Иберийском полуострове. Они прозвучали резким диссонансом на конференции, и никто к ним не прислушался. Ещё 10 октября, накануне битвы под Лейпцигом, союзники решили нацелить Северную армию в направлении Голландии, а Данию австрийский канцлер Меттерних брался образумить и привести в коалицию дипломатическим путём, в частности удовлетворить Швецию передачей только северной части Норвегии с городом Тронхеймом. Конечно, подобные настроения в рядах союзников мало радовали шведского наследного принца. Он опасался, что с такими результатами в войне шведы его просто не поймут и он будет сметён с престола густавианцами как подручный русского царя!

Карл Юхан проявлял строптивость не только в вопросах послевоенного устройства Франции. С середины октября 1813 года по февраль 1814 года его армия практически никакого участия в военных действиях против наполеоновской армии не принимала. Встреча с умирающим под Лейпцигом Дельма его настолько "отрезвила", что желания сражаться со своими соотечественниками у него больше не возникало. Кроме Норвегии, он положил на наковальню ещё одно "железо" — Францию, куда он хотел вернуться "на коне". В прошлом он упустил свой шанс стать во главе страны, теперь же нужно было ковать железо, пока оно горячо! Теперь или никогда! Его глазами и ушами стала сидевшая в Париже супруга Дезире, а главными пропагандистами в пользу правления Бернадота во Франции — мадам Сталь и её друг Бенжамин Констан, проживавшие в Германии.

30 октября в Северную армию поступил приказ из штаб-квартиры союзников отпустить корпус Бюлова в Вестфалию, а шведскому корпусу, подкреплённому 6-тысячной дивизией Воронцова, предлагалось занять Ганновер, куда Карл Юхан прибыл 6 ноября 1813 года. Но Карл Юхан самовольно, в нарушение лейпцигских договорённостей, снял русский корпус Винцингероде и шведский корпус под командованием Стедингка с западного направления и отправил их на север под Гамбург, где запёрся со своим корпусом Даву, и к датской границе. Согласно же решению союзников, он должен был лишь малыми силами блокировать Даву в Гамбурге, а армию вести в Голландию. Даже Хёйер признаёт, что действия командующего Северной армией в данном случае не были адекватны.

Подозрительный Ч.Стюарт, английский представитель при штабе Северной армии, вначале ничего плохого в поведении Карла Юхана не заподозрил. Но когда он узнал, что тот предложил Даву вместе со своей армией уйти без боя во Францию, то забил тревогу и выразил шведскому наследному принцу решительный протест, но сделать уже ничего не мог. Позже он обнаружит, что в этой игре шведам подыгрывали его соотечественник Торнтон, которого, по мнению Шёберга, Карл Юхан просто "купил", и русский представитель Сухтелен.

Карл Юхан проигнорировал приказ идти в Голландию и демонстративно развернул армию на север. Одновременно он развил бурную дипломатическую и пропагандистскую деятельность: по его приказу во Франции стали распространять манифесты о скором пришествии "спасителя" в лице бывшего маршала Бернадота; Веттерстедта вместе с Лёвеньельмом отправили в союзнический штаб, где они ещё раз должны были изложить старые идеи своего шефа о ходе завершения войны; в Копенгаген поскакали эмиссары с предложением Фредрику VI решить норвежский вопрос наедине без постороннего участия; к Даву выехали агенты с предложением очистить Гамбург и… беспрепятственно уйти во Францию. Темпераментный наследник шведского трона успевал работать на два фронта: и ради своего будущего во Франции, и ради своего будущего в Швеции. На союзников он просто решил наплевать.

Естественно, у союзников появилось законное подозрение, что Карл Юхан попытался завести в побеждённой Франции мощную подпору в лице Даву. Они с обоснованным беспокойством восприняли возню шведов вокруг Даву как попытку заложить основу для французской армии, которая в заключительной фазе войны выступила бы в защиту интересов Бернадота.

Если такой план у Карла Юхана и был, то он потерпел крах, но не только из-за вмешательства Стюарта. Прежде всего, Даву мало улыбалось, находясь рядом с Наполеоном, рисковать своей жизнью и жизнью солдат в последних кровавых боях, обречённых на поражение. Поэтому Даву спокойно отошёл со своим корпусом от Гамбурга и безучастно наблюдал за тем, как Северная армия вытесняла датчан из Голштинии.

Две недели для Карла Юхана, раздираемого между французскими и шведскими интересами, прошли в напряжённом ожидании. Гофканцлер Веттерстедт уже на первой беседе 20 ноября с Александром I достиг неожиданного успеха: царь якобы заявил ему, что Карл Юхан на своё усмотрение может либо блокировать Даву и датчан, либо атаковать их. Аналогично

высказался якобы и Меттерних, правда, с оговоркой, чтобы Карл Юхан использовал в военных действиях те силы, которые для этого были необходимы, и слишком далеко не углублялся в Ютландию.

В период 28 ноября — 1 декабря, оставив корпус Строганова на левом берегу Эльбы, Карл Юхан с остатками армии, насчитывавшей около 50 тысяч человек, форсировал реку и вошёл в брешь между позициями Даву и датчан во главе с князем Фредриком Гессенским. Датчане располагали всего лишь 10-тысячной армией и отступали к своим границам, и армии Карла Юхана не составило большого труда взять 5 декабря Любек и Киль, причём 7 декабря в бою с датчанами под Борнхёфтом наконец отличилась шведская кавалерия. Этого было достаточно, чтобы Дания прекратила бесполезное сопротивление. 8 декабря король Фредрик VI запросил перемирие, которое и было подписано 15 декабря в Рендсбурге.

Начался период изнурительных дипломатических переговоров и давления на датчан. Карл Юхан был согласен вести переговоры с датской стороной при условии, если Дания уступит Норвегию Швеции. Датскому эмиссару Хедсманну на переговорах он сказал: *"Когда Наполеон будет смещён с трона, то императором стану я. Тогда я, может быть, отдам королю Дании Швецию"*. Ф. Венкер-Вильдберг расценивает эти слова как составной элемент его политики угроз и шантажа в адрес строптивых датчан. Так он распространял слухи о своём желании создать на базе Голштинии, Шлезвига и Ютландии собственное королевство Кимбрию! Но это было ещё одним примером бернадотовской гасконады — ничем больше.

Датчане выполнять требование Карла Юхана об уступке Норвегии отнюдь не торопились. Им на помощь пришла австрийская дипломатия. С согласия союзников в Копенгаген заблаговременно выехал австрийский молодой и способный советник французского происхождения Луи де Бомбель, инструкции которого завизировали Александр I и Фридрих Вильгельм III. Л. Бомбель защищать интересы Швеции в норвежском вопросе отнюдь не намеревался, а скорее, наоборот, пытался выступить в роли адвоката Дании. Карл Юхан нервничал в Киле. Л. Бомбель информировал его о смене настроений в Копенгагене в пользу Швеции, но решение всё не приходило.

15 декабря Карл Юхан заключил перемирие с Даву и, чтобы напомнить о себе Фредрику VI, двинул Северную армию в Ютландию. Он захватил несколько датских крепостей, но нужного эффекта на датчан эти действия не возымели. Скоро принц узнал о неблаговидных действиях Бомбеля, пытавшегося

договориться с датчанами об уступке шведам лишь провинции Тронхейм. Опасаясь повторения эпизода с князем Долгоруковым, он немедленно доложил о них в русскую и английскую штаб-квартиры. Снова началась дипломатическая возня, неторопливым дипломатам перемирия не хватило, и Карл Юхан был вынужден пойти на его продление до 6 января 1814 года.

И тут 2 января 1814 года пришла наконец весть из Франкфурта. Гофканцлер Веттерстедт сообщал, что Александр I, возмущённый инициированным Веной вторжением союзников в нейтральную Швейцарию, выразил своё недовольство Меттерниху. Заодно царь потребовал также от Меттерниха отозвать из Дании Бомбеля и заявил о своей полной поддержке требований Швеции в отношении Норвегии. Меттерних предпринял ещё одну попытку навредить шведам и стал настаивать на немедленном выводе Северной армии из Голштинии, но Александр I снова "поправил" его и порекомендовал Карлу Юхану держать Голштинию на переговорах с Копенгагеном в качестве залога.

Это был долгожданный прорыв. Император России всё-таки не подвёл своего шведского партнёра и в самый критический момент пришёл ему на помощь. Карл Юхан ликовал.

Англичане заняли в обсуждаемом вопросе жёсткую позицию и дали волю своему возмущению: мало того, что шведы употребили английские субсидии не по прямому назначению, но в составе Северной армии находился английский корпус Уоллмодена. Выходило, что сами англичане таскали каштаны из огня для эгоистичных амбиций наследного принца Швеции! Пруссаки были также по-прежнему весьма недовольны "эгоизмом" Карла Юхана: в то время как у союзников не хватало сил вытеснить Наполеона из Бельгии и Голландии, Северная армия отвлеклась на бои с малозначившей на весах войны Данией.

Но английский демарш своей цели не достиг, потому что представитель Англии при штаб-квартире Северной армии Торнтон не дал ему ходу и позволил шведам завершить свои переговоры с датчанами один на один. Датскому королю Фредрику VI ничего не оставалось, как уступить силе. 14–15 января 1814 года был подписан Кильский мирный трактат, по которому Дания, владевшая Норвегией с 1380 года, была вынуждена уступить её Швеции. Цель была достигнута малой кровью. "У *Карла Юхана были все основания благодарить Александра за стопроцентную поддержку как во время военных действий, так и на стадии переговоров*", — констатирует С. Шёберг.

Заветная мечта Карла Юхана свершилась, а его популярность

в Швеции немедленно и резко повысилась. В церквах прошли молебны о здравии кронпринца, поэты сочинили в его честь торжественные оды. Потерю Норвегии Дании компенсировали Шведской Померанией и островом Рюген, а также тем, что долги Норвегии перешли к шведам, но всё это были мелочи — во всяком случае, для Карла Юхана.

Обеспокоенные тесной дружбой Карла Юхана с императором Александром I, Меттерних и Кастлри 18–22 января 1814 года встретились в Базеле, чтобы обсудить дальнейшие цели войны. На встречу были приглашены и русские представители, но Александр I интереса к этой встрече не проявил, полагая, что интересы союзников и их территориальные претензии могли урегулироваться лишь после окончательного поражения Франции. Они, кстати, предполагали оставить у власти в стране Наполеона, ограничив территорию Франции границами 1792 года, но не исключали в качестве альтернативы вернуть на престол и Бурбонов. В ходе обсуждений Меттерних и Кастлри не обошли вопросом даже такую мелочь, как выселение королевы Дезидерии из дома, принадлежавшего габсбургской принцессе.

К Базельским соглашениям сразу присоединилась Пруссия, а одной из последних, уже на конференции в Шатильон-сюр-Сена, и Россия.

18. ЛЮБИМАЯ ФРАНЦИЯ

Идеи могут быть обезврежены только идеями.

Бальзак

Обратив теперь все свои взоры на Францию, Карл Юхан из Киля развил бурную деятельность, проводя консультации с представителями самых разных политических групп и слоёв населения Франции, включая Бурбонов, засылая своих людей в страну, распространяя там прокламации в свою пользу и подготавливая почву для своего появления. Бурбоны представлялись принцу вчерашней каргой, но он не гнушался контактами и с ними. Здесь в Киле его снова посетил граф А.И. Чернышев и имел с ним продолжительную на этот счёт беседу.

Из Киля Карл Юхан внимательно следил затем, как его агент граф Виль-Кастель на юге Франции по его поручению проводил пропагандистскую кампанию в его пользу. Граф во всеуслышание объявлял, что Францией должен был править не корсиканец Наполеон, а настоящий гасконец. Но, как пишет Шёберг, жители Южной Франции на фоне убедительных побед А.-У. Веллингтона (1769–1852) в Португалии плохо прислушивались к новому пророку и делали ставку на Бурбонов. Убедившись в этом, Виль-Кастель заблаговременно свернул свою кампанию и уехал прочь.

Есть также данные о том, что Карл Юхан отпустил во Францию 60 французских пленных офицеров с заданием проводить пропаганду в пользу его кандидатуры на место поверженного Наполеона.

Наступившая весна 1814 года стала тому доказательством.

Сразу после Кильского мира принца позвали обратно в Стокгольм, но он решил остаться с союзниками, чтобы не раздражать их и окончательно не испортить отношения. Тем более что он получил от Александра I многообещающее послание: "*Скоро Франции нужно будет определить свою судьбу. Вы станете посредником между ней и Европой, и кто знает, куда Вас поведёт счастливая звезда?"* Был ли лукавый русский самодержец искренним в подобном обещании? Не играл ли он в свою игру, используя Карла Юхана как средство давления на союзников? Визит Чернышёва в Киль и собранная им информация о малой популярности во Франции бывшего наполеоновского маршала вряд ли оставили царя в плену прежних иллюзий в отношении этого человека. Возможно, шведский кронпринц нужен был царю

только для того, чтобы оказывать нажим на Австрию и Англию, с которыми у России в этот момент возникли трения.

Т. Хёйер утверждает, что при мощной поддержке императора России, продолжавшейся вплоть до марта 1814 года, он имел неплохие шансы обеспечить себе одну из ведущих ролей в послевоенной Франции. Косвенным доказательством этому служат факты обеспокоенности наполеоновского режима шансами старого соперника Наполеона во Франции. "*Необходимо противодействие князю Понте-Корво во Франции",* — писал наполеоновский министр иностранных дел Маре имперскому канцлеру, а сам император 20 декабря 1813 года писал Савари: "*Очень важно, чтобы газеты говорили о шведском принце как можно меньше".*

Шведский историк полагает, что одним из мотивов, которым руководствовался Александр I, предлагая Бернадота в руководители Франции, было его желание вернуть на шведский трон сына королевы Фредерики, свояченицы царя и супруги свергнутого Густава IV Адольфа. Свою мысль о выдвижении Бернадота на французский трон император чётко и недвусмысленно выразил в беседе с агентом Бурбонов бароном Эженом Франсуа Огюстом Витроллем (1774–1854). Император принял барона за две недели до вступления союзников в Париж и без всяких обиняков дал понять эмиссару Бурбонов, что считает французскую корону *для* его хозяина слишком тяжёлой. *Некоторое время тому назад мы думали о Бернадоте…,* — сказал Александр, — *но некоторые мотивы нас отдалили от сей мысли".*

Так что Карл Юхан пока не терял надежды и в многоходовой сложной игре союзников придерживался тактики выжидания. 10 февраля 1814 года из Кёльна он обратился к французам с воззванием быстрее кончать с наполеоновским режимом, но достиг, по мнению Палмера, прямо противоположного эффекта — французы рассердились. Он предлагал очистить Францию от бедствий, а разве он сам не приносил бедствий в Европу?

Шатильонская конференция, созванная по настоянию Кастлри и Меттерниха и призванная определить рамки послевоенной Франции и условия мира с Наполеоном, началась 25 февраля без Карла Юхана. На ней Меттерних выдвинул план, согласно которому единственной альтернативой Наполеону были Бурбоны. С ним соглашался и Кастлри. Александр I пытался отодвинуть решение этого вопроса на будущее, полагая, что он должен был решаться при волеизъявлении французского народа, но австро-англо-прусское трио сводило все его усилия на "*нет".*

Это к жесточайшему разочарованию Карла Юхана означало, что союзники перевели Швецию в разряд "прочих государств",

присоединившихся к коалиции, и уравняли её с какой-то Баварией и только встающей на ноги Голландией, и что над его совместным с русским императором замыслом нависла серьёзная угроза.

24 февраля 1814 года Северная армия вышла наконец из Голштинии и двинулась на юг к Рейну. 10 марта она вошла в Кёльн, где Карла Юхана ожидал восторженный приём и где он прожил 16 дней. Здесь он узнал, что союзники в Шатильоне от имени всех членов коалиции предложили главе французской делегации Коленкуру вариант Франции в границах 1792 года. Таким образом, весь Рейнланд и вся Бельгия, над завоеванием которых в своё время так усердно трудился солдат, генерал и маршал Бернадот, возвращались старым хозяевам. Он пытался возражать, но к его голосу уже мало прислушивались.

В прусском штабе возникла, а Кастлри была поддержана идея выдвинуть корпус Блюхера на главное — парижское — направление и усилить его за счёт Северной армии. Скоро корпуса Бюлова и Винцингероде у Карла Юхана отобрали, а вместо этого предложили ему командовать Резервной армией в Бельгии, куда, кроме шведов, вошли датские, голландские, английские, русские и ганноверские подразделения. Сам Кастлри взялся уговорить Карла Юхана возглавить этот интернациональный и плохо сыгранный секстет, подсластив "пилюлю" громким званием генералиссимуса, но послал вместо себя генерала Стюарта. Никто на эту роль не подходил лучше, чем такой выдающийся военный стратег, как маршал Бернадот, говорил Карлу Юхану генерал Стюарт, и тот был вынужден согласиться. Безропотно было воспринято и объяснение Кастлри о причинах, по которым Швецию оставили за рамками Шатильонской конференции: мол, если пригласить в Шатильон Швецию, то тогда обиделись бы Бавария с Голландией, а приглашать всех по причине достижения конценсуса — просто неразумно. Спорить с Англией было невыгодно: она могла ещё пригодиться в деле покорения бунтующей Норвегии!

Из Кёльна наследный принц распространил во Франции громкую прокламацию, в которой заявлял о своей посреднической роли между французами и союзниками и уверял соотечественников в том, что союзники им зла не желают, а хотят лишь прогнать с трона Наполеона. Вероятно, в данном случае это возымело действие — с ним стали заигрывать и сторонники Бурбонов. С помощью графа Буийе глава дома Бурбонов и принц Конде обратились к бывшему солдату латка Рояль-Марин с любезными посланиями и обращениями: *"Monsieur mon frère"* и предложением чина генералиссимуса.

В конце февраля штаб-квартира Карла Юхана переместилась в Льеж, но никаких военных действий его резервная армия осуществить, по сведениям Хёйера, не могла, поскольку её разрозненные части ещё не собрались вместе. Под Антверпеном он предложил частям Л. Карно сдаться и перейти на сторону союзников, но тот от этой "чести" наотрез отказался: "*Я был другом французского генерала Бернадота, но являюсь врагом чужого правителя, который воюет против своего отечества*". Положение фиктивного главнокомандующего раздражало и беспокоило Карла Юхана. Но ещё большее беспокойство вызвало известие из Копенгагена: 1 марта его представитель в Копенгагене генерал Таваст прислал сообщение о том, что наследник датского трона Кристьян Фредрик, кузен Фредрика VI, тайно прибыл в Норвегию и поднял там восстание против присоединения страны к Швеции. Норвегию собирались объявить самостоятельным государством, в стране начали печатать деньги и организовывать армию. Ещё не успели ратифицировать Кильские договорённости, как Норвегия уже стала ускользать из рук. Вновь зашевелился сверженный со шведского престола Густав IV Адольф — теперь он заявил о своей заинтересованности в норвежском троне.

Пребывание в Льеже, благодаря некоторым неожиданным событиям, дополнительно усугубило уже сложившийся негативный образ Карла Юхана как союзника. Сюда в Льеж 3 марта к Карлу Юхану неожиданно прибыл секретарь супруги Дезире доктор Франценберг, который лечил его в бытность послом Франции в Вене. Он привёз с собой письмо от Жозефа Бонапарта, явно инспирированное его императорствующим братом. Родственники прощупывали бывшего маршала Франции относительно его позиции по будущему устройству страны, предлагали "образумиться" и стать вместе с французской армией на защиту родины. Карл Юхан ответил, что Жозеф должен посоветовать брату немедленно заключить мир с союзниками. Вместе с ответом Жозефу Франценберг 10 марта повёз в Париж письмо и подарки Дезире: кольцо с бриллиантами и 60 000 франков. О политической "подкладке" визита Франценберга супруг не обмолвился ни одним словом!

Это одна из версий о странном и подозрительном недельном визите доктора Франценберга, принятой на веру некоторыми историками. А вообще достоверных сведений о том, зачем приезжал этот доктор, о чём с ним беседовал наследный принц Швеции и какой ответ он повёз обратно Наполеону, нет. Есть три источника, на которых строятся все версии и спекуляции об этом эпизоде: русский посол Сухтелен, английский посол Торнтон и

сам Карл Юхан. Но сведения Сухтелена и Торнтона основываются на том, что им якобы сообщил… сам Карл Юхан.

Русскому послу принц сказал, что Франценберг был послан к нему *"очень влиятельным лицом в Париже"*, чтобы спросить совета о создавшемся военно-политическом положении Франции. После некоторого раздумья он якобы ответил, что Франции следует заключить мир при условии сохранения её старых границ, *"а тот, кто убил республику, не достоин пользоваться преимуществами, которые добыли своими победами республиканцы"*.

Англичанину Карл Юхан рассказал, что Франценберг приехал спросить его, не последует ли Швеция примеру Австрии, если та заключит сепаратный мир с Францией. Карл Юхан якобы ответил, что он ни при каких обстоятельствах не станет отделять шведские интересы от интересов союзников и что если Наполеон не согласится пойти на мир на предлагаемых ему союзниками условиях, т. е. на условиях сохранения Франции в границах 1792 года, то это будет стоить ему короны.

В 1820—1830-е годы, работая над своими записками, Карл XIV Юхан, упоминая эпизод с Франценбергом, фактически повторил то, что он якобы рассказывал в своё время Торнтону, но добавил к нему одну новую деталь: Франценберг, выслушав ответ принца Наполеону, якобы сказал, что у него есть также поручение от других лиц, занимавших высокое положение в империи (Хёйер полагает, что речь могла идти о Сиейесе, Талейране и некоторых других знакомых Бернадота, фрондировавших во времена консульства). Эти лица просили передать, что, в случае прихода в Париж союзников, Карла Юхана будут считать персоной № 1 и что он может рассчитывать на помощь всех, кто был недоволен Наполеоном и кто не одобряет Бурбонов. Карл Юхан пишет, что он категорически отверг этот вариант, потому что не хотел, чтобы из-за него разгорелась гражданская война.

Кстати, слухи о том, что наследный принц планирует своё будущее во Франции, дошли до его приёмного отца, и приёмный сын поспешил заверить Карла XIII в том, что эти слухи не имеют под собой никаких оснований. Говорить старичкам ложь было не так убийственно для их хрупкого здоровья, как сообщать голую правду.

Одновременно Карл Юхан через маркиза Шабанна в Брюсселе продолжал поддерживать контакты с Бурбонами. 19 марта он принял маркиза, заверил его в своём дружеском расположении к оставшимся в живых родственникам Людовика XVI и заявил о том, что он будет поддерживать… реставрацию во Франции. Чем объяснялась такая резкая смена настроений и мыслей? Ещё вчера он доказывал союзникам категорическую недопустимость

возвращения Бурбонов на трон, а сегодня заявляет о поддержке реставрации под эгидой тех же Бурбонов. Возможно, под влиянием нахлынувших на него невзгод, обид и разочарований он решил не упускать и эту карту. Игра была настолько сложной и запутанной, что могли пригодиться и Бурбоны.

Насколько эти заверения были искренними, свидетельствует следующий факт: 28 марта союзнический патруль перехватил депешу генерала Мэзона к Бертье, в штаб-квартиру Наполеона, в которой генерал докладывал о том, что Карл Юхан отпустил из плена около 40 французских офицеров с призывом лучше умереть за Наполеона, нежели *"позволить этой гнусной семейке* (т. е. Бурбонам. — *Б.Г.) когда-либо взобраться на трон"*. Принц якобы призвал их "*разъехаться по домам и выступить там против этого нового предприятия союзников"*. Сам же он ни при каких обстоятельствах не двинется из Льежа, если, конечно, его в путь не позовут добрые дела. Согласно этой депеше, Франценберг и отпущенные из плена офицеры подробно описали генералу умонастроения главнокомандующего Резервной армией, *"из которых Ваше Величество может извлечь пользу для отделения его от союзников"*.

Капитал доверия к шведскому наследному принцу среди союзников иссякал окончательно и бесповоротно.

"Франценбергский" эпизод, по некоторым данным, получил своё логическое продолжение. Наполеон, по всей видимости, решил воспользоваться советом Мэзона и отправил его с тайной миссией к Карлу Юхану. Переодетый в цивильное платье, бывший адъютант Бернадота пробрался в Льеж и от его имени предложил Карлу Юхану Скандинавию, Финляндию и Померанию, всё балтийское побережье и королевство Нидерландов взамен на то, чтобы он вышел из союзного альянса! Предложение было очень заманчивым и, думается, заставило Карла Юхана хорошенько над ним поразмыслить. А поразмыслив, он отказался. Поздно! Карта Наполеона была уже бита.

Шведский король Карл XIII с приёмным сыном принцем Карлом Юханом. Художник К.-А. Дальстрём

17 марта в штаб-квартире Резервной армии произошло странное событие. Был созван военный совет, на котором Карл Юхан предложил собравшимся старшим офицерам армии ответить на три вопроса:

— Отвечает ли интересам Швеции продолжение войны с Францией, которая будет лишена приобретённых ранее территорий?

— Если союзники будут настаивать на условиях мира согласно Шатильонским решениям, отвечают ли интересам Швеции дальнейшие усилия кронпринца добиваться у союзников признания того, что Швеция уже выполнила свои обязанности в этой войне?

— Если Наполеон отвергнет условия предложенного ему мира, обязана ли будет Швеция продолжать с ним войну?

Ответы распределились следующим образом: единодушное "нет", за исключением одного "да" на первый; единодушное "да" на второй и единодушное "да" на третий вопрос, но при условии, что союзники выполнят свои обязательства перед Швецией. Военный совет, таким образом, укрепил уверенность принца в его попытке уговорить союзников оставить границу Франции по Рейну и сохранить за ней Бельгию и Голландию, а

также в том, что дальнейшее участие шведов в войне было бессмысленным. Он отправил в союзническую штаб-квартиру К. Лёвеньельма с инструкцией потребовать у союзников поддержки в норвежском вопросе и в признании необходимости возвращения домой шведской армии. В письме к Александру I Карл Юхан свои требования несколько смягчил, попросив у него корпус для усмирения Норвегии, в то время как небольшая часть шведской армии останется выполнять свой союзнический долг на континенте.

25 марта Карл Юхан выехал к Александру I, но в это время Наполеон предпринял дерзкий марш в восточном направлении и перерезал все пути. Раздосадованный принц вынужден был вернуться обратно в Льеж. На обратном пути его пригласил к себе в Нанси граф Артуа, но Карл Юхан, неуклюже сославшись на неопределённость мнения союзников относительно судьбы Бурбонов и на возможное недовольство таким визитом шведов, предпочёл общаться с русским губернатором Нанси и отзываться о Бурбонах в самых негативных выражениях. Этому семейству, сказал он русскому генералу, нельзя появляться во Франции без посредника, имея в виду под посредником, естественно, себя.

Возвратившись в Льеж ночью 4 апреля, Карл Юхан узнал о том, что Париж пал. 31 марта 1814 года в столицу Франции вошли русские казаки, а 3 апреля столица капитулировала. Наследный принц немедленно отправил своего роялистски настроенного друга Гре к Людовику XVIII и принцу Конде с запоздалым ответом на их письма. Гре должен был заверить Бурбонов, что только обстоятельства и сопротивление шведов (!) помешали шведскому наследному принцу осуществить давно задуманный план. Своё послание Карл Юхан украсил описанием в самых возвышенных выражениях своих детских воспоминаний, связанных с его идеалом — королём Генри IV. Он с благодарностью подтверждал принятие титула генералиссимуса французской армии и приглашал графа Артуа в любое удобное для него время посетить его штаб-квартиру в Льеже.

Одновременно принц попросил Сухтелена сообщить императору Александру I о том, что он всегда был сторонником Бурбонов, хотя и не высказывал свои взгляды до тех пор, пока не понял своё призвание истинного союзника! Именно для этого он хотел недавно посетить императора, чтобы в личной беседе объяснить свою позицию.

Беседу в том же духе Карл Юхан провёл и с Торнтоном, попросив его довести свои "бурбонские" симпатии до английского руководства. Чтобы не попасть в ложное положение, он вызвал к себе Стедингка и пояснил, что титул французского

генералиссимуса он принимает временно и что он непременно, хоть и с задержкой на несколько месяцев, вернётся в Швецию. Заверения, сделанные на все стороны, тем более неискренние, всегда вызывают настороженность!

В предположении, что Наполеон организует союзникам сопротивление на юге Франции, Карл Юхан направил в союзническую штаб-квартиру уведомление о том, что решил ввести шведскую армию во Францию и сражаться в рядах коалиции на её территории. Попросив вернуть ему корпуса Бюлова и Винцингероде, он отдал приказ о выступлении шведской армии. Толчком для такого решения послужило письмо супруги, поступившее к нему 6 апреля. Дезире с нетерпением ожидала вступления в Париж шведской армии, но вместо неё к ней явился К. Лёвенхьельм и сообщил, что супруг находится в Льеже. Дезире была страшно разочарована. "*Мне очень жаль, что ты не прибыл раньше императора России,* — писала она ему, — *это сыграло бы тебе на руку и тем людям, которые тебе дороги. Твоё присутствие здесь чрезвычайно важно…*"

Дезире была права: фактическим хозяином Парижа с 31 марта стал Александр I, и царь, по всей вероятности, обратился бы за помощью в первую очередь к нему, своему протеже. Но шведского принца на месте не было, и царь был вынужден пользоваться услугами своего бывшего тайного агента Талейрана. Находившегося рядом посла К. Лёвеньельма император призвал к ответу: чем руководствовался наследный принц Швеции, поддерживая тайные контакты с Наполеоном и Бурбонами? Положение шведского дипломата было более чем щекотливым, но вместе с Карлом Юханом ему как-то удалось "выкрутиться" и сохранить расположение императора.

А Карл Юхан, торопясь наверстать упущенное, развил в Льеже бурную и лихорадочную деятельность. Он предпринял попытку собрать побеждённые французские части, поставить их под белые знамёна Бурбонов и вместе со шведами двинуть их на Париж. (Именно в этот момент он сделал неудачное предложение сидевшему в Антверпене Л. Карно.) Но он уже чувствовал, что лавинообразные события во Франции опережали его и что всё было бесполезно. Слишком дорого стоило ему приобретение Норвегии, и как ни старался он сыграть свою роль в последующих событиях, главные участники войны его просто игнорировали. Союзники, кроме Александра I, оказали жёсткое сопротивление всем его попыткам заявить о своих претензиях, а одной поддержки царя оказалось недостаточно. Талейран высказал следующее суждение о шансах Бернадота: "*Бернадот — это ещё один этап революции. Зачем выбирать солдата, когда вы только*

что убрали уже одного?" Талейран был прав. Этот вывод подтвердил и мудрый Сухтелен, мнение которого Карл Юхан высоко ценил.

10 апреля, взяв с собой роялиста Стедингка, Карл Юхан выехал в Париж. Согласно воспоминаниям генерала Адлеркрейца, перед отъездом шведы взяли с принца обязательство не заниматься в Париже делами, не имеющими отношения к Швеции. Они серьёзно опасались, что кронпринц в Швецию больше уже не вернётся.

В Париже Карл Юхан находился не несколько месяцев, как он надеялся, а всего лишь 18 дней — с 12 по 30 апреля, да и то под охраной из русских казаков, любезно предоставленной Александром I. Вряд ли его пребывание в столице было большим триумфом, утверждает Хёйер. Были определённые успехи в переговоре с союзниками, но их реакция и реакция французов на его появление была, мягко говоря, сдержанной.

11 апреля Наполеон отрёкся от трона и отправился на о-в Эльбу. Ему на смену пришли Бурбоны. На торжественном представлении в Парижской опере, данном в честь глав государств-победителей, кронпринц предпочёл официально не показываться и сидел не в почётной ложе для гостей, а в задрапированной для него отдельной ложе. Он встретился с Неем, Мармоном, Ожеро и другими старыми друзьями и товарищами, но встречи были малоутешительными, потому что почти все они считали его в душе предателем. Избегал Карл Юхан и демонстрации своего согласия с союзниками.

Повидавшись с супругой Дезире и сыном Оскаром, насладившись в последний раз видами Парижа, встретившись с золовкой Жюли Бонапарт и бывшей императрицей Франции Жозефиной, а главное, заручившись поддержкой союзников в норвежском вопросе, Карл Юхан 30 апреля поспешил домой. По пути, по совету непотопляемого Талейрана и Стедингка, Карл Юхан нанёс визит "королю-креслу" — новому французскому монарху королю Людовику XVIII. Претендент на французский трон по пути из английского Хартуэлла в Тюильри остановился в Компьене. Карл Юхан считал, что правление Бурбона во Франции будет недолговечным, но пока благоразумно решил сохранять с ним добрые отношения.

Как вспоминал Стедингк, когда кронпринц на пути в залу для аудиенции проходил через внутренний двор, то французские солдаты, узнавшие в нём своего бывшего маршала, приветствовали его криками: "Да здравствует генерал Бернадот!" Караул перед залой воскликнул: "Да здравствует князь Понте-Корво!" Когда же он входил в гостиную, королю о нём доложили

как о кронпринце Швеции.

— Вы видите, что для меня достаточно двадцати шагов, чтобы пройти республику, империю и монархию Бурбонов, — мрачно пошутил он с сопровождавшим его Стедингком.

Вслед отъезжающему Карлу Юхану Кастлри выдал "прощальный залп" своей желчи: *"Он удаляется обратно в Швецию с разбитыми надеждами и несмываемым позором в глазах даже собственной армии, чувствующей себя униженной той бездеятельностью, на которую он был обречён во время своего похода*".

16 апреля верный оруженосец Карла Юхана Веттерстедт написал своему коллеге по походной канцелярии Г.-Ф. Вирсену, что собирается подать в отставку, "*ибо эти последние месяцы больше, нежели прошение годы сломили моё мужество и спокойствие духа… На нас косо смотрят другие и называют нас "обозниками", храбро прячущимися за штыками союзников*".

Талейран предлагал решить вопрос о мире со Швецией на предстоящем Венском конгрессе, как это было решено союзниками в отношении Баварии, Голландии, Испании, Португалии и прочих княжеств и герцогств, участвовавших в коалиции лишь номинально. Шведам с большим трудом с помощью союзников удалось избежать позора и заключить мир с Францией в Париже.

10 июня состоялся триумфальный въезд Карла Юхана в Стокгольм. Шведы устроили своему принцу восторженный приём, что заставило его написать своей супруге в Париж следующие строки: "*Если бы я мог говорить по-шведски, то, думаю, стал бы очень сильным правителем*". Королева Хедвиг Шарлотта Элисабет записала в своем дневнике рассказ своего приёмного сына о том, как французы одолевали его просьбами и уговорами занять место сосланного на Эльбу Наполеона и как он без всяких колебаний сказал им "нет", чтобы вернуться к шведам и посвятить свою жизнь процветанию Швеции.

Не будем осуждать возвратившегося "блудного сына" слишком строго: он же был беарнцем, а значит, истинным гасконцем, инстинктивно ищущим себе оправдания в маленькой и красивой неправде. Да и какая же это была неправда, если он и на самом деле посвятил свою оставшуюся жизнь благосостоянию Швеции?

19. ПО СЛЕДАМ КАРЛА XII

Чтобы дойти до цели, надо прежде всего идти.

Бальзак

Между тем Норвегия приготовила шведам сюрприз: 17 мая 1814 года, пока Карл Юхан находился в пути, в Эйдсвольде норвежцы приняли конституцию — Основной закон страны, а принца Кристьяна Фредрика (1786–1848), как мы уже упоминали выше, избрали своим королём. Кристьян Фредрик был двоюродным братом датского короля Фредрика VI, принадлежал к Ольденбургской династии, правившей Данией и Норвегией в течение почти 400 лет, и был послан в Норвегию наместником. Норвежский историк Ойстен Сёренсен пишет, что это был динамичный политик, прекрасный администратор и неглупый человек, который быстро приобрёл у норвежцев большую популярность. Формально он поднял восстание против шведов и Кильских соглашений, но конечной целью его планов была самостоятельность Норвегии.

Первоначально наместник хотел провозгласить себя королём Норвегии, основываясь на своём *естественном праве* королевского наследника Дании. Однако ведущие политики страны, также лелеявшие далеко идущие планы, воспротивились этому и настояли на том, чтобы Кристьян Фредрик был избран *волей норвежского народа*. 11 апреля 1812 года в крестьянском подворье Эйдсвольд, что в 60 км от Кристнании (Осло), собрались 112 выборщиков от всего населения Норвегии, чтобы обсудить судьбу страны. 17 мая они приняли Основной закон страны, единодушно избрали своим королём Кристьяна Фредрика и поклялись вместе с ним добиваться независимости страны, даже если для этого придётся применить оружие. За норвежским королём стояла вся страна.

За всем этим Карл Юхан видел козни Копенгагена и настаивал на том, чтобы хорошенько наказать датских подстрекателен. Царь для подавления мятежа в Норвегии обещал кронпринцу военную помощь — 6-тысячный корпус Беннигсена. Англичане должны были осуществить блокаду Норвегии с моря и выплатить субсидии на содержание армии, а все союзники взяли на себя обязательство оказать давление на Фредрика VI и направить в Копенгаген специальную комиссию. Карл Юхан пытался убедить Александра I немедленно ввести корпус

Беннигсена в Ютландию, чтобы оказать силовое давление на Копенгаген, но царь этой просьбе не внял. Союзники единогласно постановили, чтобы до выяснения всех обстоятельств и исчерпывания мирных возможностей никакие силовые действия не предпринимались.

Принципиальные переговоры по Норвегии прошли в июне в Лондоне между Александром I и Кастлри, с одной стороны, и с Рехаусеном и Карлом Лёвеньельмом, с другой. Накануне переговоров посол Рехаусен докладывал из английской столицы: "В *нас здесь более не нуждаются, мы здесь в тягость…".* Шведским дипломатам пришлось выдержать многое: и хмурые брови Кастлри, и долгое ожидание его аудиенции, и даже повышение голоса и недипломатический подбор фраз. О силовом давлении на Данию, не говоря уж о её расчленении, не могло быть и речи. Шведским дипломатам удалось добиться обещания русского императора и прусского короля послать свои воинские части на усмирение Норвегии при условии, если Англия предоставит транспорт для их переброски через Балтийское море. Но Кастлри заподозрил Пруссию и Россию в том, что они захотели перевалить бремя завоевания Норвегии на плечи Англии, и переговоры на эту тему зашли в тупик.

Главной задачей шведов было получить разрешение царя на использование корпуса Беннигсена в Ютландии и на выполнение старой задумки принца о расчленении Дании как государства. Чтобы, вероятно, заинтересовать императора последним, усовершенствованным, проектом по перекройке Скандинавии, Лёвеньельм должен был предложить царю возможность "уточнения" русско-норвежской границы" в пользу России. Если Александр I, вопреки настоятельным возражениям Нессельроде, посла в Копенгагене Лизакевича и члена посреднической комиссии графа Орлова, и не отказывался от идеи демонстрации силы в отношении Дании, то на уничтожение Датского королевства он, ввиду решительного возражения со стороны Англии, никогда бы не решился. Поскольку посылка корпуса Беннигсена и Данию была заблокирована Англией. Лёненьельм должен был попытаться уговорить царя послать корпус в Норвегию.

К. Лёненьельм не смог получить аудиенцию у царя во Франкфурте-на-Одере и был вынужден поспешать за ним в Петербург, куда он прибыл лишь 29 нюня. Там ему сказали, что до получения результатов посреднической комиссии Россия никаких шагов в отношении Норвегии или Дании предпринимать не будет. Драгоценное летнее время, благоприятное для переброски войск морем, безвозвратно уходило, а

принципиального решения всё не было. Не лучше дело обстояло с Пруссией: на запрос Карла Юхана о посылке военного контингента в Норвегию она не отвечала несколько месяцев, а когда 3 сентября дала положительный ответ, надобность в иностранной военной помощи уже отпала.

Пока же в активе шведской дипломатии было одно неясное обещание англичан предоставить свой флот для блокады Норвегии, и Швеция должна была рассчитывать на собственные силы. Поскольку надежды на успешное завершение деятельности посреднической комиссии в Стокгольме тоже не питали, то Карл Юхан отдал распоряжение готовить армию к вторжению в Норвегию. Для участия в норвежском походе готовилось около 47 тыс. человек. Вся норвежская армия имела в своём составе не более 30 000 человек, из которых комбатантная часть не превышала и 22 тысяч. Преимущество шведов на море было ещё более убедительным.

Но задача, которая стояла перед Карлом Юханом, была не такой уж и простой. Не нужно было сбрасывать со счетов, что норвежцы собирались защищать свою страну от иностранных захватчиков, и дух сопротивления мог вполне свести на нет численное и военноорганизационное преимущество шведов. Большую сложность для широкомасштабных военных действий представлял также норвежский ландшафт: горы, леса, реки и отсутствие хороших дорог. Если норвежцы продержатся до зимы, это будет означать провал всей операции. К этому времени начнёт работать общеевропейский конгресс в Вене, который мог вообще перечеркнуть Кильское соглашение.

Единственной надеждой наследного принца была поддержка России. Теперь вместо барона Сухтелена послом России в Швеции был другой барон — Строганов, и Карл Юхан использовал весь свой шарм для установления с ним сердечных отношений. Т. Хёйер пишет, что заверения принца в вечной дружбе с Александром I и неуклонном следовании Швеции курсу русской политики лились таким потоком, что они вызывали у Энгестрёма изжогу. Министр иностранных дел, не питавший к России особой приязни, считал поведение патрона слишком подобострастным. А принц мог сказать Строганову, например, такие слова: *"Император, Ваш повелитель, приобрёл во мне подданного, который также ему предан, как Вы сами*" или: "Я *прошу передать Его Величеству — именно моими словами, что его система* (т. е. политика. — *Б.Г.) — моя тоже, и что мои дела навсегда неотделимы от его деяний… и что он может везде, куда бы ни обратил свой взор, даже в Перст, рассчитывать на меня".*

Пока Швеция собирала силы и аргументы для выполнения

Кильского договора, в Париже 30 мая был тихо заключен мир Швеции с Францией. Оформление его произошло в виде приложения к большому Парижскому трактату. По шведско-французскому миру Швеция возвращала о-в Гваделупу обратно Франции, которая должна была выплатить ей за это компенсацию. Карл Юхан дал указание своим дипломатам зафиксировать в мирном договоре личную причастность короля Швеции к компенсационным суммам, но французы на это не пошли.

К концу мая члены союзнической комиссии по норвежскому вопросу, состоявшей из четырёх человек, выехали в Копенгаген и Осло, с тем чтобы на месте разобраться в степени причастности Дании к событиям в Норвегии и попытаться мирным путём ввести положения Кильского мира в силу. Россию представлял граф Орлов, Пруссию — Мартенс, Австрию — генерал фон Штейгентеш, а Англию — О. Фостер, которому ассистировал т. н. свободно действующий агент Д.-П. Морир (Morier).

Английский комиссар получил секретные инструкции не "отдавать Данию в жертву эгоистичным интересам России и Пруссии" и сотрудничать в этом вопросе с австрийцем Штейгентешем. Кроме того, Кастлри проинструктировал его способствовать такому развитию событий, при котором союз Швеции с Норвегией был бы как можно менее тесным. Сильная морская скандинавская держава под боком представляла бы для Альбиона большое неудобство. Своей волей или тоже в соответствии с инструкциями от своих монархов, но в ходе работы комиссии получилось так, что пруссак Мартенс и русский Орлов тоже сблизились друг с другом.

Комиссары должны были убедить короля Фредрика VI оказать нажим на кузена, заставить его покинуть Норвегию и объявить бунтовщиком. Между тем обстановка в Норвегии изменилась, и изменились предпосылки для работы комиссии. Фредрик VI не мог уже оказывать никакого влияния на Кристьяна Фредрика, потому что тот был провозглашён королём Норвегии и стал сувереном. Кроме того, комиссары никаких нарушений Кильского трактата со стороны Дании не обнаружили. Такие выводы не понравились ни Карлу Юхану, ни его помощникам, и это с самого начала наложило отпечаток на их отношения к комиссии и комиссарам. Вероятно поэтому, когда комиссия по пути в Кристианию (Осло) находилась в Швеции, принц не стал встречаться с нею лично, а поручил это дело генералу фон Эссену, не самому лучшему шведскому дипломату. В результате члены комиссии не получили нужных корректив для своей работы в пользу Швеции, в то время как энергичный и не лишённый

обаяния "летний король" Норвегии Кристьян Фредрик установил с ними хороший контакт, переиграв по всем статьям Карла Юхана и на этом фронте.

Особенно близко с мятежным принцем сошлись Орлов и Мартенс, которые, согласно Хёйеру, хоть и не нарушили букву Кильского договора, но повели дело так, чтобы союз Норвегии со Швецией оказался лишь номинальным, предложив Кристьяну Фредрику играть в нём сильную роль вице-короля. 7 июля комиссия предъявила наконец "летнему королю" ультиматум. Он должен был отречься от трона и позволить шведской армии оккупировать три важные крепости Норвегии — Фредриксстад, Фредриксхаль и Конгсвингер. Ольденбургский принц, которому, как и его шведскому визави, была не чужда склонность к театральности, но который, в отличие от Карла Юхана, был более сентиментальным, согласился уйти с норвежского трона и даже приложить усилия для того, чтобы склонить норвежцев к унии со Швецией, но только при согласии стуртинга.

Эти условия были совершенно не приемлемы для Швеции, принц не сдавался и ни на какие уговоры союзников решить вопрос мирным путём не шёл. Работа союзнической посреднической эмиссии, таким образом, зашла в тупик. Приближалась осень. Когда 22 июля Карл Юхан, наконец, встретился в Уддевалле с членами комиссии и узнал, что они свою миссию выполнили, встал вопрос о дальнейших шагах Швеции. Выбора не было: если не решить норвежский вопрос сейчас, то, возможно, он не будет решён вовсе. И принц решит прибегнуть к силе. Он выбрал войну. В конце концов, речь шла о престиже Швеции как государства. А поскольку Кильское соглашение оказалось невыполненым, то и Швеция решила аннулировать свои обязательства о компенсации территориальных потерь Дании Померанией.

На встрече с комиссарами шведский престолонаследник не сдержался и дал волю чувствам: он пригрозил Лондону открыть военные действия против Дании, а Петербург решил напугать сколачиванием антирусского альянса с участием Швеции, Турции и Польши и восстаниями в Финляндии и Польше. Эмоции Карла Юхана были выражением его гасконского темперамента — не больше — и к реальной политике и дипломатии отношения не имели. Царь Александр знал это, слегка поморщился, но простил, и тем дело закончилось.

Военная операция шведской армии, начавшаяся на море 26 июля, а на суше — 30 июля, ничего особенного с точки зрения полководческого искусства не представляла. ВМС Швеции без всякого сопротивления захватили стратегически важный залив

Свинефьорд, а армия под командованием престлонаследника, следуя двумя колоннами, одну из которых возглавлял Карл Юхан, а другую — генерал Эссен, перешла шведско-норвежский Рубикон — реку Тистедален. Флотом номинально командовал король Карл XIII, но всем распоряжался адмирал Юхан Пуке. Юг Норвегии практически оказался под контролем шведов, а норвежская армия отступила далеко на север к городу Раккестад. 6 августа Карл Юхан перенёс свою штаб-квартиру в г. Фредрикстад, но уже на следующий день "летний король" начал переговоры о перемирии.

Принц торопился заставить норвежцев сесть за стол переговоров, не задаваясь целью разгромить норвежскую армию, и уже 3 августа послал в штаб-квартиру норвежской армии в Берге норвежского купца и государственного советника Карстена Танка и священника Хоунта. Карл Юхан в значительной степени смягчил свои условия мирного урегулирования и в принципе признал Эйдсвольдскую декларацию как базу для присоединения Норвегии к Швеции.

Причины этому лежали на поверхности: приближалась зима, норвежскую армию разгромить не удалось, потому что от решительных сражений она уклонилась, отступив в глубь страны. Зная норвежцев, можно было предположить, что сопротивление шведам в ближайшем времени лишь усилится с риском перейти в партизанскую войну. Поэтому представлялось предпочтительней уговорить их войти в унию на благоприятных для них условиях, нежели "загонять в угол" и диктовать невыгодные условия силой. Скоро должен был начаться Венский конгресс, и желательно было "привести Норвегию к шведскому знаменателю" до его начала. И ещё один немаловажный фактор, на который указывает Хёйер: Карл Юхан всё ещё не оставил надежд вернуться во Францию, где обстановка для Бурбонов складывалась не совсем благоприятно, где вновь забродили призраки республиканизма, и откуда мадам де Сталь писала ему письма с намёками на многообещающее будущее.

Норвежцы почувствовали все эти настроения шведов и в начавшихся переговорах сумели выторговать для себя целый ряд существенных уступок, имевших такие преимущества, которые Норвегия под эгидой датской короны никогда не имела. Формально Швеция, конечно же, одержала победу, и Карл Юхан мог быть довольным: вопрос о своём династическом будущем был предрешён положительно, но шведы были разочарованы. По сравнению с тем, что они потеряли в лице Финляндии, этого оказалось слишком мало. Они хотели тесного культурного и экономического объединения, а союз Швеции с Норвегией с

первых дней существования оказался слаб и ненадёжен, потому что автономность Норвегии перевешивала все её необременительные обязательства по союзу. Но так уж сложились обстоятельства: династийные интересы Карла Юхана не совпадали с интересами Швеции.

14 августа военные действия прекратились полностью.

Король Карл XIII и норвежский стуртинг приступили к переговорам, которые завершились подписанием в м. Моссе соответствующей конвенции, определившей параметры будущей) союза. 10 октября 1812 года Кристьян Фредрик отрёкся от норвежского трона и покинул страну. Основной закон от 17 мая, довольно либеральный по тем временам, дополнялся некоторыми несущественными поправками, обусловленными вступлением в унию со Швецией.

Шведская делегация, возглавляемая Веттерстедтом, должна была провести в жизнь такие основные шведские требования к унии, как увеличение срока работы норвежского парламента с 3 до 5 лет, право короля назначать президента стуртинга, в случае необходимости вводить в Норвегию войска, раздавать дворянские звания и титулы, исключительное право Стокгольма регулировать натурализацию в Норвегии иностранцев, увеличение властных полномочий короля за счёт Государственного совета (правительства) и стуртинга, а также возможность занимать шведам в Норвегии, а норвежцам в Швеции военные и гражданские должности.

Практически ни одно из этих требований норвежцами принято не было. Если Кильский договор предусматривал *инкорпорацию* Норвегии в состав Швеции, то Мосские соглашения гласили, что Норвегия *три полном своём суверенитете принадлежит Е.К.В. королю Швеции и в союзе со Швецией образует единое королевство*". Отход от духа и буквы Кильского договора выразился главным образом в вопросе о королевской власти. Кильский договор однозначно гласил, что король Швеции является и королём Норвегии, однако норвежскому парламенту удалось провести *выборы* Карла XIII, т. е. продемонстрировать *своё* волеизъявление в этом вопросе и создать опасный прецедент на будущее. Получалось, таким образом, что верховная власть в стране *де-юре* с самого начала принадлежала стуртингу.

Швеция взяла на себя лишь исключительное право представлять Норвегию во внешней политике, а во всём остальном норвежцы получили самую широкую автономию, о которой они в унии с Данией не могли и мечтать. Недаром С. Шёберг считает Карла Юхана повивальной бабкой норвежской самостоятельности, ибо лабильный союз со Швецией фактически

никак не отразился на центробежных тенденциях Норвегии и явился основой для разрыва шведской унии в 1905 году. Престолонаследник и его дипломаты, правда, полагали, что главное в то время было заключить договор об унии, а о реальном её наполнении необходимым содержанием можно будет позаботиться позже. Время показало, как они жестоко ошиблись в этом вопросе.

Вечером 9 ноября 1814 года Карл Юхан в сопровождении генерала Эссена, 15-летнего принца Оскара и эскорта из норвежских солдат въехал в Осло и немедленно начал "наступление шарма" на норвежцев. Он обратился с речью к стуртингу, которую на шведский язык переводил принц Оскар. Он проявил великодушие к самым злостным своим противникам в Норвегии и предложил им высокие должности в структуре власти. Очаровав своим обхождением местную знать и власть, он торжественно принял присягу норвежского парламента на верность Карлу XIII и с триумфом вернулся в Стокгольм. Карл Юхан добился того, чего не смогли в своё время сделать ни Карл X Густав, ни Карл XII, ни Густав III. Отныне шведский король имел пышный титул "короля Свеев, Норвежцев, Готов и Вендов", но, говорят, что Карл XIII не проявил большой радости от этого пышного титула и при подписании документа о шведско-норвежской унии Карл XIII еле слышно пробормотал:

— Всё равно, это сраный союз!

Приёмный сын этот комментарий, кажется, не слышал.

Негативно настроенный по отношению к наследному принцу генерал Адлеркрейц заявил, что по поводу унии с Норвегией нужно не радоваться, а плакать. И таких голосов в Швеции было много.

Сразу после возвращения из Норвегии Карл Юхан отправил в Петербург своего доверенного представителя, адмирала Юлленшёльда, чтобы заверить императора Александра I в своей преданности и передать ему, что русский монарх может всегда рассчитывать на него и шведскую армию.

20. В ТЕНИ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА

У политика нет сердца, а есть только голова.

Наполеон

Теперь, когда самая больная проблема Карла Юхана получила наконец своё разрешение, можно было заняться другими делами: судьбой Шведской Померании, выплатой компенсации за Гваделупу, получением своей союзнической, одной семнадцатой, доли от военных контрибуций и решением внешних долгов, включая долг России в сумме 1,5 миллиона рублей. Все эти вопросы можно было урегулировать в ходе Венского конгресса, но поскольку в его программу они включены не были, Карл Юхан проинструктировал своих дипломатов обсудить их исключительно за рамками повестки дня конгресса.

На Венском конгрессе Швецию представлял граф Карл Аксель Лёвеньельм. Благодаря Александру I и Талейрану, Швеции было предоставлено почётное восьмое место, и она вошла в состав группы государств, задающих тон на конгрессе. В инструкции Лёвеньельму было указано: во всех случаях, если не поступит особых указаний, придерживаться позиции России, а уж только потом примеряться к пожеланиям Англии. В споре между Данией и Швецией Россия взяла на себя роль посредника, и Лёвеньельм активно и плодотворно сотрудничал с графом К.В. Нессельроде и его заместителем графом И.А. Каподистрией.

Карл Юхан и его дипломаты, как мы уже говорили выше, решили не отдавать Померанию Дании, как это было предусмотрено Кильским трактататом, поскольку та договора в отношении Норвегии не выполнила и Швеции пришлось восстанавливать справедливость силой. К.-А. Лёвеньельм должен был также вступить в тайный контакт с представителем Пруссии князем Харденбергом и обсудить с ним возможность передачи Померании Прусскому королевству — разумеется, за определённую сумму, большая часть которой должна была получить Швеция, а меньшую — Дания. Лёвеньельм должен был при этом также попытаться оговорить преимущественное право торговли Швеции в Любеке. Но не прошло и пяти дней с момента прибытия Лёвеньельма в Вену, как Энгестрём проинформировал его из Стокгольма, что Пруссия готова решить вопрос о Померании наедине со Швецией и что дипломату надлежало лишь подтвердить Харденбергу согласие на это Швеции, в то

время как сами переговоры будут поручены специальному шведскому эмиссару. Имя эмиссара Лёвеньельму объявлено не было.

Этим эмиссаром оказался гамбургский банкир еврейского происхождения Сигизмунд Жан Батист Ден, оказывавший услуги Карлу Юхану в его бытность французским проконсулом в Ганзе. Ден вошёл в круг доверенных лиц маршала через упомянутую выше графиню Паппенгейм, дочь Харденберга, с которой князь Понте-Корво близко познакомился в Ансбахе и постоянно поддерживал контакт, уже будучи шведским престолонаследником. Кстати, Ден использовался Карлом Юханом и в неудачных переговорах в ноябре 1813 года с Даву, и в Кильских переговорах с датчанами, и в некоторых других конфиденциальных делах.

Ден и Лёвеньельм должны были, таким образом, вести параллельные переговоры с Харденбергом, причём официальный представитель Лёвеньельм, в отличие от дипломата-любителя, об этом ничего не ведал. У Карла Юхана была маленькая слабость, которая вряд ли могла нравиться исполнителям — это "перекрёстные миссии". Впрочем, в данном случае эта "слабость" объяснялась вполне прозаично: в задачу Дена входило достижение с Харденбергом договорённости о том, чтобы от померанских денег некоторая толика перепала в личный карман престолонаследника! Согласно инструкции последнего, Ден, естественно, не должен был при этом забыть ни о себе, ни о Харденберге. Как всегда в подобных делах, Карл Юхан стоял в стороне, и всей практической стороной дела занимался его французский друг, теперь полковник шведской службы, Луи Мари де Кан (Camps).

Благоприятная для Швеции обстановка на Венском конгрессе омрачилась сначала противостоянием Пруссии и России с Австрией, Францией и Англией по польско-саксонскому вопросу. К январю 1815 года напряжённость в отношениях между конфликтующими сторонами была постепенно снята, но представитель Англии на конгрессе Кастлри (потом его сменил Веллингтон), поддержанный Меттернихом, решил теперь ущемить Швецию. Он дал указание своему послу в Стокгольме Торнтону предпринять недвусмысленный в пользу Дании демарш и объявить позицию Швеции относительно Дании несостоятельной и лишённой всякого юридического основания. Пруссия, почуявшая возможность весьма лёгкого приобретения Померании, молчала как рыба. Поскольку Карл Юхан продолжал настаивать на своём, Торнтон прибег к недозволенному приёму и заявил, что Англия может отказаться от выплаты Швеции

компенсации за Гваделупу. Лишиться целого миллиона фунтов стерлингов было не так легко, и Стокгольм втянулся в длинные утомительные переговоры с Лондоном. Оставалась, правда, Россия, но нажим союзников на царя был таким сильным, что Александр I был вынужден идти на компромисс, чтобы не потерять, в частности, расположения Англии, особенно с учётом последовавших неожиданных событий во Франции — знаменитых 100 дней Наполеона.

Кастлри уехал домой, не проинформировав Лёвеньельма о сути английского подхода. Лишь в конце февраля Веллингтон сообщил шведскому коллеге о том, какое поручение выполняет в Стокгольме Торнтон. Лёвеньельм поспешил к царю, но Веллингтон, поддерживавший хорошие отношения с Нессельроде и Разумовским, опередил его. Единственное, что удалось сделать шведу, так это уговорить царя написать объяснительное письмо Карлу Юхану. Александр I в письме от 2 марта просил Карла Юхана ни о чём не беспокоиться, ибо независимо ни от каких обстоятельств, включая поддержку Данни Англией, он будет стоять на страже интересов Швеции.

Давление союзников на царя вылилось в нечто, со шведской точки зрения, несообразное. Александр 1, отказавшийся дать указания Сухтелену в Стокгольм о поддержке демарша Торнтона, согласился к концу марта 1815 года подписать совместную с союзниками и Францией ноту "предупреждения" Лёвеньельму, в которой содержалось требование к Швеции выполнить Кольские соглашения и уступить Дании Померанию и остров Рюген. Мало того, что среди подписантов должна была оказаться Франция, не имевшая к Килю абсолютно никакого отношения, союзники пренебрегли по отношению к Швеции элементарными нормами порядочности. Формальным поводом для их коллективного демарша послужил меморандум Лёвеньельма по норвежско-померанскому вопросу, тайно вручённый каждому из них накануне. И вот они решили в такой форме коллективно отреагировать на секретно вручённый меморандум.

Братья Лёвеньельмы (Густав также появился в Вене, чтобы вести переговоры о шведском долге России) стали предпринимать лихорадочные действия, чтобы не допустить официального вручения коллективной ноты. Случись это — пропала поддержка России, и так ограниченная непримиримой позицией Англии; исчезла бы надежда получить компенсацию за расходы, понесённые Швецией во время норвежского похода, и компенсацию за переуступку Гваделупы. И всё это на фоне и без того тревожных и драматичных событий во Франции!

Между тем банкир Ден выяснил, что Харденберг стал

отходить от своих обещаний покончить дело с Померанией тет-а-тет, и был вынужден рассказать обо всём К. Лёвеньельму как человеку, который мог бы при поддержке царя довести начатое дело до конца. "Перекрёстная миссия" прекратила своё существование, и получился великолепный тандем, в котором дипломат отвечал за политику, а банкир — за финансы. Австрийская полиция попыталась удалить слишком активного банкира из страны, но тот заявил, что находится под покровительством Харденберга, и полиция отстала. Царь Александр взял на себя роль посредника. Харденберг, зажатый в угол, стал тянуть время, придумывая предлоги типа того, что Пруссия не в состоянии уплатить за Померанию требуемой суммы, поскольку готовится к походу против Наполеона. Однако братьям Лёвеньельмам в конечном итоге удалось уговорить Александра I отказаться от идеи коллективной ноты Швеции, и это уже было победой. Вслед за царём сняли свою подпись Фридрих Вильгельм, а потом и Меттерних. Ноту пришлось вручать в одиночку представителю Англии, но она для Швеции уже не имела такого глобального значения.

В итоге вопрос о Померании вернулся в прежнее — нулевое — состояние.

В Стокгольме Карлу Юхану пришлось сильно понервничать из-за отношений с Францией, которые у Швеции с ней так и не сложились. Престолонаследник, как нам уже известно, с неприязнью относился к режиму Людовика XVIII, а тот платил ему той же монетой. Дипломатические отношения между Стокгольмом и Парижем были заморожены: в шведской столице временным поверенным в делах оставался маркиз де Рюминьи (Rumigny), а в Париже — Э. Сигнёль. Вообще-то в Стокгольм должен был приехать французский посланник, известный литератор, виконт Рене Франсуа де Шатобриан (1769–1848), о котором мадам де Сталь восторженно писала Карлу Юхану: "Он *слегка похож на меня, и Вы знаете, как такие характеры склонны любить Вас"*. Но любви не получилось: Шатобриан выступал как один из ярых поборников легитимизма и в своей брошюре "Бонапарты и Бурбоны" допустил несколько неприятных для шведского кронпринца аллюзий. Результатом стали возмущение Карла Юхана и отказ Шатобриану в агремане.

В это же самое время Александр I, по просьбе свояченицы, королевы Фредерики, учредил опеку над её сыном принцем Густавом. И хотя царь в своём письме Карлу Юхану подчеркнул, что речь не идёт о поддержке им каких-либо династических претензий принца, а всё дело сводится лишь к чисто семейным его обязанностям, настроение Карла Юхана от этого не

улучшилось.

Поэтому династийный вопрос занял чуть ли не главное место в повседневных заботах Карла Юхана. Так, приехав в Вену, К.-А. Лёвеньельм обнаружил, что во французских и немецко-прусских газетах началась кампания в пользу восстановления на шведском троне либо Густава IV Адольфа, либо его сына. Ходили также слухи о том, что для сына свергнутого короля, принца Густава, готовится европейское княжество, и даже говорилось, что он станет князем Кракова. Нессельроде и Кастлри эти слухи опровергали, но Лёвеньельм, кажется, им не верил. Скоро Лёвеньельм от самого царя узнал, что союзники на самом деле планируют выделить для принца Густава какое-нибудь княжество, например Краковское. Александр I якобы этот план не поддержал, полагая, что лучше решить этот вопрос за счёт какого-нибудь княжества в Германии.

Масла в огонь подлило письмо Густава IV Адольфа, адресованное почему-то английскому адмиралу Сиднею Смиту, с просьбой распространить его среди участников конгресса. В письме бывший шведский король заявлял, что для себя лично он ничего не хочет, а вот что касается сына, то пусть, мол, он решает сам. Королева Шарлотта зафиксировала в своём дневнике, каким раздражительным становился её приемный сын, когда речь заходила о принце Густаве: "*И хотя он был всегда так добросердечен, стоило только произнести имя принца Густава, как его лицо искажалось до неузнаваемости*".

Бурю в стакане воды на некоторое время уймёт сам "полковник Густаффссон": 6 августа 1815 года он направит Карлу Юхану письмо, в котором объяснит, что его сын на трон Швеции не претендует. А пока Карл Юхан через Лёвеньельма предпринимал попытку сохранить за Жозефом Бонапартом достойное место в семье европейских монархов (в это время свояк Карла Юхана сидел в Швейцарии и ждал своей участи) и защитить от нападок союзников Й. Мюрата. Наследник говорил, что Венский конгресс не имел права нарушать суверенитет малых стран. Защищая их, Карл Юхан защищал самого себя, но в этих усилиях, к своему великому огорчению, преуспеть не смог.

Какие чувства он испытывал в это время, свидетельствует черновик его письма к Александру I, составленный в начале января 1815 года сразу после получения депеши Лёвеньельма о встрече с царём. Царь получил лишь часть того ответа, который готовил для него шведский наследный принц. Самая эмоциональная часть черновика не прошла цензуру у сдержанного Вестерстедта и осталась лежать в архиве семьи Бернадотов. К.-А. Лёвеньельм передал царю письмо, в котором

Карл Юхан выразил удивление идеей царя наградить "бездомного" принца княжеством, поскольку тот в своё время говорил, что принц будет вести частный образ жизни. Желание же царя стать опекуном принца дало повод к "возникновению настолько же смешных, как и преступных надежд" у некоторых лиц (намёк на семейство свергнутого Густава IV Адольфа). Поэтому Карл Юхан выступал категорически против того, чтобы добиваться от принца Густава официального отречения от шведского трона, ибо это было бы несовместимо с его собственными правами и с честью шведской нации. Не Карл Юхан свергал с трона Густава IV Адольфа, а вся Швеция, в том числе он сам, т. к. сам отрёкся потом от престола. Карл же Юхан был избран наследником на свободных выборах, и его легитимность не хуже, чем легитимность любого другого монарха, в том числе и свергнутого "полковника Густаффссона".

И далее Карл Юхан делает намёк на то, что легитимность Густава IV не так уж и безупречна и свободна от изъянов.

Что скрывалось за намёком, Карл Юхан раскрывает в своём черновике. Он утверждает в нём, что располагает неопровержимыми доказательствами того, что Густав Адольф не имел никакого законного права занимать шведский трон, и только уважение к чести и достоинству адресата заставляет автора письма не упоминать подробностей. Если клеветники продолжат против него свои инсинуации, то он опубликует их. (Здесь Карл Юхан намекал на то, что королева София Магдалена, супруга Густава III и мать Густава IV, зачала ребёнка от своего любовника Адольфа Фредерика Мунка.) Очевидно, что легитимисты сильно допекли наследника, если он решился на такой отчаянный шаг.

Серьёзным испытанием солидарности Карла Юхана с союзниками стали знаменитые 100 дней Наполеона. Карл Юхан, не скрывавший своего удовлетворения падением бурбонского режима, должен был теперь снова определить позицию по отношению к вернувшемуся на французский трон Наполеону.

30 марта, когда в Стокгольме узнали, что Наполеон вошёл в Лион, Карл Юхан предпринял инициативу назначить в Париж своего полноправного посланника при условии, если Париж назначит в Стокгольм своего, но только не Шатобриана. Это была запоздалая подстраховка по отношению к Бурбонам. А 13 марта 1815 года Швеция вместе со всеми участниками Венского конгресса голосовала за то, чтобы объявить Наполеона вне закона. Одновременно Швеция предложила союзникам военную помощь в том размере, какую они пожелают, но при условии, если они выделят на эти цели субсидии.

Однако события опережали все решения союзников. Наполеон уже был в Париже, страна восторженно встретила его, а Бурбоны бежали в Гент. Всё французское окружение Карла Юхана было настроено в пользу Наполеона, и Карл Юхан вновь заколебался. В кругу своих близких друзей он говорил, что возвращение Наполеона спасло гражданские права в Европе от посягательств реакционных режимов. С его уст в адрес Наполеона срывались невоздержанные панегирики, что вызывало у Энгестрёма и Веттерстедта обоснованные опасения за авторитет Швеции. Министры опасались, что принц пойдёт на необдуманный шаг, например заключит с Наполеоном какое-нибудь соглашение. С большой опаской за эскападами кронпринца следили Торнтон и Сухтелен — они подозревали, что Карл Юхан уже вступил в контакт с Наполеоном.

Отражением всех этих настроений Карла Юхана служит проект инструкции для К. Лёвеньельма в Вене, составленный им в середине марта 1815 года. В проекте говорилось, что вмешательство союзников в дела Франции было большой ошибкой и что автор был в своё время прав, предсказывая недолговечность режима Бурбонов. Швеция участвовала тогда в войне с Наполеоном только потому, что была против его универсальной монархии, хотя это и противоречило идеалам шведской революции 1809 года. Вести династийные войны, продолжал он, является делом рискованным и бесполезным. Если Наполеон на сей раз сделает для себя нужные выводы, то с ним можно было иметь дело. В конце инструкции Карл Юхан обрушивается с критикой на союзников — Англию, Австрию и Пруссию, но говорит, что Швеция будет во всём следовать примеру России и задаётся вопросом: какие выгоды может принести Швеции предстоящая война, на какие субсидии она может рассчитывать и какими армиями ему предстоит командовать?

Как мы видим, эта "политическая рапсодия" вместила в себя две совершенно несовместные вещи: с одной стороны, в нём проявлены симпатии к Франции и Наполеону, а с другой — подтверждается верность союзническому долгу. Естественно, Александру I был представлен более взвешенный и спокойный вариант, тщательно отредактированный Веттерстедтом. В нём симпатии к Наполеону исчезли и остались лишь заверения в лояльности союзникам. Из сравнения чернового варианта с окончательным видно, что в последнем присутствует существенная добавка о том, что Швеция готова предоставить в распоряжение союзников 20—30-тысячную армию. Это, конечно, был правильный жест, потому что даже Дания поспешила теперь

выставить своих солдат против Наполеона.

В померанской проблеме к маю 1815 года наметился наконец сдвиг. Швеция согласилась снизить за Померанию цену в обмен на то, что Россия предоставит ей льготу на погашение своего долга и оставит в силе претензии Швеции на свою долю в контрибуциях. Александр I после некоторых проволочек дал Лёвеньельму свое согласие и открыл путь к шведско-прусско-датской сделке. За Померанию Швеция получила от Пруссии 3,5 млн талеров и была освобождена от выплаты компенсации Дании. За содействие в этой сделке Карл Юхан лично, благодаря тайной статье в шведско-прусской конвенции, получил более 1,5 млн талеров. Банкир Ден прекрасно справился со своей задачей. К этому же времени урегулировалась гваделупская проблема, и в шведскую казну и в личный кошелёк принца стали поступать большие суммы денег.

Сигнёль и мадам Сталь со своим сыном из Парижа постоянно держали Карла Юхана в курсе событий во Франции. Писательница настоятельно рекомендовала ему приблизиться к границам Франции.

Графиня Паппенхейм и Кан из Берлина предупреждали его о необходимости соблюдать сдержанность в своих высказываниях в присутствии иностранных дипломатов. Они предсказывали, что союзники, потерпев поражения от Наполеона, призовут в свою армию маршала Бернадота, который с помощью императора России достигнет наконец своей цели. Какой, Кан и графиня не говорили, но всем было ясно, о чём шла речь. Как писала графиня, карты однозначно указывали Карлу Юхану путь к высшей вершине власти.

Приглашать Карла Юхана участвовать в антинаполеоновском союзе больше не собирались. Старое недоверие и неприязнь к нему со стороны Австрии, Пруссии и Англии, планировавших вернуть на французский трон Бурбонов, к этому времени лишь усилились. Александр I, так же как и Карл Юхан недолюбливавший Бурбонов, в этом походе во Францию первой скрипки уже не играл и был вынужден занимать общую с союзниками позицию. С середины мая царь, ссылаясь на достаточные силы союзников и нежелательность дробления управления ими, стал вежливо отклонять шведскую военную помощь. На предложение Лёвеньельма, что, с учётом международного положения Швеции и недоброжелательства к ней в стане союзников, всё-таки следовало бы направить шведов на войну и поставить их под командование русского или, на худой случай, английского генерала, был получен ответ, что субсидии для шведской армии выделены быть не могут. Стало

ясно, что союзники решили обойтись без Карла Юхана, и вопрос об участии Швеции в войне с Наполеоном отпал сам собой. 18 июня в битве при Ватерлоо решилась участь и Наполеона.

После вторичного отречения Наполеона от трона для Бернадота опять сверкнула искра надежды на возможность возвращения в любимую Францию. Во главе страны союзники поставили комиссию из пяти человек, в которую вошли Фуше и Карно и в которой главную роль играл Мари Жозеф Лафайет (1757–1834). Казалось, что вариант объявления сына Наполеона новым императором было обеспечено. Наполеон II! А при нём требовался регент, опекун или воспитатель. Вот оно развитие событий, о котором говорили Сигнёль и мадам де Сталь! В эйфории Карл Юхан поспешил поздравить австрийского временного поверенного в Стокгольме майора Вейсса с той ролью, которую теперь должна будет сыграть императрица Мария-Луиза, супруга поверженного Наполеона. Да, мать станет регентшей, а он, князь Понте-Корво и маршал Бернадот, — регентом. Но нет! Искра мелькнула и погасла. В страну вернули Людовика XVIII, которому, правда, навязали конституцию, и получилось так, как ни Карл Юхан, ни мадам де Сталь, ни Кан, ни карты графини Паппенхейм не предсказывали…

Маркиз де Рюминьи по случаю счастливого возвращения на трон Людовика XVIII заказал в стокгольмском храме службу Te Deum. Присутствовали на ней в основном второстепенные официальные лица. Наследного принца на ней, естественно, не было. Маркиз предложил Версалю возобновить травлю Карла Юхана, потому что он, по его мнению, заслуживал той же участи, что расстрелянный в Италии Мюрат и сосланный на о-в Св. Елены Наполеон. Но новый министр иностранных дел Франции герцог Арман Эммануэль дю Плесси Ришелье (1766–1822) считал такое занятие ниже своего достоинства. В инструкции маркизу от 15 декабря 1815 года герцог констатировал, что Швеция, ввиду выдвижения на европейскую сцену России и Пруссии, потеряла для Версаля всякое значение, а потому надо просто оставить её в покое. В Париж послом шведского двора осенью 1815 гола поехал уже известный нам старый "кадр" — Густав Лагербьельке.

Авторитет Карла Юхана в европейских дворах, кроме русскою, был к этому времени довольно низким. Зато популярность кронпринца среди шведов стояла на небывало высоком уровне. Его любили, хвалили, им гордились, и было за что. Он компенсировал потерю Финляндии и приобрёл взамен её Норвегию. Он стабилизировал внутреннее и внешнее положение Швеции и заставил Европу с нею считаться. Он успешно решил на Венском конгрессе стоявшие перед страной задачи и обеспечил

поступление в казну значительных сумм денег. Он укрепил, наконец, фундамент для своей будущей династии. Он сделал то, что не удавалось сделать ни одному шведскому королю: ни Густаву II Адольфу, ни Карлу X, ни Карлу XII.

Часть четвёртая
ОСНОВАТЕЛЬ ДИНАСТИИ

Любовь к родине — первое достоинство цивилизованного человека.

Наполеон

21. ПРИНЦ-ХОЗЯЙСТВЕННИК

Будем трудиться, ибо труд —
это отец удовольствия.

Стендаль

Что ж, внешнеполитические задачи были успешно решены. Теперь можно было обратиться к внутренним проблемам. И Карл Юхан продолжил свои усилия над укреплением своего королевства. "*Наследный принц, несмотря на своё отсутствие, продолжает неустанно трудиться над управлением Швецией,* — докладывал посол Сухтелен царю поздней осенью 1815 года. — *Ни одно дело, будь это военным или административным, не решается без предварительного согласования с Его Королевским Высочеством. Несмотря на тёплую дружбу, связывавшую Энгестрёма с королём, он не даёт хода ни одному делу без согласия престолонаследника, потому что опасается попасть к нему в немилость. Этот постоянный обмен письмами, который конечно же вреден для управления, прежде всего наносит ущерб дипломатическим делам… так что самые безобидные ноты иностранных посланников месяцами валяются без всякого ответа*".

В конце февраля 1815 года был созван внеочередной съезд риксдага, призванный подвести итоги внешнеполитической деятельности правительства Швеции и наметить меры по оздоровлению экономики страны, которая пребывала отнюдь не в самом блестящем состоянии. Чисто внешне риксдаг проходил под знаком чествования и восхваления Карла Юхана. Многочисленные депутации вручали хвалебные адреса, в его честь произносились речи и поздравления, представители всех сословий выражали ему свою благодарность за всё то, что он сделал за эти трудные для страны годы.

Карл Юхан инспектирует войска. Карикатура Ф. Дарделя

Но были и проблемы, которые требовали незамедлительного вмешательства правительства. В стране свирепствовала инфляция, от которой больше всего страдало сельское хозяйство. Все ждали от наследника инициативы, и он с присущей ему энергией включился в рутинную работу правительства по исправлению положения.

Риксдаг преподнёс Карлу Юхану также и другие, менее приятные, сюрпризы. В парламенте выкристаллизовывалась оппозиция. Он не привык к оппозиции и особенно плохо представлял её себе в шведском варианте, а потому пришлось познавать всё на практике, набивая шишки себе и раздавая тумаки оппонентам.

Потом Карл Юхан научится и парламентаризму. Он станет работать с риксдагом, пытаться не кричать, а влиять на депутатов, обрабатывать их, приглашать к себе на чай и, естественно, использовать свой "административный ресурс", покупая упрямых и строптивых должностями, чинами и деньгами.

В связи с обсуждением финансов возник вопрос и о Гваделупе. Англия так и не начала ещё выплату компенсации за переуступленный Франции остров, которая составляла солидную сумму в размере 24 млн франков, или 1 млн фунтов стерлингов. Большинство чиновников в правительстве, включая министра

юстиции графа Юлленборга, статс-секретаря Вирсёна, справедливо полагали, что компенсационная сумма за Гваделупу является государственным достоянием, а не личной собственностью короля и его наследников. Максимум того, на что мог бы рассчитывать наследник, было санкционированное риксдагом вознаграждение за его труды.

Наследному принцу, однако, удалось склонить правительство (как пишет Шёберг, не без подкупа и взяток чиновникам) к тому, чтобы предложить риксдагу проект закона, позволявшего королю и его наследнику пользоваться половиной гвадалупских денег в личных целях. Проект, составленный Энгестрёмом и датированный 6 июля 1815 года, предусматривал употребление 12 млн франков на погашение государственного долга Швеции, а 12 млн с соответствующей *вечной рентой* — в пользу наследников шведского трона. Ренту определили в размере 200 тысяч риксдалеров в год, что в два раза превышало размеры апанажа принца. Авторы проекта мотивировали её необходимостью компенсировать потери Карла Юхана, связанные с исполнением им должности наследного принца и имущественными потерями во Франции. В конце июля депутаты приняли соответствующий закон и выразили Его Королевскому Высочеству благодарность за заботу о своих подданных. Поскольку договориться Карлу Юхану с правительством по этому вопросу не удалось, то дело поступило в суд, который долго не признавал права Карла Юхана, но в конце концов сдался, высказавшись напоследок так: *"Это было умно, но не благородно*".

В заключительный период пребывания в качестве наследника престола Карл Юхан, по мнению шведских историков, проявил себя не с самой лучшей стороны. А.-Э. Имхоф также пишет, что 1815–1818 годы относятся к самым слабым в жизни шведского наследного принца: везде проявлялось его недоверие, раздражительность, отсутствие самоконтроля и озабоченность личными финансами. У Карла Юхана был подозрительный характер от рождения, а годы революции и службы в наполеоновской Франции мало способствовали избавлению от этого недостатка. Несмотря на достигнутые успехи на новой родине, Карл Юхан не смог без разочарования пережить крах своих надежд вернуться "на коне" в любимую Францию. В Швеции он всегда чувствовал себя не в своей тарелке и не в последнюю очередь из-за климата. Политический климат в Европе тоже не располагал к покою и расслаблению. Хотя Венский конгресс и подтвердил незыблемость монархического принципа, но нельзя было забывать, что многих монархов, в частности его бывших коллег, с позором прогнали с тронов, выслали из стран, а

некоторых, как, например, Мюрата, расстреляли.

Не так уж и спокойно было и в Шведском королевстве. Совсем недавно убили одного короля, а его наследника арестовали, посадили в тюрьму, заставили отречься от престола и выслали из страны.

Карл Юхан высоко ценил возможности "четвёртой ветви власти" и всегда старался воспользоваться услугами печати в собственных целях. Его рабочий стол всегда был завален газетами и переводами статей из них, к тому же он не прекращал выписывать газеты из Франции. Неудивительно, что дело пропаганды при нём было поставлено на солидную ногу. Он охотно занимался этим сам, особенно в полемике с Наполеоном, "запустившим" в Европу с о-ва Св. Елены свои мемуары, и кроме того, ему много в этом помогали дипломат Лёвеньельм и француз на шведской службе Жозеф Изарн.

А сторонники принца Густава, сына "полковника Густафссона", в Швеции, конечно, ещё не перевелись. 1 января 1817 года, в день именин принца, несколько человек в г. Висбю, напившись до положения риз, провозгласили тост за здоровье "Густава V". Инцидент привлёк внимание Карла Юхана, и сам канцлер юстиции приступил к его расследованию. Суд приговорил участников пьянки к смертной казни, которую, впрочем, заменили пожизненным тюремным заключением. Когда шведский офицер-густавианец, принадлежавший известной старой фамилии Даг-ок-Натт (День-и-Ночь) в 1816 году написал памфлет в пользу "полковника Густаффссона", Карл Юхан не колеблясь приказал приговорить его к смерти, правда, In contumaciam. Но ещё одиознее выглядело т. н. дело кабатчика Линдблума, сфабриковавшего дело о государственном заговоре. Линдблум, старый агент тайной полиции, сделал на ряд лиц донос, которым власти инкриминировали покушение на жизнь кронпринца и его сына Оскара. Ретивый Рудольф Сёдерстрём буквально на ровном месте раздул огромное дело, получившее сильный негативный резонанс за границей, и сумел упомянуть в нём имя королевы Хедвиг Шарлотты. Поскольку Карл Юхан, как потом записала в дневнике королева, слишком ревностно защищал действия чиновника и мало учитывал оскорблённые чувства приёмной матери, между ней и Карлом Юханом возникло отчуждение. Восторженно принявшая семь лет тому назад принца, королева теперь относилась к нему с большой неприязнью.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что никакого покушения оговорённые Линдблумом люди не планировали, а все его обвинения были высосаны из пальца. Но у страха глаза были

велики, и Карл Юхан ещё долго сомневался в своём будущем в Швеции. Вслед за делом Линдблума последовали не менее одиозные дела графа Делагарди и др. Всё это, конечно, мало способствовало укреплению авторитета Карла Юхана как внутри страны, так и за её пределами.

1817 год был неудачным для Швеции: страну поразил сельскохозяйственный и финансовый кризис, и настроение кронпринца было особенно удручённым. Придуманный им метод стабилизировать финансовое положение страны с помощью продажи векселей давал существенные сбои. Скоро в стране разразился т. н. дисконтный кризис, причём часть вины за это лежала и на Карле Юхане, который, вопреки советам экономистов, отказался от идеи государственного вмешательства и государственной поддержки дисконтных банков и вовремя не помог им из государственных резервов. Для решения дисконтного кризиса пришлось снова созывать риксдаг.

Впрочем, принц не сдавался и упорно продолжал разгребать "авгиевы конюшни". Предметом его пристального внимания стали т. н. аккорды — пагубная и широко распространённая, особенно в армии, практика приобретения чинов и должностей с помощью, как бы мы сейчас сказали, "отката", т. е. выплаты денежной компенсации лицам, занимавшим должность или чин. Карл Юхан призвал шведов прекратить практику аккордов: "*Если мы хотим видеть Швецию свободной, счастливой и хорошо управляемой, то аккорды должны исчезнуть. Если мне не помешают, я найду средства, помимо государственных, чтобы осуществить эту меру*" и сделал ставку на организацию для военных нормальных пенсий. Он принимал меры борьбы с нищенством и попрошайничеством, бил тревогу по поводу распространения венерических заболеваний и помогал организовывать благотворительные и медицинские учреждения.

Между тем Карл XIII совсем одряхлел и дышал на ладан. Он забывал иногда, что являлся королём Швеции и Норвегии, что у него был приёмный сын Карл Юхан, призванный из другой страны, он не знал, что живёт в Стокгольмском дворце, а полагал себя в Швеции путешественником. На банкете в честь 55-летия Карла Юхана с ним случился приступ, и через неделю, 5 февраля 1818 года, в присутствии членов правительства и придворных он тихо ушёл из этой жизни. Карл Юхан распорядился на всякий случай закрыть ворота Стокгольма. Настал заповедный час, и нужно было принять все меры безопасности, чтобы никто и ничто не смогло помешать переходу власти.

Жан Батист Бернадот, сын простого французского юриста, бывший солдат королевской армии, бывший князь Понте-Корво,

генерал республиканской Франции и маршал Наполеона готовился стать королём Свеев, Норвежцев, Готов и Вендов.

Он и никто иной!

22. КОРОЛЬ КАРЛ XIV ЮХАН

Когда человек хвастается, что не изменит своих убеждений… это болван, уверенный в своей непогрешимости.

Бальзак

Страна встретила смерть Карла XIII во всеоружии.

Ещё в 1816 году кронпринц высказал предложение о сооружении королю памятника и предложил ему самому выбрать скульптора.

Карл XIII пробормотал в ответ, что не достоин такой высокой чести, но имя скульптора назвал — им стал Эрик Густаф Ёте. Задолго до ухода короля, который, вопреки слабому здоровью прожил ещё два года, страну закрыли для въезда и выезда. Только королевские курьеры и дипломаты могли пересекать границу страны — меры безопасности явно лишние, но жупел "густавианской опасности" всё ещё маячил перед взором кронпринца-чужеземца.

Готторп-Голштинская династия прекратила своё существование. Смена престола произошла 6 февраля 1818 года. В тот же день присягу на верность новому королю Карлу XIV Юхану приняли всеармейские гарнизоны, а на следующий день в верности ему, следуя примеру принца Оскара, поклялись представители сословий в лице созванного по этому торжественному случаю риксдага. Обстановка в столице была приподнятой и полной надежд. Вся страна вслед за Стокгольмом также дружно и без эксцессов присягнула на верность Карлу Юхану. То, за что он так опасался все эти семь с лишним лет, свершилось в полном соответствии с конституцией и шведскими обычаями — гладко, чинно и беспрепятственно.

Послы иностранных государств, среди которых первым был посол России, тепло поздравили короля с восхождением на трон. Поспешил засвидетельствовать своё почтение и принц-регент Англии. Только версальский и венский дворы проявили сдержанность. Людовик XVIII, терпевший Карла Юхана в угоду Карлу XIII, всё-таки выразил удовлетворение тем, что в отношениях между обеими странами наступил старый порядок и что временных поверенных в Стокгольме и Париже сменили полноправные посланники. В кругу же своих приближённых Бурбон продолжал брызгать слюной по поводу того, что на

шведский трон — единственный во всей Европе — уселся наполеоновский "выскочка". Герцог Арман Ришелье, министр иностранных дел Франции при Людовике XVIII, писал временному поверенному в делах Франции в Стокгольме маркизу де Рюминьи: *"Е.В. не питает к принцу предвзятого мнения, но в настоящее время он будет по отношению к нему нейтральным. Поэтому соблюдайте пока сдержанность…*" Если бы было в его силах, то Людовик XVIII с удовольствием заменил бы Карла Юхана на Густава IV Адольфа или его сына. Супруга Александра I, сестра высланной из Швеции королевы Фредрики, тоже ворчала, что династия Бернадота является *"позорным пятном на теле Европы, которая стала снова благопристойной и чистой*". Но открыто высказываться в подобном роде мало кто в "европейском концерте" осмеливался. Кард Юхан, как заметили его приближённые, вздохнул теперь с облегчением, он стал более ровным, спокойным и любезным. *"Небо, судя по всему, благословило мои добрые намерения, ибо вот уже несколько дней подряд мы замечаем признаки Божьего покровительства",* — написал он супруге Дезире в Париж, неожиданно вспомнив о существовании Бога, и просветил беззаботную супругу о том, что "*селёдка, составлявшая основную часть богатства Швеции и на пятнадцать лет покинувшая наши берега, появилась опять и в большом изобилии"*.

20 марта Карл XIII в соответствии с установленным порядком был захоронен в королевской усыпальнице церкви Риддархольмсчюркан. Для присутствовавших на церемонии погребения был сделан сюрприз: в первый раз со времён Кальмарской унии перед народом появилась корона Норвегии. Менее бросалась в глаза новая карта королевства над жертвенником для приношения денег: на ней исчезла Финляндия, но зато появилась Норвегия.

Потом наступило время коронации. Риксдаг постановил выделить на неё необходимые средства. Определили место церемонии — Стокгольмский собор Стурчюрка. Карл Юхан и здесь внёс изменения: он не захотел надевать на голову старую корону Марии Элеоноры, супруги Густава II Адольфа. Из сундуков достали корону Эрика XIV (1533–1577), стряхнули с неё пыль, украсили дополнительными розетками из бриллиантов, сверху прикрепили шар, покрытый голубой эмалью, на него поставили алмазный крест — и корона готова!

В день коронации И мая погода стояла "королеве кая". Ярко светило солнце, было по-весеннему тепло, старый и, слава Создателю, трезвый архиепископ Линдблум совершил обряд помазания и вместе с министром юстиции водрузил на Карла

Юхана корону, и все услышали слова государственного герольда:

— Теперь Карл XIV Юхан — он и никто другой — коронован королём земли Свеев и Готов и подлежащих провинций!

Коронация не прибавляет и не отнимает власти у короля — это Карл XIV Юхан понимал, но она имела для него большое символическое, а потому не менее важное значение. Коронация — это символ соединения верховной власти с народом, освящённый Богом. Для короля-пришельца этот символ был особенно дорог и необходим.

После коронации прошёл военный парад, а потом торжественный обед с большим числом гостей и приглашённых. Король обедал у королевы-вдовы Шарлотты. Как часто бывает на королевских обедах, не обошлось без накладок. Главный недостаток ощущался не в вине, а в еде. Шведам не понравился французский обычай: как только король съедал блюдо, у всех убирали тарелки из-под носа. Гости не успевали ничего съесть, потому что королю приносили блюда первому. Это дало повод одному подвыпившему и не очень знатному гостю, сидевшему на самом краю стола, встать и вслед за герольдом на коронации воскликнуть:

Коронация Карла XIV Юхана 11 мая 1818 года. Неизвестный художник

— Теперь король Карл Юхан — он и никто другой — насытился?

Тостующему повезло — король не понимал по-шведски.

Своим девизом король выбрал слова: "Моя награда — любовь народа", а в качестве именного шифра — сдвоенные буквы "C", обращённые друг к другу, а между ними — латинская цифра "XIV". Девиз быстро перебрался на все шведские и норвежские монеты. Когда один любопытный высокопоставленный чиновник поинтересовался, почему Карл Юхан выбрал букву "C", а не "J" — начальную букву его французского имени "Жан", тот ответил, что он теперь стал "Charles" — Карлом. Жаном он остался только для Дезире.

В Норвегии коронаций не было 304 года. Коронация Карпа XIV' Юхана проходила 7 сентября 1818 года в Тронхейме в церкви Нидара, самом северном средневековом соборе мира, и по пышности и торжественности ни в чём не уступала стокгольмской. Какому-то датчанину пришло в голову "попугать" шведского короля и распустить слух о том, что по пути в Тронхейм на него и принца Оскара будет совершено покушение. Но теперь Карл XIV Юхан на такую чепуху внимания не обращал. Норвежцы встретили своего короля с восторгом и почестями. Именно во время коронационных торжеств в Норвегии произошли крестьянские бунты, но, как утверждают историки, ничего общего с недовольством королём они не имели.

Спустя месяц после коронации в Стокгольме из Базеля Карлу XIV Юхану пришло письмо от свергнутого шведского короля Густава IV Адольфа с поздравлениями и пожеланиями всего доброго на будущее. Кажется, "густавианская" опасность навсегда ушла в прошлое.

Правление короля Карла XIV Юхана внешне мало отличалось от правления кронпринца Карла Юхана. Правда, если раньше свои начинания кронпринц скромно приписывал Карлу XIII, то теперь всю ответственность брал на себя. Больше теперь приходилось заниматься представительскими делами и пришлось чаще прибегать к помощи переводчика. Его выступления последовательно переводились с французского языка на шведский или сразу зачитывались на шведском языке принцем Оскаром.

Кстати о принце, который после коронации отца стал кронпринцем. Весной 1817 года отец произвёл его в генералы. Принц неплохо адаптировался к новой родине, освоил в

совершенстве шведский язык, и народ его полюбил. Оскар рос умным, способным, но не совсем здоровым мальчиком. В 20-е годы, когда Карл Юхан стал задумываться над основанием династии и продолжением рода, кронпринц серьёзно заболел, и были опасения, что он не выживет. На сей раз болезнь отступила, и Карл Юхан занялся подбором подходящих для него невест. Принц отличался любвеобильным нравом и успел завести на стороне любовниц, одна из которых даже родила ему дочь, которую окрестили Оскарой.

Долгое время между стокгольмским и берлинским дворами шли переговоры о браке принца Оскара с дочерью короля Фридриха Вильгельма Александриной. Кронпринц Оскар проявил в этом деле большую самостоятельность и принципиальность и дал понять отцу, что хотел бы окончательно определиться со своей избранницей до достижения 23-летнего возраста и до окончания своего образования и военной подготовки. Король писал супруге в Париж, что был вынужден уступить сыну, признавая его доводы вполне основательными и убедительными.

Потом женитьба Оскара была отодвинута ещё на два года. Невесты со всех сторон осаждали шведский двор, а кронпринц с невестой всё ещё не определился. Некоторые из претенденток уже полумили отказ, некоторых просили подождать, а Оскар разъезжал с матерью по Европе и всё медлил. Наконец, Карл Юхан остановил свой выбор на Жозефине Лейхтенбергской и поставил вопрос ребром: либо принц едет в Баварию на смотрины невесты, либо он немедленно возвращается домой. Ультиматум подействовал, гем более что Оскар был послушным сыном и глубоко уважал отца. Выбор оказался очень удачным, невеста понравилась жениху, а жених — невесте. Теперь дело быстрыми темпами двинулось к свадьбе, и Карл Юхан мог свободно вздохнуть, потому что одной большой проблемой стало меньше.

При Карле XIV Юхане появился важный и невидимый правительственный орган, нечто вроде личной канцелярии короля, получивший название Особенного бюро короля, занимавшеюся переводом документов, книг и газет на французский язык или, наоборот, диктовок короля на шведский язык. Особенное бюро вело также личные дела, включая финансы, Карла Юхана и его переписку. Оно следило за настроениями в стране и поддерживало контакты с агентами тайной полиции.

Почти десять лет рядом с королём стоял друг его детства Луи Мари де Каи (Camps) (1765–1844), известный под прозвищем "двойняшка", которого многие по причине удивительного внешнего сходства считали братом короля. Л.-М. Кан прибыл в Стокгольм, когда Наполеон отозвал из Швеции всех французских

адъютантов Карла Юхана, и поселился в королевском дворце. С ним кронпринц обсуждал французские дела прямо на беарнском диалекте. Л.-М. Кан вёл, как мы уже видели, все финансовые дела Карла Юхана и использовался им в других более щекотливых делах. Собственные дела Кан вёл не так успешно и тщательно, и скоро круг его обязанностей сузился, а потом они прекратились вовсе. Его привычка заниматься с многочисленными подружками любовью прямо в рабочем кабинете вызывала со стороны короля нарекания, пока, правда, он не женился. К тому же "двойняшка" стал открыто критиковать патрона за некоторые необдуманные и неудачные шаги, а это оскорбляло самолюбие короля. К тому же у короля появился блестящий переводчик и умный секретарь Магнус Брахе, и надобность в друге детства отпала. Впрочем, Карл Юхан никогда не бросал его на произвол судьбы, он возвёл его в дворянство, дал ему высокий военный чин, наградил Большим крестом ордена Меча и исправно оплачивал его долги. Л.-М. Кан пережил своего королевского земляка всего на несколько недель и был похоронен в своём поместье Киль на о-ве Вэрмдё.

О друге детства Гре мы уже упоминали выше. Он после 1814 года остался во Франции.

Привлечение в круг своих ближайших помощников и советников соотечественников из Франции, особенно на первых порах правления, вполне понятно. Карл Юхан никогда не забывал свою родину, тосковал по ней, часто приглашал в Швецию своих бывших подчинённых и друзей и по мере возможности пытался помочь им. Отношение шведов к французам было настороженное, многие из них считали, что король злоупотребляет своим положением, раздавая им люкративные должности. Карл Юхан хорошо понимал это и старался держать себя в рамках. Многие известные французы сами приезжали в Швецию и становились почётными гостями короля. Так, в сентябре 1812 года в Стокгольм, проездом из Петербурга, приезжала известная писательница мадам Л.-А. Жермэн де Сталь (1766–1817).

Одним из главных советников и помощников Карла Юхана с 1813 года был швед немецкого происхождения Карл Хенрик (Хейнрих) Рёсляйн (1774–1840), человек весьма сомнительных моральных качеств. Его в 1813 году нашёл в Германии Веттерстедт и порекомендовал кронпринцу. К.-Х. Рёсляйн доказал свою незаменимость Карлу Юхану с первых дней своей службы. В Особенном бюро Рёсляйн возглавил тайную полицию Швеции и с большим рвением повёл борьбу с густавианцами.

На внешнеполитическом фронте дела также постепенно стабилизировались. Нового короля признали практически все

государства Европы, и этого было достаточно, потому что мир тогда ограничивался лишь этим континентом. Правда, Карл Юхан не упускал из виду свергнутого Густава IV Адольфа, но шпионы докладывали, что "полковник Густаффссон" шведскими делами интересуется мало, и король успокоился, но продолжал следить за его сыном, принцем Густавом (1799–1877). Густав, "принц Швеции", а с 1829 года получивший при содействии венского двора титул "принц Васа", в отличие от отца и вопреки уверениям отца продолжал активно претендовать на шведский трон и своими вызывающими действиями портил кровь Карлу Юхану. В 1829 году Карлу Юхану при поддержке других монарших дворов удалось лишить претендента титула "Густав, принц Швеции" (тот удовлетворился титулом "принц Васа") и сорвать его брак с дочерью короля Нидерландов Вильгельма I. Принц Васа женился тогда на своей кузине — на принцессе Баденской. Царь Николай I, в отличие от своего усопшего брата, менее обременённый родством с принцем Васа и его отцом, поддержал Карла Юхана в том, что тоже не признал шведских титулов самозванца.

Венский конгресс, перекроивший карту Европы на монархический лад, проявил сочувствие к датскому королю Фредрику VI и, вопреки условиям Кильского мира, несмотря на усилия шведской делегации, оставил долг Норвегии за Швецией. Карл Юхан, в корне несогласный с таким решением, обратился к главам четырёх основных европейских государств, включая Россию, с просьбой пересмотреть это решение. Участники конгресса практически продолжали стоять на своём и в случае невыполнения Швецией этого условия пригрозили разрывом дипломатических и торговых соглашений. Карл Юхан добился участия в этом споре в качестве посредника Англии, которая занимала теперь по отношению к Швеции более благоприятную позицию. (Дело в том, что Александр I неожиданно стал на сторону своего старого союзника — Дании.) Отношения с Петербургом временно охладели, и Стокгольм сблизился в эти годы с Лондоном. Дело с норвежским долгом тянулось долго, пока на конференции в Лондоне 1 сентября 1819 года не был достигнут компромисс: на Норвегию пришлось 3 млн из 40 млн талеров долга Дании, а Дания под нажимом Англии вдвое сократила свои претензии к Швеции. Норвежцы пытались переложить этот долг на Швецию, но в данном случае победителем вышел король, и норвежцы вынуждены были сами выплачивать свои долги в течение 30 лет.

В 1825 году Швеция оказалась замешанной в конфликте между Россией и Испанией. Швеция продала Колумбии и Мексике несколько своих старых судов и получила за них хорошие деньги.

Колумбия и Мексика вели освободительную войну против Испании, и хотя сделка была совершена в обстановке строгой секретности, через посредников, со стороны испанского короля Фердинанда VII, последовал протест. Страны Священного союза, в частности Россия, выступили на стороне Испании. Суда в Мексику так и не попали, и Швеция была вынуждена сделку об их продаже аннулировать. Прибыль же от сделки с Колумбией не покрыла суммы неустойки, которую шведы должны были выплатить мексиканцам. Отношения с Россией грозили новым конфликтом.

В 1825 году Александр I скончался, и русский трон занял царь Николай I. Подавив восстание декабристов, царь немедленно обратился с посланием к королю Швеции и в любезных тонах напомнил ему о духе сотрудничества между обеими странами, существовавшем в 1812–1814 годах, и, как менее опытный в государственных делах, просил совета. На короля Швеции это обращение произвело положительное впечатление, он почувствовал себя польщённым и ответил взаимностью, так что атмосфера между Стокгольмом и Петербургом стала снова более дружественной.

Ещё в 1814 году Карл Юхан говорил, что правление Бурбонов во Франции будет недолговечным. Он продолжал поддерживать контакты с противниками Бурбонов во Франции и резко осудил расстрел маршалов Нея и Мюрата. Король демонстративно пригласил сыновей Нея в Швецию, где они некоторое время проживали под его защитой. Поддерживал он контакты и с находившимся в итальянской эмиграции бывшим министром полиции Наполеона Жозефом Фуше (герцогом Отранским), сыновья которого тоже жили некоторое время в Швеции.

В 1824 году король Людовик XVIII умер, и ему наследовал брат Карл X, известный своими реакционными взглядами. В 1830 году он затеял свою коронацию в Реймсе, и это переполнило чашу терпения французов. Началась Июльская революция 1830 года, вынудившая Карла X бежать из страны. Королём стал более либеральный и покладистый представитель Бурбонов — Людвиг Филипп, "король Груша". Он вернул триколор на государственный флаг Франции и стая называть себя не "королём Божией милостью Франции и Наварры", а "королём французов".

К этому времени взгляды короля Швеции сильно поправели. Отправляя сына Оскара в 1830 году с дружественным визитом в Петербург, который, кстати, прошёл весьма успешно, Карл Юхан составил для него памятку. В ней говорилось, что Европа стала уже питать некоторое отвращение к идеям всеобщего благосостояния и что народные массы хотят не революций, а

спокойной уравновешенной жизни и порядка в обществе. Они хотят сохранить за собой и увеличить свою собственность. Именно на эту прослойку людей должен опираться любой правитель. Карлу Юхану оставалось, как премьер-министру Людвига Филиппа, бросить в народные массы призыв: "Обогащайтесь!"

В связи с Июльской революцией у Карла Юхана получился досадный "прокол": накануне революции, ещё не получив о ней никаких известий, он направил весьма любезное письмо Карлу X и поздравил его с завоеванием Алжира. Это не помешало ему вслед за этим признать режим Людвига Филиппа, и король французов отблагодарил шведского короля тем, что направил к нему специального посла, одного из сыновей маршала Нея, уже гостившего в Шведском королевстве и всё ещё состоявшего в офицерском корпусе шведской армии.

При учреждении французского посольства в Стокгольме произошёл инцидент, живо напомнивший Карлу Юхану его собственные приключения в качестве посла Франции в Вене в 1798 году. История повторилась, но роли участников событий поменялись: когда французы вывесили на здании посольства трёхцветный флаг, из МИДа Швеции, т. е. от короля Карла XIV Юхана, поступило указание его немедленно снять. Недоразумение, однако, скоро выяснилось, триколор, оказывается, был официально принят во Франции, и вопрос был улажен мирно, без выстрелов.

В октябре 1830 года Бельгия взбунтовалась против Нидерландов и захотела стать самостоятельным государством, и Карл Юхан в духе принципов Священного союза выступил с её осуждением и с критикой Франции, поддержавшей "сепаратизм" бельгийцев. В ноябре 1830 года разразилось восстание в Польше, и Карл Юхан, напуганный тем, что неподходящие идеи могут из Польши проникнуть в его королевство, проявил солидарность с другими европейскими монархами. Народы хотят мира, утверждал он, время завоеваний в эпоху патриотизма кончилось, новые правители Европе не нужны. К его удовлетворению, Польское восстание было подавлено, а мир и спокойствие в Европе восстановлены. Пребывание в клубе королей, таким образом, существенно повлияло на мировоззрение бывшего республиканца. Лейтмотивом его внешней политики стало сохранение в Европе статуса-кво.

В 1833 году отношения с Францией неожиданно ухудшились, и Франция отозвала своего посла герцога Анри Жана Виктора де Сен-Симона из Стокгольма, а Швеция — своего посла из Парижа. Поводом послужила постановка в парижском театре "Пале-Рояль"

двухактного водевиля "Le camarade de lit", в котором главными действующими лицами выступали бывшие революционные генералы. В одном из генералов легко можно было узнать Бериадота. По ходу действия герой водевиля показывал старому товарищу татуировку на теле, гласившую: "Свобода или смерть". Король считал, что всё это было происками французского короля Луи-Филиппа. Конфликт был через год улажен с помощью англичан, обеспокоенных сближением Карла Юхана с Николаем I.

В 1830 году из-за Турции обострились отношения между Лондоном и Петербургом. Россия приняла меры по укреплению Аландских островов, в связи с чем обеспокоенный Карл Юхан вступил в контакт с англичанами. Последовало стремительное сближение двух стран, одновременно Швеция установила тёплые отношения и с Францией. Король французов Луи Филипп приказал высечь имя маршала Бернадота на Триумфальной арке, а его портрет повесить в Версальском дворце.

Петербург заявил шведам протест, и тогда Карл Юхан, обратившись к русскому, английскому и датскому дворам (1833–1834 гг.), сделал знаменитое заявление о нейтралитете Швеции. Он дал указание открыть все гавани Швеции для обеих конфликтующих сторон. Петербург остался при этом в накладе, потому что у России в Балтийском море были свои порты, в то время как Англии эта политика сыграла на руку. Но политика нейтралитета постепенно пробивала себе дорогу, получала признание других держав и становилась постоянно действующим фактором в раскладе сил на континенте.

Впрочем, провозглашённый королём нейтралитет в 1840 году своего испытания не выдержал. Карлу Юхану захотелось вмешаться в восточный конфликт, возникший между турецким султаном и египетским пашой из-за Сирии. Поскольку все крупные державы были втянуты в его разрешение, то король решил, очевидно, напомнить о величии Швеции и вознамерился послать к месту событий шведский флот в помощь бывшим союзникам по антинаполеоновской коалиции. Кронпринцу Оскару и правительству с трудом удалось уговорить Карла Юхана взять своё предложение обратно.

Трения между Стокгольмом и Петербургом имели место и в конце 30-х годов. Швеция задумала построить канал Ёта (Гета), рассекающий страну с востока на запад и рассчитанный на оживление торговли с Великобританией. На о-ве Готланд планировалось создать свободный порт Слите, и при участии Великобритании в 1837 году была создана Слитская компания. Эти планы не понравились России, которая считала, что Ёта-канал станет поощрять контрабанду с запада, а Англия в порту

Слите приобретёт балтийский Гибралтар. Вопрос о канале стал предметом обсуждения между Карлом Юханом и Николаем I во время визита последнего в Стокгольм. Решение отложили в долгий ящик, и король его так и не дождался.

При Карле Юхане получило распространение духовное движение скандинавизма. Старое противостояние с Данией уходило в прошлое, а Норвегия находилась в унии со Швецией. Старт движению был дан летом 1829 года в день Ивана Купалы, когда шведский поэт и епископ Э.Тегнер в Лундском соборе надел лавровый венок на датского скальда А.Эленшлегера. Скандинавские страны одновременно пробудились к необходимости предъявить внешнему миру свою идентичность. Карл Юхан, как всегда, проявил к новомодному течению сдержанность, ибо как реальный политик он опасался, что Дания рано или поздно потребует реванш за утрату Норвегии. Он, к счастью, ошибся: Дания, несмотря на то, что там после смерти в 1839 году короля Фредрика VI стал править Кристьян (Фредрик) VIII (тот самый "летний король" Норвегии!), с потерей Норвегии навсегда примирилась, а скандинавизм счастливо дожил до наших дней. За два года до своей смерти король Швеции заявил датскому представителю, что в случае нападения на Данию Швеция придёт ей на помощь. Скандинавизм одержал победу и над Карлом Юханом.

Король по вполне понятным причинам много времени *уделял* Норвегии. Страна присоединилась к Швеции совсем недавно и не совсем добровольно, и требовалось уделять постоянное внимание болезненным процессам адаптации Норвегии к условиям нового союза. Карл Юхан мечтал о том, чтобы союз двух стран стал менее формальным и чтобы обе страны имели один общий парламент и одно правительство. Мечта эта была, конечно, утопической, потому что её осуществления не хотели норвежцы. Они на протяжении 91 года существования унии только и делали, что во всём противоречили и сопротивлялись шведской гегемонии. Дело ограничилось пока общим королём и общей внешней политикой.

Большие неудобства для короля представлял Основной закон Норвегии от 1814 года, в частности, раздражало то обстоятельство, что вето короля на постановления стуртинга не было абсолютным, однако все усилия изменить закон в свою пользу разбивались об упорство норвежцев. Для утешения Карла Юхана норвежцы увеличили ему размеры апанажа.

Уступил король и в вопросе создания дворянского сословия. Думается, его политика в этом вопросе основывалась не на личных убеждениях, а скорее с оглядкой на Священный союз: что

там могли подумать о его Норвегии, упразднявшей дворянство как класс? Поэтому, как образно выразился норвежец Эрик Бьёрнскау, бывший республиканец и левый политик Бернадот во взаимоотношениях со шведскими и норвежскими либералами *"всё чаще сталкивался в дверях с самим собой"*.

Таким образом, надежды Карла Юхана сделать унию с Норвегией более тесной и сплочённой, не оправдывались.

На внеочередном стуртинге 1828 года король готовился дать норвежцам решающий бой, но отсоветовал царь Николай I. Он сказал, что раз уж норвежцам дали конституцию, то взять её обратно никогда не удастся. 17 мая 1829 года норвежцы вышли на улицы Христиании (Осло), чтобы отметить свой день, и губернатор фон Платен по приказу из Стокгольма двинул на демонстрантов войска. Результат был вполне предсказуем: кроме усиления сопротивления со стороны упрямых норвежцев добиться ничего не удалось. И король снова пошёл на уступки. В 1836 году он предпринял очередную попытку изменить закон о праве вето, но из этого снова ничего не получилось. Он велел отдать под суд премьер-министра Северина Лёвеншёльда, но стуртинг оштрафовав его на 1000 талеров, оставил в должности. Стуртинг — вот кто был главным противником Карла Юхана! Именно норвежский парламент нанёс бывшему победоносному маршалу больше всех поражений и унижений.

Вопреки всем этим событиям популярность Карла Юхана в Норвегии была весьма высока. Народ, в особенности его слабая половина, его любил. Король был заботливым правителем и вникал во все дела. Он устраивал университет, школы и больницы, он узнал, кто в Европе ловит треску, и уделял развитию норвежского рыболовства и судостроения самое пристальное внимание; он построил в Осло королевский дворец (камень в основание дворца был заложен в 1825 году в присутствии королевы Дезидерии).

Во время своей последней почти полугодовой поездки в Норвегию в 1838–1839 годах он был тепло встречен норвежцами. Он снисходительно отнёсся к предложению стуртинга ввести собственный торговый флаг, дал согласие на организацию шведско-норвежской комиссии, призванной отрегулировать вопросы символики, королевского титула (например, норвежцы требовали, чтобы в Норвегии её название шло раньше Швеции, т. е. "король Норвежцев, Свеев, Гогов и Вендов") и имени (в Норвегии Карл Юхан был не четырнадцатым по счёту, а всего лишь третьим!).

Подводя своеобразный итог своего 12-летнего правления, Карл Юхан в обращении к риксдагу 13 марта 1830 года отметил,

что население Швеции увеличилось с 2,5 млн до 3 млн человек, а внешний долг Швеции сократился с 53 до 3 млн рикталеров. За это время существенно снизились налоги, улучшилось законодательство, выросла зарплата государственных служащих, введена пенсионная система и завершилось строительство Ёта-канала.

Последние годы правления Карла Юхана были спокойными и прошли под знаком всеобщего примирения. К старости он стал склонен к многословию и назидательности. Но кто из стариков свободен от этого недостатка?

23. ДЕЗИРЕ

В любви единственная победа — это бегство.

Наполеон

А где же супруга короля? Что с ней?

Правомерный вопрос. Наследный принц, а теперь король Швеции в поте лица трудится и в одиночку, как Геракл, поднимает государственную ниву и чистит авгиевы конюшни, а законная супруга обретается где-то в Париже и неизвестно чем там занимается. В чём дело?

Карл XIV Юхан с семейством. Художник Ф. Вестин

Если шведы считают, что в лице Карла XIV Юхана они получили одного из самых оригинальных королей в своей истории, то королеву Дезидерию можно по праву считать самой оригинальной королевой Швеции, даже если бы она сама по себе

не была сильной и самобытной личностью.

"Дезидерия, королева-вдова Швеции, Норвегии, Готов и Вендов" — так сообщал о супруге Карла Юхана государственный календарь Швеции в 1860 году. Внук-король Карл XV любовно называл её "вдовушкой". Вдова пережила мужа более чем на 16 лет и умерла в возрасте 83 лет.

Королева Дезидерия — её полное имя Эугения Бернардина Дезире — была самым нешведским существом в мире.

Родилась Дезире Клари не в 1781 году, как указывал шведский государственный календарь, а на четыре года раньше. И дело тут вовсе не в женском тщеславии, а в старшей сестре Жюли, которая для себя в качестве года рождения выбрала 1777 год (так ей было удобно предстать невестой Жозефа Бонапарта), следовательно, младшей сестрёнке нужно было родиться позже 1777 года. Логично!

Жозеф Бонапарт скоро был представлен семье, а в 1793 году в поле зрения семьи Клари вслед за Жозефом появился его младший брат — 25-летний бригадный генерал Наполеон Бонапарт, который тут же стал ухаживать за Дезире (будущий диктатор называл её первым именем — Эугения). Молва свидетельствует, что предметом обожания Жозефа на первых порах тоже была Дезире, но Наполеон якобы сказал старшему брату, что ему больше подходит Жюли. *"В добром браке один должен всегда уступать другому*, — сказал он Жозефу. — *Ты нерешителен, Жозеф, такова и Дезире. Мы же с Жюли, в противоположность вам, знаем, чего хотим. Таким образом, тебе лучше жениться на Жюли. Что касается Дезире, то она станет моей женой"*. Старший брат привык повиноваться младшему и беспрекословно выполнил его рекомендацию. 1 августа 1794 года он женился на 23-летней Мари-Жюли Клари, внешне не привлекательной, всего стесняющейся, бледной и худосочной особе, но обладавшей прекрасным характером, красивой душой и многими другими добродетелями и принесшей жениху приличное приданое.

Практичная мамаша Летиция Бонапарт настолько была впечатлена богатством Клари, что посоветовала и "младшенькому" Наполеону не упускать случая и жениться на младшей сестре невестки — на 17-летней Дезире Клари. Генерал Наполеон, с взъерошенной головой, худым и жёлтым, как лимон, лицом, с небрежной одеждой даже по сравнению с Жозефом не выглядел Адонисом. Но за ним уже по пятам ходила слава героя, ему было 25 лет, а он уже был бригадным генералом, так что он в глазах мамаши Клари должен был представлять вполне приличную партию для её младшенькой. Сама же Дезире сразу и

безнадёжно влюбилась в молодого генерала, а тот, не имевший никакого опыта в обращении с женским полом, как нельзя лучше подходил для романтичной и провинциальной любви.

В 1745 году Наполеон переживал самое тяжёлое время: как военный, он не был востребован Директорией, его посылали командовать армией в Вандею и подавлять мятежников, но он отказался, и Директория вычеркнула его из списка активных офицеров. Наполеон остался буквально без средств к существованию.

И тут, на самом пике своего отчаяния, будущий вершитель судеб Европы встречает свою судьбу. Она предстаёт в образе светской львицы и вдовы гильотинизированного генерала Александра Богарнэ — Жозефины Богарнэ. Эта роковая встреча в салоне директора Барраса, куда случайно попадает полуголодный Наполеон, в потрёпанной одежде и в смятенных чувствах" делает жирную точку в любовной истории с Дезире Клари. Та в отчаянии и пишет ему отчаянные письма, но… карета уже проехала мимо. Зато бригадный генерал успевает в самый последний момент прыгнуть на подножку, и теперь он неудержимо несётся к своей заветной цели.

Дезире, следуя за Жюли, вместе со всей семьёй переехала в Париж. Здесь летом 1798 года на её пути встретился ещё один генерал, её земляк Жан Поль Батист Бернадот, только что закончивший свою недолгую дипломатическую карьеру в Вене. О страстной любви между ними речи не было. А потом Дезире, кажется, влюбилась в своего жениха, а жених, ставший мужем, со временем, кажется, полюбил свою жену.

Дезире редко следовала за своим супругом по Европе: лишь после ранения его в 1807 году в Пруссии и во время ганноверского и гамбургского проконсульства она приезжала навестить его (в Гамбург вместе с сыном). Остальное время она проводила в своём парижском доме на рю д'Анжу или в имении Лягранж.

Когда Дезире после краткого визита в Швецию снова вернулась в Париж, мнительный Наполеон стал подозревать её в шпионаже, но потом, убедившись, что головка "фатальной женщины" забита нарядами, приёмами и всякой чепухой, он оставил её в покое. Позже он понял, что Дезире можно использовать в качестве канала связи со своим шведским соперником, и Дезире — худо-бедно — с этой задачей справлялась.

Живя во Франции, она не пользовалась титулами шведской принцессы или королевы, ей больше нравилось быть графиней Готландской. Для французских властей отсутствие у неё

официального титула и положения представляло временами затруднения, особенно в 1812–1814 годах, когда Швеция находилась в состоянии войны с Францией. Ситуация, конечно, была немыслимой: принцесса враждебной страны добровольно проживала во Франции как частное лицо.

В 1814 году между супругами "пробежала кошка". Если годом раньше она с энтузиазмом писала своему Жану Шарлю такие проникновенные слова: *"Чем дольше я живу, тем всё более убеждаюсь, что настоящая дружба существует только у добрых супругов. Она единственное — что делает вызов всем внешним событиям*", то теперь она мрачно говорила оказавшемуся в Париже графу Делагарди: *"Я теперь — не та же самая для принца, как прежде*". Возможно, супруга имела в виду увлечённость Карла Юхана делами, а возможно, пишет Хёйер, она стала проявлять беспокойство появившимися слухами об увлечении Жана шведкой Марианной Коскюлль, кузиной графини Авроры Брахе. Королева Хедвиг Шарлотта, внимательно наблюдавшая за развитием романа, записала в своём дневнике, что камер-фрау Марианна Коскюлль поставила своей целью играть роль *maîtresse en titre*. Впрочем, королева могла быть и не очень объективной в своих оценках, потому что и её дряхлый супруг тоже пытался ухаживать за этой *maîtresse en titre*.

Вероятно, именно поэтому Дезире в 1816 году заявила о своем желании вернуться в Швецию. В этом желании её поддержал сын Оскар и королева Хедвиг Шарлотта, которые писали ей, что шведы хотели бы видеть её на своём законном месте рядом с супругом. Дезире направила в Стокгольм своего приближённого графа Монришара, но граф, прожив в шведской столице с августа по ноябрь 1816 года, вернулся в Париж с двумя поручениями: с официальным — от Карла XIII, передавшего приглашение приехать в Швецию, а с секретным — от супруга, решившего отговорить её от этой поездки. Не известно, которое из поручений выполнил Монришар (мы склоняемся ко второму варианту), но Дезире осталась в Париже и то ли в отместку Жану, то ли в силу своего темперамента влюбилась в другого человека.

Жизнь в Париже была лёгкой и беззаботной. Одной из главных забот её в 1817 году, сообщает Имхоф, была борьба с противными прыщами на лице. Карл Юхан лишь изредка просил супругу выполнить какое-нибудь поручение — в основном финансового порядка.

Граф де Монришар, с 1817 года камергер при дворе Карла Юхана, исправно докладывал королю в Стокгольм о поведении "графини Готландской". Например, он не преминул сообщить Карлу Юхану о том, что его 40-летняя супруга неожиданно

влюбилась в премьер-министра Франции, импозантного и представительного герцога Армана Ришелье! Того самого Ришелье, который после революции ушёл в эмиграцию, служил царю Александру I и которому в Одессе перед длинной лестницей, вошедшей в эйзенштейновский фильм "Броненосец Потемкин", поставлен памятник. Дюк Ришелье!

Любовь не была взаимной, Дезире встретила свой предмет всего пару раз, да и то накоротке.

Итак, Дезире, будучи уже королевой, продолжала порхать по Парижу, нисколько не заботясь ни о супружеских, ни о государственных обязанностях. Платоническая любовь шведской королевы Дезидерии к "дюку" умерла в 1822 году вместе со смертью самого предмета.

Летом 1822 года к ней в Аахен приехал сын Оскар, которого она не видела 11 лет. Принц писал отцу в Стокгольм, что встреча прошла "в радости и удивлении". Принц Сёдерманландский ехал в Баварию свататься к своей невесте, которой пока исполнилось всего 15 лет. Невесту звали Жозефиной в честь бабушки, первой супруги Наполеона, а второе её имя было Наполеона. Она родилась в Милане и была дочерью приёмного сына Наполеона Евгения Богарнэ (1781–1824), вице-короля Италии, и Амалии Баварской. Положительно судьба Бернадотов так или иначе самым неожиданным образом переплеталась с судьбой Бонапартов!

Предлогов для того, чтобы откладывать свою поездку в Швецию, у королевы Дезидерии уже совсем не было, и во время своего пребывания весной 1823 года у Жюли в Брюсселе она приняла наконец решение накоротке съездить в Стокгольм и навестить Жана. Вместе с ней в Швецию должна была ехать и невеста сына Жозефина. Для них в Любеке стоял наготове большой корабль "Карл XIII", на котором морская качка почти не чувствовалась. 16-летняя Жозефина была уже заочно помолвлена с принцем Оскаром и ехала в Швецию на свою свадьбу, чтобы, в отличие от свекрови, остаться в стране навсегда.

К вечеру судно появилось в заливе Стрёммен в виду королевского дворца. С берега слышны были звуки музыки, Дезире и Жозефину встречала вся стокгольмская флотилия. Королева неожиданно почувствовала ревность к Жозефине, адмирал подал ей салфетку, и она стала приветствовать ею собравшиеся на берегу толпы людей. "Карл XIII" бросил якорь, и тогда на борт поднялся король Карл Юхан. Он подошёл к супруге, обнял её и несколько раз поцеловал. К королю с поклоном подошла Жозефина, оказавшаяся, несмотря на свою юность, почти одного роста с ним.

Началась высадка на берег. Все расселись по своим каретам и поехали во дворец. На всём пути народ кричал "ура", и Дезире чуть не прослезилась — так тепло 12 лет тому назад её не принимали.

Повседневная жизнь Дезире, как и её мужа, состояла в общении с людьми, которые говорили по-французски, т. е. главным образом с французами. Если Карл Юхан хотя бы знал некоторые шведские слова и названия титулов, чинов и званий, то Дезире не знала ничего вообще. Потом она, как попугай, выучила несколько слов, не зная их истинного значения. Она полагала, что этого было достаточно, чтобы вступать в беседы со своими подданными. Обычно, приезжая в какой-нибудь провинциальный город, она, как и все королевские особы, не утруждающие себя выбором сложных тем, спрашивала:

— Сколько у вас детей?

— Пятеро, Ваше Величество.

— О, как мило! А вы женаты?

Однажды она отправилась в Сконе к источнику минеральной воды Рам леса. Стояла жестокая засуха. На дорогу вышли несколько крестьян, чтобы поглазеть на королевский кортеж. По наущению местного чиновника они при приближении королевских величеств должны были кричать: "Мы хотим дождя!", что фонетически выглядело примерно как: "Ви виль ха регн!". Королева Дезидерия от счастья и охватившего её восторга не чувствовала под собой ног и немедленно поделилась новостью с сестрою Жюли в Брюсселе. Та узнала, что сконские крестьяне приветствовали свою королеву на чистом французском языке криками: "Да здравствует королева!" — "Вив ля рейн!"

В Стокгольме для Дезире началась монотонная и размеренная жизнь — скучные будни по сравнению с Парижем. *"Жизнь при дворе на самом деле скучна, когда ты не родился в нём",* — сообщила она одной из своих племянниц. Летом и ранней осенью она выезжала на природу, посещала дворцы и замки, бывала пару раз и в Норвегии, которая ей очень понравилась, но больше всего любила ездить на юг в Сконе.

В течение дня королева виделась с королём дважды. "Утром", т. е. в полдень, Дезире поднималась на третий этаж, чаще всего в папильотках и неглиже, бесцеремонно прерывала ход его государственных занятий и обменивалась с "другом Жаном" мнениями по какому-либо незначительному поводу. "Одолжив" из шкатулки супруга ту или иную драгоценность, она удалялась в свои апартаменты. Такое неформальное общение королевской пары вызывало в чопорных дворцовых кругах большое удивление.

В начале своей жизни в Стокгольме Дезире делала попытки

хотя бы обедать вместе с супругом, но постоянно опаздывала к столу и заставала "друга Жана" негодующе топающим ногами и потрясающим перед её глазами часами. От гнева Карла Юхана её не спасала даже шутливая отговорка: *"У моего хозяина невоспитанные часы"*. Начиная с 1826 года они больше вместе не обедали и не ужинали, за исключением, разумеется, каких-то особых торжественных случаев. Вечерами они, правда, иногда пили вместе кофе.

Дезире несколько раз порывалась уехать из Стокгольма, однажды уже запрягли лошадей, чтобы отправиться в путь, но каждый раз это не удавалось сделать. Причина была одна: дружок Жан. Она не могла уехать, не причинив ему боли. *"Когда уже не молод, то и мир не так уж весел, и неважно кто ты: король или пастух"*, — написала она как-то сестре Жюли. *"Никому я здесь не нужна!"* — сообщила она ей в другой раз.

После смерти супруга в 1844 году жизнь для неё изменилась мало. Только ещё больше обострилось чувство одиночества. Но она умела пережить горе и воспрянуть духом. Большим утешением стали внуки — их было целых пятеро: Карл (1826–1872), ставший Карлом XV, Густав (1827–1852), "поющий принц" Уппландский, Оскар (1829–1907), будущий король Оскар II, Август (1831–1872), герцог Далекарлийский и Евгения (1830–1889). Карл Юхан запретил ей разговаривать с ними на французском языке до тех пор, пока они не научатся как следует говорить по-шведски и по-норвежски, и бабушка Дезире отыгрывалась за это подарками и сладостями. Больше всех она любила старшего внука Карла. "Он *станет моим королём"*, — с гордостью говорила она о нём. (Что она имела в виду, не ясно, но внук стал потом королём необычно популярным.) Оскар мечтал стать моряком и тоже стал одним из её любимцев. С Оскаром она обсуждала планы возвращения в любимый Париж, и внук нарисовал для неё специальный корабль "Тор", на котором они поплывут во Францию.

В 1853 году королева Дезидерия в последний раз предприняла попытку вернуться в Париж. На помощь, естественно, пришёл внук Оскар. Главным препятствием для осуществления мечты было Балтийское море — королева ужасно боялась морской качки. Наконец, всё было готово, согласие Жана получено, и огромный поезд из 60 лошадей, с огромным багажом и многочисленной челядью, выехал в направлении Карлскруны, где королеву ждал Оскар, флот и корабль "Тор". Как только Дезире увидела мачты кораблей, она немедленно отдала приказание повернуть обратно. Пришлось вмешаться внуку, и под тем предлогом, что бабушку в Карлскруне ждали власти и целая

толпа жителей города её удалось уговорить продолжить путешествие.

— Ах, Оскар, как я боюсь всех твоих адмиралов! — вздыхала бедная старушка, и сердце её замирало от страха.

Вошли в т. н. королевский дом, где королеву приветствовали гражданские и военные власти флотской базы. Всё было "чинно и благородно", но беспокойство, сомнения и нервозность королевы час от часу только возрастали. Оскар как мог успокаивал бабушку, обещая ей спокойное и комфортабельное плавание.

Всё решило недоразумение. Поднявшись на борт "Тора", королева Дезидерия решила обратиться к одному молодому офицеру, употребив во французской фразе шведское слово "штормить, дуть":

— Молодой человек, не правда ли, на море сильно дует?

Офицер, принадлежавший уже к молодому поколению шведского разночинного офицерства, французским владел плохо, но виду не подал и решил поддакнуть единственной ему знакомой фразой:

— Oui, oui, Votre Majesté! (Да, да, Ваше Величество!)

Королева бросилась к Оскару:

— Оскар! Ты меня обманул! — крикнула она и опрометью бросилась к трапу. В мгновение ока она оказалась на твёрдой суше и побежала к карете. Багаж выгрузить из карет ещё не успели, и поезд немедленно тронулся в обратный путь в Стокгольм.

О странностях королевы Дезидерии рассказывается масса историй и анекдотов. Всех придворных, например, удивлял режим её дня. Она вставала в 3–4 часа пополудни, просила подать "утренний" кофе, потом ехала на прогулку по городу или заезжала в летний дворец Русерсберг и прогуливалась там по парку. Вечерние прогулки совершались уже в полной темноте. Она требовала, чтобы фрейлины одевались в белые платья, чтобы "оттягивать" на себя летучих мышей, которых Дезире, естественно, страшно боялась. Если она собиралась пойти в театр, то всегда опаздывала. Ужин она принимала в полночь, но и после ужина продолжала несколько часов бодрствовать, развлекая фрейлин многочисленными историями времён своей молодости или приказывая развлечь себя чтением вслух. До или после ужина запрягали карету, и королева ехала в парк Юргорден. Кроме кучера, в ночных прогулках участвовали скороходы, охрана и двое слуг. Во дворце Русендаль в Юргордене поддерживали на этот случай в нескольких комнатах тепло: королева имела обыкновение ходить там в туалет. В плохую погоду она приказывала *"settlement"* — "*кругом-кругом*", что означало прогулку

в карете по кругу внутри королевского двора. Карета гремела по булыжнику, и все обитатели дворца просыпались от шума.

— Бабушка прогуливается "кругом-кругом", — говорили внуки, прислушиваясь к стуку колёс.

Бабушка имела также обыкновение прогуливаться по ночам в большой галерее дворца. В период белых ночей она наблюдала оттуда восход солнца. Ночные бдения Дезире были также предметом оживлённого обсуждения среди слуг и охраны. Рассказывают, как один солдат, стоявший на посту, ранним утром увидел, что по балюстраде гуляет какая-то странная женщина, и хотел было принять свои меры, но тут к нему подошёл камергер и сказал, что это королева. Удивлённый солдат, вернувшись с дежурства домой, устроил своей супруге разнос:

— Ты, Стина, привыкла по утрам отлёживать бока, если бы ты знала, что наша матушка-королева встаёт до солнышка и проверяет своё хозяйство!

Бедный солдат удивился, вероятно, ещё бы больше, если бы узнал, что матушка-королева ложилась спать только после восхода солнца!

Королева Дезире пережила всё своё поколение.

В 1844 году умер шурин Жозеф, а в следующем году ушла из жизни любимая сестра Жюли. Умер внук Густав, сын Оскар, потом внук Карл, а бабушка Дезидерия всё ещё жила. Её страшно порадовало рождение у внука Оскара сына Густава, будущего короля Густава V Адольфа. Она присутствовала на коронации своего внука Карла XV в 1860 году и продолжала принимать участие во всех официальных церемониях и торжествах. Её в Стокгольме навестил сын Жерома Бонапарта Наполеон, а во Франции в это время правил Наполеон III, племянник того самого Наполеона. *"Бабушка никогда не умрёт — она просто исчезнет",* — говорили её внуки. Она стала ещё меньше ростом, похудела и временами стала заговариваться. Она без предупреждения навещала своих близких и наблюдала, как играют их дети.

8 ноября 1860 года весь дом Бернадотов отпраздновал её день рождения. Официально ей исполнилось 83 года, на самом деле — около 90.

7 декабря она, как всегда, выехала на вечернюю прогулку, но несколько раньше обычного времени. В Юргордене она спросила, что давали в Королевском театре и присутствовали ли на представлении король с королевой. Ей сообщили, что в театре давали пьесу, за которой шёл балет, и что Карл XV с супругой Ловисой сидят в своей ложе. Она приказала отвезти себя в театр, вошла в здание через специальный королевский подъезд и вошла в ложу. Балет ещё не кончился. И тут она неожиданно

почувствовала себя плохо. Её вынесли из театра и отвезли во дворец. В это время зрители громко аплодировали, и Карл XV с супругой эпизод приступа у бабушки пропустили.

Во дворце Дезире тоже не смогла передвигаться, и её на руках подняли в апартаменты. Сноха Жозефина, тоже уже вдова, успела подойти к ней, когда та прощалась с жизнью.

Говорят, что смерть её была лёгкой.

24. КОРОЛЬ СВЕЕВ, НОРВЕЖЦЕВ, ГОТОВ И ВАНДАЛОВ

Далеко недостаточно показать, что настоящее выше прошлого: нужно ещё вызвать предчувствие будущего, которое выше настоящего.

Бальзак

Король Карл Юхан не принимал парламентаризма в том виде, какой имел место в Великобритании, где король правил, но не управлял. Ему больше подходила старинная шведская формула "король единолично и единовластно управляет государством". Особенно авторитарным было его правление в последние годы, когда он принимал решения вопреки мнению Государственного совета. Министры ограничивались тем, что фиксировали своё несогласие с королём в протоколе. Сам король ни перед кем, кроме Бога, не отвечал, но его советники и министры несли ответственность перед ним, а потом перед риксдагом и судом.

Самым близким другом и советником короля стал граф Магнус Брахе (1790–1844), представитель старейшего шведского рода, чей предок был женат на сестре Густава Васы.

Королевский титул, который достался Карлу XIV Юхану в наследство, лишь отчасти оправдывал своё название. "Король Вендов" был исторической претензией, анахронизмом, сохранившимся со времён Густава Васы и дожившим до времён Густава VI Адольфа (1882–1973). Как же чувствовали себя в таком случае свей и готы? Не очень хорошо, говорит Л.-У. Лагерквист и приводит факты.

Большое внимание король уделял проблеме обороны страны. Мобилизационная система страны, придуманная ещё во времена отца Карла XII, не позволяла быстро и оперативно сосредоточить армию в нужных местах. К тому же всю территорию шведская армия защитить не могла, поэтому была принята концепция т. н. центральной обороны, согласно которой противника следовало заманить в глубь шведской территории, где он должен был встретить сильную оборону. На этот случай было решено создать три мощные крепости-убежища для короля, правительства и риксдага. Была построена всего лишь одна крепость в Карлсборге, на западном берегу озера Веттерн, но Карл Юхан воспользоваться ею не мог, потому что она была достроена уже после его смерти.

Зато вплоть до XX столетия сохранилась придуманная им система призыва и мобилизации армии.

Особой главой в шведской жизни Карла Юхана являлись его взаимоотношения с риксдагом. Конституционная монархия, возникшая в Швеции после революции 1809 года, никак не устраивала его, хотя когда-то он был убеждённым республиканцем. Став королём, Карл Юхан повёл с парламентом борьбу, пытаясь за счёт его ослабления усилить собственную власть. И то, что ему не удалось в Норвегии, он сделал-таки в Швеции. Абсолютистские тенденции особенно ярко проявились в конце его правления. Конституция 1809 года была отодвинута в сторону, и Карл Юхан правил фактически один. Правительство превратилось в исполнительный орган его личной политики.

Первый при Карле Юхане риксдаг 1812 года прошёл гладко и проблем для королевской власти не представил. Если он думал, что так будет всегда, то глубоко ошибался. Шведский риксдаг был таким же "ершистым", как норвежский стуртинг. Пять лет спустя в числе его депутатов появился барон Карл Хенрик Анкарсвэрд (1782–1863) и, поддерживаемый отцом-графом, ополчился против дорогостоящего строительства Ёта-канала и напрасной траты денег налогоплательщиков. Позже он выступил за разоружение! Ближайшие советники рекомендовали королю отдать барона под суд, однако, обвинённый в государственной измене, Анкарсвэрд сумел оправдаться. В 1829 году он на короткое время утихомирился, но потом в содружестве с адвокатом Ю.-Г. Рихертом выпустил брошюру, призывавшую учредить в Швеции однопалатный парламент, как в Норвегии. Естественно, никто к авторам "пасквиля" не прислушался, и Анкерсвэрд снова перешёл в открытую оппозицию к королевской власти.

Другой оппозиционер, Ларе Юхан Ерта (1801–1872), отличился тем, что в 1830 году учредил первую настоящую политическую газету в Швеции под названием "Афтонбладет". Это тоже был предатель своего класса — дворянства. Войдя автоматически в риксдаг, он начал там мутить воду и организовал дискуссионный клуб. Ко всему прочему он был успешным предпринимателем, владел стеариновой фабрикой и ни от кого не зависел и никого не боялся. А если прибавить, что Ерта был журналистом от Бога, то можно было себе представить, какую мину при каждом выпуске "Афтонбладет" делали в королевском дворце. Конфискации, аресты номеров и лишение лицензионных прав помогали мало: газета продолжала выходить, а Ерта продолжал выступать со своими реформистскими идеями. Как только газету закрывали, она тут же выходила под новым названием: "Другая "Афтонбладет", "Третья "Афтонбладет" и так

далее до 23! Это было остроумно и смешно — смеялись над властями. Карлу Юхану смешно не было.

"Дела о государственной измене стали обычными в практике Карла Юхана", — пишет Ё. Вейбулль.

В 1828 году Карл Юхан вошёл в противоречие с риксдагом по финансовым и экономическим вопросам. В это время он произнёс историческую фразу о том, что допускает, что в Швеции можно найти более способного и сведущего человека в военном деле, чем он, но вряд ли найдётся более компетентный в вопросах экономики. "*Потомки не так уж убеждены в этом!*" — пишет по этому поводу Лагерквист. Возможно, что Карл Юхан на самом деле был профаном в экономике и финансах, но факт состоит в том, что он проявлял к этой сфере управления живой интерес.

Риксдаг 1834–1835 годов был менее удобным для власти. Идеи либерализма проникали повсюду, либералы были теперь во всех группах риксдага, и противостоять им не было силы, а главное — идей. Почти все газеты были настроены оппозиционно и по отношению к королю, и к "засилью Брахе". Для королей в Швеции наступали сложные времена. Разочарованный Карл Юхан, оставив "на хозяйстве" сына Оскара, осенью 1839 года на целых полгода удалился в Норвегию.

На риксдаге 1840–1841 годов оппозиция ухватилась за т. н. кабинетную кассу Карла Юхана. Кабинетная касса была составной частью бюджета страны и обслуживала внешнеполитическую деятельность Швеции, а теперь и Норвегии, а точнее сказать, это была касса для выплаты зарплаты дипломатам. Касса не была изобретением Карла Юхана, она возникла задолго до него и использовалась также для покрытия некоторых секретных расходов, о которых не знало даже правительство. К моменту созыва риксдага в кассе возник большой дефицит, часть его покрылась за счёт займа, гарантами которого выступили сам король и принц Оскар. Но во время ревизии это обстоятельство обнаружилось и стало предметом обсуждения на риксдаге. В конечном итоге Карл Юхан взял все долги кассы на себя, для чего ему пришлось одалживать 400 тысяч рикталеров у гамбургских банкиров. Этот долг удастся погасить лишь его сыну Оскару I.

Завершение работы риксдага было отмечено торжественным обедом, в котором приняли участие все депутаты риксдага, члены правительства, Карл Юхан, королева Дезидерия и кронпринц Оскар. О том, как проходил этот обед, рассказал в своём письме супруге пробст из Хэрадсхаммара Кристьян Стенхаммар (1783–1866), депутат от церкви — один из тех либералов, кто своей задачей ставил не упростить, а усложнить жизнь короля и его министров:

"Обед сервирован в 4 залах — каждый для своего сословия. Кроме основного стола, на котором стояла дорогая позолоченная фарфоровая посуда, был подсобный для нужд обслуживающего персонала. В зале, прямо перед нашей, где кушало дворянство, разливали водку. За каждым столом сидел хозяин, старший камер-юнкер, у нас — барон Алджернон Шернэльд. Нам подали рулады и суп (нам — с фрикадельками; полагаю, суп был черепаховый, потому что не похож на обычные рыбу или мясо), потом обычную говядину с картофелем, налима (очень дурно приготовлен), фрикассе из кур с вальдшнепами (ужасно жёсткие)… потом ещё какую-то чертовщину, никому не известную (возможно, это была капуста со сложенными друг на друга чёрно-коричневыми листьями, которые на тарелке выглядели, как кровяная колбаса, попробовал кусочек — наполовину гнилая и дрянь порядочная — и выплюнул обратно), засим нечто вроде макаронного пудинга (жирный и невкусный), жаркое из птицы, пироги на масле — два тонкие сложенные друг на друга ломтика с желе из морошки, за ними варёный чернослив, пара желе, бланманже с мороженым, потом виноград, изюм и миндаль и немного конфет, но очень мало, так что с собой можно было взять всего одну. Сначала налили мадеры и портвейна, потом красного вина под названием лафит (на столе стояло обычное красное столовое вино) и, наконец, шампанское. Обслуживание было внимательное и тщательное — никакой небрежности. Пока ешь, официант стоит и ждёт с новой тарелкой. Я попросил налить ещё стаканчик мадеры, когда кончилась, и сразу получил! Здесь можно научиться быть нескромным. С шампанским, которое наливали обильно, пили здравицы в честь Короля, Королевы, Кронпринца и прочего Королевского Персонала, за сословия риксдага и объединённые королевства. Когда за здоровье Короля пили дворяне, то они громко кричали "ура". За нашим столом запели народные песни. Тоже получилось недурно — как и при здравице в честь Кронпринца. Тосты за старушку сопровождались молчанием… Потом подали кофе и ликёр".

Да, трудно было угодить такому типу, как пробст Стенхаммар, настоящему тургеневскому Хорю! Можно было подумать, что он у себя дома получал более вкусную и обильную пищу, чем за королевским столом. Карлу Юхану можно было только посочувствовать: трудно было иметь дело с такими оппонентами в риксдаге, если они за его же угощение платили чёрной неблагодарностью, да ещё прятали конфеты по карманам, чтобы угостить ими своих домашних!

25. ЗА КУЛИСАМИ ТРОНА

Нравы — это люди, законы — разум страны.

Бальзак

Уроженец Беарна всю жизнь тосковал по Франции, но он стоически выносил все тяготы своей "службы" в Швеции, и время от времени эта тоска прорывалась наружу. Одним из любимых занятий Карла Юхана были инспекция войск и парады. Он всегда чувствовал себя солдатом. Фритц фон Дардель, сын швейцарца и шведки, прибывший в Швецию, чтобы получить военное образование, стал известным художником и оставил после себя много рисунков времён правления первого Бернадота, включая и самого короля. Он вспоминал: "5 *летние месяцы обычно маршировали и муштровали. 24 июля 1837 года мне представилась возможность с близкого расстояния увидеть Карла XIV Юхана, когда он продефилировал вдоль нашей шеренги, фиксируя орлиным взглядом каждого солдата. Его голова при этом была гордо откинута назад, а его походка живо напоминала опереточного короля, шествующего во главе процессии. Всё в нём выдавало настоящего "маршала империи". И хотя на меня эта театральность не произвела впечатления… я не мог не любоваться благородной осанкой и всё ещё не потухшим взором этого старика".*

Портрет Карла XIV Юхана в последние годы жизни. Художник Ф. Вестин

— Представьте себе, — в шутку сказал король как-то одному иностранному визитёру, — что я, бывший маршал Франции, — являюсь всего-навсего королём Швеции и Норвегии!

В шутке, конечно, была горькая доля правды. Кто был этот иностранец, перед которым разоткровенничался король Швеции? Уж не Николай ли Первый, нагрянувший со своим молниеносным и незаявленным визитом в Стокгольм?

В дипломатической практике того времени государственные визиты были не так уж и часты. Сам Карл Юхан не отдал ни одного такого визита какому-либо иностранному монарху. Русские цари до Бернадота никогда не ступали на шведскую землю, и вот случилось! Нежданно-негаданно, без приглашения (!), в шведскую столицу пожаловал царь!

…10 июня 1838 года в Стокгольм зашёл русский пароход и стал на якорь. Его ждали, потому что на его борту должен был находиться царевич Александр, будущий император Александр И, прибывший с ответным визитом к кронпринцу Оскару, уже побывавшему в Санкт-Петербурге. Накануне этого события французский посол в Стокгольме Морнэ обратил внимание на то, что в официальной программе русского царя месяц июнь почему-то не упоминался, а было известно, что Николай I любил

наносить визиты-сюрпризы. В шведском королевском дворце на этот момент, кажется, никто внимания не обратил.

Для русского наследника в основном королевском и в летнем дворце в Русерсберге подготовили гостевые апартаменты. Согласно заранее утверждённой церемонии, цесаревича Александра должен был забрать с парохода шведский катер. На набережной, у Лугордского причала, что прямо напротив дворца, его должны были встретить высшие должностные лица королевства и провести во дворец.

Всё сперва шло согласно протоколу. Шведы подали к пароходу катер, катер взял с борта цесаревича Александра и отчалил, держа курс на причал, что напротив королевского дворца. Но как только шведский катер с гостем отошёл от парохода, там быстро был спущен свой катер, в него спустились два господина, один из которых был высокого роста и с голубой лентой через плечо. Оба катера причалили к Лугордской лестнице почти одновременно. Господин с голубой лентой сошёл на берег, протиснулся через толпу встречающих и любопытствующих шведов, легко преодолел ступеньки лестницы и быстрым шагом пошёл ко дворцу. За ним шёл господин, которого, кажется, в Стокгольме уже видели. Ну как же! Это был граф Константин Сухтелен, генерал-майор, генерал-адъютант царя Николая и сын бывшего посла России в Швеции Пауля (Павла) ван Сухтелена! Он тут знал всех и вся и уверенно вёл высокого господина к цели.

Карл Юхан в это время сидел в своей комнате то ли в рубашке с закатанными рукавами, то ли в халате и читал газету. Неожиданно в комнату с криками: "Сир, император!" ворвался граф Магнус Брахе. Он стоял у окна и наблюдал за процессией, высадившейся у Лугордской лестницы и среди высадившихся из русского катера персон узнал царя Николая. Король был чрезвычайно удивлён, полагая, что произошло какое-то недоразумение и что Брахе цесаревича перепутал с царём. Недоразумение тут же прояснилось: открылась дверь спальни-кабинета, и в проёме Карл Юхан увидел Николая I! Вот так русские императоры наносили визиты свои коллегам!

Монархи обнялись, дверь за ними поспешили закрыть, и о чём они говорили в эти минуты, осталось тайной. Вероятно, Карл Юхан извинялся за свою одежду, а довольный Николай, обняв его за плечи, водил по комнате, громко хохотал и спрашивал: "Что, Ваше Королевское Величество? Не узнали?" С тех пор как маршал Бернадот встретил 17-летнего царевича Николая в Париже, прошло уже 24 года. Зрелище двух великанов — одного в затрапезном халате, другого — в парадном мундире — было

достойно кисти художника-юмориста Дарделя.

В распоряжении короля Швеции было всего полчаса, чтобы переодеться и встретить императора России "во всеоружии". Николай I объявил, что прибыл в Стокгольм с дружеским визитом инкогнито и хотел бы остановиться в апартаментах, выделенных для его сына На том и порешили. Король был чрезвычайно рад неожиданному визиту: отношения с Россией были прекрасными, особенно после того как Швеция поддержала Россию в войне с Турцией (разумеется, морально) и в некоторых других вопросах. Николай I обращался с Карлом Юханом демонстративно вежливо и внимательно — как к старшему. Когда оба монарха со своими свитами верхом на лошадях выехали на ознакомительную прогулку по шведской столице, царь намеренно сдерживал своего коня, чтобы оставаться на полголовы сзади короля. Русскому императору показали что могли, в том числе и процесс обучения шведских солдат, и гарнизонный госпиталь в Кунгсхольмене. Император был чрезвычайно доволен посещением госпиталя и выразил восхищение всем, что там увидел, заявив, что ничего подобного ему видеть раньше не приходилось.

Разумеется, в районе Ердет показали парад. Оттуда через понтонный мост поехали в Русендаль, где на фарфоровом заводе императору продемонстрировали порфирную вазу, которую через несколько месяцев доставили в Петербург в качестве подарка от Карла Юхана.

Визит длился два дня и закончился большим праздником во дворце. Николай I в полночь так же незаметно, как прибыл, покинул дворец через чёрный ход, так что его свите пришлось сломя голову мчаться к набережной, чтобы успеть соединиться с ним на пароходе. Царевич Александр остался в Стокгольме ещё на несколько дней. Карл Юхан ещё долго вспоминал и рассказывал об этом неожиданном и радостном событии. А.-Э. Имхоф утверждает, что родившийся в 1831 году внук короля Август получил второе имя "Николай" в честь русского самодержца. Вероятно, тоже "инкогнито", потому что в официальных календарях Швеции оно нигде не фигурирует.

Жизнь правителя страны состоит не только из государственных обязанностей. Кроме присутствия на заседаниях правительства, открытия риксдага и памятников, посещения заводов, приёма иностранных послов, инспекции армии и флота, показываться на глаза своим подданным, существует ещё частная жизнь, состоящая из обычных бытовых мелочей, которыми живут все обычные люди.

Шведы шутили, что в стране с приходом к власти Карла

Юхана установилось *"спальное правление*". В этом была большая доля правды, король много времени проводил в своих апартаментах, в частности, в спальне, где он в халате и в тапочках принимал министров, знакомился с бумагами и давал указания.

Выманить короля из спальни могли только какие-нибудь чрезвычайные обстоятельства. К таким "важным" причинам принадлежали пожары. Тогда король на ходу одевался, в спешке набрасывал на плечи 1–2 мундира, засовывал ноги (иногда в тапочках) в сапоги и мчался к месту происшествия. Зрелище было потрясающее: огонь, крики, суета и на фоне всего этого — вырванная из темноты импозантная, воистину королевская фигура Карла Юхана, который с надменным и невозмутимым видом указывает, куда тащить шланг с водой и в какое место направлять струю брандспойта.

Король принадлежал к человеческому типу "сов", которые не любили вставать рано утром. Конечно, когда походная жизнь требовала, он мог встать и с петухами, но такой необходимости в Швеции не возникало, и он предпочитал там "просыпаться естественно" — эдак часиков в одиннадцать. Он звонил, приходил камердинер и приносил на подносе в огромной чашке любимый cafè-au-lait, который он выпивал ложечкой. Потом приходили сотрудники Особен нот бюро или канцелярии, делали переводы и приводили в порядок бумаги. Однажды король вызвал к себе одного статс-секретаря к 9 часам у гра, попросив разбудить его "пораньше". Это запомнилось.

Если "утренние" посетители видели, что Карл Юхан поправляет на голове ночной колпак, то они знали, что сон у короля был хороший и он находился в прекрасном настроении. В плохом настроении Карл Юхан мог накричать и устроить разнос по самому незначительному поводу. Особенно доставалось от него шпиону и сотруднику Особенного бюро Рёсляйну: его часто видели плачущим у ног короля, в то время как над его головой "грохотал гром и сверкали молнии".

В 12.00, а то и позже, король вставал с постели и в ночной рубашке представал перед слугами во всей своей мужской красе. *"Статный и представительный мужчина!"* — вспоминал один из его камердинеров. Потом он влезал в шлёпанцы, и сразу приходил с докладом неизменный граф Брахе, который перед визитом к королю успевал принять у себя кабинете несколько просителей. За туалетом король проводил около часа, причём главное внимание уделялось его причёске, потому что свои волосы у него уже стали выпадать. Пока волосы короля накручивались на папильотки, нагревались и расчёсывались,

доклады шли как ни в чём не бывало.

После того как король был одет — в последнее время он надевал цивильный костюм, — приходил адъютант или камердинер и приносил на тарелке высокий накрахмаленный батистовый платок. Король использовал его в качестве плевательницы — он страдал обильным выделением слюны и хроническим насморком. Перед употреблением он щупал платок пальцами, проверяя, хорошо ли он был накрахмален и выглажен. Когда эта процедура вводилась в обычай, им была выбракована масса платков. Он бросал их на пол и делал виновным разнос. Слуги, однако, скоро приноровились и, подобно нерадивым официантам в ресторане, повторно приносившим забракованные блюда клиенту, на следующий день являлись к королю с теми же платками. И всё проходило без скандала.

Затем король садился завтракать — обычно с заведующим Особенным бюро. За завтраком очередь докладывать переходила к статс-секретарю. Здесь обсуждались повестка и порядок следующего заседания Государственного совета и подписывались различные документы.

— В какую машину для подписей превращается король Швеции! — вздыхал он, ставя свою подпись под очередным документом.

И в самом деле, в год ему приходилось визировать не менее 12 000 документов — от назначения на должность какого-нибудь юнкера до ратификации соглашения с каким-нибудь государством.

Потом наступало время отвлечься от нудной работы. Для Карла Юхана это означало выпить чашку бульона с куском белого хлеба, посмаковать бокал красного вина, разбавленного водой. Время приближалось к 14.30 или около того. Работа за столом продолжалась.

Раз в неделю король в комнате перед спальней в порядке живой очереди, без всякой предварительной записи и проверки людей, принимал просителей. Если беседа с просителем заканчивалась удачно, король дарил ему медаль со своим изображением. Запас медалей был солидным.

Раз в неделю было заседание правительства. Карл Юхан имел обыкновение на него опаздывать, и чтобы министры в ожидании не умерли с голода, им в зале заседания стали накрывать стол с холодными закусками и графины с вином. В обычное время министры вырабатывали точку зрения на тот или иной вопрос на совещаниях без участия короля, и статс-секретарь потом докладывал их мнение в спальной комнате Карла Юхана. Как мы уже говорили, на докладах статс-секретаря присутствовал

заведующий Особенным бюро — сначала Юхан Хюбнер Хольст, а потом граф Эрик Август Левенхаупт, которые фиксировали окончательное решение короля на французском языке.

Статс-секретарь Георг Ульфспарре оставил о "спальном режиме" управления страной любопытные воспоминания, в частности, о привычке короля опрыскивать всех своих посетителей одеколоном, бутылка с которым всегда была у короля под рукой. Привычка появилась, когда Карл Юхан был ещё кронпринцем и часто бывал у короля Карла XIII, заядлого курильщика и любителя шнапса. Карл Юхан не выносил грязи и запаха табака и спирта, и приходя обратно от короля, обливал себя одеколоном, чтобы заглушить ненавистные запахи. Не баловали себя шведы и соблюдением личной гигиены, так что обычай был нужным для короля и полезным для его подданных. Г. Ульфспарре писал:

"Доклады делались обычно в спальной комнате короля. Карл Юхан сидел перед туалетным столиком — обычным, четырёхугольным столом, похожим на игорный. Напротив него сидел первое время генерал Хольст, а после его смерти — граф Эрик Левенхаупт… Кроме меня и Хольста в спальной никого не было. Как только я входил и получал свою порцию одеколона, обычно сопровождаемой словами: "Адъё, Ульфспарре, как дела?", сказанными более-менее в радостном и дружеском тоне, в зависимости от настроения в данный момент, служившем мне барометром, показывавшим бурю или ясную погоду, я получал приказание взять кресло и присесть третьим за стол… Мой доклад происходил таким образом, что я заранее в отдельном списке составят краткие рубрики по каждому делу — список, который король любезно называл liste du rapport или liste du travail и который занимал один или несколько листов писчей бумаги… Этот список я сдавал Хольсту, который зачитывал рубрику вслух, а я делал подробные пояснения по делу… После того как король принимал решение, Хольст записывал его рядом с рубрикой на свободном месте листа. Разумеется, все записи на списке делались на французском языке".

Обычно король соглашался с мнением министров, но бывали и исключения, и тогда дело передавалось на дополнительное обсуждение, если, конечно, Карл Юхан не настаивал на собственном решении, что с годами случалось всё чаще и чаще. Король был нетерпелив и горяч, но проявлял большое терпение к "увальню" Хольсту, который делал всё очень и очень медленно, но зато тщательно и аккуратно. Когда доклад статс-секретаря заканчивался удачно, король любил рассказать какой-нибудь случай из своей прошлой жизни. Однажды он рассказал о беседе в

1789 году со своим полковым командиром, дочь которого была замужем за французским послом в Стокгольме.

— Видите ли, Ильвспар, — обратился он по-французски к статс-секретарю Ульфспарре, — это было во времена, когда я был республиканцем, а теперь я роялист. Понимаете?

— Конечно, сир, — ответил тот, — очень хорошо понимаю, и на это у меня есть все основания.

Официальные королевские обеды Карл Юхан не любил, устраивал их редко и, приноравливаясь к шведским обычаям, назначал их между 17.00 и 18.00, что было поздновато для стокгольмцев и рановато для короля. Более известны и популярны были интимные "камерные перекусоны" в апартаментах Карла Юхана, так сказать, в "узком кругу ограниченных лиц". "Перекусону" предшествовало чтение газет с переводом со шведского языка, после которого Карл Юхан бурно выражал своё недовольство, и беседа, во время которой говорил в основном Его Величество. Часам к 17.00 в комнату по винтовой лестнице поднималась королева Дезидерия — в неглиже — поболтать на короткое время или подобрать в шкатулке какое-нибудь украшение.

Часам к 20.00 — не ранее — начинался "перекусов".

Он накрывался на четыре персоны — максимум на пять — в той же хорошо подогретой комнате перед спальней короля, в которой он принимал просителей. Дезире, никогда не соблюдавшая часов, в последние годы на этих вечерних перекусонах отсутствовала, но приходила к мужу после их окончания выпить вместе чашку кофе и рюмку ликёра. Постоянным участником ужина был граф Магнус Брахе, однажды этой чести удостоился упоминавшийся выше статс-секретарь Ульфспарре. Он вспоминает, что королю подавались особые блюда, и как только он съедал его, оно тут же уносилось, и перед ним ставилось другое. Король употреблял белый французский хлеб и к каждому блюду отламывал кусок от длинного багета. Кроме дежурных 12 блюд, повару приказывалось держать наготове ещё штук шесть кушаний, потому что король часто "выбраковывал" еду и просил её заменить новым блюдом. При индивидуальном потреблении пищи перед Карлом Юханом всегда ставили варёное яйцо в подставке — на случай, если заказанные блюда оказывались для него несъедобными.

Среди вин всегда были в наличии мадера, портвейн и шерри и редко — для гостей — водка. Подавалось и шампанское двух сортов — Мумм, а также вина, в частности, марок Бордо Шато Лафит, Шато д'Икем, Фронтиньяк, Граве, Медок № 1 и № 2 и др., а также коньяки и ликёры, импортированные, разумеется,

непосредственно из Франции. Из шведской кухни, которую все иностранцы признавали никуда негодной, Карл Юхан признавал лишь бульоны и печёные яблоки и в основном питался привычными для него омлетами, цыплятами, телятиной и рыбой, а также зеленью и грибами. Из грибов он предпочитал белые, которые потом стали известны в Швеции под названием гриба Карла Юхана. (Шведы тогда грибов не ели вовсе, а гриб Карла Юхана до сих пор презрительно называют "коровьим" и считают ядовитым.)

Рассказывают, что при посещении крепости Марстранд в 1837 году королю подали необычно вкусные блюда, среди которых был и любимый им омлет. Выяснилось, что приготовлены они были известным в стране вором по имени Лассе-Майя, прославившимся своими переодеваниями в женское платье и отбывавшим свой срок в крепости уже 18 лет. Его вызвали к королю, похвалили и предложили помилование.

Помилование вором было принято с благодарностью, но с оговоркой, чтобы зимние месяцы он проводил в тюрьме. Это королю понравилось: он и сам не любил шведскую стужу!

…После "камерного перекусона" король принимал иногда министра полиции Клаэса Ульрика Нермана или ещё кого-нибудь. О появлении Нермана во дворце камердинер извещал Карла Юхана загадочной фразой:

— К Вашему Величеству пришёл Некто.

После этого все гости уходили, и Некто материализовывался в главного полицейского Швеции, проникавшего во дворец через чёрный ход. Нерману подавали сигнал, и он мог спокойно входить к королю и делать свой доклад.

"День" короля заканчивался далеко за полночь. Король желал всем доброй ночи и ложился в свою подогретую постель. Температура в спальне поддерживалась на уровне 22–24 градусов Цельсия. Все двери тщательно закрывались на замки и даже забаррикадировались на ночь мебелью — привычка, усвоенная с первых дней нахождения в Швеции. Король всё время боялся заговора и не оставлял заговорщикам никакого шанса. Пока суть да дело, он из спальни мог спастись через запасной выход. Адъютанты располагались в соседней комнате и убивали время за пуншем или вообще ложились спать.

Последний "камерный перекусон" имел место 21 января 1844 года за полтора месяца до смерти короля. Протокол зафиксировал присутствие на ужине графа М. Брахе, баронов Карла Арвида Ловисина и Густава Адольфа Коскюлля, графа Рейнхольда фон Росена и адъютантов майора С.-Г. Тройля и капитана Л.-Х. Вестфельта. Было накрыто два стола: за одним

столом ужинали король с Брахе, а за другим — все остальные. В меню значились: лобстер и куриная колбаса, телячьи котлеты, фрикандо из телятины, солёная отварная треска, зелень, яйца всмятку с трюфелями (из 35 яиц!), зелёный горошек в масле с яйцом, телячьи отбивные (второй раз!), десерт из яблок под соусом, пирожные и печёные яблоки. Запивали всё это красным и белым вином Жюрансон из По, кофе "мокка", а заключали всё небольшим "avec" — коньяк, ликёр, фрукты, конфеты.

Кухонный персонал был многочисленным и занимал в королевском быту большое место. Шеф-поваром в последние годы жизни Карла Юхана был, разумеется, француз Антуан Дюрбек. Обслуживали подачу еды шведские и французские камер-пажи и камердинеры. Сзади каждого гостя за столом стоял камер-паж, а за королём — два.

Фамилия "Коскюлль" уже дважды встречалась на страницах нашего повествования. В первую очередь её упоминание связано с баронессой Марианной Коскюлль (1785–1841), фрейлиной двора Карла XIII и супругой генерал-адъютанта и министра в правительстве Карла Юхана. Здесь следует заметить, что Бернадот в молодости, да и в зрелые годы, заслуженно пользовался повышенным вниманием у женщин. Недаром его в молодости звали "сержантом с красивыми ногами". Ходили слухи, что у него была внебрачная дочь, которая якобы умерла в возрасте года. Слухам о любовных похождениях короля и его интимной связи с М. Коскюлль способствовало, несомненно, и то обстоятельство, что супруга Дезире слишком долго проживала отдельно от него в Париже. Впрочем, как свидетельствуют многие историки, роман с прекрасной баронессой имел место на самом деле. Карл XIII тоже клал глаз на хорошенькую фрейлину, но куда было дряхлому старику тягаться с сержантом с самыми красивыми ногами во Франции и её окрестностях!

Другие же многочисленные любовные истории при ближайшем рассмотрении оказываются мифами и выдумками заинтересованных лиц.

26. ОТЕЦ НАЦИИ

Одно из прекраснейших преимуществ ума — то, что он доставляет человеку уважение в старости.

Стендаль

"Как французский генерал и маршал Наполеона Бернадот никогда не был крупным полководцем, — утверждает Ё. Вейбулль. — *Его способности как штабного офицера и организатора, напротив, неоспоримы*". Если первая часть цитаты порождает у нас некоторые сомнения (в частности, полезно было бы узнать, что шведский историк имел в виду под понятием "крупный полководец), то со второй её частью согласится каждый.

Д. Сьюард даёт королю следующую характеристику: "Он *был одарён, энергичен, безжалостен и в придачу — огромный лжец, пусть даже весьма очаровательный*…" Милый лжец — это совсем неплохо для одного из выдающихся маршалов Наполеона и короля Швеции и Норвегии!

Князь Понте-Корво долго чувствовал себя неуверенным на троне Швеции и никогда не думал, что ему придётся остаться в этой чужой и неуютной стране навсегда. Поэтому он всегда заботился о своём материальном состоянии. После того как Наполеон отказал ему в поддержке и его недвижимость во Франции была конфискована или продана, он должен был подумать и о своём будущем, и о будущем своей семьи. В бедной, погрязшей по уши в долгах Швеции он не мог рассчитывать на безбедное существование. Более того: шведы сами ждали от него помощи, и он щедро делился с ними собственными средствами и, как мог, поддерживал шведскую казну.

Если на первых порах Карл Юхан опасался густавианцев, то во второй половине его правления всё больше проблем стали создавать либералы. Королю требовались большие усилия для того, чтобы защитить теперь свою власть от внутренних посягательств, а для этого нужно было иметь хорошо отлаженный полицейский и пропагандистский аппарат, а чтобы создать такой аппарат, нужны были деньги. Деньги были постоянной заботой Карла Юхана, он пытался даже играть на колебаниях курса валюты в Европе, для чего пустил в ход деньги т. н. кабинетной кассы, но, как мы уже писали выше, затея эта с треском провалилась, и вместо прибыли были одни потери. К тому же

риксдаг обнаружил эти "злоупотребления" и устроил королю скандал.

О финансах короля ходили самые разные слухи. Источником злостных и ложных сведений о "богаче-короле" был, в частности, мемуарист и бывший гофмаршал двора барон Ю.-О. Наукхоф (1788–1849). С. Шёберг с позиций левого социал-демократа, как мы уже упоминали выше, вероятно справедливо, обвиняет Карла Юхана в махинациях с деньгами, полученными при приобретении Швецией о-ва Гваделупы. Другой его соверменник, Л.-У. Лагерквист, доказывает, что Карл Юхан никогда не был многократным миллионером, как утверждал Наукхоф, а наоборот, всегда находился в затруднительном денежном положении. Карл Юхан не был и бедным человеком, но следует подчеркнуть, что его расходы всегда превышали доходы, и виной тому была не расточительность, а щедрость.

По прибытии в Швецию у него были большие расходы, а поступления из Франции прекратились. Супруга Дезире, навестившая Карла Юхана в Стокгольме в январе 1811 года, весной того же года опять уехала в Париж, где намеревалась жить постоянно. Из-за этого Карл Юхан не мог рассчитывать на продажу дома в Париже и получение хоть какой-нибудь суммы на текущие расходы. Имение Лягранж в конечном итоге перешло к брату Дезире, а доходы от княжества Понте-Корво шли в карман брата Жана Евангелиста. Денег не хватало даже на претворение в жизнь амбициозной программы изучения шведского языка — её пришлось отложить. Он успел выучить довольно много шведских слов, в частности, обозначавших титулы, чины и профессии людей, но говорить по-шведски никогда не мог, поэтому на всю свою королевскую жизнь стал зависеть от переводчиков. Впрочем, в первые годы пребывания в стране он не был до конца уверен, что Швеция станет его "конечной остановкой". Да и кто в таком почтенном возрасте стал бы учить иностранный язык?

Размещать капиталы в тогдашней Швеции в надежде на проценты было совершенно невыгодно: наилучшее, к примеру, вложение в земельную недвижимость давало всего 2,5 % прибыли в год, что, несмотря на достаточно большое число владений и крупные размеры земельных участков, не давало королю возможности покрыть даже расходы на пенсии и подарки государственным служащим. А ведь королю приходилось ещё спасать людей от банкротства, возмещать из собственных средств недостачи в кабинетной кассе и производить другие необходимые в его положении расходы.

Кроме ренты с земельных участков (как в Швеции, так и в Норвегии), другим важным источником доходов Карла Юхана

были драгоценности на сумму свыше 400 000 рикталеров, наличная сумма в размере 221 255 рикталеров, чудом доставшаяся ему от Густава IV Адольфа (сейф с деньгами свергнутого короля случайно оказался в спальне Карла Юхана!) и некоторое движимое имущество. Наличные деньги служили в первое время как гарантия на случай бегства из страны, но потом, когда положение короля стабилизировалось, они тоже пошли в ход. После смерти короля и окончательного расчёта со всеми долгами Оскару I и другим наследникам досталось наследство, оцениваемое в сумму чуть более 1 млн рикталеров. За пределами Швеции аккумулированные средства или принадлежали королеве Дезидерии, или употреблялись на выплату пенсий и пособий родственникам Бернадота во Франции.

Среди недвижимости Карла Юхана выдающееся место занимал порфирный завод в Эльвдалене. Добыча и обработка порфира — пурпуроносного минерала, употреблявшегося ещё древними египтянами, римлянами и византийцами для отделки дворцов и изготовления скульптур, саркофагов и предметов искусства, в Эльвдалене началась в 90-е годы XVIII столетия. Завод действовал вполне успешно, пока для шведов не наступили тяжёлые времена и не истощились средства. В 1817 году заводом заинтересовался Карл Юхан. Он сразу оценил перспективу использования эльвдаленского производства в интересах короны, например для изготовления королевских подарков, и послал на завод сотрудника Особенного бюро капитана Эрика Форселля. Капитан, действуя от имени "подставного лица", сделал владельцу завода предложение организовать акционерное общество, но получил отказ. Тогда король, частично раскрыв будущего владельца, приобрёл завод для принца Оскара, но все в Швеции знали, что настоящим его владельцем был он сам.

Последний заказ завод исполнял для самого Карла Юхана, но не для живого, а уже умершего: он делал саркофаг, который был готов лишь к 1856 году. После этого Оскар I завод продал. Отсюда, из Эльвдалена, в 1825 году в сад летнего дворца Русендален была доставлена и установлена огромная порфирная чаша — Русендальская ваза, которая стоит до сих пор целой и невредимой и радует глаз всех, кто туда приезжает.

Главным куратором личных финансов Карла Юхана было упомянутое выше Особенное бюро, преобразованное из его секретариата после 1818 года. К делам бюро часто привлекался риксмаршал граф Брахе, королевские адъютанты и другие "компетентные" лица, но руководил им, как мы уже упоминали, на первом этапе Л. де Кан. Даже после того как земляк утратил доверие Карла Юхана и был фактически отстранён от основных

дел бюро, де Кан ещё долго занимался выплатой пособий родственникам короля во Франции. Л.Кана сменил упоминавшийся ранее норвежец Юхан Хюбнер фон Хольст, прибывший в Швецию в 1809 году вместе с датским принцем Карлом Августом. Карл Юхан ему очень доверял и произвёл в 1817 году в генерал-майоры.

Король был вынужден поддерживать свой имидж не только в самой Швеции, но и за её пределами, для чего активно использовал своих послов в европейских столицах, главным образом, Густава Лёвенхьельма, шведского посла в Париже. Посты с помощью местных издателей печатали речи Карла Юхана, его воззвания и прокламации. *"Общественное мнение — королева мира, всегда помните об этом!"* — говорил король.

Он внимательно следил за тем, что печатают во Франции, и выписывал на Особенное бюро до 5–6 самых разных французских газет. Наполеон с острова Св. Елены начал кампанию по прославлению собственного имени и в основном за счёт своих соперников и бывших товарищей по оружию. Естественно, он не преминул лягнуть Бернадота, и Карл Юхан делал всё возможное, чтобы достойно парировать эти выпады в свой адрес.

К нему, как мы уже указывали выше, приезжали многие опальные французы, и, естественно, они, как могли, помогали ему в пропагандистских мероприятиях. В 1833 году Карл Юхан встретится с путешествующим по Скандинавии историком и филологом Антуаном Ампером (1800–1864), сыном великого физика, и в беседе с ним произнёс историческую фразу:

— Я единственный республиканец среди монархов Европы.

Карл Юхан собирался дать отпор всем своим недругам во Франции и усердно собирал автобиографический материал. Как и Наполеону на о-ве Св. Елены, создававшему мифы о себе во время бесед со своими придворными, Карлу Юхану было что оставить потомкам. Он не был лишён способности к мифотворчеству и желания распространять их, но воспользоваться собранным материалом он при жизни так и не успел.

Карл Юхан охотно занимался благотворительностью: отчасти потому, что народ от него это ждал, а отчасти по своей щедрости и склонности делать добро людям. При поездках по стране он в каждом городе оставлял по 100 и более рикстalеров в т. н. кассах для бедных. В Швеции и Норвегии часто происходили неурожаи и эпидемии голода, и король обязательно направлял туда свои личные средства, — правда, всегда с увещеванием использовать эти деньги с умом и целенаправленно, например, с советом закупить на них семена для будущего урожая. Если он узнавал, что в помощи нуждается отдельный человек, то и тут он не

оставался в стороне. Случался пожар — он помогал погорельцам. Деньги всегда брал из своих доходов и никогда — из апанажа. Все расходы на эти цели тщательно фиксировались Особенным бюро, а на досуге анализировались и изучались самим благотворителем. Горе было тому бухгалтеру, который сделал неправильный баланс или допустил в отчётах какую-нибудь ошибку!

Карл Юхан по собственному почину мог дать молодым людям, вступающим в брак, солидную сумму на обзаведение хозяйства, но когда его невестка Жозефина так увлеклась благотворительной деятельностью, что скоро могла полностью истощить все его средства, он мягко, но вполне определённо дал ей понять, что так дальше продолжаться не может и что раздавать деньги направо и налево нецелесообразно. Но сам король жил вопреки этим принципам и потому умер более бедным, чем когда прибыл в Швецию. Он вложил, к примеру, много денег в устройство музея в Русендале и создание монументальных колонн из порфира, но проект, к сожалению, завершён не был, ибо кончились средства, а потом умер сам благотворитель.

Не получив в юности систематического образования, Карл Юхан, тем не менее, восполнил потом некоторые пробелы в своих знаниях путём самообразования — вспомним хотя бы его учёбу в университете в период ганноверского губернаторства. Он прилично знал французскую историю, проявлял большой интерес к истории Швеции и вообще не был чужд культурной жизни в целом. Он оставил после себя солидную библиотеку (теперь это библиотека Бернадота в Стокгольмском королевском дворце и собрание книг в правительственной резиденции в Русендале), он мог наизусть читать Корнеля и с большим удовольствием погружался в изучение трудов Мольера, у него всегда были под рукой басни Лафонтена, произведения Вольтера, песни Оссиана и других античных скальдов." Из современных писателей он был неплохо знаком с В. Скоттом и с переводами поэмы шведского поэта Э.Тегнера ""Сага о Фритьофе". (Последний, ярый русофоб, невзлюбил Карла Юхана за его политику по отношению к России, но позже стал его самым восторженным почитателем.) В архиве Особенного бюро сохранилось несколько переводов тогдашних современных шведских поэтов на французский язык.

Несмотря на то что шведская академия была творением рук королей-густавианцев и гнездом их сторонников, Карл Юхан по отношению к ним повёл умную и осторожную политику и скоро стал покровителем и меценатом учёных. В 50-летний юбилей академии он распорядился выбить медаль в честь основателя академии — короля Густава III. Король не имел ничего против

эмансипации женщин и не возражал, чтобы академия в 1844 году присудила свою золотую медаль писательнице Фредерике Бремер. Норвежский скальд Хенрик Вергеланд (1808–1845), несмотря на то, что исповедовал республиканские взгляды, получил от Карла Юхана солидную денежную помощь.

Поскольку королевская опера постоянно нуждалась в средствах и государственных дотаций на её деятельность не хватало, Карл Юхан, начиная с 1818 года, постоянно добавлял в её кассу по 30 000 из собственной и по 25 000 талеров — из общественной казны. Не забывал король и о драматическом театре и способствовал постановке на его сцене произведений французских классиков Корнеля и Мольера. В своё время он видел и слышал знаменитого Франсуа-Жозефа Тальма, а потому со знанием дела мог консультировать талантливого шведского актёра Нильса Альмлёфа (1799–1875) о том, как следовало произносить монологи.

Как каждый энергичный и добросовестный монарх, Карл Юхан оставил свой след в строительстве и архитектуре. Большое внимание король уделял созданию скульптурных произведений, в частности он был инициатором создания серии памятников всем последним королям, носившим имя — "Карл": от Карла X до Карла XIII (и самого себя включительно). Впрочем, относительно себя он специально оговорился, что при жизни никаких памятников ему ставить не нужно. Его любимым скульптором стал Юхан Никлас Бюстрём (1783–1848), в 1838 году он довольно дорого приобрёл всю коллекцию скульптур мастера. Другой известный скульптор, Бенгт Эрланд Фогельстрём (1786–1854), стал автором нескольких скульптур и барельефов Карла Юхана, в частности статуи на коне с южной стороны Старого города перед Слюссеном, которая, по мнению историков, "соединила в себе галльскую элегантность с королевской властью".

Памятных медалей при короле Карле Юхане было выбито несметное количество. "Водил знакомство" король и с современными шведскими художниками. Самым большим архитектурным памятником Карлу Юхану был всё-таки королевский дворец в Осло. При нём же были заложены здания университета и стуртинга. В 1820 году он, вопреки мнению советников, разрешил студентам из Христиании носить форму, ибо "*форма — это средство для создания и поддержания хорошего духа… и способствует больше, чем многие думают, удержанию молодёжи в орбите своего долга*". Интересная мысль!

А стокгольмцы благодарны ему за создание любимого всеми последующими поколениями парка Юргорден. Карл Юхан в 1817 году купил участок земли, который превратился потом в

доступный для всех ухоженный парк отдыха с нетронутым куском сельскохозяйственной местности. Где, в какой только области, не оставил свой след этот неутомимый человек?

Он создал стиль в мебели, который называют теперь "карлюханским". Он установил в своём летнем дворце первую ванну в Швеции и положил начало новому обычаю мытья. Он обращал внимание на соблюдение личной гигиены и требовал того же от окружения. От великого до смешной мелочи — всё интересовало короля. В самом начале своей жизни в Швеции, осенью 1811 года, став по шведской традиции канцлером Уппсальского университета, он занялся строительством университетской библиотеки. Кроме 30 000 талеров из собственных средств, он подарил библиотеке бесценную коллекцию редких книг и рукописей, включая т. н. Нурдлинскую коллекцию. Кто в Швеции, да и за её пределами, теперь не знает Каролины Редививы?

Карл Юхан не был верующим человеком, но к своим обязанностям главы шведской церкви относился ответственно, а в последние годы соблюдал шведско-лютеранские заповеди и раз в год принимал причастие. Как-то в шутку он послал своему другу во Францию выпущенный церковью от его имени плакат с сопроводительной надписью: "с *приветом от скандинавского папы"*. Он хорошо понимал цементирующую роль церкви в современном ему обществе и пытался использовать её в борьбе с социальными болезнями, например пьянством. При нём настоятель Гетеборгского собора Петер Висельгрен (1800–1877) начал агитацию за стопроцентный трезвый образ жизни, в то время как его церковные коллеги часто призывали всего лишь к умеренности и устанавливали с амвона свои нормы ежедневного потребления водки.

Он не был мистиком, но в мае 1821 года неожиданно произнёс такую фразу: *"Я чувствую по себе, что Наполеон умер"*. Позже стало известно, что действительно 5 мая Наполеон скончался. *"Самый великий полководец со времён Юлия Цезаря", —* сказал он о нём. О споём бывшем сопернике Карл Юхан думал лучше, чем соперник о нём.

И наконец, может быть, самое важное наследие Карла XI V Юхана политика нейтралитета. Это он сформулировал принцип "нейтралитет в мирное и неучастие в альянсах в военное время", который и дожил до наших дней и в конечном итоге стал краеугольным камнем благосостояния Швеции.

"Народ должен знать, что содержание в военное время армии численностью в 60 000 человек за год обойдётся в 30 миллионов риксталеров, заявил Карл Юхан в 1838 году на заседании

правительства, комментируя воинственные настроения среди некоторых слоёв шведского дворянства. — *Весь наличный капитал банка в настоящее время составляет от 26 до 28 миллионов ассигнациями. Надеяться на иностранные субсидии нам не приходится… Вы, мои господа, можете теперь сами рассудить, имеет ли право шведская нация ставить на карту своё существование, требуя обратно Финляндии, тем более что Россия на нас не нападает… С моими прошлыми успехами на полях сражений… я не боюсь войны. Но если я буду вынужден воевать, то я хотел бы, чтобы война была справедливой и пошла на пользу скандинавскому полуострову…"*

Такую заботу о своих подданных вряд ли проявлял до Карла Юхана хоть один "чистокровный" шведский король. У них на переднем плане всегда были территориальные завоевания, а благосостояние шведов — чуть ли не на самом последнем месте. Шведы, пишет Лагерквист, должны быть благодарны судьбе, что вместо малоспособных датских принцев или приёмного сына Наполеона на шведский трон пришёл храбрый маршал Бернадот, который уверенной рукой вывел страну из внутреннего и внешнего кризиса и привел её на дорогу благополучия и уверенности в будущем.

Со временем Карл Юхан стал консерватором — так и должно быть с каждым человеком, достигшим определённого возраста, но он никогда не был реакционером. Много говорилось о взрывчатом нетерпеливом характере короля и его болезненной подозрительности. Причины этой подозрительности нам уже известны, да и так ли уж редко эта черта встречается у сильных мира сего?

Уже цитировавшийся нами статс-секретарь Ульфспарре приводит один интересный эпизод из биографии Карла Юхана. При докладе королю о финансовом положении на одном из объектов его собственности статс-секретарь подвергся несправедливой обструкции. Он попытался напомнить Его Величеству, что виновато во всём было принятое самим Королевским Величеством решение, но король и слушать не хотел и продолжал обвинять во всём исполнителей Особенного бюро. На следующий день Ульфспарре получил от короля приказ срочно явиться к нему в спальню, не надевая даже мундира.

"При входе я нашёл короля ещё в постели, — пишет Ульфспарре, — *рядом с ним сидел наследный принц, и больше никого в комнате не было. Король приказал мне взять стул и сесть рядом с наследным принцем, после чего он сказал, что вызвал меня в связи с эпизодом, произошедшим накануне. Он совершенно забыл о том, что сам принимал решение о деле и вспомнил об этом лишь*

после моего напоминания… Он продолжал: "Меня сделали подозрительным, и таким я останусь теперь навсегда. В моём возрасте не меняются. Но я прошу вас сделать всё возможное, чтобы мой сын не стал таким, как я. Вы не представляете, каким несчастным чувствуешь себя, когда… начинаешь не доверять кому-либо!" Слёзы выступили у короля на глазах, у нас с принцем тоже, и я никогда не забуду, как страдал 74-летний старец, и каким несчастным человеком он себя чувствовал. Он говорил в этом роде долго, и только когда нам с кронпринцем удалось перевести разговор на другую тему, он слегка взбодрился и стал крутить на голове ночной колпак — привычка, которой он следовал при всяком разговоре с посетителем, лёжа в постели".

Бывший республиканец к концу своих дней пытался править — во всяком случае, в Швеции — как неограниченный никакими конституциями монарх. Но Швеция при нём никогда не была полицейским государством. Ибо Карл XIV Юхан был просвещённым монархом. Король часто гневался на "выходки" шведских либералов и демократов и в узком кругу позволял себе о них довольно резкие выражения типа "расстрелять" или "посадить в тюрьму", но всё это нужно было "списывать" на его южный бурный темперамент. По словам королевы Дезидерии,"*пусть его говорит, что хочет, но всем известно, что он не способен убить даже кошку"*. Впрочем, к концу своего правления Карл Юхан стал идти на крупные уступки реформистам, и к 25-летнему юбилею пребывания на шведском троне его всенародную популярность отметили большими торжествами.

Конечно, ему не всё удалось, что он хотел сделать в Швеции, но то, что он успел совершить, впечатляет до сих пор. Чужеземец, иноверец стал отцом нации! Был ли он счастлив? Возможно. Например, в редкие минуты победы и единения со своими боевыми товарищами.

Или в 25-ю годовщину своей коронации 11 мая 1843 года, когда он и вся страна праздновали также его 80-летие. Тогда он несколько часов подряд сидел в седле, принимал парад на Ердете и купался в лучах той самой любви, которую он надеялся получить от благодарного народа Швеции. "Моя награда — любовь народа!" Отсутствие иллюзий и доброе сердце — вот что осталось в старости у бывшего революционного генерала.

В остальном это был человек долга. Люди в те времена о счастье не задумывались. В письме к супруге весной 1821 года он писал: "…мои за*нятия могли бы казаться неприятными, если бы не придавала моральной силы вера в то, что я принесу пользу народной массе, — вера, которая расширяет мой взгляд,*

вдохновляет мысль и укрепляет мужество…" И далее он пишет о том, что мужество, которое ему теперь требуется, — особого вида и ничего не имеет общего с тем мужеством, которое его не покидало на полях сражений: "*Этот вид мужества, который выше всех других… ибо он помогает нам выдерживать все жизненные невзгоды без всякой славы, без свидетелей…"* Мужество, равное терпению — вот что ему потребовалось на новой "работе" в Швеции.

Карл Юхан отнюдь не обладал железным здоровьем, но был крепко сложен. Когда он в 1838 году упал с лошади и сломал ключицу, то обследовавший его врач удивился его хорошо развитым мускулам и высказал предположение, что Карл Юхан доживёт до 100 лет. Врач ошибся. Король часто болел, продолжал страдать от кровохарканий, мучивших его со времён солдатской молодости. Проклятая Корсика! Она напоминала о себе до последних дней жизни. Он часто простужался и болел, у него была плохая циркуляция крови в ногах, его постоянно мучило сильное слюноотделение, а в 1835 году болезнь оказалась настолько серьёзной, что рассматривался вопрос о передаче власти кронпринцу Оскару. Но он достиг такого возраста, которого на шведском троне до него не достигал ни один король. В день своего 80-летия в январе 1843 года он был в полном здравии — как и в годовщину своей коронации в мае 1843 года, когда он верхом на коне, с гордо поднятой головой, принимал военный парад на плацу в Ердете.

К осени состояние его здоровье стало, однако, резко ухудшаться. В сентябре он упал в своём кабинете и повредил ногу. Возможно, у него был инфаркт, но сам он винил неправильно поставленную слугой ширму, о которую споткнулся. Но он не падал духом и, лёжа в постели, демонстрировал гибкость своего тела тем, что большим пальцем здоровой ноги доставал до подбородка! Через несколько недель он полностью восстановил свой рабочий режим, а 1 января 1844 года даже показался на традиционном балу, устраиваемом в королевском дворце для жителей столицы. Продолжались "камерные перекусоны" и бдения далеко за полночь.

Но 26 января случился новый припадок. Король успел дёрнуть ручку звонка, и к нему в спальню примчались слуги и врачи. Они обнаружили его без сознания и тяжело дышащим. На следующее утро врачи установили кровоизлияние в мозг, т. е. инсульт. С разрешения принца Оскара королю открыли вену, после которого наступило некоторое облегчение и частично вернулось сознание. (Сам же Карл Юхан считал этот способ лечения бесполезным и категорически запрещал практиковать его

на себе.) Однако через три дня состояние больного ухудшилось, у него поднялась температура, и он снова потерял сознание. В бреду он вспоминал эпизоды из французской революции и возвращался к своим бывшим товарищам. "Вы *все предатели! Вас нужно всех повесить!"* — хрипел он с трудом, а увидев сына Оскара, закричал: *"Оскар, нам надо защищаться!"*

29 января больной почувствовал некоторое облегчение, кошмары прекратились, и 30 января он был спокоен и в полном сознании. Он попросил побрить его, принести газеты с заграничными известиями и даже принял несколько посетителей. Всё это время с ним рядом, кроме жены, сына, невестки и внуков, находились лейб-медик Эрик Эдхольм (1777–1856) и граф Магнус Брахе.

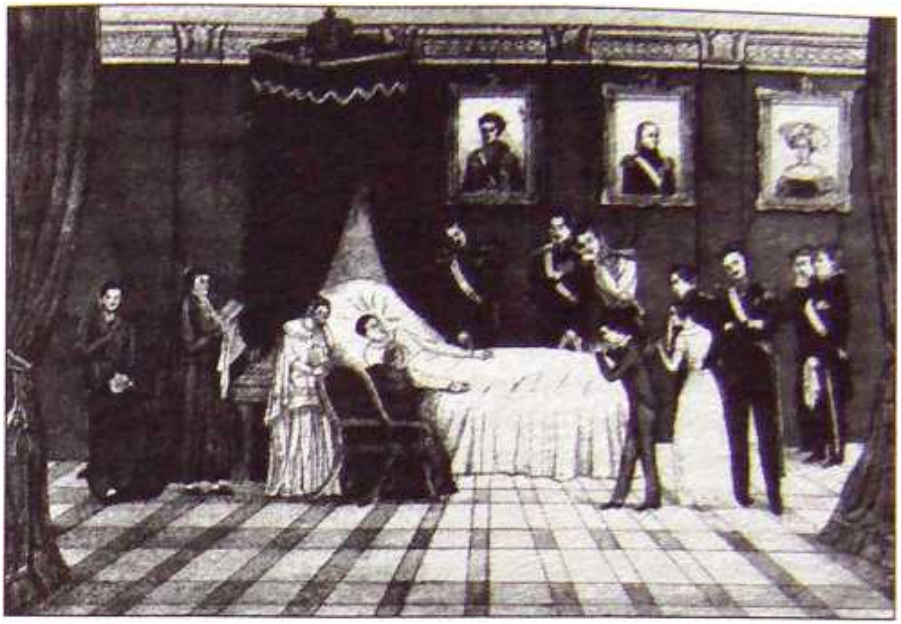
А потом Эдхольм констатировал закупорку вены в правой ноге и как следствие этого — подкравшуюся гангрену. У короля исчез сон, ему становилось всё хуже и хуже, временами он терял сознание. И так — до 5 марта, когда у короля наступило удушье и он уже больше *не* приходил в себя. С 1 февраля управление страной взял на себя кронпринц Оскар.

8 марта он последний раз пробормотал "Оскар" и в 15.30 мирно и тихо ушёл из жизни.

Во время своей смертельной болезни, в период сознания, он 11 февраля надиктовал свои последние слова к сыну, а потом лично сделал в тексте исправления. В таком виде его завещание дошло до наших дней:

"Я не стремлюсь умереть, но не боюсь смерти; я прожил восемьдесят лет, а природа берёт своё. Ни у кого не было такой карьеры, как у меня; пусть откроют все тома и фолианты, изданные со времён выхода мира из хаоса. Я правил народом, осознающим свои права, предки которых, спасаясь от римской тирании, нашли убежище здесь в Скандинавии, откуда они несколько столетий спустя вышли, чтобы заставить именно этих римлян дрожать от страха. Когда встал вопрос о выборе меня в кронпринцы Швеции, я уже принял решение удалиться и жить частной жизнью. Всем известно, что я не имел никакого отношения к процедуре выборов. Я даже говорил генералу Вреде, что не приму предложение. Но до меня дошло, что император, узнав о том, что в Париже появились какие-то шведы и предложили мне место наследника шведского трона, сказал маршалу Даву: "Князь Понте-Корво неосмотрителен, но посмотрим, он еще не достиг цели ". Это привело к тому, что я решил объявить во всеуслышанье, что приму предложение, если меня выберут. Наполеон сказал мне тогда при личной встрече: "Вы не будете счастливы, они требуют Бога " Он не мог допустить,

что другой смертный мог стать таким же великим человеком, как и он сам.



Карл XIV Юхан на смертном одре 8 марта 1844 г. Неизвестный художник

Возможно, мне следовало согласиться и стать его союзникам. Но когда он напал на страну, которая доверила свою судьбу в мои руки, то он нашёл во мне лишь противника. Все последующие события, потрясшие Европу и вернувшие ей независимость, известны. Известно также, какую роль я сыграл в них лично. Можно изучать историю со времён Одина до наших дней, а потом говорить мне, что Скандинавский полуостров не имел никакого значения в судьбе мира!"

Это был достойный ответ инсинуациям Наполеона, запущенным с острова Св. Елены, и другим недругам. Но даже и Наполеон не мог обвинить его в измене или предательстве, а всего лишь в неблагодарности. Параллели с богом Одином, асарами, готами, Римской империей — это было вполне в стиле и самого Наполеона, и Карла Юхана. А идеи скандинавизма уже носились в воздухе…

И — последнее:

Произведенное 12 марта вскрытие тела умершего подтвердило диагноз врача. Приступили к бальзамированию. Основу жидкости для этой процедуры составлял спирт — тот самый, который так при жизни ненавидел Карл Юхан. Согласно методу химика Ю.-Ю. Берцелиуса внутрь тела ввели мышьяк, а

кожу покрыли специальным защитным слоем. Придворный художник Ф.Вестин кисточкой нанёс на лицо краски и придал ему естественный вид.

Забальзамированное тело короля выставили в Дворцовой церкви, чтобы народ мог с ним попрощаться. Сверху на умершего смотрел щит Серафимовского ордена — Карл XIV Юхан был его мастером. Шведы не умели стоять в очереди, и в церкви возникла давка, жертвой которой стала одна женщина. Губернатор Стокгольма, вне себя от злости и возмущения, крикнул в толпу:

— Вы ведёте себя так похабно, что не заслуживаете того, чтобы вам показывали что-нибудь интересное!

Торжественные похороны состоялись в соборе Риддархольмсчюркан 26 апреля. В соответствии с традицией мастеру Серафимовского ордена колокола собора отдали печальную дань. Королевы, согласно шведской традиции, на похоронах не было. Руководил процессией уставший и охрипший риксмаршал граф Магнус Брахе. Памятную речь произнёс либеральный поэт Эрик Густав Гейер.

После похорон по улицам столицы разъезжал казначей и разбрасывал серебряные монеты. Эта старая шведская традиция потом больше никогда уже не повторялась.

Гроб с телом короля долго — до 1856 года — стоял в Густавианской усыпальнице без саркофага. Предки тех, кого он так опасался, потеснились и приютили на время "чужака" из Франции. Саркофаг изготовляли на Эльвдаленском порфирном заводе, но не из порфира, а из гранита. Его везли в Стокгольм в лютые морозы, и для далекарлийских грузчиков, доставивших изделие в Евле, это было тяжёлым испытанием. При транспортировке по суше на саркофаге сидел пьяный скрипач из Эльвдалена и непрестанно "пилил" марши. Чтобы не дать ему замёрзнуть, его снабдили в дорогу неограниченным количеством водки. От Евле до Стокгольма саркофаг плыл по морю.

Отдельный склеп для первого Бернадота был готов лишь к 1860 году.

Как раз в это время скончалась королева Дезидерия.

Супруги снова соединились — на сей раз расставание длилось шестнадцать лет.

Потеряв все заморские территории и вернувшись в начале XIX века к естественному ареалу своего проживания, шведы стали приобретать черты нации. У истоков формирования шведской нации стоял бывший французский маршал Бернадот и князь Понте-Корво.

Граф Шарль Анри де Морней, посол Франции в Стокгольме,

высказал такие слова об умершем:

"В горячем и раздражительном человеке, подозрительном и с чертами гасконца… мы одновременно обнаруживаем настоящее величие и великое мужество, удивительную интеллигентность и быстроту ума, гуманного, благородного, доброго до слабости, вспыльчивого в спорах, но умного и осторожного в действиях человека… В конечном итоге… народ, а не демагоги прессы, истинная, настоящая нация оплакивает его…"

Сами шведы говорили о своём короле примерно следующее: *"Он — наше дитя, мы его сделали, чтобы он нами правил, и мы гордимся этим".*

А.-Э. Имхоф указывает на противоречивость и биполярность натуры Карла XIV Юхана: активность, спонтанность, логика, скромность, вежливость, любезность легко уживались в нём с пассивностью, инертностью, тщеславием и недоверчивостью. Но ничто и никто — ни упрямый Наполеон, ни любой другой монарх Европы — не могли поколебать его принципы или вышибить из седла. Противоречивость, возможно, и способствовала возвышению его личности. Он не был гением, но был талантливым полководцем и организатором. Его единственное разочарование, возможно, заключалось в том, что не оправдывались его стратегические расчёты на создание единого монолитного государства на базе Швеции и присоединённой Норвегии.